

Виктория
КЛЕЙТОН

ОБЛАКА СРЕДИ ЗВЕЗД

Виктория
КЛЕЙТОН

ОБЛАКА
СРЕДИ ЗВЕЗД

мой
мир

мой
мир

ISBN 3-86605-017-8

9 783866 050174

–...Я с ума схожу от тебя. Неужели ты не понимаешь, как счастливы мы могли бы быть, если бы ты выбросила из головы эту дурацкую историю с Джорджией?

– Возможно, – сказала я, отстраняясь, чтобы понять выражение его глаз. – Но проблема в том, что я не могу избавиться от навязчивой мысли: ты, такой красивый, очаровательный мужчина и, очевидно, очень талантливый актер... ты еще... – я набрала побольше воздуха в легкие, – по всей видимости, убийца.

Макс замер...

– Это шутка? – Он рассмеялся, мгновенно взяв себя в руки. – Дорогая, ты никогда не была склонна к глупым шуткам.

Виктория
КЛЕЙТОН

Виктория
КЛЕЙТОН

ОБЛАКА
СРЕДИ ЗВЕЗД

МОСКВА

**МОИ
МИР**

2005

УДК 82/89
ББК 84(7США)
К48

Victoria Clayton
CLOUDS AMONG THE STARS

Перевод с английского
О. Казаковой, М. Кульневой

Оформление художника
О. Мальцева

Публикуется с разрешения автора
и ее литературных агентов
«Blake Fridmann Literary Agency»
и «Synopsis Literary Agency»

Клейтон В.

К48 Облака среди звезд: Роман / Пер. О. Казаковой,
М. Кульневой. – М.: Мой Мир ГмбХ & Ко. КГ,
2005. – 384 с.

ISBN 3-86605-017-8

Новый захватывающий детективный роман В. Клейтон рассказывает о любви и предательстве, о преданности и искренней дружбе. Известный актер, играющий в лондонском театре, арестован по подозрению в убийстве своего партнера по сцене. Хэрриет не верит в виновность отца и помогает полиции найти настоящего преступника.

УДК 82/89
ББК 84(7 США)

© Victoria Clayton Ltd, 2003
© «Мой Мир ГмбХ & Ко. КГ»,
издание на русском языке,
перевод, оформление, 2005

ISBN 3-86605-017-8

Глава 1

Первый день ноября, день, в который моего отца арестовали по обвинению в убийстве, с утра обещал быть безоблачным. Обычно к середине осени стены моей комнаты, находившейся наверху, покрывались пятнами от сырости, и старый обогреватель приходилось держать включенным всю ночь, чтобы хоть немного согреться. В тот замечательный день небо было подобно опаловому стеклу, сквозь которое пробивался слабый розоватый свет, а в воздухе разливалось какое-то умиротворяющее спокойствие. Меня переполняло предчувствие грядущих радостных перемен, поскольку я была молода, — мне едва исполнилось двадцать два года. К тому же я была влюблена, как мне тогда казалось, и мечтала стать знаменитым поэтом. И хотя я вряд ли могла бы вспомнить, кто объявил наш мир лучшим из всех возможных миров, но в тот день готова была поклясться, что это утверждение абсолютно справедливо.

За окном, что у моей постели, — пожелтевшая, но еще не облетевшая листва тополиных веток, казалось, отлитых из бронзы. Я начала придумывать первую строчку своего сочинения. «Бронзовые листья трепетали на ветвях как ярмарочные флажки...» «Флажки»? Может быть, лучше — как «развернутые знамена»? Поднявшись с постели, я облачилась в свой наряд демиурга, села за стол и стала затачивать карандаш, предаваясь раздумьям.

Обратившись за вдохновением к природе, я увидела, что Марк Антоний крадется за воробышком, и резко забарабани-

ла пальцами по стеклу. Птица упорхнула у охотника прямо из-под носа. Разглядывая рыжий мех недовольно мотавшего головой Марка Антония, я подумала вдруг, что, хотя и спасла только что маленькую пташку от неминуемой гибели, рано или поздно ее час все равно наступит. Но я всей душой ненавидела хищнические инстинкты и никогда не могла смириться с ними. Будучи совершенно поглощенной своими наблюдениями, я не заметила, как зацепилась рукавом за край стола и, резко дернувшись, порвала театральную робу.

Меня охватила досада за свою неловкость — это было мое любимое одеяние, которым я очень дорожила, сделанное из темно-синего шелка, с бархатной оторочкой янтарного цвета, усеянной серебряными и золотыми звездочками. Мой отец, Вальдо Бинг, надевал этот наряд, когда исполнял роль герцога Просперо, принесшую ему бешеный успех. Он получил тогда огромное количество писем и поздравлений с выражением горячего и трепетного восторга. Шум вокруг его имени не утихал еще долгое время, и отец с тех пор остался одним из самых знаменитых актеров в Лондоне. Но роль Просперо он получил в 1973 году, то есть пять лет назад, и нельзя было сказать, что с того момента ему еще раз так же повезло.

Трудно объяснить, в чем причина дальнейшего невезения, — внешне вроде бы не было никаких предпосылок, но все же я чувствовала, как с тех пор все в нашей жизни пошло вкривь и вкось. Экспериментальный театр будто бы был на подъеме, в нем собрались выдающиеся актеры, имелся довольно большой репертуар и хорошие сценические возможности. Возможно, отцу вскружил голову успех «Бури»? За довольно короткий период он получил несколько главных ролей, но все они казались ему недостаточно «гипнотическими» после шумного триумфа мага Просперо. Он так глубоко вошел в этот образ, что в другом амплуа себя уже просто не мыслил.

Я снова выглянула в окно и увидала Лавди, нашего садовника. Лавди был просто одержим страстью к небольшому наделу земли. Он ухаживал за лабиринтом, тщательно обрабатывая его, пока ловушки из зелени не заполнили почти всю территорию и позади дома. Начал он с тиса, затем привел в

порядок и кусты бирючины, слишком сильно и беспорядочно разросшейся, а затем перешел и к остальным деревьям, так что летом мы каждый раз просыпались под стук ножниц, которые он не выпускал из рук с рассвета до самой ночи.

Лавди создавал этот лабиринт, подчиняясь какому-то таинственному и непоколебимому убеждению в необходимости непрестанно сражаться с дьяволом. Он верил, что все трудности в его жизни возникают из-за постоянных происков сатаны, направленных против него лично.

— Хэрриет, — раздался голос Порции, дернувшей ручку двери, — чем ты занимаешься?

Я спрятала в ящик стола мою «Оду к Пульхерии», сбросила робу и, отперев дверь, забила в постель под одеяло.

В семье нас было семеро. Моя мама, звали ее Кларисса, тоже была актрисой и раньше играла в шекспировских спектаклях, причем с большим успехом, как в пятидесятые, так и в шестидесятые годы. Но к началу моего повествования она уже давно оставила сцену. Старшему и единственному моему брату Оберону, которого все звали Брон, исполнилось двадцать шесть лет. За ним по возрасту шла Офелия — ей было двадцать четыре, дальше я и Порция, а последней была двенадцатилетняя Корделия.

Порция вошла в комнату и внимательно посмотрела на меня, а затем также внимательно огляделась вокруг. Она была явно разочарована.

— Ты такая скрытная. Что ты здесь все время прячешься одна? Я уже начинаю подозревать, что у тебя есть какая-то неприличная тайна. Надеюсь, с тобой ничего страшного не случилось?

Мне было двадцать два, Порция младше меня всего на два года, но люди часто даже не догадывались, что мы сестры. В отличие от нее, самоуверенной и энергичной, я была застенчива и постоянно чувствовала себя крайне неловко. Я посмотрела на старое, отороченное бобровым мехом пальто матери, которое теперь досталось моей сестре. Под ним было надето длинное белое платье, подол которого был густо забрызган грязью. Яркая помада поблескивала на красивых полных губках Порции.

— Да нет, вроде пока ничего не произошло, — ответила я. — Куда это ты собралась? Ты спиришься в своем пальто.

— Будет дождь, и, возможно, похолодает. Лавди предупредил меня. Ну, в крайнем случае сниму его, если погода не испортится. Иду завтракать с одним восхитительным мужчиной.

При первом знакомстве все мужчины казались Порции восхитительными. Яглянула на часы:

— Что-то рановато для завтрака.

— Мне еще нужно взять кое-какие украшения у Мэнтон. — Мэнтон был костюмером в театре. — Не хочу, чтобы мой новый самодовольный буржуа думал, что я нуждаюсь в деньгах.

Она расстегнула молнию на высоких кожаных сапогах, сняла их и потерла руками ступни.

— О! Чертовы сапоги! Ну почему Офелии, а не мне достались такие изящные аристократические ножки? Это так несправедливо. — Она взглянула на меня из-под светло-золотистых волос с комическим недовольством.

— Тебе не на что жаловаться, ты в любой одежде эффектно выглядишь.

Три мои сестры и Брон унаследовали внешность матери — блестящие светлые волосы, большие голубые глаза и красиво очерченный рот, но признанной красавицей в семье считалась Офелия — у нее был мамин прямой нос, однако я не сомневалась, что нашлось бы немало людей, которые предпочли бы дисгармоничные, но живые черты Порции холодному совершенству Офелии. Второй красавицей обещала стать Корделия. А вот со мной дело обстояло хуже. У меня были темные волосы и темные глаза отца и такая же, как у него, худощавая фигура. На фоне моих роскошных сестер я выглядела совершенно непривлекательной, что, надо признаться, сильно меня угнетало.

— Спасибо за комплимент, но я так не считаю. — Порция достала лиловый индийский шарф из кармана пальто и повязала его на голову. Наверное, на другой женщине он выглядел бы безвкусным и смешным, но не на Порции. Глядя на нее, можно было только завидовать. — В конце концов, неважно, как я одета. А тебе просто надо получше следить за собой; почему ты все время носишь только черное? Потому что это нравится твоему ужасному Доджу? Кстати, я из-за него и пришла. Он просит тебя к телефону.

Додж был моим другом и любовником весь последний год. Он никому не нравился, и именно поэтому вызывал у меня горячую симпатию. Нелегко было найти хоть какой-нибудь способ самоутвердиться в такой семье, как моя, где все считали себя неотразимыми и были полны гордыни и самомнения.

— Могла бы сразу сказать! Он же звонит с пожарной станции.

— Разве могла я предположить, что он снизойдет до того, чтобы пользоваться буржуазными средствами связи! — крикнула она мне вслед, когда я кинулась вниз по лестнице. — Думаю, это надо золотыми буквами записать и объявить как обклонении от его идеологической линии.

Несколькими месяцами ранее я привела Доджа домой поужинать с моими родными. Мы познакомились с ним в очереди на автобусной остановке. Но тот семейный ужин оказался не слишком удачным. Я ожидала иного — ведь люди такого плана, как мои родители и Додж, обычно хорошо относятся друг к другу. И они, и он являлись приверженцами сумасбродного, богемного образа жизни. Мой отец к тому же был великолепным рассказчиком, а матушке обычно удавалось влюбить в себя каждого приходившего в наш дом молодого человека.

Клермонт Лодж, где все мы жили, был весьма обширным, дорогим и красивым особняком для маленького пригорода. Дом окружал парк, а интерьер был подобран в стиле одновременно и театрально-вычурном, и аристократически-претенциозном, что вызывало воспоминания о замке Спящей Красавицы, погруженном в сказочное забвение на целые столетия. Он был набит старыми, потемневшими картинами, мебелью с бархатной обивкой, обломками мраморных статуй, серебряными фигурками, почерневшими от времени, и изящной фарфоровой посудой. Многие вещи достались нам из театрального реквизита и являлись настоящими раритетами. Лавди, со свойственной ему заботливостью, постоянно пытался реставрировать те из них, которые почти рассыпались. Мама же в некоторой степени обладала даром искусного декоратора, но явно тяготела к драматическому стилю. В тот вечер, когда пришел Додж, она поставила в углу гости-

ной арфу с увитыми плющом струнами и стул с деревянными башенками коринфского Капитолия, на который водрузила часы без стрелок, корону, некогда венчавшую голову Генриха IV, и чучело куропатки.

Свою композицию мама назвала громким словом Бренность, и поставила над ней горящую старую свечу. Композиция призвана была символизировать хрупкость и тленность человеческого бытия, стремящегося к упадку и разрушению.

Додж окинул это выдающееся творение дизайнерской мысли холодным взором, а когда мама пригласила его присесть с ней рядом на диван, заявил, что предпочитает посто-
ять. Всем налили шампанское, но Додж потребовал пива, так что мне пришлось разорить запасы Лавди. За столом отец взялся развлекать нас рассказами о своих приключениях на Борнео, куда ездил со спектаклем «Зимняя сказка».

Тема для беседы иссякла, и тогда мама опрометчиво попросила Доджа поделиться с присутствующими его политическими взглядами. Он сердито посмотрел в свою тарелку и отказался говорить о чем-либо. После его ухода мама громко зевнула, прикрывая рот рукой и демонстрируя, сколь скучным ей показался гость.

Отец тут же нашел, что заметить по этому поводу:

— Ну и вкус у тебя, Хэрриет, он способен уморить нас смерть даже блох Марка Антония.

У Доджа были короткие черные волосы, торчавшие во все стороны. Взгляд его серых глаз, как правило, не выражал ничего, кроме презрения. Но именно это равнодушное отношение ко всему, что его окружало, так взволновало меня при первом знакомстве: в нем не было ни тени того, что было мне ненавистно в людях, — склонности угождать и пресмыкаться. Вот почему я так влюбилась в него. Меня даже не отталкивало то, что и меня он обнимал все с тем же холодным пренебрежением.

Додж был анархистом. Он хотел перевернуть мир вверх дном и решил начать с меня. В его замечаниях по поводу погоды скрывались провокационные выпады против моей не-
исправимой классовой принадлежности. Он постоянно читал мне лекции о том, что я сама, по собственной слабости,

сдалась и позволила обществу задавить созидательную силу моего духа.

Жил он на пустынном берегу реки в Делфорде, в старом матросском бараке. По углам там были кучей свалены морские снасти, а посередине стояла постель Доджа, сооруженная из обломков лодок. Матрасом служили мешки. Кроме этого ложа Додж владел еще самодельной книжной полкой, набитой исключительно анархической литературой. Жилище было сырым, убогим и донельзя некомфортабельным, но тем не менее неотразимо привлекательным.

Но когда мы с ним занимались любовью, он становился совсем другим, не таким, каким держал себя на публике. Без своих черных шерстяных свитеров, жилетов и джинсов он превращался в обычного влюбленного человека, и кожа у него была теплой и белой, а руки — нежными, так что роман наш протекал очень бурно. Додж был весьма темпераментным любовником, не стеснявшимся в проявлении чувств, он рычал как зверь, а я визжала от восторга каждый раз, когда мы достигали кульминации. Я любила лежать с ним рядом, держа в руках его голову, когда он спал безмятежным младенческим сном, тогда на лице его блуждала умиротворяющая, едва заметная улыбка, и оно становилось по-детски обаятельным.

Спустившись вниз по лестнице, я взяла трубку.

— Привет, Екатерина... — Додж терпеть не мог моего настоящего имени, считая его чересчур изысканным и выражающим дух классового снобизма. Он был апологетом идей знаменитого анархиста князя Кропоткина и с большой симпатией относился к русским, тем более к коммунистам.

— Мы встречаемся. Сегодня. На Никольской. В двенадцать. Приходи.

В трубке раздались гудки. Додж, общаясь со мной по телефону, всегда был крайне немногословен. Местом нашей встречи являлась Никольская — кодовое название адреса 14А Аулстоун-роуд, Клакенуэлл, где находился главный штаб КПРТД — Комитета поддержки революционного и террористического движения.

Предпочитая есть быстро и быстро готовить завтрак, я любила кухню больше, чем столовую. Это было просторное помещение удлинённой формы, с окнами с обеих сторон, и в нем всегда было тепло благодаря бойлеру.

Когда я вошла, Мария-Альба, жарившая ветчину с грибами, мельком взглянула на меня. Она была нашим поваром и домработницей в одном лице, но для меня — гораздо больше, чем прислуга. Я засыпала на ее груди. Роды моей матери были тяжелыми, и она долго болела после моего появления на свет. Если Брон и Офелия были очень хорошенькими, то я оказалась крупным и неуклюжим ребенком и в каком-то смысле разочаровала маму. Мария-Альба была вспыльчивой и недоверчивой женщиной, но я никогда не сомневалась, что в глубине души она меня очень любит. С самых первых дней, с первых шагов в этом мире мое доверие всецело было отдано ей.

Хотя она и занимала место прислуги в нашем доме, но с ней никто не обращался как с обычной домработницей. Мои родители, люди интеллектуальные и свободные, не допускали скверного отношения к человеку, основанного на классовых предрассудках. И если она желала, то всегда могла сесть с нами за стол. Но обычно она предпочитала обедать в одиночестве на кухне или в своей комнате с яркими цветными занавесочками и креслом, покрытым кружевной накидкой.

Мария-Альба была ревностной католичкой, но ее приверженность католицизму ничуть не походила на ту, что свойственна молоденьким няням и гувернанткам из монастырских школ. Святые были ее друзьями, добродушными или капризными, но повинующимися требованиям ее внезапно менявшегося настроения. Вера стала ее второй натурой, и с Богом, и его приближенными она общалась как с добрыми знакомыми, периодически порицая их за ошибки, а няни из монастырей, присматривавшие за нами, всегда были тихими и умиротворенными молитвенным созерцанием особами. Их святые нам казались неприятными надсмотрщиками и занудами, а их религия — системой отношений, построенной на методе наград и наказаний.

Возможно, причина несходства в мироощущении была связана с разницей в климатических условиях. Детство Ма-

рии-Альбы прошло среди солнечных холмов полуострова Калабрия, где росли коричные деревья и бушевали морские волны. Ее мать была проституткой и умерла от сифилиса. Вероятно, именно поэтому Мария-Альба с таким отвращением относилась к сексу и мужчинам вообще. Однако об этом она никогда не говорила с нами.

Готовить она обожала и делала это просто прекрасно. И ничуть не меньше, чем готовить, она любила хорошо поесть.

Она была верна нам и очень к нам привязана, наверное, и потому, что мы с сочувствием относились к ее болезни, с годами только усиливавшейся. Мария-Альба страдала агорафобией. Однажды мы отправились с ней в магазин тканей, где по всему периметру зала были расставлены большие, сверкающие зеркала, пахло свежестью и тонкими духами. Но когда я посмотрела на Марию-Альбу, то увидела, что она закрывает глаза и прячется за стоявшим в кадке мандариновым деревом. Уже в такси я спросила, что ее так испугало, и она ответила: на нее смотрело слишком много людей и она боялась, что они ее сплязят.

— Будешь яичницу? — предложила она мне, указывая на сковородку лопаточкой.

— Нет, не хочу, — отозвалась я.

— Ты похудела. *Troppo frequentar* (Слишком много проводишь времени) с этим русским.

Вообще-то я несколько раз говорила ей, что Додж родился и вырос в Пиннере. Следуя правилам конспирации, я остерегалась проговориться, что его настоящее имя — Нэйджел Артур Уоттлз. С моей точки зрения, лучше перестраховаться, чем сболтнуть лишнее. Но Мария-Альба твердо верила, что все анархисты — выходцы из Советского Союза и представляют собой опасную разновидность политических негодяев, склоняющих к разврату порядочных женщин.

— Это кажется, — откликнулась я, — просто в черном выглядишь стройнее.

— *E troppo lugubre* (И слишком мрачной, траурной)... — Мария-Альба предпочитала одежду оранжевого, красного и желтого цветов, которую нелегко было отыскать в магазинах в эпоху расцвета культуры панков и моды на пастельные тона для дам старше тридцати.

— Зато он солидарен с рабочими текстильных фабрик, которые, как рабы, трудятся целыми днями, производя роскошную одежду для богатых бездельников, а сами вынуждены ходить в лохмотьях.

— Sciocchezze! (Чушь!) — Она поставила передо мной полную тарелку и нахмурилась. — Ты занимаешься дурными делами с этим русским.

— Прошу тебя, мне уже двадцать два года. Я совершеннолетняя.

— Ну а в таком случае ты совершаешь преступление! — Мария-Альба посмотрела на меня с чувством превосходства. — Он сделает тебе ребенка, certo, e poi un scandalo! (Уверена, это кончится скандалом!)

— Почему же скандалом? По-моему, общеизвестно, что у людей из семей актеров дети всегда рождаются вне брака. Папа мне сказал, чтобы я вообще на это не обращала внимания. Может, только маме такое событие и показалось бы вульгарным.

Глаза Марии-Альбы расширились от негодования:

— E il bambino? (Ребенок от него?) Подумай только, он родится без роду без племени, да еще его бабушка всегда будет презирать его! Ah, povero bebe! (Ох, несчастный малыш!)

— Хэрриет! Ты что, собралась завести ребенка? — воскликнула Корделия, входя на кухню. — О, чудесно! Я всегда мечтала стать тетей! Так и думала, что племянника родишь ты. Невозможно представить, чтобы Офелия перепихнулась с этим придурком Креспеном. Ух! — Она вздрогнула от отвращения. — Я бы вместо него предпочла бы спать с бревном! — И прежде чем я успела что-либо возразить, она бегом кинулась вверх по лестнице

— Senta (ты только погляди), в голове у Корделии macchiata (черт знает что). Я скажу отцу Элвину, чтобы поговорил с ней. Не дело, что она так распустилась.

— Думаю, о сексе Корделия знает гораздо больше, чем ты полагаешь, — заметила я Марии-Альбе.

— О Хэрриет! — Корделия уже успела вернуться к нам и теперь смотрела на меня поблескивавшими от слез голубыми глазами. — Но ведь это не опасно? В одном фильме, который я видела, женщина так ужасно кричала во время родов, что

чуть не умерла. Я представить себе не могу, как можно такое вынести. С тобой ведь так не будет, правда? — Она вдруг обхватила меня руками и зарыдала.

— Что тут случилось? — раздался голос Брона, появившегося на кухне следом за ней.

— У Хэрри-ие-тт бу-уудет ребенок... — прорыдала Корделия.

— Ребенок?! — переспросила Офелия, присоединившаяся к нашей компании. Она высоко задрала безупречный нос, всем видом выражая возмущение. — Хэрриет, дорогая, это просто отвратительно. Я терпеть не могу детей в доме, эти запахи присыпки и молока, вечные болезни и вопли. Ты испортила мне настроение. Я даже есть теперь не смогу.

Она с достоинством повернулась и стала подниматься по лестнице.

— Это что, правда? — Брон уже покончил с ветчиной и принялся за грибы. — Какой идиотизм! Ты испортишь себе фигуру раз и навсегда. И станешь совсем дурой.

— Нет, неправда, — призналась я.

— Я даже не знаю, рада я или нет... — всхлипнула Корделия и, довольная, вытерла нос моей салфеткой. — Но шутка была забавная.

Глава 2

Аулстоун-роуд отнюдь не принадлежала к числу респектабельных улиц Клакенуэлла, а дом номер 14А выглядел среди других ее зданий самым ветхим и заброшенным. После условного стука — два удара — пауза — и снова три громких удара — я, стараясь не дышать, замерла перед облупившейся крашеной дверью около площадки, служившей местным писсуаром.

Наконец мне открыли, пахнуло густым табачным дымом. В нем можно было уловить и запах марихуаны.

— Пароль! — требовательно произнес женский голос.

— О, сейчас, минуту... Погодите, я совсем забыла... Кажется... «Парижская коммуна».

— Это старый, с прошлой недели... — Я услышала скрип задвижки. В полумраке прихожей блеснули живые глаза Елены, которую обычно все называли Елл. — Неужели так трудно запомнить новый пароль?

— Извини, — скромно произнесла я. Когда придет время восстания, подумала вдруг я, Елл не замедлит обличить меня как шпионку, принадлежащую к аристократическому сословию, хотя самым Доджем на прошлое Рождество мне была подарена книга князя Кропоткина «Борьба за хлеб». Но, увы, к стыду своему, я так и не продвинулась в ее изучении дальше второй главы.

Обходя хлипкие стопки памфлетов и газет, наваленные прямо на полу, на нижних ступенях, и задыхаясь от запаха винного перегара, наполнившего помещение, я проследовала за Елл в штаб-квартиру КПРТД. Додж, сидя на столе в окружении прилежно внимавших ему неофитов, кивнул мне в знак приветствия и продолжил яростную атаку на марксистскую теорию разделения труда. Все его аргументы я уже слышала не один раз и, нимало ими не интересуясь, отправилась на кухню выпить чаю.

— Ты думаешь, что нужно держаться подальше от плиты и быть шлюхой в постели, чтобы понравиться мужчине? — бросила мне Елл, войдя на кухню. Она была единственным человеком КПРТД, умевшим сносно готовить, и на самом деле более хозяйственной женщиной, чем я.

Я жадно посмотрела на румяный, аппетитно пахнувший пирог.

— Прости, я не поняла... — нарочито рассеянно откликнулась я, оставляя себе время на раздумье. Елл всегда действовала мне на нервы. Она молчала и скребла ногтем застывшую каплю желтка на эмалевом покрытии плиты.

— Что, скажешь, ты не презираешь мелкую работу? Этим ты и предаешь нас.

— По-моему, в мытье посуды нет никакой политической подоплеки, — возразила я довольно миролюбивым тоном.

— Политическая подоплека есть во всем... Ты хочешь, чтобы Додж отказался от своих принципов, тогда бы ты за него взялась и вертела бы им как тебе вздумается. Хочешь заставить его жениться, чтобы он тоже работал за нищенскую зарплату.

Я молча смотрела на Елл. Она была далеко не красавица. Бледная и тощая, а веки у нее всегда красные и опухшие. Ссориться с ней мне совсем не хотелось, и я сделала попытку разубедить ее:

— Мне кажется, он вовсе не думает о женитьбе. Я отлично знаю, как важно для него его дело и как он ему предан.

Елл свернула самокрутку и, закурив, выдохнула дым прямо мне в лицо.

— Ты просто сучка! — бросила она мне и, повернувшись, ушла с кухни.

— Неужели ты не можешь с ней не ссориться? Или все женщины таковы? — спросил Додж, когда мы шли пешком к месту демонстрации. — Я сейчас должен идти вместе со всеми нашими товарищами из комитета, и мне просто не до этого.

Прохожие глазели на нас с любопытством, пока мы шли к площади Парламента. Но лица не выглядели дружелюбными.

— Честное слово, я пыталась с ней помириться, но некоторые люди вообще неспособны вести себя корректно. Я даже не могу понять, за что это она меня возненавидела.

— Ты тут ни при чем, только твое долбаное упрямство. — Додж посмотрел на меня с тем строгим осуждением в глазах, к которому я уже успела привыкнуть и на которое не обращала внимания. — Она просто в меня влюблена — и все.

Когда мы пришли на площадь, Додж взобрался на большой деревянный ящик, специально принесенный Хэнком и Отто, нашими верными сподвижниками, и начал свою речь.

Каждый раз, глядя на него во время выступлений, я приходила в восхищение. Он был неотразим, когда загорался яростным, неукротимым гневом и словно бы парил над слушателями на невидимых крыльях, указывая им путь к освобождению. Но как только запал его иссякал, руки опускались, а голова уныло склонялась на грудь, он впадал в глубочайшую апатию и становился совершенно равнодушен к происходящему вокруг. Непререкаемым лидером он казался только на расстоянии. По сути своей Додж был человеком последовательным и порядочным: проповедуя отказ от гедонистического и потребительского отношения к жизни, он сам ел очень мало и жил весьма аскетично. К тому же, как ни пошло об

этом думать в такие минуты, издалека угри на его подбородке были почти незаметны.

— Порядок — это рабство, — начал он. — Рабство сознания. Порядок побуждает людей убивать друг друга на войне, это — источник классовой ненависти, разъединяющей трудящихся. Порядок принуждает тысячи рабочих отдавать все свое время и силы ради того, чтобы богачи, которые не делают ничего, продолжали набивать свои карманы...

— Ура! — закричала я со всеми вместе в ответ на революционные призывы Доджа.

Толпа волновалась, и среди собиравшихся я заметила не слишком дружелюбно настроенных полицейских. Внезапно меня обуял страх, какой обычно чувствует ребенок, вдруг осознав, что решился на рискованную выходку и что его ждет неминуемое наказание. Как раз в этот момент я услышала голос продавца газет:

— Читайте свежие новости! Знаменитый актер арестован за убийство! Читайте свежие новости!

— Здесь, прямо перед вами, вы можете увидеть доказательство справедливости моих слов, — продолжал Додж, снова входя в раж. Он указал на пожилую даму в соломенной шляпке, с тростью и корзинкой, стоявшую впереди меня, и она вытянула вперед свою морщинистую шею, уставившись на Доджа. — Вот мать, которая может поведать нам правду о гнете капитализма. Сколько раз вам приходилось укладывать своих детей спать голодными? А сколько ночей вы корпели над работой, за которую вам платили жалкие гроши?..

— Позор! — закричал кто-то из наших сподвижников.

Пожилая дама оглянулась вокруг, что-то прошамкав беззубым ртом и явно наслаждаясь всеобщим вниманием.

— Сколько раз вам приходилось замерзать от холода, потому что уголь, который с таким трудом добывают шахтеры, нередко погибающие от отравления газом, поставляется на фабрики и заводы — ради увеличения прибыли их собственников?

— Возмутительно! — подхватили собравшиеся. Дама взмахнула палкой и тоже принялась громко кричать.

— Сколько раз вам приходилось оставаться голодной, отдавая пищу своему мужу, который возвращался с работы, едва держась на ногах от усталости?

Люди сочувственно зашептались, но как раз в это время старушка, ставшая для всех символом общей беды и царящей в обществе несправедливости, вдруг завопила:

— Мой муж, проклятый пьяница, ни одного дня в жизни честно не работал! Слава Богу, что он наконец сбежал с какой-то потаскухой.

— Так и плюньте на него, раз он такой, — раздался голос где-то совсем рядом.

Додж открыл было рот, собираясь вмешаться, но в этот момент плакат, который я до сих пор упрямо держала, выскользнул из рук и рухнул прямо на старую леди. От удара соломенная шляпка слетела с ее головы и покатилась по мостовой, а сама ее обладательница так и села на тротуар, выронив корзинку.

— Остановитесь! — вмешался случайный прохожий. — Вы не имеете право применять насилие только из-за того, что она с вами не согласна.

Додж прыгнул с трибуны и вместе с полицейским помог даме подняться. Но, едва встав на ноги, она принялась ожесточенно колотить их обеих палкой. Надо сказать, для своего возраста дама оказалась весьма сильной и энергичной. В смятении я уронила и второй плакат, сбив каску с полицейского. Тот отчаянно выругался и засвистел.

Все, что произошло дальше, было просто ужасно. Между анархистами и присутствовавшими на митинге зеваками завязалась драка. Потом раздалось выстрелы и взрывы, а уж после этого началась настоящая свалка. Люди швыряли друг в друга чем попало — от ботинок до деревянных ящиков, какой-то сумасшедший престарелый толстяк толкнул меня с такой силой, что я упала на колени. Едва успела подняться, как пожилая дама, выхватив из своей корзины яйцо, метнула его в меня, но, к счастью, попала она в бровь, чудом не выбив мне глаз. На какое-то мгновение между двумя воюющими сторонами появился просвет, мне удалось проскочить в него, и я бегом покинула поле боя.

Пробежав не менее мили, остановилась, почувствовав, что

не могу больше двигаться от усталости, и рухнула на ступеньку у какой-то двери.

У подъезда остановился автомобиль, и из него вышла светловолосая дама с надменным лицом. Она посмотрела на меня с явным неудовольствием.

— Здесь вам не скамейка для отдыха! Я вызову консьержа, если вы сейчас же не уберетесь.

Я поднялась и кое-как побрела в сторону площади Парламента, не сразу заметив, что еще во время стычки сильно повредила ногу, и теперь при ходьбе кровь снова стала сочиться, а на джинсах уже расплылось большое пятно.

— Актер обвинен в убийстве! — крикнул торговец газетами, стоявший рядом с киоском на углу улицы. Тут я вдруг решила, что такая новость, наверное, заинтересует моих родителей, которые знали по именам актеров почти всех лондонских театров. Но, взглянув на площадь, совершенно позабыла о газетах.

Побоище кончилось. Несколько человек все еще толкались там, громко обсуждая случившееся, но ни Елл, ни Доджа, ни других членов КПРТД среди них не было. Я заметила только полицейскую машину, нырнувшую в поток машин центральной магистрали.

Уже к вечеру я добралась до Никольской, показавшейся мне в осеннем сумеречном свете особенно негостеприимной и мрачной. Я даже хотела поскорее убраться оттуда, но вдруг издалека увидела Отто и Хэнка. Поскольку мне было совестно перед ними за свое недостойное бегство, я собралась с духом, готовясь выслушать от них заслуженное порицание.

— Эй! Гляди, кто пришел! — закричал Хэнк, увидав меня. — Ты просто класс, Хэрриет! Ха! Здорово ты шарахнула копа! Вот никогда бы не поверил! Я всегда думал, что ты просто буржуазная девица с предрассудками!

Я нерешительно улыбнулась в ответ на это неожиданное приветствие.

— Заходи, сестра, мы за тебя выпьем. Мы сегодня хорошо поработали. А старушка-то тоже не промах! Ей, правда, досталось от Хэрриет! — Он разлил в кружки остывший пунш.

Все выпили за мое здоровье теплого пива и вновь восхитились моей смелостью. Сначала мы доели пирог Елл, затем

Хэнк принес чипсы и рыбные консервы, и пиршество затянулось на весь вечер. Я, правда, не чувствовала особой радости по поводу произошедшего, но то, что ко мне наконец стали относиться с большим доверием, чем прежде, было по душе. Вообще-то мною еще никто никогда не восторгался, и поэтому я, волей-неволей оказавшись в центре внимания, почувствовала удовольствие от сознания собственной значимости.

Домой я вернулась в половине седьмого и выглядела просто ужасно, словно подверглась разбойному нападению какого-нибудь уличного злодея. Волосы перепачканы, лицо в крови и царапинах, на подбородке — синяк. Мой большой палец с неизвлеченной до сих пор занозой ныл все сильнее, а разорванные джинсы были забрызганы грязью.

— Ehilà! (Ну и ну), Хэрриет! C'e da impazzire! (Да ты с ума сошла!) — воскликнула Мария-Альба, появившись в прихожей. Глаза у нее расширились от изумления. — У Клариссы мигрень, Офелия заперлась в комнате и никому не открывает. Брон укатил в «Зеленый дракон». Только Порция еще держится. Non so più che fare! (Уж не знаю, что делать!)

— Хэрриет! — ко мне вдруг кинулась Корделия. — Я отравлюсь! Лучше умереть, чем стерпеть то, что с нами случилось!.. — Она замолчала, и пауза показалась мне необычно долгой.

— Что такое? Что стряслось? — Я несколько не испугалась, зная, что драматические сцены в нашей семье — обычное, почти профессиональное дело. Я была готова услышать от Марии-Альбы, что сломался бойлер или что Корделия получила самый низкий бал по-латыни.

— Waldo sarà impliccato per omicidio. (Вальдо подозревают в убийстве.) Твоего отца могут повесить! За убийство! — Она вдруг опустилась на пол и схватилась руками за голову.

Корделия вскрикнула и упала в обморок.

Глава 3

Мы уложили Корделию на позолоченную танкетку из черного дерева, появившуюся у нас в доме после постановки «Антония и Клеопатры».

Мария-Альба быстро выдрала несколько перьев из старого боа, висевшего на шее Анубиса, и, подпалив их спичкой, сунула по нос Корделии. Та мгновенно пришла в себя, почувствовав отвратительный горелый запах, и посмотрела на меня с выражением трагического отчаяния.

— Не целуй меня на прощание, дорогая сестренка, иначе ты отравишься ядом, что остался на моих губах. Я люблю всех моих близких, но тебя — сильнее всех. Вчера Порция, эта свинья, не разрешила мне надеть ее мохеровую кофту!

— Прекрати паясничать и ответь мне серьезно. Ты проглотила какую-нибудь микстуру или снотворное?

— Я... я... не помню... — Корделия прижала руку ко лбу и закрыла глаза.

— *C'e bisogno di emetico.* (Нужно дать выпить раствор.) Соль и воду, — мрачно заметила Мария-Альба, — пойду приготовлю.

— Ты зря потратишь время, я ничего не буду пить. — Корделия села на кровати и посмотрела на нас, вскинув голову. — Я ненавижу этот дом! И чем мое спасение может помочь дорогому папе, который теперь в тюрьме и которого повесят?

— Повесят... — автоматически повторила я, чувствуя, что это слово отдается в моей голове как звон похоронного колокола.

Корделия не сводила с меня глаз.

— Ты способна сохранять душевное равновесие даже на эшафоте, Хэрриет.

— Да, наверное. Так оно и должно быть... Но ведь в нашей стране давно уже отменили казнь через повешение.

— Да ну? Не может быть! Я видела фильм, в котором героя должны были повесить! Да, точно, его должны были повесить, а священник просил его, чтобы он показал людям, как боится смерти, тогда бы они задумались над своими грехами и обратились к праведной жизни. И это было так ужасно, когда он начал плакать и просить о пощаде... Я не хочу умирать. Это просто кошмар, но ведь мы так и не узнали, вправду ли он боялся или только притворялся.

— Это только фильм, — отозвалась я, плохо слыша свой голос, словно уши у меня были заложены ватой. — Виселица запрещена законом.

— Законом? Фи! — раздался рядом голос мамы. Мы глядели на нее в полной растерянности. Она стояла на лестнице, одетая во все черное. — «Вы сами некогда прочтете тот закон, что горечью прописан в книге всех проклятий».

— «Король Лир», — отозвалась Корделия.

— «Отелло», — произнесла я почти одновременно с сестрой.

Мы давно уже привыкли к тому, что наши родители постоянно цитировали Шекспира, все пьесы и трагедии которого знали наизусть. Само собой разумеется, мы должны были тут же угадать название произведения. Из протеста против этой родительской тирании мы придумали свой способ защиты: каждый из нас взялся хорошо изучить ту пьесу, из которой взято его имя, так что вскоре мы все могли сразу же откликнуться на вызов, брошенный нам отцом или матерью. Но чаще случалось так, что родители, увлекшись монологом, не обращали внимания на наши ответы, даже если они были ошибочны. Абсолютным победителем обычно являлся Брон, давно принявший решение стать актером, остальные победы доставались Офелии, поскольку «Гамлет» в доме звучал постоянно.

Я спросила:

— Кто-нибудь мне объяснит, что случилось? Я не могу поверить, что папа арестован!

Мама посмотрела на меня с бесконечной скорбью:

— «Они мне говорили, что сова была на самом деле дочкой пекаря...»

Сцена с безумной Офелией — я имею в виду шекспировскую Офелию, а не мою сестру — была любимым маминым эпизодом в пьесе. Она читала этот монолог медленно, нарастающим, с теми же модуляциями в голосе, с которыми к нам обращалась сестра Паулина — бывшая наша гувернантка, страдавшая какой-то болезненной чувствительностью и сентиментальностью. Мне показалось, что я сейчас сойду с ума, если в конце концов мне не объяснят, в чем дело. А поскольку мама, завершив второй монолог, торжественно повернулась и удалилась в столовую, то я ринулась к комнате старшей сестры и, уже не смущаясь, забарабанила в дверь кулаками:

— Офелия!..

Ответа не было. Я подергала ручку, но дверь была заперта на ключ. Заглянув в замочную скважину, я увидела Офелию, лежащую на постели, ее волосы были рассыпаны по подушке. Глаз она не открывала. На фоне бледно-лиловых штор, задернутых на окнах, она выглядела очень красиво. Покрывало на постели было нежного желтоватого оттенка, а ковер, наоборот, расцвечен экзотическими цветами и узорами. Около ее кровати в вазе стоял букет светло-желтых роз, наверняка подаренных Креспеном.

Я снова дернула ручку:

— Офелия! Ответь мне! Я должна знать, что произошло. Мама ничего не говорит.

Наклонившись к двери, я опять посмотрела в замочную скважину. Она открыла глаза, но вместо ответа натянула покрывало на голову.

Я была в совершенной растерянности и уже подумывала о том, чтобы немедленно отправиться в «Зеленый дракон» и разыскать там Брона. Но как раз в эту минуту раздался звонок в прихожей. Я кинулась к дверям и увидела двух мужчин в полицейской форме.

— Мисс Бинг? Я — инспектор Фой, а это — сержант Твистер. Можно нам зайти на минуту? Я хотел бы задать вам кое-какие вопросы о вашем отце.

Колени у меня задрожали, а в глазах потемнело. Не замечая, что до сих пор не закрыла входную дверь, я продолжала молча смотреть на фонарь, покачивавшийся у подъезда, и бессмысленно вслушивалась в отдаленный шум улицы, когда они уже вошли в дом.

— Вы мисс Бинг, не так ли?

Я прикрыла дверь и повернулась к ним.

Мы вошли в комнату, и я в некотором замешательстве молча смотрела на них. У меня так ныло в груди, словно меня ранили навылет. Даже улыбнуться не доставало сил. Один из полицейских — я уже успела забыть его имя — взял легкое бамбуковое кресло, стоявшее рядом с секретером, и подвинул его мне. Я механически опустилась в него, а гость занял другое такое же кресло напротив.

Сержанту пришлось сесть в шезлонг, в котором обычно располагался отец для медитаций или для того, чтобы «войти в образ». Сержант — высокий мужчина в хорошо выглаженных брюках, полнолицый и краснощекий, с черными курчавыми волосами — внимательно разглядывал роскошные шторы, украшенные поверху золотой тесьмой, когда-то на сцене они висели в спальне Клеопатры. В животе у меня заурчало. Я смущенно улыбнулась и прикрыла рукой рот. Мне было ужасно неловко.

Второй визитер, весьма недурной наружности, русоволосый, с правильными чертами лица, тоже с любопытством изучал комнату. Я заметила, что на подбородке у него такой же шрам, как у Кари Гранта. Он с особенным интересом рассматривал письменный стол, над которым низко нависала люстра со множеством хрустальных подвесок, переливавшихся и слепивших глаза. Стол и полки с книгами были покрыты изрядным слоем пыли.

— Ну, мисс Бинг, не могли бы вы напомнить ваше имя?

— Нет. То есть да... Хэрриет... — Сержант вынул из кармана карандаш и блокнот.

— А имена других членов семьи? — продолжал он.

— Офелия, Порция, Корделия и Оберон. Моя мать Кларисса и Мария-Альба.

Инспектор удивленно поднял брови:

— Последняя тоже ваша родственница?

— Домработница, но она почти член семьи, очень близкий друг.

Инспектор все еще изучал комнату, когда я, успокоясь, снова взглянула на него.

— Весьма любопытная комната. Наверное, кто-то продуманно занимался оформлением интерьера. Может быть, ваша мать?

Я была благодарна ему за это замечание. Во-первых, мне было стыдно из-за того, что библиотека не убиралась уже больше недели, к тому же одна штора наполовину оторвалась от карниза, штукатурка на потолке потрескалась и частично осыпалась, не говоря уже о том, что у ослиной головы был потерян один глаз и шахматная доска с неоконченной партией

казалась бархатной из-за пыли на ней. Но я любила эту комнату, и мне было приятно, что у чужого человека достало такта обойтись без критических замечаний.

— Да. Она была актрисой. Но на самом деле, я уверена, она чувствует себя декоратором.

Карандаш продолжал тихо скрипеть, чирикавая по бумаге.

— Мне довелось видеть вашего отца в роли Кориолана, — добавил инспектор.

У него был на редкость красивый низкий голос.

— Это было давно, лет двадцать назад. Я еще в школе учился. Но и тогда меня восхитило его умение держать публику в напряжении.

— Благодарю вас. — Я ощутила и симпатию к этому человеку. Мне даже в голову не могло прийти, что полицейский способен интересоваться литературой и театром и говорить об этом с таким воодушевлением.

Инспектор вежливо улыбнулся и кивнул мне так, словно разговор наш проходил в непринужденной обстановке за чашкой чая. Он был очень красивым мужчиной, и на что я тогда обратила внимание — так это на его маленькие, правильной формы уши, такие не часто встретишь даже у привлекательных представительниц прекрасного пола.

— Разрешите закурить? — спросил он, доставая сигару.

— Вы ведь знаете, мисс Бинг, что ваш отец арестован?

Как только он произнес эти слова, меня бросило в жар, затем в холод. И я в смятении не нашла, что ответить, отказываясь верить, что моего отца вообще могли арестовать.

— Но почему... когда... — Я так и не задала вразумительного вопроса.

— Сегодня утром в театр «Фебус» вызвали полицию. Сэр Бэзил Уинтергрин был найден на сцене с проломленным черепом.

— Сэр Бэзил Уинтергрин! Не может быть!..

— К сожалению, так и есть.

Мне вдруг захотелось зарыдать во весь голос, но что-то не давало мне даже пошевелиться. Мой отец был постоянным актером труппы нового шекспировского театра, созданного Губертом Хэтом. Их первая постановка, премьера «Короля

Лира», прошла полмесяца назад. Сэр Бэзил Уинтергрин исполнял роль Лира, а папа — герцога Глостера. Отец очень волновался и переживал по поводу кастинга. Вообще-то сэр Бэзил, получивший год назад свой титул, не очень-то подходил на роль величественного и несчастного безумца, да и голос у него был как у банковского менеджера, рассуждающего в обеденный перерыв о возможном падении котировок нефтяных акций. Но тем не менее его утвердили на главную роль. К тому же Бэзил был толст настолько, что с трудом мог поднять руки и покачать головой. Папе было нелегко с ним работать. Бэзилу гораздо больше подошла бы любая комическая роль, например, Фальстафа или сэра Тоби Белча.

Длившееся на протяжении всей театральной карьеры соперничество с сэром Уинтергрином для папы во многом служило импульсом к постоянному самосовершенствованию. Он никогда не уставал язвительно напоминать о том, сколько денег Бэзил затратил на критиков, импресарио, директоров и прочих мздоимцев, помогавших ему подняться на театральный Олимп. Отец же всегда гордился тем, что достиг всего только благодаря таланту. Но все же лавровый венок частенько доставался Бэзилу. Так вышло и с «Королем Лиром», а все потому, что Бэзил вовремя раструбил повсюду, что получил титул рыцаря. Так что ситуация складывалась явно не в пользу моего отца, а значит, его и вправду можно было заподозрить в неприязни и даже в ненависти к сэру Бэзилу.

— Я вижу, какое ужасное впечатление эта новость произвела на вас... — Инспектор говорил так спокойно и таким приятным голосом, словно рассказывал на ночь чудесную сказку, и поневоле я начала чувствовать себя спокойнее. — Но я, к сожалению, должен кое о чем спросить вас. Ваша мама сейчас дома?

— Да... Она в столовой. Я не уверена, что она... может говорить... она очень... расстроена.

Иного слова просто не пришло мне на ум. Хотя, конечно, прозвучало оно не слишком убедительно. Сержант резко чиркнул карандашом и перестал записывать.

— Достаточно, Твитер, остальное можно опустить. — Инспектор кивнул своему напарнику и задумчиво склонил голову. — Вы старшая в семье, мисс Бинг?

— Нет, старший мой брат, его зовут Брон, ему двадцать шесть, и сестра Офелия — ей двадцать четыре. А мне двадцать два.

— Я могу с ними поговорить?

— Брона нет... дома. А Офелия спит.

— Она больна?

— Нет, но она обычно ложится спать, когда чем-то расстроена.

Инспектор стряхнул пепел с сигары и еще немного помедлил, прежде чем продолжить разговор:

— А Порция, сколько ей лет?

— Двадцать. Но ее тоже нет дома. Я не знаю, где она.

— Хорошо... — Он затаился и выдохнул сизое облако дыма, на лице его по-прежнему сохранялось бесстрастно-спокойное выражение. — Я надеюсь, кто-нибудь все же со мной поедет в участок. Вашему отцу необходимы некоторые вещи; и потом — он был бы рад повидаться с кем-нибудь из родных. Он весь день, с самого утра, провел в одиночной камере.

— В камере? — удивленно переспросила я.

У меня голова закружилась от страха. Вероятно, я была очень бледна и безусловно старалась скрыть дурноту, внезапно накатившую на меня. Инспектор, видя это, поспешил добавить:

— Я понимаю, вас это пугает, вы еще слишком молоды. Вот поэтому-то я хотел бы побеседовать с вашей матерью.

— Я... позову ее.

Мама была одна. Расхаживая по комнате взад и вперед, она прижимала руки к вискам.

— Ма... — окликнула я ее, стараясь говорить как можно тише, но от волнения мой голос прозвучал истерически звонко, — в библиотеке полицейские, они хотят, чтобы кто-нибудь поехал к папе.

Она остановилась и прижала руки к груди, демонстрируя отчаяние.

— Вальдо! Бедное израненное имя! Я ласками тебя готова исцелить, больной твоей душе вернуть здоровье!

— «Отелло». Так ты поедешь?

Мама смотрела на меня широко раскрытыми глазами:

— Как каждое из слов меня пугает, кровь в моих жилах превратилась в лед...

В этот момент инспектор и его напарник появились на пороге столовой.

— Это... инспектор... — К своему стыду, я так и не вспомнила его имя.

— Добрый вечер, миссис Бинг. Инспектор Фой.

Мама в смятении уставилась на меня:

— Увы, ведь можно видеть плохо, не будучи слепым ...

Инспектор прошел в комнату и отозвался мягким глубоким голосом:

— «Гамлет», не так ли? Речь Гертруды, если не ошибаюсь. Это сержант, мой помощник. Мы хотели, чтобы вы отправились с нами в участок.

Она посмотрела на инспектора, затем на его напарника и сказала:

— А этот гость, сержант, ему не Смерть ли имя?

Сержант почтительно кивнул:

— Простите, мадам, моя фамилия Твитер.

Мама нетерпеливо махнула рукой. Проследовав мимо нас к двери, она обернулась и, указав пальцем на каждого из них по очереди, добавила:

— Прочь, тени жуткие! Вы, призраки безумные, — все прочь!

Она вышла, и я услышала ее шаги на лестнице.

— Наверное, лучше будет, если поеду я, — сказала я инспектору и отправилась в прихожую одеваться.

— Я поеду с тобой, — донесся с кухни голос Марии-Альбы, и ее грузная фигура появилась в полумраке коридора. Она так волновалась, что руки у нее дрожали.

— Нет, Мария-Альба, ты не можешь ехать. Тебе это будет тяжело. И потом, нельзя их так оставлять здесь...

Машина черного цвета без номеров ожидала у подъезда. Сержант Твитер сел за руль. А инспектор занял место рядом с ним, мы же с Марией-Альбой поместились на заднем сиденье. Всю дорогу инспектор, стараясь поддержать беседу, обращал наше внимание то на погоду, то на пробки на дорогах, то говорил об открытии новых выставок и новых постановках в театрах, особенно много — о пьесе по роману Гюнтера Грасса. Несмотря на то что я отвечала крайне неохотно, он не уни-

мался, видимо считая необходимым хоть как-то поддержать нас в этой тяжелой ситуации.

Сержант Твитер оказался менее многословен, к тому же его реплики были направлены в адрес неумелых водителей. Мария-Альба сидела молча, с каменным выражением на лице. Наконец мы доехали до площади перед зданием Парламента.

— Здесь сегодня была стычка, — заметил инспектор.

— Правда?

— Да, обычная драка оголтелых юнцов, которые не знают, к чему приложить силы. Какая-то старая женщина оказалась в их толпе. Собралась целая компания журналистов, теперь можно ожидать массы статей в газетах с рассказами о том, как тяжело живется беднякам и как молодежь борется за права обездоленных.

— Да... — задумчиво протянула я, — конечно...

Сунув руку в карман пальто, я случайно обнаружила там кусок пирога, который дал мне на прощание Хэнк. Варенье растаяло и растеклось в кармане, а бисквит превратился в липкое месиво.

Вывески над полицейским участком не было. Попав внутрь, я была совершенно сбита с толку и не знала, куда идти и что делать. Все, что я увидела, действовало на меня крайне угнетающе. Лица у людей были самые отталкивающие и даже уродливые — длинные кривые носы, выступающие вперед подбородки и выпуклые лбы. Кроме того, постоянно включалась и выключалась сигнализация, все это производило впечатление какого-то адского хаоса.

Мы прошли по коридору, который время от времени оглашался истошными воплями и сотрясался так, словно за стенами находилось стадо слонов. Я держалась рядом с инспектором, пока он шел вперед, и почти уткнулась ему в спину, как только он остановился и тихо сообщил мне:

— Он здесь. Мы сделали все, что могли. Но лучше устроить его не удалось. — Он посмотрел на меня и нахмурился: — Что с вами, вам плохо?

— *Sta bene* (Все в порядке), — отозвалась Мария-Альба, — *Senta, sputa* (Не обращай внимания). — Она сунула мне в руку носовой платок. — Дай-ка я вытру тебе подбородок и руки. *Lo*

sa, il cielo chissa! (Господи, помоги нам!) — Я не стала протестовать, и она вытерла мои руки и подбородок, перемазанные пирогом, — я постаралась его съесть, пока ехала в машине.

Глава 4

Отец сидел за столом, держа в одной руке стакан, а в другой — почти пустую бутылку красного вина. Отец с его красивым, тонким лицом и длинными темными волосами, которые он отрастил специально для роли Глочестера, в этой тюремной камере казался диковиной экзотической птицей, запертой в безобразную клетку. На нем были чужие жакет и брюки — это было очевидно не потому, что вещи не подходили по размеру, а потому, что сам он никогда бы не выбрал для себя столь невзрачно-респектабельный костюм.

— Да, она там была... Но что тут можно поделывать... Бомба замедленного действия... И уже после взрыва герцогиня говорила... О Хэрриет! — Он вскочил, как только мы появились на пороге. — Мария-Альба, это же просто героизм! — Отец схватил наши руки и поцеловал их с галантностью, достойной принца крови, принимающего у себя особ королевского дома. — Я все пытаюсь объяснить констеблю, в чем дело, а по ходу дела рассказываю ему историю Марго Бэссингтон и принца Уэльского.

— Мы принесли тебе кое-какие вещи.

— Спасибо, милая моя, я представляю, как ужасно выгляжу в этой одежде. Все, что на мне было, перепачкано кровью, естественно, не моей, а Бэзила. Ни за что бы иначе не надел этот идиотский жилет. — Он вдруг с тревогой глянул на мое лицо: — Ты, наверное, очень испугалась? Тебе не обязательно было сюда ехать в таком состоянии... А где мама?

— Она... Ей плохо, она не могла встать.

— Ну, хорошо, хорошо. Но все же тебе не следовало приезжать в эту чертову тюрьму. А Офелия? Вы разговаривали с моей старшей дочерью, инспектор? Знаете, нехорошо, конечно, хвастаться, но ее ни с кем не спутаешь — настоящая красавица. И очень похожа на мать.

— Офелия тоже лежит... — Я старалась говорить как можно более непринужденно, хотя и знала, что эта новость испортит отцу настроение.

— Господи, ну конечно... Это все очень неприятно... — Он нахмурился. — А брат с тобой?

— Его не было дома.

— Мой сын Оберон, — пояснил он инспектору, — прекрасный актер. Но, к несчастью, вынужден пока ради заработка играть совсем не те роли, которые ему подходят, не те, где речь идет об истине и красоте. — Истина и красота были величайшими ценностями для моего отца, он говорил о них с таким же почтением, с каким верующие говорят о Создателе. — Но со временем он преуспеет, я не сомневаюсь в его блестящем будущем.

За этими словами скрывались самые обыденные жизненные неурядицы, преследовавшие моего брата. Уже год, как никакой работы в театре для него не находилось, и в конце концов ему пришлось устроиться на работу в посредническую торговую фирму. И там он тоже успел нажить себе неприятности, заключив сделку на крупную сумму, которая, как выяснилось впоследствии, была невыгодна одной из участвовавших в ней сторон. Так что ему пришлось пройти судебное разбирательство.

— Порция осталась у друзей, — сказала я, — ей ничего не известно о случившемся, иначе она бы обязательно приехала. — Я знала, что дрожь в голосе выдает меня.

— Хэрриет, я все прекрасно понимаю, не волнуйся. Вот видите, инспектор, дети у меня слишком чувствительные, и вся эта история не могла их не взволновать.

Мария-Альба поставила на стул свою сумку, в которой стукнуло что-то тяжелое.

— Слава Богу, что кое-то в вашей семье все же не такой чувствительный. А то бы вам пришлось остаться без зубной щетки.

Она села на другой стул рядом с констеблем и, оглядевшись, закрыла глаза.

— Папа, я могу как-нибудь помочь тебе? — спросила я, держась одной рукой за стол. Мне очень хотелось дотронуться до него, но я боялась, что его это рассердит.

— Нет, Хэрриет. Господа, — он кивнул в сторону констебля, — сделали для меня все возможное, даже накормили, и, признаться, не так уж плохо, как могло бы быть.

— Прошу вас, — инспектор Фой пододвинул мне стул, — расскажите нам еще раз некоторые детали происшествия. Вашей дочери необходимо знать, что случилось. Повторите только то, что говорили, пока не прибыл мистер Сиккерт-Грин. — Сиккерт-Грин — адвокат нашей семьи. — Ничего не будет записано, эта информация не для протокола. Я отлично понимаю, что ваш адвокат против того, чтобы вы давали показания в его отсутствие, но прошу повторить только то, что уже было сказано.

— Не хотите ли закурить, сэр? — Инспектор Фой достал портсигар и протянул его отцу.

— Да, если можно. Без сигары мне трудно снова говорить об этом несчастье.

— Расскажите вашей дочери все, что видели.

— Несчастный Бэзил, о Господи! — воскликнул отец. — Какая-то нелепая, идиотская смерть!..

Папа провел рукой по лицу. Невозможно было поверить, что, совершив преступление, человек, даже будучи профессиональным актером, стал бы так искусно притворяться. Он действительно страшно переживал и был сам не свой.

— Боже мой, папа, ты говорил, было много крови?

— Да, Хэрриет. Я весь был в крови. С головы до ног, ничего ужаснее и вообразить невозможно. «Кровь была всюду и лилась рекой, куда бы я ни глянул...»

— Что вы делали перед тем, как обнаружили тело?

— Обычная задержка перед репетицией. Я, как правило, ухожу со сцены погреться, пока все не соберутся. И вот, пока я стоял за кулисами, со стороны сцены донесся ужасный крик, такой истошный и отчаянный, словно жертва уже готова была испустить дух...

— Вы не заметили ничего необычного? — прервал его инспектор. — На сцене было что-то, чего там быть не должно?

— Во время репетиций в театре всегда страшный беспорядок. — Отца очень раздражало, когда кто-нибудь прерывал его на полуслове. — Можно о любом предмете сказать, что он не нужен был на тот момент или оказался там случайно. Под-

порки, доски, балки, канаты, декорации, мечи, фонари, чашки с чаем... Для нас, актеров, это обычное дело, беспорядок способствует творческой атмосфере и никому не мешает.

— Вы что-нибудь трогали на сцене?

— Ничего. Я ни к чему не прикасался. Кругом был полумрак, только одна лампочка горела в зале. Я сначала даже не разобрал, в чем дело. Пошел прямо вперед, свет ударил в лицо. А когда я прошел чуть дальше, то споткнулся... Но обо что, я еще не видел. Я наклонился и пощупал пол руками; он был мокрый, а рядом лежало что-то теплое. Это было тело Бэзила. Просто месиво вместо головы. Вот тогда я стал кричать, чтобы зажгли свет.

— Скажите точно время, сэр, — вмешался сержант Твистер. — Когда вы закричали? И сколько раз? Вы отошли от тела или стояли рядом?

— Я процитировал «Гамлета» — «Огня, несите мне скорей огня!». Первое, что мне тогда пришло в голову. Я не знаю, сколько раз это произнес и в какое время. Вы понимаете, это было чудовищно! У меня случился шок... — Он говорил очень экспрессивно, так живо передавая свое волнение, что я словно собственными глазами видела все, о чем он рассказывал.

— Что произошло дальше?

— Несколько человек выбежали на сцену, услышав мои крики.

— Вы можете назвать, кто это был?

— Понятия не имею. Женщины кричали от ужаса, а мужчины метались туда-сюда. Да, кое-что припоминаю, кажется, там была Сандра. Это она первая сказала что-то о Бэзиле — она его узнала. А я больше ни слова вымолвить не мог от потрясения.

— Между Сандрой и сэром Бэзилем не случалось ссоры?

— Да нет... Хотя она вообще со всеми спорила. И на меня нападала. Я не принимал это всерьез.

— Но, — продолжал папа, — вы поймите меня правильно, в театре никогда не обходится без личной неприязни. Всегда есть причины для зависти и ревности, для обид. И несчастный Бэзил не был исключением, кому-то он нравился, кому-то — нет. Были и такие, кто его просто ненавидели, не постесняюсь это сказать. Но, разумеется — его лицо приня-

ло гордое выражение, достойное исполнителя роли Брута, — я в их число не входил.

— Весьма похвально, сэр, — раздался голос инспектора, — такое утверждение делает вам честь. Но если говорить о мотивах преступления, то следует хорошенько разобраться: кто мог питать неприязнь к убитому и почему? Я уже разговаривал сегодня с несколькими актерами из вашей труппы. Кое-кто из них упоминал о вчерашней вашей ссоре с сэром Бэзиллом.

С минуту отец смотрел на него с видом оскорбленной невинности.

— Эта ссора не стоила выеденного яйца. Она, как всегда, была следствием чрезмерного драматического возбуждения, охватывающего актера, когда он слишком входит в роль. Просто он понимал, что в моем исполнении Глостер становится более привлекательным персонажем, чем его Лир.

— Вы сильно поссорились?

— Я обозвал его надутым индюком или чем-то в этом роде. Он сказал, что я — Казанова, что только в этом все мои достоинства, в остальном же — полная бездарность. — Отец вскинул голову в волнении. — Совершеннейшая чепуха, вздор — и только.

— Вы были рассержены. Вам тогда не хотелось убить его?

Отец рассмеялся, услышав столь провокационный вопрос.

— Мне претит всякое насилие, тем более — убийство. Я никогда не строил планов мести по отношению к тем, кто сгоряча говорил мне гадости.

— Но за что тебя арестовали? — не выдержала я.

Отец посмотрел на инспектора и улыбнулся.

— Попробуй поставить себя на место полицейских, и ты поймешь, что у них не было иного выхода. Только вообрази: молодой констебль попадает вот в такую переделку; естественно, он боится ошибиться и упустить виновного, как неопытный щенок боится упустить на охоте добычу.

— Не понимаю, о чем речь, — вмешался сержант, — какое это имеет отношение...

— Никакого, Твитер. Это просто отступление, — успокоил его инспектор. — Когда вас допрашивал Купер, — обратился он к отцу, — ответы ваши звучали весьма двусмысленно.

— Но его не имели права арестовать только за слова, — возразила я. — У него был шок. Потрясение. Мало ли что можно сказать в таком состоянии? Это нельзя принимать всерьез и использовать как обвинение.

Я дотянулась через стол до руки отца:

— Па, скажи им, что ты не убивал Бэзила, прошу тебя.

— Это мне не поможет Хэрри, ведь, кроме меня, некого подозревать, — ответил отец упавшим голосом. — Я не убивал его, но я случайно сам обвинил себя, и я виновен.

— Вы что, не видите?! — воскликнула я, обращаясь к инспектору. — Он же не мог сделать того, о чем говорит. Это ошибка!

— Сержант, прочтите все, что вы сейчас написали.

— Я едва успеваю, сэр, — отозвался сержант с некоторой досадой в голосе. — «...Хэрри, я виновен. Я не убивал его, но я случайно сам обвинил себя». О, черт! Простите, мой карандаш сломался. Слишком много приходится записывать.

Инспектор вздохнул:

— Вы видите, что в результате прозвучит на суде, мисс Бинг. Нужно полностью восстановить картину происшедшего, а не предъявлять суду самообвинения вашего отца. Позднее все будет фиксироваться в протоколах, и уже ничего нельзя будет опровергнуть.

— В протоколах? — в ужасе повторила я.

Инспектор кивнул:

— Пришли результаты вскрытия. Сэр Бэзил умер от удара тяжелым предметом по голове — у него перелом черепа. По сообщению констебля Купера, рядом с телом лежала железная балка длиной два фута и весом несколько килограммов. Она была в крови, и на ней обнаружены отпечатки пальцев мистера Бинга, согласно заключению экспертизы.

— Конечно, их там не могло не быть — ведь я к ней прикасался, — воскликнул отец. — Я несколько раз брался за нее руками, пока она подпирала декорации. Я всегда так делал, когда готовился к репетиции. Я обдумывал участь несчастного Лира, его отчаяние, страдания, ужас перед преследовавшей его злой судьбой...

— Вы использовали эту балку, чтобы убить сэра Бэзила, мистер Бинг?

— Да нет, конечно! Я об нее споткнулся, когда отступил от тела. Там была лужа крови, целое море. Невыносимое зрелище! — Он раздраженно пожал плечами и нахмурился.

— Вы успеваете записывать, Твитер? — уточнил инспектор.

Сержант уже заточил карандаш и теперь усердно царапал по бумаге, кивнув в ответ.

— Что вы имели в виду, когда назвали сэра Бэзила «надутый раскрашенной бабенкой»?

— Я так сказал? Не помню.

— Так сказала Марина Марлоу. Вы имели в виду гомосексуальные наклонности сэра Бэзила, о которых вам было известно?

— Не провоцируйте меня, инспектор. Меня не интересовала личная жизнь Бэзила.

— Благодарю вас, сэр. Думаю, нам необходимо отложить этот разговор до завтра. Мисс Бинг, я сейчас позвоню и скажу, чтобы вас и мисс Петрелли отвезли домой.

Я не сразу вспомнила, кто такая мисс Петрелли. Затем очнулась и поняла, что речь идет о Марии-Альбе. Но я вовсе не успокоилась за время этого свидания — наоборот, двусмысленное поведение полицейских внушило мне еще большую тревогу.

— Ты не хочешь что-нибудь передать маме? — спросила я отца.

— Скажи ей, чтобы она держалась молодцом. Все будет в порядке. Скоро все прояснится, в самое ближайшее время...

Мария-Альба крепко держала меня за руку, когда мы с ней шли по темному коридору.

— Вы его очень поддерживали, — раздался рядом голос инспектора Фоя, — он немного пришел в себя, и вам тоже стоит успокоиться.

Я не знала, что ответить ему — ведь он только что говорил, что считает моего отца повинным в убийстве, и я смотрела на него как на своего врага. А теперь он снова обращался со мной по-дружески — тепло и открыто.

Мы втроем вышли на улицу, где нас ожидала еще одна неприятность: там оказалось полно репортеров, вспышки фотокамер сразу же ослепили нас. Все это привело в смяте-

ние Марию-Альбу, и мне пришлось взять ее за руку и вести за собой, пока сержант Твитер разгонял назойливых журналистов, расчищая нам дорогу. Наконец мы добрались до машины. Но среди наших преследователей нашлись даже такие, кто не давал мне захлопнуть дверь. Пришлось отбиваться от них всерьез.

В машине Мария-Альба вновь почувствовала себя дурно — она никак не могла прийти в себя, страшно напуганная набросившимися на нас людьми. Зная, что нужно делать в таких случаях, я отыскала в сумке успокоительные таблетки и заставила ее выпить целых три штуки. Всю дорогу я держала ее за руку, уговаривая не обращать ни на что внимания, — только так я обычно утешала ее в неприятные минуты.

Мои мысли и чувства смешались, и от всех впечатлений теперь осталась только безмерная усталость. Я думала об отце, который находился в заточении, вероятно ощущая себя глубоко несчастным и покинутым всеми, лишенным привычной аудитории зрителей и слушателей.

Мы переехали мост, а в салоне машины по-прежнему царил молчание. Я не могла поверить, что инспектор Фой считает моего отца виновным. Собирался ли он всерьез расследовать это дело или же имел намерение поскорее собрать какие-нибудь улики и на этом завершить свою работу? В ту минуту я впервые задумалась о том, сколько людей находятся в тюрьме, обвиненные в преступлениях, которые они не совершали. Через четверть часа мы уже были в Блэкхэте, и сержант Твитер спросил меня:

— Мисс Бинг, есть ли тут другая дорога? Лучше подъехать со стороны запасного входа. Эти подонки, — он смущенно кашлянул, — простите, я хотел сказать — представители прессы, уже собрались у вашего дома.

Я посмотрела в окно и увидела толпу людей у ворот нашего дома. Мой брат стоял, окруженный ими со всех сторон, и с удовольствием принимал картинные позы, пока его фотографировали. Я объяснила, как подъехать со двора, но не успела помочь Марии-Альбе выбраться из машины, как услыхала громкий крик Твитера:

— Торопитесь мисс, я задержу их!

Мы выскочили из машины и пробежали в ворота, сразу же затерявшись в лабиринте Лавди и побежав к дому. Я тут же заперла за собой входную дверь.

— *Madre di Dio!* (Матерь Божья!) — пробормотала Мария-Альба. — *Sono le pene dell' inferno!* (Я просто в ад какой-то попала!)

И она вовсе не преувеличивала.

Глава 5

— Извини, я больше не могу продолжать этот разговор... — Брон остановился перед дверями столовой, чтобы прикурить сигарету. Было уже очень поздно. — Я и не знал, что ты успела стать Гретой Гарбо, но они и мною весьма интересовались. Они стояли у ворот несколько часов. Кто-то должен был к ним выйти.

— Разумеется... — Я старалась сохранять спокойствие, хотя страшно устала, к тому же болел синяк над глазом. — Не будем об этом. Ты вообще понимаешь, что произошло? Папе грозит пожизненное заключение, а ты несешь какую-то чепуху о своей карьере.

— Неужели? — На лице Брона появилось искренне удивление. — Действительно, ужасно. Я чего-то не понимаю.

— Я вижу, что лишь мне понятно, что случилось. — В эти мгновения он меня безумно раздражал, но я слишком любила брата и не могла осуждать его, потому, немного успокоившись, добавила: — Дело серьезное. Ведь известно, что папа ненавидел Бэзила, и теперь все думают, что это он разможил ему череп.

— Да нет, этого быть не может!

— Вот в этом-то и проблема: он находится под подозрением, потому и арестован.

— Нелепость!

— Совершенно верно, — согласилась я, немного обрадовавшись, что хоть немного смогла заинтересовать Брона, у которого в голове были только клубные встречи за бокалом виски. — Папа никого не убивал. Мы с тобой это понимаем, но есть улики, внешние свидетельства... Что мы можем с

этим поделаться? Полиция рассуждает всегда одинаково: родственники будут выгораживать человека, даже если он виновен. Поэтому нас просто никто не станет слушать.

— Все равно, — возразил Брон, он кивнул, и светлая прядь волос упала ему на лоб, придавая ему импозантный вид, — я на твоей стороне, Хэрриет. Папа этого не мог сделать. Я выступлю на суде и докажу это. — Он умолк, и я отлично знала, что в эту минуту он представляет свое эффектное драматическое выступление в зале суда.

— Как ты это собираешься доказать?

В это мгновение зазвонил телефон. Я отправилась в коридор взять трубку.

— Здравствуйте. Это «Дэйли чемпион». Можно задать вам вопрос: какова ваша реакция на арест родственника?

Я бросила трубку и вернулась в столовую. Но не успела сесть, как телефон зазвонил снова. Чувствуя, что меня захлестывает бешенство, кинулась в коридор и снова сняла трубку.

— Добрый вечер. Газета «Экзаминер».

Тут уж я не стала дожидаться вопроса, нажала на рычаг и положила трубку рядом с телефоном, чтобы прекратить эти домогательства. Но тут раздался звонок в дверь. Я не знала, что репортеры столь навязчивы и бесцеремонны, что даже после отказа не оставляют свою жертву в покое. Я просто была не готова к такому повороту событий. И теперь боялась, что у меня может случиться истерика.

Корделия, смотревшая все телепрограммы подряд, прибежала и сообщила нам, что в девять часов будут передавать новости об убийстве сэра Бэзила. Перспектива слушать идиотские домыслы журналистов не внушала мне оптимизма, но я должна была хотя бы знать, что говорят о моем отце в связи с этими нелепыми обвинениями.

Вместе с братом мы отправились на кухню. В репортаже показали, как отца в наручниках уводят из здания театра. При этом комментатор подчеркнул, что полицейские отказались подтвердить, будто Вальдо Бинг арестован по обвинению в убийстве. Еще десять минут подробно рассказывалось о жизни и театральной карьере Бэзила, затем показали людей, рыдавших и закрывавшихся руками лица от видеокамер. А в кон-

це — интервью с продюсером постановки «Короля Лира», который с горечью заявил, что такое неприятное происшествие может серьезно сказаться на престиже театра.

В конце новостей была зачем-то показана фотография папы и сэра Бэзила в костюмах Глочестера и Лира, сделанная во время репетиции.

— У папы странный вид, — заметила Корделия, — он так улыбается, показывая зубы, будто собирается прокусить Бэзилу горло.

— Видно, потому и выбрали этот снимок, — сказал Брон, — а у Бэзила такой взгляд, словно он привидение увидел. Интересно, что его так напугало? Ладно, теперь уже все равно не узнаем.

Мы разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться и отдохнуть хоть немного.

Когда же я посмотрела на часы, меня всерьез обеспокоило отсутствие Порции. Думая только об отце и его проблемах, я не обратила внимания на ее отсутствие в течение целого дня.

— Десять часов. Может, она осталась на ужин со своим новым приятелем? Но обычно Порция всегда предупреждала меня, если задерживалась допоздна.

— Ой, совсем забыл! — Брон сунул руку в карман жакета. — Я нашел это письмо на твоём столе. — На конверте было написано рукой Порции мое имя. — Я взял его с собой, когда пошел в «Дракон», и совершенно забыл о нём.

— Очень странно, что это ты делал в моей комнате?

Брон виновато вздохнул:

— Мне нужна была открывалка, я шел в паб.

Я пропустила мимо ушей это странное объяснение и открыла конверт:

«Хэт, дорогуша, только что вернулась забрать кое-какую одежду. Дмитрий предложил мне провести несколько дней в его загородном доме в Оксшотте, это где-то в Девоне. Знаю, звучит ужасно. Позаимствовала твоё желтое шелковое платье. Надеюсь, ты на меня не дуешься».

Теперь мне кое-что стало понятно. Хотя бы выяснилось, куда она пропала.

«Дмитрий очень горяч. Мы с ним занимались любовью прямо в лифте. Представляешь, у него целых три телохранителя. И, кажется, все трое догадались, в чем было дело. Вот весело! Завтрак был в отдельном кабинете, с устрицами и шампанским, все это напоминает мне доброго старого короля Эдуарда и его любовниц. Дмитрий признался, что он принадлежит чуть ли не к королевской фамилии. Но до сих пор не хочет мне сказать, кто он, только все время курит свои сигары. Он женат, и, похоже, его жена еще та стерва. Но он должен называть ее «мадам» даже в постели. Скажи маме и папе, что я проведу несколько дней в компании школьных знакомых. Не скучай, до встречи, Порция».

— Оксшотт находится в Девоне? — спросила я Брона, чувствуя, что мое беспокойство после этого письма только усилилось.

— Я в этом не разбираюсь. Ты сказала, уже десять часов? То-то я так проголодался, Мария-Альба небось уже все приготовила.

— О Господи! Кошмар! Совсем забыла о ней!

Я бросилась посмотреть, все ли с нею в порядке. Она была у себя в комнате и, лежа на диване, изучала поваренную книгу.

— Così? Così (Так-так), — откликнулась она на мое появление и, захлопнув старый том, с трудом подняла свое грузное тело с постели. — Хочешь кушать, сокровище мое? Нет-нет, — она не дала мне возразить ни слова, — это важнее всего.

Я пожарила картошку и приготовила салат, пока Мария-Альба возилась с ростбифом.

Мария-Альба стала составлять тарелки на поднос, а я заканчивала приготовление ужина для Офелии.

— Войдите, — ответила сестра, когда я постучала в дверь ее комнаты. Она лежала на постели, и ее длинные золотистые волосы спадали вниз до самого пола.

— Еда? — В ее голосе прозвучало отвращение. — Я не ем такое, ты же знаешь. Креспен не звонил?

— По-моему, нет.

— Ты даже представить себе не можешь, что для меня значит вся эта история с папиным арестом. — Ее глаза заблестели от раздражения. Нельзя было сказать, что мне не действовало на нервы ее недовольство, к тому же и без того хватало отрицательных эмоций и потрясений. — Мать Креспена, завистливая и ревнивая сучка, обязательно этим воспользуется, чтобы нас рассорить.

— Что за ерунда, если он тебя любит...

Креспен Майе, признаться, никогда не производил на меня впечатления человека страстного и преданного, скорее, напротив — он был мелочным и осторожным, слегка походившим на пугливого хитрого зайца, особенно из-за его торчащих передних зубов.

— Эта корова, — продолжала сестра, имея в виду леди Майс, — хочет женить его на Генриетте Слоттс, папаша который хваток до денег, как голодный пес до костей.

— Она что, нравится Креспену?

— Он как-то сказал мне, что она напоминает ему собаку, которую очень любил в детстве. У нее нос крючком и накладные волосы, но это уже не важно.

— Бедняжка, в таком случае у нее нет никакой надежды выиграть этот тендер рядом с тобой.

— Я бы так не сказала. У Креспена, благодаря стараниям его мамочки, нрав как у капризного ребенка. Если Слоттс к нему хорошенько подольститься и найдет, чем его утешить, у нее появится несомненное преимущество, особенно теперь, когда случилась такая неприятность с отцом.

— Успокойся, не думаю, что он не звонит, потому что знает об аресте, поужинай и позвони ему сама.

— Милая моя сестричка, ты так мало знаешь мужчин. Я никогда никому не звонила и не буду звонить. Ни в коем случае нельзя показывать, что он тебе хоть чуть-чуть интересен. Запомни: ледяное спокойствие — самое надежное средство влияния и оружие защиты. В субботу он попытался меня поцеловать, и это ему дорого стоило.

— Не знаю, у каждого свое мнение по этому поводу. Тебе пора поесть, иначе все остынет. — Я переставила поднос на

тумбочку поближе к постели. — Я волнуюсь за Порцию. Прочитай вот это.

Я подала ей письмо. Офелия быстро пробежала его глазами и отложила в сторону.

— Вообще-то Оксшотт в Серее. Довольно далеко.

— Я ничего не слышала от нее об этом Дмитриии.

— Да он наверняка какой-нибудь бандюга, если у него столько телохранителей. Порция — просто дура.

На секунду мне стало ужасно одиноко. Я вдруг подумала, что вся наша семья состоит из самовлюбленных эгоистов, не желающих ничего знать о проблемах друг друга. Легкомыслие Офелии меня удручало, так же как отрешенность мамы и ее привычка смотреть на все как на театральную игру, тогда как в жизни иногда случаются настоящие неприятности, требующие серьезного отношения и решительных действий.

— Поедешь завтра со мной к папе?

— Зачем? Ему наверняка не хочется, чтобы мы приходили посмотреть на него, когда он вынужден сидеть, как обезьяна в клетке.

С Офелией было бесполезно разговаривать на эту тему. Все равно я не смогла бы переубедить ее. Мне оставалось только уйти и спуститься вниз, чтобы не сказать ей что-нибудь обидное и не поссориться на ночь глядя.

Мария-Альба, Корделия и я за ужином в основном молчали. Нам просто не о чем было говорить. Но внезапно Корделия отложила вилку и, посмотрев на меня, спросила:

— Ты завтра поедешь к папе? Я тоже хочу его увидеть.

Я переглянулась с Марией-Альбой. Она пожала грузными плечами.

— Почему нет? — сказала она, поднося ко рту ложку с черничным пудингом. — К тому же, может, завтра выяснится, что они ошиблись.

Я была настроена менее оптимистично насчет скорого решения этой проблемы. И вдруг до нас донеслись звуки шопеновского этюда — мама с братом играли на пианино в гостиной. Я ничего не ответила Марии-Альбе, надеясь, что папу и вправду быстро отпустят и все окончится счастливо.

Глава 6

Меня разбудил телефонный звонок. Открыв глаза, я почувствовала боль от синяков и ужасную разбитость. Когда-то давно воспитательницы будили нас по утрам, чтобы заставить прочесть молитву. С шестнадцати лет я открыто заявила о своем атеизме и больше никогда не брала в руки молитвенника, но теперь вдруг ощутила горячее желание обратиться к Богу за помощью. За окном начинался отвратительный, пасмурный день.

Телефон продолжал дребезжать, и это приводило меня в бешенство, я надеялась, что хоть кто-нибудь догадается снять трубку. Полночи я не могла заснуть — всякий раз, закрывая глаза, вздрагивала и просыпалась от начинавшегося мне сниться кошмара. К тому же то ли от пирога Елл, то ли от усталости у меня подступала тошнота к горлу, и я никак не могла успокоиться.

Телефон все звонил. Столкнув на пол упитанного и ленивого Марка-Антония, я накинула халат и прямо босиком спустилась вниз.

— Алло...

— Инспектор Фой.

— Это Хэрриет, — тут же проснувшись, отозвалась я.

— Мне нужно поговорить с вашей матерью.

— А который час?

— Четверть восьмого.

— Вы не могли бы перезвонить позже. Она очень не любит, когда ее беспокоят раньше половины десятого.

— Прошу вас, передайте ей, что мистер Бинг сегодня должен быть в суде в десять часов.

— О Боже! Боже! — Я похолодела от ужаса.

— Не волнуйтесь. Это чистая формальность. Сегодня будет предварительное слушание дела. Вам не обязательно приезжать.

— Может быть, его все-таки признают невиновным?

— Хэрриет, послушайте меня. Ничего, что я называю вас по имени? Вы должны набраться терпения, сделайте это ради себя и ради вашего отца. Британская следственная систе-

ма работает очень медленно, и даже внешне неоспоримые вещи всегда тщательно проверяются, собственно, это и делает наше правосудие наиболее безошибочным из всех существующих в мире. Я знаю, как вам тяжело, но, поверьте, я ни за что не допущу, чтобы невиновного человека отправили в тюрьму, я все сделаю, чтобы этого не случилось. Пожалуй-ста, наберитесь терпения.

— Да, спасибо вам, — прошептала я в ответ.

— Хорошо. Не оставляйте его без вашей поддержки, но пока вы можете отдохнуть, — с ним мистер Силкерт-Грин, и все идет нормально.

— Да, я поняла. Спасибо вам, — повторила я, понимая, как глупо себя веду, выражая благодарность человеку, который собирается обвинить моего отца в убийстве.

— Не унывайте...

Инспектор повесил трубку. И я тоже медленно отошла от телефона, направляясь к себе, когда раздался еще один звонок.

— Добрый день, это Креспен. С кем я разговариваю?

— Хэрриет.

— Очень рад, — у него был обычный сдержанный тон — так он говорил со всеми знакомыми.

— Позвать Офелию? — спросила я.

— О, нет. Не стоит ее беспокоить. Просто передайте ей, что я звонил.

— Что-нибудь еще?

— Э-э-э... Передайте, что я уезжаю на несколько дней в свой загородный дом. У дяди день рождения. Мне придется присутствовать на торжествах. Ему исполняется девяносто.

— Не знаю, поздравлять вас или выразить сочувствие.

— Скажите Офелии, что я позвоню, когда вернусь. До свидания.

На кухне Мария-Альба мыла посуду, оставшуюся со вчерашнего вечера.

— Что такое? Ты неважно выглядишь.

— Ерунда, я в порядке... — Как могла, я притворилась веселой и жизнерадостной. — Я почти привыкла, это вчера у меня был шок. Скоро совсем приду в себя.

Я улыбнулась ей и, повернувшись к окну, вдруг вскрикнула от неожиданности. Несколько человек с фотоаппаратами и камерами стояли около дома, один даже подбежал совсем близко, увидев меня в окне кухни.

— Негодяй! — воскликнула Мария-Альба и, схватив попавшийся под руку половник, бросилась к выходу в сад. — Чтоб вам в аду гореть!..

Фотограф уже собирался нажать на кнопку, но, увидав разгневанную домработницу с половником, бросился к воротам.

В это время вошла Корделия. Выглядела она тоже неважно. На ней были джинсы вместо школьной формы, хотя день был учебный.

— Эти подлые твари достали меня! Знаешь, о ком я? Друзилла Пэпворт все время лезет в драку. Эта завистливая дрянь теперь и вовсе не оставит меня в покое. Все уже знают, что его обвинили в убийстве.

— Он не убивал. Ты не должна этому верить. Я понимаю, что не все твои одноклассники к тебе хорошо относятся, но это не значит...

— Ты уже забыла, что такое школа! — воскликнула Корделия, тряхнув головой. — Со мной же никто не будет общаться теперь. Навсегда. Все будут от меня шарахаться. Мне придется все время быть одной, везде. Но, может, я к этому и привыкну... А если все это осточертеет, то сбегу в лес и буду жить в шалаше. И кто-нибудь станет приносить мне еду из сострадания, потом у меня откроется пророческий дар, и я буду предсказывать, как оракул.

— Ненавижу школу! — продолжала Корделия. — Всех учителей и наставников ненавижу. Им бы только наказывать ни за что ни про что. У них на уме только одно — как бы побольше помучить детей. Ни за что не пойду в школу. А если ты станешь заставлять меня, покончу с собой. — Я вздохнула, не имея сил спорить с ней, и она с торжеством добавила: — Я собираюсь приготовить папе пирог. — Вынув из шкафа миску, она стала насыпать муку. — Это поднимет ему настроение. Заверну его и положу в коробку, чтобы не остыл. — Корделия отыскала пачку рецептов Марии-Альбы и начала отмерять ингредиенты.

Я бессмысленно следила за ней, понимая, что и мне пора чем-нибудь заняться.

Когда я снова спустилась вниз через час, приняв душ и немного успокоившись за чтением Джерарда Мэнли Хопкинса, то была немало удивлена, обнаружив в гостиной Макса Френшэма. Макс так же, как отец, играл в «Короле Лире». Он был другом моих родителей.

— Хэрриет! — Он взял меня за руки. — Я пришел убедиться, все ли в порядке. Как самочувствие Вальдо?

— Как вы тут оказались?

— Прошел через заднюю дверь. Вы, должно быть, уже забыли, что в прошлый раз, когда я был у вас на дне рождения Клариссы, сами показали мне тайный путь через лабиринт.

Я вспомнила, что действительно год назад водила Макса по лабиринту Лавди и рассказывала ему о замечательных талантах нашего садовника. Каролина, жена Макса, очень разозлилась на нас за эту прогулку и в отместку весь вечер флиртowała с моим отцом, зная, что никто уже не смог бы упрекнуть ее в чрезмерной развязности. Но все это не вызвало серьезных подозрений и не привлекло ничьего внимания — Френшэмы считались вполне респектабельной супружеской парой. У Макса было бледное и узкое аристократическое лицо и карие глаза. Нельзя было не поддаться его редкостному обаянию. Пока что успехи его на сцене были невелики, и в «Короле Лире» он должен был исполнять роль Эдгара. Ему было только тридцать четыре, и расцвет его карьеры был еще впереди, как полагали многие.

— Очень мило, что вы навестили нас.

— Такое несчастье! Он не мог этого сделать. Я знаю Вальдо, уж кто-кто, а он и мухи не обидит. Он даже руки ни на кого бы не поднял, разве что по сценической необходимости. Бедняга Бэзил, конечно, его можно только пожалеть. Но должна же полиция разобраться с этой глупой ошибкой. Мы все подтвердим, что Вальдо не способен совершить убийство... — Он остановился, переводя дыхание. Его слова бальзамом пролились на душу — за эти два дня Макс оказался первым человеком, горячо отстаивавшим невинность моего отца. —

Бедная Хэрриет, вы, наверное, так устали от вчерашних тревожных волнений?

Втроем с Марией-Альбой и Корделией мы сели завтракать в столовой, не поднимая занавесок на окнах. Сквозь маленькую щелочку виднелись только ровно подстриженные кусты и несколько деревьев. Мне было грустно оттого, что жизнь моей семьи стала предметом бесцеремонного любопытства окружающих. Где-то за оградой промелькнули две мужские фигуры, и, присмотревшись, я увидела репортера, примостившегося на каменном парапете и заряжавшего пленку. Еще один настраивал объектив камеры, шаря по окнам дома. От досады я даже уронила вилку на пол. Корделия подняла голову и недоуменно посмотрела на меня. Если даже для меня вся эта история обернулась потрясением, то каково ей, в столь юном возрасте ставшей жертвой нелепой травли.

— Дурацкая рассеянность, — пробормотала я, стараясь сохранить улыбку, — как роялисты в период Французской революции, прячемся от обезумевшей толпы за стенами особняка.

— Мы так долго не протянем, если будем рассчитывать, что Брон один будет за нас отдуваться, — сказала Корделия, постукав ложкой по скорлупе вареного яйца.

— Ну, знаешь ли, дорогая, это несправедливое обвинение — женщины не так часто прятались за спину мужчин, как принято считать. Даже в более трудные времена они тоже сражались. Даже лили раскаленную смолу на головы врагов. Впрочем, это мало помогало. Когда заканчивалось продовольствие, а затем собаки, кошки и крысы...

— Лучше умереть, чем съесть Марка-Антония! — Корделия продолжала невозмутимо чистить яйцо.

Мы выпили по чашке шоколада со сливками, и Мария-Альба остроумно заметила, что, коль мы попали в осаду, она использует этот шанс, чтобы откормить нас как следует, сохранив жизнь несчастному животному.

— Дверь хлопнула, — сказала, прислушавшись, Мария-Альба, — кто-то пришел.

Я встала из-за стола и бросилась в прихожую, где увидела Рональда Мэйсона в распахнутом пальто и сбившемся галстуке.

— Хэрриет! Дорогая моя! Я не знал, что подумать! — Мне нравился его голос, мелодичный, низкий, с чуть заметной хрипотцой, какая бывает у все курящих. — Я не забыл, где у вас хранится запасной ключ. — Он вернул его мне. — Но сейчас лучше держите его в доме.

Рональду Мэйсону было около сорока, человек он был весьма прозаический и приземленный, но не лишенный чувства юмора и сентиментальности. В речи он нередко употреблял архаические формы и слова, свойственные людям старшего поколения.

Увидав в дверях Марию-Альбу, он обратился к ней на итальянском, демонстрируя безупречное произношение, усвоенное в Оксфорде:

— Sono io, Maria-Alba, il tuo anziano amico — Ronnie. (Мария-Альба, это твой старый знакомый, Ронни.)

— Anziano, vero (И точно старый), — заметила Мария-Альба, мрачно оглядев его, но, все же отложив в сторону кочергу, которую прихватила с собой из столовой для самообороны.

— Ронни, хорошо, что ты приехал, — я поцеловала его в щеку, ощутив запах лавандовой туалетной воды, — они не прицепились к тебе?

— Нет, нет, — Рональд пригладил взлохмаченные волосы.

Не успели мы уйти из прихожей, как снова раздался звонок в дверь.

Я подошла и глянула сквозь щель почтового ящика. На лестнице стоял незнакомый молодой человек.

— Цветы из магазина по заказу, — произнес он на ломаном английском.

Цветы? Возможно, мама что-то заказала, не предупредив нас. Я уже собралась открыть дверь, но Мария-Альба, вновь вооружившись кочергой, подошла поближе.

Как только я высунулась на улицу, мне в нос тут же сунули не только букет, но и микрофон. Со всех сторон посыпались вопросы: что я думаю по поводу ареста, считаю ли отца виновным, какова моя реакция на выдвинутые против него обвинения и так далее.

Наглому юнцу повезло. Мне не давали закрыть дверь.

— Подождите, мисс, секунду, ответьте, прошу вас... — кричали они все вместе. Но тут вмешался Рональд — он оттолкнул от двери незваных гостей.

— Пошли все вон, вон! — крикнул он, отцепляя особенно назойливых репортеров от ручки. Наконец нам с трудом удалось от них избавиться и запереться. Для надежности я еще навесила на дверь цепочку.

— Шакалы, гады, мерзавцы! — пробормотал Ронни. — Молодые бессовестные мерзавцы. Они даже не сознают, до чего отвратительны и вульгарны.

— Идемте, я угощу вас кофе, — пригласила я его.

— Благодарю, Хэрриет, но меня такси ждет на улице. — Он кивнул мне с виноватым видом.

— Что нам теперь делать с этими цветами? — спросила Мария-Альба. — Все вазы уже заняты.

— Дом становится похож на склеп, — не выдержала я, — кругом одни букеты, на другом букете тоже открытка: «Дорогой Клариссе от Джереми. Никогда не забуду». Господи, какой ужас! Такое впечатление, что все всерьез верят, будто отец совершил убийство, и его жизнь теперь кончена. Отлично, я их отнесу Лавди для его компостной ямы.

— Подумать только, сколько стоили эти орхидеи... — скорбно заметил Рональд.

Мы с сестрами постоянно подшучивали над ним из-за его бережливости.

Он никогда никого не приглашал к себе, но всегда первым приходил на вечеринки и уходил в числе последних. К тому же бывало, что он прихватывал с собой бутылку виски или рома, остававшиеся от праздника. Однажды исчезли даже мыло и полотенце. Мой отец был настолько изумлен, что не нашелся, что сказать по этому поводу. У Ронни была неплохая карьера в театре, а в кино он заработал столько, что на жизнь ему должно было хватать. Приключения и опасности внушали ему страх, особенно опасался он нищеты. И мой отец, смеясь, время от времени спрашивал его, что может добавить огня в его скучную жизнь.

— Это вы, Рональд? — донесся голос матери. Она спускалась по лестнице в леопардовом пальто, и я заметила, что она

взяла с собой дорожную сумку. — Что это с вами случилось — вы попали в аварию? — спросила она равнодушным тоном.

— Я выехал сразу, как только вы позвонили. — Рональд вздохнул немного обиженно. Затем поправил галстук и гордо поднял голову. — Боже мой, как вы восхитительны, дорогая Кларисса! — Он поклонился и простер руку с изяществом профессионального актера.

— Эта маска не обманула бы даже слепого, — ответила мама презрительно. — Трудно даже представить, что вы и вправду думаете то, что говорите.

Я с интересом рассматривала замысловатые завитки волос, скрывавшие кончики ушей Ронни. Он давно уже носил специальный парик.

— Вы вольны не верить в мой искренний восторг, но от этого он не несколько не уменьшается.

— Вы, я вижу, растолстели, — добавила мама, посмотрев на его живот. — Вам бы следовало обратиться в новую клинику на Братон-стрит. У них разработаны специальные диеты и всякие рецепты для похудения, препараты, приготовленные из корней горных растений, тибетские настойки, предлагается даже удаление жира хирургическим путем.

— Знаю я эти клиники с их рецептами, — пробормотал Рональд, — корни растений! Терпеть не могу эти чертовы травы.

— Если вы ничем не заняты и в хорошем настроении, то я прошу вас пойти со мной.

— Куда ты идешь? — спросила я.

— Я как раз иду в клинику, на консультацию к пластическому хирургу. Мне сказали, что мистер Моффэт-Райм отличный специалист и может сделать как раз то, что мне нужно. Я хочу убрать морщины вот тут.

Она прижала пальцы к скулам. Косметические операции были для моей матери экстремальным видом развлечений.

— А как же папа?

— Я уже буду в порядке к тому времени, когда его освободят. Это все очень быстро... — Она улыбнулась, словно уже успела позабыть обо всех своих страданиях накануне вечером.

— Ты не хочешь увидеться с ним? Он был очень расстроен, что ты вчера не приехала.

Она посмотрела на меня с укором:

— Хэрриет, я уже заметила твою тенденцию драматизировать события. Это не делает тебе чести, сентиментальность недалеко от вульгарности — не забывай об этом. — Она поправила прическу перед зеркалом. — Я не Марина Марлоу, которой все равно, чем привлечь к себе внимание публики.

Это замечание могло означать только одно — Марина Марлоу, исполнительница роли Реганы в «Короле Лире», была еще одной пассией моего отца.

— Я вернусь через неделю. Корделия, детка, пока... — мама поцеловала мою сестру.

Еще раз оглядев себя с ног до головы в зеркало, они открыли дверь и вышли на улицу.

— Слава Богу, все кончилось! — пробормотала Мария-Альба. — Помоги мне, Пресвятая Дева, все в руках Всевышнего... Никогда не знаешь, что с тобой случится...

Она покачала головой и, взяв кочергу, отправилась на кухню.

Разыскав Марка-Антония, я отнесла его вниз и выпустила в сад. Теперь мне следовало попытаться хоть как-нибудь утешить Офелию.

Ни на стук в дверь, ни на просьбы ответить я не услышала ни звука. Тогда я заглянула в замочную скважину. Если бы я хоть на йоту могла бы поверить, что она любила Кrespена, то, вероятно, сочла бы ее скорбь достойной сострадания. Она лежала на постели, бледная и неподвижная.

— Дрянь, дрянь, дерьмо! — громко выкрикнула она, вдруг подняв голову, — вероятно, в эту минуту она думала о Генриетте Слоттс в роли будущей виконтессы Соуп.

Пока я подглядывала в замочную скважину, из сада донесся странный шум, и Марк-Антоний стрелой промчался мимо меня в мансарду. Я глянула вниз и увидела у лестницы Брона, удерживающего обеими руками на поводке бело-рыжую собаку. Она отчаянно лаяла, не слушая криков Брона, и пыталась сорваться с привязи.

— Тише, тише! Кто этот гость? — крикнула я сверху брату и тут же побежала вниз. Как только я оказалась на последней ступеньке, собака встала на задние лапы и принялась лизать мне руки, выражая свою симпатию.

— Он хороший. Не бойся. Это Дерек.

— Дерек? Бедняжка. Где-то я уже слышала это имя.

— Можешь звать его как захочешь. Но откликается он на Дерек, если, конечно, немного успокоится.

— А почему я вообще должна его как-то звать? — У меня мгновенно зародились серьезные подозрения.

— Потому что я привел его для тебя. Я вчера так и не смог показать его тебе, вернулся слишком поздно, напившись, да еще с папой случилась такая скверная история.

— Но... Брон, ты что, с ума сошел? Разве можно так делать? Ты же знаешь, как папа ненавидит собак.

— Но ты же всегда говорила, что хочешь завести собаку. Ну вот, пока папы нет дома, у тебя есть такая возможность.

— Брон, но что будет, когда он вернется домой? Мы же не сможем бросить собаку на улице. Конечно, я всегда мечтала о собаке, но сейчас столько проблем...

— Знаешь... — Брон расстроено опустил голову, — это так обидно, я ведь хотел сделать тебе подарок. Думал, это отличная идея. Хотел тебя порадовать. И потом, он такой маленький, мне кажется, и папа не стал бы возражать... — добавил он упавшим голосом. — Очень жаль, что так вышло...

— О, Брон, послушай, я совсем не хотела тебя обидеть, и он мне очень нравится...

— Стоп, ни слова больше! — Брон сделал вид, что смахнул слезу. — Я отдам его обратно.

— Хорошо, хорошо, — Брон так умело описал мне горестную историю несчастного существа, что я едва не разрыдалась, — оставлю его, но только до тех пор, пока папа не вернется домой. — Я почесала Дерек за ухом, и он тихонько заурчал. Шерсть у него была мягкая на ощупь и очень красивого светло-коричневого цвета, а нос совсем черный. — Спасибо тебе. — Вряд ли я смогла скрыть, что на самом деле была ему не так уж благодарна.

— Хорошо, что он останется, — отозвался Брон, сделав вид, что не заметил моего неудовольствия.

— Лучше скажи, какой он породы? Я надеюсь, он не вымахает в полкомнаты?

— Совсем нет, он почти вырос. Так мне сказали. Это корнуоллский терьер.

— Да? — Я в недоумении посмотрела на Дерек. — Ничего о них не слышала.

— Вот видите, и вы кое-чего не знаете, мисс Хэрриет Бинг, — саркастически заметил Брон, — хотя и специалист-кинолог.

— Но Дерек я его звать не стану.

— Как хочешь. Я ухожу. Скажи Марии-Альбе, что вернусь только к ужину.

— Но ты же хотел поехать к папе, Брон? Мама отправилась в клинику, Офелия скорбит о предательстве Креспена, Порция вообще пропала, а с Марией-Альбой я не могу ехать — она и так вчера настрадалась.

— Господи, незачем ездить в тюрьму всей компанией, будто это какая-нибудь вечеринка. Это нетактично. — Брон назидательно поднял голову и посмотрел на меня с осуждением. — Мне необходимо повидаться с Вандой, — Ванда был агентом Брона, — нужно с ним посоветоваться насчет моих интервью. Я не могу отложить все дела и ехать к папе.

Глава 7

— Буду звать его Байроном, — сказала я, — в честь поэта...

— Он совсем не похож на престарелого занудного писаку, — возразила Корделия, угощая Дерек вишневым муссом, который он с удовольствием уписывал, — жаль, что Брон подарил его не мне, он такой хорошенький. Я бы звала его Конфеткой.

— Ну уж нет! — взорвалась я. Дерек, наевшись, из благодарности положил голову на колени Корделии.

— Почему? Это гораздо лучше, чем давать ему имя какого-то противного брызги.

— Байрону было всего тридцать шесть, когда он умер. Он был очень привлекателен, от него сходили с ума все женщины в высшем свете, хотя он и хромотал. И к тому же он был талантливым поэтом, — пояснила я, находя свои аргументы весьма убедительными.

— Хромал? Это очень романтично, — мечтательно заметила Корделия, — точно как Ричард Третий? — Это был любимый фильм Корделии, и с ним она сравнивала все театральные и телевизионные постановки. Лоренс Оливье произвел на нее когда-то неотразимое впечатление, и она даже приделала всем куклам орлиные носы из пластилина, чтобы они походили на него хоть немного. Дерек в это время уже начал приставать к Марии-Альбе, несколько раз обежал вокруг стола и наконец запрыгнул к ней на колени.

— Ну-ну, тише! — Она отодвинула подальше от края стола тарелки и миски. — *Le cose vanno di male in peggio.* (Час от часу не легче.)

Ситуация действительно становилась все более запутанной и тяжелой. Дерек спрыгнул на пол и сел у ее ног, надеясь получить еще какое-нибудь лакомство.

После ланча, который даже по меркам Марии-Альбы был слишком изобильным, — макароны с томатным и мясным соусом, жареная курица, рис и овощи, — Байрону досталось всего понемногу, и он стал весело носиться по дому и лаять, напоминая, что теперь ему пора на прогулку. Все, что мне было известно о собаках, — с ними нужно гулять три раза в день. Кроме того, я увидала, что мой питомец повсюду сует свой нос, а значит, без присмотра вполне способен свалить на пол вазы с цветами и сгрызть ножки у мебели.

Прогулка получилась тоже не слишком приятной. Прежде всего я сожалела, что из-за меня прибавилось забот Марии-Альбе. Теперь ей придется изо дня в день следить за тем, чтобы Дерек не покушался на ценные вещи в доме. Погода, когда мы вышли на улицу, оказалась промозглой и холодной, журналисты кружили вокруг дома, как мухи вокруг меда, Байрон носился по парку до тех пор, пока не свалился от усталости, и я никак не могла его затащить его обратно в дом.

— Дайте ему побегать, мисс! — крикнул мне один из репортеров, когда я отказалась отвечать на их вопросы. — Нехорошо все время держать собаку на привязи.

Меня приводила в ярость та наглость, с которой эти люди совали нос в чужие дела, но, не желая продолжать дискуссию,

я отстегнула поводок, и Байрон с радостным лаем умчался прочь, растаяв в сырой мгле. Все закончилось тем, что я вместе с Корделией и двумя журналистами два часа кряду рыскали по парку в поисках беглеца. Туман быстро сгушался, и мы с трудом могли разглядеть хоть что-нибудь на расстоянии десяти шагов. Волосы у меня намокли и прилипли к лицу, а ноги просто окоченели.

— Странное дело, — заметил приятного вида молодой человек, принявший участие в поисках, звали его Стэн, — может, он решил вернуться домой, вы, кажется, сказали, что нашли его?

— Не знаю. Понятия не имею, где он раньше жил. Может, он и вправду сбежал от хозяев.

— По-моему, нам лучше вернуться, — предложила Корделия. — Я обещала Марии-Альбе помочь приготовить соус на ужин. — Но я знала, почему сестра так стремится домой, — начиналась ее любимая телепередача. — Не расстраивайся так сильно, Хэт, он уже, наверное, вернулся и ждет около двери. Мне он показался очень умным и сообразительным.

В этот момент к нам присоединился еще один журналист, по имени Джей.

— Знаете, — заметил Стэн, — может быть, она права и ваш питомец уже прибежал домой. У меня когда-то была собака, по кличке Уэсти, однажды она вырвалась вместе с поводком и убежала неизвестно куда. Это всегда так тяжело переживается — к животным привыкаешь. Я боялся, что моя шестилетняя дочь Мелани заболит от тоски.

Он начал рассказывать мне о Мелани, о том, какая она милая и замечательная, затем об Аннете, его жене, страдающей рассеянным склерозом, до которого ее довела тяжелая работа в адвокатской конторе, о том, как долго она пребывала в депрессии, затем о его доме на Пьюли Оукс, где жилье стоило для них слишком дорого и где с ними еще находилась старая мать Анетты. Ее звали Айви, но Стэн называл ее Айви Грозная, из-за ее скверного характера. Я с интересом слушала его исповедь, и, обнаружив во мне сочувствующего собеседника, он оживленно продолжал делиться подробностями своей семейной жизни.

По пути обратно я поведала ему кое-что и о своей семье. Я отлично понимала, что даже если не принимать во внимание скандал, вызванный арестом отца, жизнь моей семьи была более насыщена интересными событиями, нежели существование Стэна и его родственников. С моей стороны было бы нечестно не пооткровенничать с ним в ответ на его доверительный рассказ. Я говорила в основном о карьере Брона, об ангажементах Офелии, которой сейчас тоже не везло с работой, и о том, что Порция пропала неизвестно куда вместе со своим таинственным незнакомцем.

— Простите, — он встряхнул головой так, что капли полетели в разные стороны, — вы не против съесть по сэндвичу и выпить что-нибудь, чтобы согреться?

Есть мне совсем не хотелось, но отказаться от его приглашения означало бы обидеть его в лучших чувствах, и потому я согласилась. Но не успели мы свернуть к какой-то забегаловке, как из тумана выскочил Дерек и с веселым визгом засуетился вокруг нас. Выходя на прогулку, я надела на него дождевик, который в детстве носили мы с Порцией, и, к моему удивлению, Дерек умудрился не потерять его. Я была так счастлива, что он нашелся, что даже не могла сердиться на него. Пока мы шли назад, нам попалось открытое кафе, где Стэн все-таки купил сэндвичи. Часть их них, разумеется, досталась Дереку.

У меня так поднялось настроение, что в ту минуту я считала Стэна своим лучшим другом. Он попросил у меня разрешения сфотографировать Дерекка для своей дочки, которая очень любила собак и всегда интересовалась, как отец провел день.

Когда мы уже собирались прощаться, неподалеку от нас остановилась полицейская машина, и из нее вышли инспектор Фой и сержант Твитер.

Дерек сразу же кинулся к инспектору и приложился грязными лапами к его плащу. Я принесла извинения за это безобразие, но инспектор даже не обратил внимания на досадную неприятность. Так что я опять подумала, что человек он милый и добрый.

— Ваша мама поедет с нами? — спросил он, пытаясь оттереть грязь носовым платком.

— Нет, дело в том, что она поехала на лечение.

— Какое несчастное стечение обстоятельств... — Он так странно посмотрел на меня, что я едва не выложила ему всю правду. — А ваши брат и сестры?

— Корделия поедет с нами. Порция еще не вернулась, у Брона полно дел, он очень занят, а Офелия себя плохо чувствует.

Не успела я договорить, как дверь открылась и на пороге появилась Офелия. В свете тускло горевшего фонаря, бледная и золотоволосая, она казалась сказочно прекрасной феей. На ней было белое пальто и серебряный шарф, а на голове — маленький черный берет. Она остановилась в нескольких шагах от меня, воскликнув:

— Ни в коем случае не подпускай ко мне это отвратительное животное! — На инспектора она не обратила никакого внимания. — Я иду обедать с Перегрином Уолмскоттом, больше ни минуты не могу оставаться в этом склепе. Господи, о Господи! Эти ужасные похоронные венки, эти лица... Что касается Марии-Альбы, то, по-моему, ей тоже пора лечиться, — она в таком мрачном настроении, что к ней подойти страшно.

— Что-то рано вы идете обедать, — я посмотрела на часы, — еще нет шести. Поедем со мной к папе.

— Думаю, мы еще куда-нибудь зайдем — в кино или послушаем музыку, мне необходимо развеяться и прийти в себя.

— Я был бы вам благодарен, если бы вы уделили мне пару минут... — инспектор Фой мрачно взглянул на Офелию — можно представить, что он подумал после моего вранья, буд-то она плохо себя чувствует.

— Вы?.. — Офелия повернулась к нему, смерив его презрительным взглядом, — она очень умело им пользовалась, когда поблизости появлялся неприятный ей человек.

Инспектор только удивленно поднял брови:

— Я вас надолго не задержу, мисс Бинг.

— Я уже сказала, что уйду. — Она повернулась спиной к нему и собралась удалиться, но сержант Твитер преградил ей дорогу.

— Давайте не будем играть в эти глупые игры, мисс Бинг, — обратился к ней очень спокойно Фой, — у меня мало времени. Мне необходимо опросить всех членов вашей

семьи. Могу вызвать вас в полицию, если вы предпочитаете такого рода встречи. — Он кивнул Твитеру, сержант подошел к машине и открыл дверь.

— Вы что, меня арестовываете? — с вызывающим смехом откликнулась Офелия.

— Советую вам пройти со мной в дом и ответить на мои вопросы.

— Да как вы смеете!

— Вам выбирать.

Что-то в голосе инспектора заставило Офелию одуматься. Она подошла к лестнице и, поднявшись, открыла дверь. Но я не услышала, о чем они говорили, потому что сразу же отправилась проводить Марию-Альбу.

Из столовой доносились голоса Офелии и инспектора, но разобрать, о чем они говорили, было невозможно. Периодически она нервно смеялась. Я взяла с собой Корделию, и мы сели в машину с сержантом Твитером. Через пять минут из дома вышел инспектор Фой.

— Все в порядке! — крикнул он сержанту. — Не будем терять времени, а то придется задержаться до ночи.

Мы с сестрой изумленно переглянулись. У меня сложилось впечатление, что из битвы с инспектором Офелия вышла победительницей, но я заметила, что Фой чем-то рассержен. Даже воротник вокруг его рубашки будто недовольно топорщился. Всю дорогу никто из нас не произнес ни слова, пока машина не проехала сквозь ворота в высокой кирпичной стене. Перед тем как нам разрешили пройти внутрь, охранник несколько раз внимательно оглядел нас.

Мы прошли во внутренний двор, замкнутый с четырех сторон, и я подумала вдруг, что поскорее хочу выбраться на свободу. Мне трудно было представить, как человек мог провести неделю или еще дольше в таком месте и не впасть в отчаяние или не сойти с ума.

В здании, куда нас привел инспектор, были узкие коридоры, выкрашенные зеленой краской и освещенные неоновыми лампами. Свет был столь ярким, что резал глаза. Пахло тоже весьма неприятно. Каждые пятнадцать метров инспектор останавливал нас и предъявлял охране удостоверение. Только по-

сле этого разрешалось следовать дальше. Я старалась не оглядываться по сторонам — было невыносимо страшно смотреть на зарешеченные двери камер, за которыми мелькали лица заключенных. Я почти физически ощущала их ненависть к нам, случайным посетителям, в отличие от них располагавшим бесценным даром личной свободы. Чтобы не выдать свой страх Корделии, я держала ее за руку и старалась ни на шаг не отставать от инспектора. Внезапно он повернулся ко мне и спросил:

— С вами все в порядке?

Я была благодарна ему за такую заботу, мне сделалось чуть легче, приступ панического ужаса схлынул. К счастью, комната, в которой заключенные встречались с посетителями, была уже близко и дверь ее не была заперта. Наверное, мне стало бы еще хуже, подумай я в ту минуту, что отца держат в одной из таких вот клеток под замком.

Он стоял у окна. С минуту я смотрела на него, силясь понять, точно ли это мой отец, — из-за одежды, которая висела на нем, и волос, собранных в хвост сзади, он показался мне совсем непохожим на себя. Он ссутулился, руки повисли, и, когда он повернулся ко мне лицом, стало видно, как он побледнел и осунулся за эти два дня.

— Па, дорогой, — Корделия кинулась к нему в объятия, — ты сейчас так похож на Сидни Картона.

Отец рассмеялся, услышав ее сравнение.

— Ты такой же храбрый, как и он? — Она взяла его за руку. — Тогда можно я поцелую тебя прямо сейчас?

— Конечно, дитя мое... — Он обнял и поцеловал Корделию. Папа всячески поощрял ее пристрастие к фильмам об Анне Болейн, леди Джейн Грей и Марии Стюарт.

Мы начали рассказывать папе о том, что происходило дома. Меньше всего я хотела бы, чтобы он узнал о визите Рональда Мэйсона, но об этом тут же проболталась Корделия. К счастью, у отца было одно ценное качество — он никогда не позволял себе ревновать или всерьез гневаться по поводу маминых знакомств.

— Бедный Ронни... Старая полковая лошадь услышала звуки победных труб. Вы, наверное, не помните, инспектор, о том замечательном герое, принце Чарли, о котором вздыхали все

домохозяйки от Сандерлэнда до Уимблдона; каждая воображала себя Флорой Макдональд, в его объятиях скачущей верхом по берегу моря, над которым алел закат. Вот какая слава выпала бедному Ронни, когда снялся в этой второсортной картине.

Это была самая крайняя форма раздражения, какое отец считал допустимой по отношению к друзьям семьи, — более грубых и открытых нападок он себе не позволял.

Инспектор Фой улыбнулся:

— Нет, отчего же, я отлично его помню. Моя мама была от него в восторге. Но теперь, сэр, нужно перейти к делу: пара вопросов, если вы не возражаете. Насколько я понял со слов мистера Сиккерт-Грина, вы хотели бы опротестовать предъявленное вам обвинение.

— Ну, разумеется. Я же никого не убивал! Спросите кого угодно, все подтвердят, что Вальдо Бинг не способен на убийство. Грин просто выглядел как немощный осел сегодня утром в суде. И разве я с ним вместе не выглядел полным идиотом? — Отец прижал руку к груди и тяжело вздохнул — он был очень расстроен. — Господи, неужели они верят, что я это сделал! И какого черта я до сих пор доверял свои дела этому старому дураку!

— Н-да... — Инспектор вынул сигару и подвинул к себе пепельницу. — Откровенно говоря, было большой ошибкой заявлять главе магистрата, что он так же виноват в убийстве, как и вы.

Отец отрывисто рассмеялся:

— Они лицемеры. Ему нужно было зачитать им речь Изабеллы, сражающейся за жизнь Клавдио, — вот это ему бы удалось на славу. — Отец помолчал и начал декламировать: — «Вы люди, властью облеченные, почетом, о гневе Божьем и о воздаянье Вышем вы позабыли, заносясь, когда, на вас взирая, ангелы рыдают».

— Думаю, такая речь вызвала бы только недовольство, — заметил инспектор, и снова я удивилась, как живо он реагирует на каждую фразу отца, — он явно не принимал формального положения, по которому его считали виновным. — Ну, да ладно, — инспектор затянулся и медленно выдохнул сладкий дым сигары, — теперь уж говорить об этом поздно. Давайте еще раз вернемся к мотивам преступления. Поду-

майте: кто мог быть заинтересован в смерти Бэзила? Самый распространенный мотив в убийствах гомосексуалистов — ревность. — Он снова затаился, ожидая, что скажет отец, но тот промолчал. — Впрочем, этот мотив имеет место вообще в восьмидесяти процентах всех совершаемых преступлений. Он или она вдруг узнают, что партнер был нечестен в отношениях, и первая ответная реакция — насилие. Не всегда конфликт заканчивается смертью кого-либо, но таких случаев в нашем следственном отделе бывают сотни. По словам домработницы сэра Бэзила, он редко выходил из дому и не имел ни с кем интимных отношений. Тем не менее я не стал бы исключать ревность на сексуальной почве. В одном я уверен точно: судя по финансовому положению сэра Бэзила, деньги не могли стать причиной его смерти. — Инспектор вдруг с каким-то отвращением посмотрел на сигару и положил ее на край пепельницы. — Давайте рассмотрим вероятные тайные мотивы, их тоже нельзя исключать. Конечно, возможен случай убийства на сексуальной почве, скажем, по причине ненависти к людям нетрадиционной ориентации. Однако такого рода нападения стали крайне редки с тех пор, как прекратилось судебное преследование гомосексуалистов. Я не думаю, что сэр Бэзил мог стать жертвой какого-нибудь случайного фанатика, хотя бы потому, что убийство случилось в театре.

— Конечно, нет, — подтвердил отец, — там просто не могло быть человека, способного на такие вещи. — Сэр Бэзил вообще не интересовался другими людьми, он был настолько эгоцентричен, что вряд ли у него были какие-то закадычные друзья или заклятые враги. Если не верите мне, спросите остальных актеров.

— Итак, оставим пока вопрос о мотивах, подумаем о тех лицах, которые могли быть причастны к убийству. К ним относятся все, кто случайно ссорился с жертвой, кто ревновал к его профессиональному успеху или просто был его недоброжелателем.

Отец скептически посмотрел на него:

— Уверяю вас, Бэзил был на редкость бездарен, и вам не удастся найти человека, завидовавшего его покупному успеху, а уж обо мне тут и речи быть не может.

— Хорошо. Но я должен проверить все версии. Я беседовал с каждым из членов трупы. Все они отзывались о ваших взаимоотношениях с сэром Бэзиллом примерно одинаково. Они говорили о вашем соперничестве. Но о добрых, дружеских отношениях между вами никто не упомянул.

— Мой дорогой инспектор, сразу видно, что вы ничего не смыслите в театре. Все актеры до безумия ревнивы к чужому успеху и никогда не прощают удачи сопернику. Но иногда это вовсе не мешает их дружбе. Бывают и сложные ситуации, ссоры и даже ненависть друг к другу, но мотивом для убийства это никогда не становится. И знаете почему? Потому что рано или поздно найдется такой критик, который напишет разгромную статью даже о самом преуспевающем актере. Так или иначе мы всегда оказываемся квиты. Вы можете вытащить меня отсюда?

— Это не просто сделать, сэр. Следствие идет очень медленно. Только так можно избежать непоправимых ошибок.

— Но я не совершал преступления! — Голос отца был полон отчаяния. Корделия подошла к нему и, прижавшись, положила голову ему на плечо. Невозможно было спокойно слышать его крик о помощи.

Инспектор Фой выглядел расстроенным. Он положил в карман карандаш и блокнот и захватил с собой недокуренную сигару.

— До свидания, Хэрриет, я буду держать вас в курсе расследования.

Он хотел было подать мне руку, но передумал и направился к двери. Я напрасно пыталась понять, о чем он думал в ту минуту. У него был такой безмятежный вид, словно он предвкушал, как наконец возвратится домой и жена подаст ему вкусный ужин. Но я даже не знала, женат ли он...

— Я привезла пирог, который сама приготовила, — сказала Корделия, когда мы остались одни, и с гордостью положила на стол сверток.

Отец взял его в руки очень осторожно:

— Бог мой! А что ты в него положила? Он что-то больно тяжеловат, милая...

— Тсс... — прошептала Корделия, покосившись на констебля, охранявшего дверь.

— А... я понял... — Отец заговорщицки улыбнулся. — А что же я буду делать, когда перепилю решетку? Камера у меня на первом этаже, но через стену я не перепрыгну. Тебе нужно было приготовить еще один пирог, с лестницей внутри. Н-да, хотел бы я знать, что скажет Лавди, когда обнаружит, что ты похитила его инструменты.

— Я принесла почту, — сказала я.

Отец взглянул на конверты.

— Половина из них — счета, — моментально определил он. — Передай маме, что их надо оплатить. Это срочно. Они отменили постановку, и теперь денег мне не заплатят. Вот письмо из банка, и еще этот парень Поттер требует погасить задолженность. — Он бросил письма на стол. — Ничего, придется ему подождать; все равно они не могут предъявить мне иск, пока я нахожусь под следствием.

Я убрала письма в сумку. Пока папа и Корделия разыгрывали между собой сцены из «Ромео и Джульетты», я отправилась разыскивать сержанта Твитера.

По возвращении домой мы увидели все тех же журналистов у наших ворот. Шел дождь, они стояли под раскрытыми зонтиками.

— Никакого покоя нет, — выглядывая из-за двери, заметила наша соседка миссис Ньюбиггин, которую я недолюбливала, — ее так и распирало от любопытства. Завидев нас, она указала на меня пальцем: — Вот эта девушка. Нечего сказать, хорошее соседство. Что там у вас происходит? Кто-то мучает животное?

— Простите, — отозвалась я, — это наша собака лает, она еще не привыкла.

Я заслонила рукой от камер и позвонила в дверь, за которой раздавались оголтелый визг и лай. Дерек тут же накинулся на меня, облизывая руки шершавым розовым языком.

— Что с ним? — спросила Корделия.

— Он рвет все, что попадется, а как услышал, что вы идете, просто взбесился, — сообщила Мария-Альба.

— Он просто скучал... — Я погладила Дерек, пытавшегося запрыгнуть ко мне на руки. — Но как он нас учуял — это интересно, из него получилась бы отличная ищейка.

— И, возможно, он совершил бы подвиг, — добавила Корделия, — защитил меня от похитителей детей или тебя от наемных убийц. И стал бы знаменит, как Бобби Грей. Это так здорово!

— Я твою идею не поддерживаю.

— Ты ужасная зануда! Лучше назови его Дирк Богтард, это будет более стильно, чем Дерек.

Мы так и не пришли к согласию. Дирк — это имя показалось мне слишком грубым, именем, лишенным даже намека на поэзию.

Глава 8

— Ура! Презренный отступник вернулся! — крикнула Офелия, порхнув с лестницы и влетев в столовую.

— Какой еще отступник? — поинтересовалась Корделия.

— Дурочка, — с улыбкой ответила Офелия, — так я называю Кrespена Майе. Он написал мне и предложил выйти за него замуж.

— Можно я надену на свадьбу бело-розовое платье и пояс с розовыми бутонами? — спросила Корделия. — Буду выглядеть, как у Дженис Тэтчер, когда ее сестра выходила замуж, хотя у нее совсем прямые волосы и малюсенькие глазки, и она была совсем некрасивая.

— Я очень рада, — откликнулась я довольно вяло — перспектива породниться с Кrespеном не казалась мне особенно привлекательной. — Мы, наверное, были несправедливы к нему.

— Нет, лучше желтое платье, — рассуждала Корделия, — и пояс с желтыми розами. А то Хэрриет будет совсем глупо выглядеть в розовом.

— Да? — Мне вовсе не хотелось обсуждать все эти детали. — Может, ты немного подождешь, ну, пока папу не освободят хотя бы.

— Да я вовсе не собираюсь за него замуж! — возмутилась Офелия.

— Мне даже жаль его, — отозвалась я, — ведь он наверняка влюблен в тебя.

— Правда? Знаешь, сколько людей в меня влюблены? Я не могу выйти замуж сразу за всех. Как-то его мать сказала, что я бессердечная и порочная. Ха! То же мне аргумент. — Я не сомневалась, что Офелия действительно думает так, как говорит. Мне было всерьез обидно за Кrespена. Ему, наверное, следовало поменьше упоминать о своей матери, в переписке и в разговорах с моей сестрой. — Надо же, он вообразил, что я стану терпеть рядом этот призрак престарелой виконтессы. Да он просто дурак! Если бы у меня, как у его мамочки, были бородавки, то я бы не посмела даже на глаза людям показываться.

— У нее что, есть бородавки? — с интересом спросила Корделия.

— Целых две. На подбородке, огромные и отвратительные.

— Бедная женщина... — заметила я.

Глаза Офелии сверкнули:

— Что ты ей сочувствуешь? У меня такое впечатление, что ты бы с удовольствием заставила меня выйти замуж за Кrespена, чтобы я зачахла среди их мрачных развалин под надзором этой ведьмы. Терпеть не могу, когда ты строишь из себя святошу.

— Я ничего не строю, — во мне уже росло раздражение. — Просто меня бесит, что ты ценишь в людях только красивую внешность. Знаешь, никто по доброй воле не хочет быть уродливым.

— Господи! — Офелия встала из-за стола и вышла из комнаты.

— Не обращай внимания, — сказала мне Мария-Альба, — она просто коза.

— Коза?

— Да, злится — и все тут.

— А по-моему, она ищет козлов отпущения. Разве я сказала ей что-то обидное?

— Вовсе нет, — успокоила меня Корделия, — ты иногда бываешь несносной, но все равно ты моя самая любимая сестра.

— Спасибо... — мрачно ответила я.

Я ненавидела ссоры и скандалы и теперь не могла себе простить, что сама затеяла этот неприятный разговор. Но иногда Офелия способна была вывести меня из равновесия своим

злословием и ядовитыми отзывами о людях, с которыми она, однако, продолжала поддерживать отношения.

Я чувствовала себя разбитой и потерянной, не находя, чем мне заняться, пока Мария-Альба накладывала завтрак Дирку и Марку-Антонию. Они сидели рядом. Марк-Антоний пригнулся к полу и затаился в позе охотника. Дирк вертелся у него за спиной, нетерпеливо высматривая, не подали ли еще его миску.

Мария-Альба собрала вымытые чашки и начала вытирать их, и тут я заметила, что выглядит она очень усталой, — руки у нее дрожали. Чтобы приготовить бисквиты и прочие деликатесы к завтраку, она поднялась рано утром. Бессонница была плохим симптомом, всегда предвещавшим для нее серьезные проблемы со здоровьем. Мне страшно было подумать, что она может снова попасть в психиатрическую клинику. Ее болезнь означала бы наступление полного хаоса в доме. Никто не смог бы взять на себя все заботы, никто не смог бы следить за порядком с таким умением и ловкостью. Во всем этом была изрядная доля моей вины — это я затевала бессмысленные ссоры и создавала вокруг себя нервную атмосферу.

— Ты скотина, Хэрриет! Злая стерва! — воскликнул Брон, войдя на кухню. Он был в домашнем халате — вероятно, только что встал с постели, а в руках держал утреннюю газету. — Я даже не хочу больше называть тебя сестрой. Ты мне больше никто. Даже разговаривать с тобой не буду. И любой бы так поступил на моем месте после этого...

Я опешила от неожиданности. Но, посмотрев на брата, поняла, что он не разыгрывает меня и не притворяется.

— Что такое? Что я сделала?

Брон протянул мне газету и ткнул в нее пальцем:

— Читай!

— Под заголовком «Моя несчастная семья. Исповедь дочери Вальдо Бинго. Эксклюзивное интервью, данное Стэнли Норману» была помещена моя большая фотография с Дирком на руках.

— О, нет! Я только сказала, что не буду отвечать...

— А откуда они узнали все это? — Брон был в ярости.

«Оберон Бинг, начинающий драматический актер, молодой человек, ведущий разгульную жизнь, собирается последовать примеру находящегося в тюрьме отца, и вполне возможно, пойдет еще дальше. А началось с того, что его исключили из школы за сексуальную связь с преподавательницей. После этого ему довелось сыграть несколько незначительных ролей в театре, привлечших к нему интерес публики соответствующего пошиба, а затем он втянулся в круг тех, кто распространяет наркотики и запрещенные товары».

— О Боже! Брон! Я ничего этого не говорила. Мы гуляли со Стеном... Он был очень вежлив и помог мне найти Дирка, он рассказал мне о своей семье, но я ни слова не говорила о наркотиках — только о том, как ты однажды принес в школу трубку для курения опиума, которую папа купил в Шанхае. Я не говорила ни о каких запрещенных товарах, это же просто бред! Какой ужас, здесь сплошная клевета! Он выглядел таким приятным и искренним человеком. О, прости меня, Брон, пожалуйста!

Я опустила голову, мне хотелось провалиться от стыда сквозь землю.

— Офелия будет в шоке, когда все это прочтет. — Корделия сунула нос в газету: — Ей тоже досталось, вы только послушайте:

«По имеющимся у меня сведениям, мисс Офелия Бинг, тоже актриса, собиралась в ближайшее время стать женой Креспена Майе, второго сына виконтессы Соуп. Однако у супружеской пары возникло немало проблем в связи с судом над Вальдо Бинго, подозреваемом в убийстве. Невесте пришлось возвратиться домой под конвоем полиции. Сейчас она заперлась в своей спальне и сидит там в свадебном платье, обливаясь слезами от горя, поскольку лишилась возможности занять достойное место в одной из лучших аристократических семей Англии».

— Что за дичь здесь написана! Все было совсем не так. Это просто какой-то плагиат из «Больших надежд». О, Господи! Я во всем виновата...

— Еще не конец! Вот что тут написано о Порции, — весело продолжала Корделия и прочла вслух:

«По признанию сестры, Порция Бинг в момент ареста отца отсутствовала, — она проводила время где-то за городом с человеком, которого давно разыскивает полиция за пособничество нелегальным эмигрантам в пересечении границы. Скорее всего, ее другом является не кто иной, как албанский преступник, известный под прозвищем Могильщик. Вполне возможно, что дочь Вальдо Бинго оказалась заложницей албанских террористов и была переправлена в гарем Могильщика, находящийся в горах».

Корделия вскрикнула, прижав руки к груди.

— Это что, правда? Моя несчастная сестренка, как ты думаешь, это серьезно — о гареме в горах?

— Чепуха! Этого не может быть. Порция написала мне. Она не за границей, это все ложь. Постыдный вздор! — Я снова перечитала статью, не веря своим глазам. Ни в одной строчке не было ни на йоту правды.

Я чувствовала себя сплошь виноватой. Меня мало утешало, что я дала повод для этой безобразной клеветы из-за собственной недалекости и доверчивости. Дирк положил лапы на мои колени и потянулся, чтобы лизнуть меня в щеку. Он был единственным, кто хоть как-то скрашивал мое одиночество.

— Хэрриет, — Корделия взяла меня за руку, — я все равно на твоей стороне, даже если все на тебя разозлятся. Я один раз смотрела фильм «Гневная тишина» — о человеке, который в Ковентри...

Я не стала слушать Корделию, поскольку в эту минуту обнаружила еще одну заметку в газете.

«Притон наркоманов обнаружен в штаб-квартире радикальной политической организации.

Согласно полученной информации, во время вчерашнего рейда полиции в Аулстоун-роуд в Кларкенуэлле, было обнаружено несколько пакетов, предположительно содержащих экстракт конопли. Однако подтвердить факт нелегального хране-

ния наркотика полиция отказывается, пока не будут получены результаты экспертизы. Несколько членов этой экстремистской молодежной группировки были арестованы во время беспорядков, учиненных недавно на митинге в центре города».

— Сегодня самый ужасный день в моей жизни, — заявила я, обхватив голову руками.

В этот момент раздался телефонный звонок. Прислушавшись, я различила еще и звонок в дверь — это была новая атака, вероятно вдохновленная успехами Стэнли Нормана. Судя по всему, человек, в течение четверти часа набиравший наш номер, не сомневался, что кто-то должен быть дома. Я прошла в коридор и сняла трубку.

Звонил мистер Поттер, банковский менеджер. Когда я сообщила ему, что моя мать не может поговорить с ним, поскольку будет отсутствовать до конца следующей недели, он выразил крайнее неудовольствие, именуя наше поведение «нарушением установленного порядка», но ни возражать ему, ни оправдываться у меня не было сил. Я была не в курсе нашего финансового положения. В этом я ничем не отличалась от остальных членов моей семьи. У меня существовало непреклонное убеждение, что деньги в доме есть всегда и что так будет продолжаться вечно. Так что мне оставалось только терпеливо выслушать его и на каждое обвинение отвечать только «да, я понимаю». Но такая моя реакция вызвала у него еще большее раздражение. Когда же он заговорил о юридическом разбирательстве и судебном приставе, я вдруг осознала, что дело весьма серьезное и на снисхождение со стороны Поттера рассчитывать бесполезно.

— Простите мисс Бинг, но, мне кажется, что вы не очень хорошо понимаете, что происходит. Срок истек, и нам придется применить меры, если счета не будут погашены в самое ближайшее время.

Эти слова были произнесены настолько холодным и бесстрастным тоном, что мне в приступе отчаяния вдруг показалось, будто он давно выжидал удобного случая, чтобы нанести сокрушительный удар по дому Вальдо Бинго. Но внутренний голос подсказывал мне, что малознакомый человек

вряд ли способен питать к моей семье неприязнь и целенаправленно стремиться причинить нам зло. Требовать выплаты долгов — его законное право, возможно, от этого зависел его собственный доход, ему нужно обеспечивать своих детей, заботиться о престарелых родственниках или решать какие-то иные личные проблемы, но меня это уже не интересовало.

— Знаете, что я вам скажу, — начала я самым вежливым тоном, на какой была способна, — идите-ка вы к чертовой матери со своими счетами и срочными требованиями!

Я повесила трубку с чувством удовлетворения, радуясь собственной находчивости, ведь мне удалось избежать унижительных для репутации моего отца объяснений.

Такое количество неприятностей оказалось мне не под силу. Казалось, я потеряла всякую способность переживать и страдать, и даже мысль о том, что я безгранично несчастна, уже не так ранила меня.

Дирк, прибежав в мою комнату, запрыгнул на постель и улегся рядом с Марком-Антонием, положив голову на мою пижаму. Но я так и продолжала сидеть, глядя в окно невидящими глазами. Мария-Альба принесла мне завтрак, я взяла у нее поднос, чтобы она могла отдышаться, — ей нелегко было взбираться по лестнице в мою каморку под крышей.

— Я ждала, ждала, а ты не спускаешься. Знаю, тебе иногда хочется посидеть в одиночестве. Может, оно и правильно. *Офелия is in cattivissimo umore, eccome!* (в самом скверном настроении!) Надулась так, что к ней не подступишься.

— Это я ее разозлила.

— Чепуха! — Мария-Альба тяжело опустилась на кровать, Марк-Антоний проворно отодвинулся на другой край, подобрав под себя лапы, но Дирк даже не пошевелился, только лениво облизнувшись. — Она, как любая женщина, боится, что ее бросят. А уж такая женщина, как она, Бог мой, и вовсе этого не переживет.

— Мне давно пора смириться, что в семье все против меня... — Голос мой дрожал, и я чувствовала, что вот-вот заплачу.

— Ну, ну, Хэрриет! — Она взяла меня за руку, погладила

мою ладонь большим желтым пальцем. — Все будет хорошо. Сейчас у нас много проблем, но это скоро пройдет.

— Дело не только в Броне и Офелии. Банк больше не дает кредитов. У нас почти нет денег. И Порция пропала, неизвестно — что с ней. Что, если этот проклятый газетчик написал правду? Я имею в виду, что она могла, сама того не подозревая, познакомиться с каким-нибудь бандитом.

Я разрыдалась, прижавшись к груди Марии-Альбы, как всегда случалось со мной в детстве.

— Бедняжка моя, ты устала, поешь вкусный завтрак, который принесла Мария-Альба. Тебе станет лучше.

Я не могла отказаться от еды, хотя и не чувствовала себя голодной, но Мария-Альба ужасно обиделась бы, если бы я не попробовала ее бифштекс и пирог с грибами. Она до сих пор считала меня ребенком, которого можно развеселить и успокоить вкусным угощением.

— Мы будем экономить на всем, — прошептала я, вытирая слезы салфеткой, — никакой новой одежды, поездок на такси, пока папу не освободят.

— О чем вы думаете? — мрачно глядя на нас исподлобья, спросил Брон. — Вас что угодно интересует, кроме меня. Мне уже двадцать шесть, а у меня нет и десятой доли славы, которая уже была в этом возрасте у Наполеона.

Брон надел элегантное черное пальто с меховым воротником.

— Замечательно! — оживленно воскликнула Офелия, разглядывая мех. — Очень похоже на норку.

— Это и есть норка.

— Не может быть! И сколько она стоит?

— Ровно пятьдесят фунтов. Можно было достать и подешевле, но мой магазин закрылся, пришлось купить в другом месте — в распродажу.

Я ушам своим не могла поверить — непонятно было, откуда Брон взял деньги. Я тут же вспомнила о разговоре с Плоттером, но, боясь очередной ссоры, решила промолчать.

Раздался звонок в дверь, переполошивший Дирка, который тут же начал прыгать вокруг Брона, теребя за полы его пальто.

— Да убери от меня эту собаку! — крикнул он. — Он сейчас порвет мне пальто!

— Я им сейчас скажу, чтобы убирались подобру-поздорову! — проворчала Мария-Альба, выходя из кухни с половником.

— Подожди, — остановила я ее, — сама разберусь.

Мне пришлось оттащить Дирка, кидавшегося к двери с громким лаем.

— Без комментариев! — крикнула я как можно громче. — Пожалуйста, оставьте нас в покое.

— Ради Бога,пусти меня, — раздался снаружи голос Порции.

Я сняла цепочку и распахнула дверь. Порция кинулась в мои объятия. Дирк, хотя и не был знаком с сестрой, с потрясающей сообразительностью позволил ей войти, но гневно набросился на преследовавших ее репортеров, не давая им подойти ближе. Я захлопнула дверь.

— Кто они? Весь мир сошел с ума! — Порция присела на ложе Клеопатры, не в силах держаться на ногах. — А это что за собака?

По ее лицу было видно, что с ней случилось нечто не совсем приятное. Она была в какой-то странной черной рубашке, которая была ей велика, и джинсах, тоже чересчур широких. Ее лицо было мокрым от слез, тушь растеклась и размазалась под глазами.

— Где ты была? Я так волновалась! — с упреком сказала я, едва сдерживая истерику.

— Не ори на меня! Я и без тебя довольно натерпелась. Еле живая приехала.

Я села рядом на кушетку и обняла ее:

— Как хорошо, что ты вернулась, я чуть не заявила в полицию, чтобы начали розыск.

— Этого еще не хватало! — Она отодвинулась от меня, и тут я заметила синяки на ее лице.

— Порция, кто это сделал?

— Этот мерзавец Дмитрий! Кто же еще! Мы поехали к нему домой. Ты никогда не видела такой роскошной обстановки: дорогие кровати из красного дерева, кресла, обитые бархатом, телевизор с дистанционным управлением. Я думала, все

будет мило. — Порция говорила очень быстро, задыхаясь от волнения. — Но когда я посмотрела на потолок, то увидела там роспись — ужасные эротические сцены... Мы немного выпили. Тогда я сказала, что никогда не мечтала переспать с карликом: я же не могла прямо сказать, что меня раздражают его короткие ноги. Он и еще кое-чем походил на Тулуз-Лотрека, но это я обнаружила позже — у него член такого размера, что ты и представить себе не можешь. — Порция зло рассмеялась. — Она изъяснялась в своей обычной цинично-откровенной манере, но теперь в ее голосе было что-то пугающее.

— Порция, прекрати так говорить! Почему ты назвала его карликом? — Мне никогда не нравилась ее привычка рассказывать о своих похождениях в таком тоне, словно она была дешевой шлюхой. — Что он сказал?

— Он меня ударил, разбил мне губы... Ты что, не видишь? — Порция указала на следы от побоев. — И сломал зуб! Как тут было не плакать, я же ненавижу дантистов...

Порция закрыла лицо руками, словно стараясь защититься от неприятных воспоминаний. Я погладила ее по плечу.

— Бедная моя сестренка, что за несчастье! Ударил женщину, скотина! Его за это следует посадить!

Она улыбнулась и потрясла головой:

— Это еще не самое худшее. Но я даже не хочу вспоминать. Больше никогда не смогу видеть солнцезащитные очки, потому что — ты не поверишь — он их даже в постели не снимал. Я так и не узнала, какого цвета у него глаза.

— В постели? Ты что, спала с ним после этого? Почему ты немедленно не уехала домой?

— Потому что у него был пистолет.

— Пистолет? — Я похолодела от ужаса. — Боже мой, Порция!

— Ну, хватит восклицать, Хэт, невозможно тебя слушать! Еще не хватает, чтобы соседи об этом узнали. Он грозился мне башку прострелить. — Порция посмотрела на меня так, что мне сделалось не по себе. — Мне всегда казалось, что я ничего не боюсь, что со мной ничего не может случиться. Теперь понимаешь, почему я ему подчинилась?

— Да кто бы ни подчинился, он ведь мог убить тебя!

— Уж ты бы точно струсила, — Порция попыталась улыбнуться. — Я даже не могла закричать, потому что за дверью сидели вооруженные телохранители.

— Порция, ты понимаешь, что они могли убить тебя! — Я обняла ее, прижала к себе. — Ты ужасно рисковала! Мне страшно даже думать о том, что могло бы случиться.

— Хорошо, хорошо. Я знаю, что была душой, когда согласилась поехать с ним. Но не воображай, что ты такая мудрая и все знаешь. — Порция начала злиться. — Когда-то ты спрашивала меня, что такое феллацио. Разве не так?

— Это было давно, я была еще ребенком, нечего об этом вспоминать. Он тебя изнасиловал! — Я мгновенно забыла все гуманистические теории, а также поучения Доджа о том, что свободная женщина никогда не позволит себя изнасиловать, — во мне заговорила неукротимая животная ярость, теперь я с удовольствием придушила бы Дмитрия голыми руками, растерзала бы его на части. — Стэн был прав, он бандит, нужно срочно сообщить об этом инспектору Фою.

— Какому инспектору?

— Фою. Он... не важно, потом расскажу. Что же было дальше? И как ты оттуда выбралась?

— Я никуда не могла выскользнуть, он не отпускал меня. Но я не собиралась там оставаться до конца жизни. Мне приходилось терпеть его, чуть что — он приходил в бешенство. Но у него были все время какие-то дела, так что он оставлял меня на несколько часов, слава Богу. Я сидела и читала книжку, где описывалась история какой-то несчастной девушки, приехавшей в Голливуд и ставшей наркоманкой и алкоголичкой. Она умерла, но до этого с ней случилось еще много всяких трагедий. Утром Дмитрий мне сказал, что уедет на целый день, и обещал привезти мне шубу и драгоценности, если я буду послушной, когда он вернется, потому что ему надоело мое сопротивление. Нужно было воспользоваться этим, чтобы сбежать. Так что я соблазнила Чико, одного из телохранителей, который приносил мне еду. Представь себе, как он изголодался, пока сидел под дверью и слушал вопли хозяина в момент оргазма. Я пожаловалась ему, что тот меня бьет и отнял одежду, чтоб его черти подрали! — Порция сжала кулаки. — От этого парня,

конечно, пахло не туалетной водой, а чесноком и потом, но мне выбирать не приходилось. Пришлось ему уступить, иначе бы мне оттуда не вырваться, зато, когда он заснул, я взяла его рубашку и джинсы и убежала. Он бы, конечно, меня догнал, если бы не был голым. А вот я так голой и убежала, хорошо хоть не босиком. Прямо по полям и через лес, пока не выбежала на дорогу. Только там я натянула на себя это тряпье и остановила грузовик. Водитель довез меня до Кэмберуэлла, он на меня, разумеется, пялился, как на сумасшедшую, но я ему сказала, что лесбиянка, и он больше ни о чем не спрашивал. Это была хорошая идея, может, мне и правда стать лесбиянкой, потому что после Дмитрия меня тошнит при мысли о мужчинах.

— Привет, Порция, — в коридор вышел Брон, — где ты пропадаешь? Ну, как тебе мое пальто?

— Она попала в руки маньяка! — сообщила я.

Брон усмехнулся.

— Неоригинальная шутка.

— Это не шутка. Так оно и было. Нужно позвонить в полицию и вызвать врача.

— О нет! Не надо! — запротестовала Порция, схватив меня за руку. — Ты что, думаешь я стану позориться, рассказывая об этом еще кому-то? Все, что мне сейчас нужно — это горячая ванна и сон. Я еще никогда не чувствовала себя такой уставшей.

— Но тебе нужно показаться врачу — ты могла заразиться от него чем угодно или забеременеть.

— Ну, тебе-то какая разница... — холодно возразила Порция, снова начиная раздражаться.

— По крайней мере, давай сообщим в полицию. А если он не остановится и найдет новую жертву?

— Это ее проблемы, а не мои, я не собираюсь бороться за безопасность и права женщин, и хватит об этом. Ты ужасно глупая, Хэт. Я тебе все это рассказываю не для того, чтобы ты вела меня к врачу или в полицию, — просто мне нужно было поделиться.

— Пожалуйста, не злись на меня, — я обняла ее за плечи, стараясь успокоить, — все будет, как ты захочешь. Давай больше не будем об этом говорить. Милая, милая моя Порция,

я так рада, что ты вернулась. Пойдем, я приготовлю тебе ванну и принесу ужин.

— Дай мне слово никуда не звонить.

— Обещаю.

Порция поднялась наверх и прошла в свою комнату, но, когда она сняла с себя одежду, я снова ужаснулась. Ее тело было в синяках и кровоподтеках. Пока она принимала ванну, я сидела на баке с грязным бельем и болтала с ней обо всякой чепухе, но настроение у нее было не самое веселое.

Я принесла ей ужин, который она с жадностью проглотила, видно изголодавшись за время своего кошмарного путешествия. И после этого я уложила ее спать, посидев с ней еще немного, пока она не успокоилась. А затем ушла, тихо закрыв дверь.

Дирк всю ночь не давал мне заснуть, скребся лапами о мою подушку и лизал меня в нос. Вдруг я услышала громкий крик Порции, комната которой находилась прямо под моей мансардой. Я вскочила и бросилась вниз по лестнице. Вбежав к сестре, увидела, что она сидит на кровати и дрожит.

— Хэт? О Боже! Я спала... Ужасный, ужасный сон... — Глаза ее были мокрыми от слез. Она схватила мою руку. — Не уходи от меня.

Я почувствовала, что так же нуждаюсь в ней, как и она во мне. Я пришла в себя, и беспокойство за судьбу сестры, снедавшее меня в течение двух дней, теперь немного улеглось. Но теперь вернулась тревога за будущее отца.

Оставив сестру, я возвратилась к себе в комнату, но так и не легла спать, ожидая, что Порцию опять разбудит кошмар. Но ничего больше не случилось.

Глава 9

— Это какой-то новый фотограф, правда? — Корделия выглянула из окна на улицу.

Она сидела на подоконнике в столовой с коробкой рукоделия и читала свой любимый отрывок из «Маленькой женщины», где юная героиня умирает от чахотки.

Отодвинув шторы, я осмотрелась вокруг. Мы существова-

ли, словно в осажденной крепости, постоянное присутствие около наших дверей репортеров неизменно напоминало нам о том, в каком скверном положении находилась наша семья.

...Порция вошла в столовую и вместе с нами стала разглядывать толпу незваных гостей на улице. Она уже пришла в себя, синяки ее желтели и постепенно исчезали, только сломанный зуб сильно портил ее красивое лицо. Но заставить себя пойти к зубному врачу она так и не смогла. Ей по-прежнему снились кошмары, потому она уже третью ночь спала в одной комнате со мной, боясь оставаться одна. Она больше не желала говорить о случившемся, и мы дали друг другу обещание не вспоминать прошлое. Она уверяла меня, что с ней все в порядке, но вид ее внушал мне тревогу. Внезапно она повернулась и посмотрела туда, куда указывала Корделия.

— Это же один из телохранителей Дмитрия! — Она схватила мое запястье. — Не Чико, другой! По-моему, его зовут Декс.

— Ты уверена? — Ничем не примечательный человек стоял около фонаря и курил сигарету. — Я ничего не вижу за твоей головой, Корделия.

— Нет, я не ошибаюсь, я еще не сумасшедшая, и галлюцинаций у меня нет! — Порция очень взволновалась. — У него родимое пятно на щеке. Можешь не сомневаться, я его узнала.

— Кое-кого из них отсюда давно пора вышвырнуть пинками, — заметила Корделия.

— Я ничего не вижу... — Он ничем не отличается от остальных, они все на одно лицо. — Но тут он повернулся, и я ясно различила на его щеке, ближе к подбородку, красноватое пятно. — Порция! Все верно, это он! Но что ему нужно?

— Наверное, ждет, чтобы Мария-Альба хорошенько треснула его половником. Ты иногда бываешь ужасно глупой, Хэт. Разумеется, он сюда притащился, чтобы найти меня.

— О чем он хочет говорить? — не унималась я. — И вообще, где ты познакомилась с этим Дмитрием?

— Брон нас познакомил. Он сводил меня в «Зеленого дракона» просто так, выпить по стакану джина, там-то мы и встретили Дмитрия. Он сказал мне, что этот тип очень богат. — Порция немного покраснела от смущения. — Я поду-

мала, что он бы мне подошел на время. Потом Брон куда-то отошел, и мы долго разговаривали наедине.

Я слушала ее молча. В голове у меня возникло страшное подозрение, что Брон не случайно свел Патрицию с этим мерзавцем, но я не хотела верить, что он действительно способен был продать сестру, хотя у него вдруг появились деньги в последнее время.

— Что за низость! — не выдержав, воскликнула я.

— Конечно, он негодяй, — согласилась Порция, имея в виду не Брона, а Дмитрия, — но что здесь нужно Дексу?

— Он сейчас говорит с одним из репортеров, — сообщила Корделия, устроившись поудобнее на подоконнике.

— Ну что там такое? — Порция потрясла ее за плечо. — Скажи, что происходит.

— Он качает головой. И смотрит на дом. Он увидел меня! — Корделия задернула штору. — Нет, правда, он меня видел!

— Замолчи, — Порция потянула от окна Корделию, — от тебя никакого проку, пусть посмотрит Хэрриет.

— Не толкайся, он достал маленькую книжку и что-то пишет. И вырвал страницу. А теперь идет по дорожке, идет прямо к нам!

Мы услышали шум за дверью, что-то упало в почтовый ящик. Дирк, мирно дремавший после завтрака на софе, сорвался с места и понесся в прихожую с громким лаем.

— Я возьму. Какая ты противная, Порция, порвала мою кофту. Надеюсь, это любовная записка. Или стихотворение. Правда, даже издавек он такой мерзкий, что смотреть тошно.

Она выбежала из комнаты, не обращая внимания на протестующие крики Порции, и через минуту вернулась назад с запиской. Корявым размашистым почерком без знаков препинания в ней было написано:

«Верни нам одежду иначе пожалеешь о том что родилась».

Корделия разочарованно вздохнула:

— Дурацкое письмо. Ничего интересного... А что еще это за одежда?

Мы переглянулись, не понимая, о чем речь, но в эту минуту в столовой появился Брон.

Брон выглянул в окно, не обращая внимания на мой недовольный и мрачный взгляд.

— Корделия, — продолжал он, — будь пайнкой, скажи Марии-Альбе, чтобы приготовила мне куриный сэндвич. Я познакомился с девицей, у отца которой собственный банк. При одной мысли об этом я чувствую голод. Ну, и как они там? — Он кивнул в сторону журналистов. — Кого я вижу? Гриз тоже здесь. Это он мне пальто продал. А это что за парень с пятном на физиономии? Не понимаю, что им нужно, я заплатил аванс и ничего не должен. И какого черта он там болтает с газетчиками? Надо ему сказать, чтоб убирался.

— Нет, не делай этого! — закричали мы втроем одновременно.

— А может, они пальто требуют вернуть? — предположила Корделия.

— О чем ты говоришь? — Брон схватил за руку Корделию. — Кто это требует?

— Он пишет, мы пожалеем, что родились, если не вернем его, — пояснила Корделия. — Пусты меня, мне и так Порция кофту порвала.

— Я тебе сейчас голову оторву. Что ты собираешься делать с моим новым пальто? Говори быстро!

— Вот, прочитай... — Порция отдала ему записку.

Брон развернул бумагу, но еще до того, как он успел прочесть текст, Корделия повторила:

— Иди, отдай им его. И побыстрее.

— Я пойду с тобой, — сказала Порция. — Они меня достали.

Брон смотрел на Порцию в полном изумлении.

— Что с ней такое случилось? — Он обращался ко мне, словно я была вместе с Порцией в Ковентри. Дирк тревожно бегал по комнате, прислушиваясь к шорохам за дверью.

— Где ты взял деньги, чтобы заплатить за пальто? Дмитрий дал тебе их, да? Порция мне все рассказала. Он изнасиловал ее, угрожая пистолетом, и держал взаперти в своем доме. Ей пришлось переспать с телохранителем, чтобы сбежать. Этот тип, который требует пальто назад, — из банды Дмитрия. Ты настоящая свинья, Брон! — Я уже не говорила,

а кричала, наступая на него в ярости, но Порция вовремя удержала меня.

— Это правда? Ты не шутишь? — спрашивал он, глядя мне в глаза. — Хорошо! Нечего на меня орать! Я понятия не имел, что он собирается делать. Я познакомил его только потому, что Порция так захотела. Ты сама знаешь, она не особенно разборчива в выборе любовников. Дмитрий видел ее пару раз в «Драконе» и попросил меня познакомить его с ней. Я ничего дурного в этой просьбе не видел. Неужели ты думаешь, я стал бы это делать, если бы знал, кто он. Но вот уж чего я точно не делал — не брал у него денег. Ни пенни. Клянусь честью...

— А где же ты тогда взял деньги? Я тебе не верю. Ты лжешь.

— Не понимаю, почему я должен отчитываться перед тобой, откуда я беру деньги?

— Я пойду в полицию. Нужно было сразу это сделать. — Я решительно направилась к двери, но Брон остановил меня:

— Постой, не горячись. Тебе это не понравится, но я взял деньги у последнего хозяина Дерка. Он хотел отдать собаку в хорошие руки. И предложил мне в придачу сто фунтов.

— Чудесно! — отозвалась я, не зная, плакать мне или смеяться. — Представляю, как бы ты выглядел, если бы рассказывал все это в полиции.

— Как невинная жертва, полагаю, — ответил мне брат, — а тебе — урок, нечего обвинять человека, не имея доказательств. Ты очень любишь искать виноватых. И потом, неужели ты всерьез собиралась выставить меня таким злодеем?

Я покачала головой.

В это время из прихожей донесся голос Корделии:

— Вот ваша одежда. Берите и убирайтесь! Вы что, не поняли?

— Какой кошмар! Жаль будет, если все так закончится. Ты говоришь, что купил его у Декса, а ведь оно могло быть украдено где-нибудь!

— Что-что? Я ничего не крал. Черт побери, да вы посмотрите на этих репортеров!

Все собравшиеся толпой ринулись к нашей лестнице, расталкивая друг друга, чтобы завладеть несчастным пальто Бро-

на. На том месте под фонарем, где раньше стоял Декс, теперь был другой человек, и он тоже курил сигарету.

— Я вообще-то не у Декса его приобрел. Почему он так им интересуется?

— Нечего набрасываться на меня как дикая собака, — донесся голос из-за двери, — это не та одежда, о которой я говорю.

— Я поняла... Это одежда Чико. Вот зачем он пришел.

— А где она?

— Я отдала ее Марии-Альбе, а она отнесла ее Лавди на тряпки.

— Что ты натворила! — Порция замерла на пороге. — Ты ненормальная, Хэт!

— Прости, но я не могла оставить дома дурно пахнущие вещи.

— Вот это действительно урок — не трогай то, что не твое. Как бы нам не пришлось пожалеть о том, что мы родились, а все из-за твоей занудной аккуратности! — Порция схватилась за голову, не зная, что делать.

— Не придется, я сейчас позвоню инспектору Фою! — Я бросилась в коридор к телефону.

— Добрый день, Хэрриет. Как ваши дела? — Я сразу почувствовала себя спокойнее, услышав его доброжелательный голос, и начала рассказывать, что с нами произошло. — А что в этих вещах примечательного? — спросил он, как только понял, в чем проблема.

— Я не знаю. Ничего особенного. Рубашка, кожаный жакет, поношенный и старый, такие носили в пятидесятые. И джинсы.

Инспектор вздохнул и затем добавил:

— Не выходите из дома и никого не пускайте. Я буду через час.

Я была уверена, что он сдержит слово. Услышав, что подъехала машина, я подошла к окну. Наверняка, увидев ее, Декс успел сбежать, — любой опытный преступник усмотрел бы в автомобиле без номеров опасность.

— Мисс Бинг, — инспектор внимательно смотрел на Порцию, — мы будем вам признательны, если вы подробно изло-

жите все, что с вами произошло. Это прежде всего поможет нам защитить вас.

— Ну уж нет, если речь идет о медицинской экспертизе у ваших врачей-садистов. Поищите другую дурочку, я ни за что не пойду! — Порция гневно сверкнула глазами. — Даже не заикайтесь...

— Я все понимаю... — Инспектор сел в кресло, достал сигару и нахмурился, но, когда посмотрел на меня, я кивнула, в знак того, что он может закурить.

Он вынул из портфолио несколько фотографий, и Порция стала по очереди рассматривать их.

— Нет, нет, нет, не... Хотя... погодите минуту. Господи! Кажется, это он и есть! Я не очень уверена, потому что не видела его без темных очков.

Инспектор взял фотографию и нарисовал темные круги вокруг глаз.

— Это он, Дмитрий, — подтвердила Порция со слезами в голосе.

— Хорошо, Порция. Вы позволите мне так обращаться к вам? — Инспектор затянулся и задумчиво выдохнул струйку дыма. Порция согласно кивнула. — Он давно занесен в нашу картотеку. Вымогательство, разбойные нападения, грабежи.

— Чико, — она выронила из рук фотографию, — и вот этот тоже, он написал, что мы пожалеем о дне, когда родились. — Она положила на стол фото Декса.

— Я не могу посадить их без улики — к сожалению, таков закон. Вы могли бы узнать дом, в который вас привезли?

— Он не в Девоне, а гораздо дальше.

— Это, должно быть, Окшотт, — сказала я. — Это же Серрей, так говорила Офелия. О, вот и она.

Офелия вошла в гостиную, одетая в меховое пальто. Она была ярко крашена, вокруг глаз поблескивали серебристые тени, казалось, взгляд ее лучился звездным светом. Инспектор почтительно встал, но когда она увидела его, то разочарованно вздохнула:

— Я вернусь поздно, не запирайте дверь на нижний замок.

Она уже собралась уходить, но Фой остановил ее:

— Погодите минуту, мисс Бинг, у вашей семьи серьез-

ные проблемы, вы можете тоже попасть в весьма неприятное положение, не уходите из дома — рядом могут быть опасные люди.

— Ну так арестуйте их! — Офелия вызывающе посмотрела на инспектора. — Это же ваша работа.

— На данный момент у меня нет такой возможности.

— А это уже ваши проблемы. — Офелия усмехнулась. — Спасибо за предупреждение. Я уйду.

Инспектор шагнул вперед и загородил дверной проем. Мне вдруг показалось, что он гораздо сильнее, чем можно было предположить на первый взгляд, и выглядел он как человек, с которым лучше не вступать в напрасные споры.

— Не делайте глупостей, — коротко велел он ей, — у меня нет никакого желания через два часа смотреть на ваш труп, выловленный из реки. Подумайте, как отвратительно будете выглядеть, если больше ничего вас не может убедить. В морге и так полно работы.

Офелия уставилась на него в полной растерянности, но тут же снова приняла беззаботный вид — ей даже удалось выдержать его суровый взгляд.

— Знаете, жизнь все равно рано или поздно кончается... — В гневе она сняла и швырнула на пол пальто. Только тогда он отошел от двери и пропустил ее. Я услышала, как простучали по лестнице ее шаги. Она, видимо, возвратилась в свою комнату.

Если Фой и гордился своей победой, то виду не подал.

— Чико требует свою одежду не случайно, значит, в карманах что-то было. Мне нужно поговорить с вашим садовником.

— Лавди не очень любит отвечать на вопросы, — поспешила я предупредить инспектора, боясь, что он несколько неправильно воспримет нашего странного друга, — он немножечко необычный человек.

— Не беспокойтесь, мне случалось иметь дело с разными людьми. — Инспектор положил сигару на край пепельницы. Я уже привыкла к этому загадочному курительному ритуалу, сопровождавшему его интенсивные размышления. Теперь он сосредоточился на предстоящем разговоре, вынул из кармана блокнот и карандаш.

— Благодарю вас за любезность, мистер Лавди, я инспектор полиции Фой...

— Я знаю, кто вы есть. Я все читал в листках, которые принесли вчера вечером. — Хотя Лавди родился и вырос в лондонском Ист-Энде, по его акценту можно было предположить, что он провел полжизни среди шотландских гор или вересковых пустошей Уэльса.

— О!.. — Инспектор улыбнулся то ли насмешливо, то ли с симпатией. — Ну, тогда, мистер Лавди, я уверен, вы еще не забыли о той одежде, которую мисс Бинг дала вам.

— А как же нет, одёжу, что из пыли дьявольской соткала прислуга королевы Маб.

— И что же, — инспектор потянулся за своей сигарой, — вы с ней сделали?

— Ничего, милорд.

— И где же она?

— Ее поглотило пламя. Я только смертный, а не волшебник — и не могу ее вернуть.

— Так она уничтожена? — не скрывая разочарования, спросил инспектор.

— Это сложный вопрос, милорд, ведь никто не знает, куда деваются вещи, которые исчезли в огне. Быть может, они превратились в дьявольские тени и несутся теперь в темноте в поисках новых жертв. Только один человек может ответить на это.

Инспектор нахмурился.

Лавди возвратился в свой лабиринт, оставив на ковре несколько сухих листьев.

И вот, когда я уже не сомневалась, что ничего хуже случиться уже не может, выяснилось еще кое-что. Инспектор предупредил нас, что следует ограничить выходы из дома. Ни при каких обстоятельствах не следовало выходить по вечерам и ночью, а если действительно появится необходимость выйти на улицу, то делать это лишь при дневном свете, когда вокруг много народу. Мы обязательно должны извещать полицейских, дежурящих у дома, о своей отлучке и времени, когда планируем возвратиться. Нельзя сказать, что такая программа вселяла в нас оптимизм, к тому же у нас постепенно сформир-

ровался стойкий ужас перед встречей с любым незнакомым человеком вне дома.

Но вслед за этими неприятностями последовала еще одна — исчезновение Марка-Антония. Он быстро превратился в любимца репортеров, но сам был слишком брезглив и не подпускал их к себе. Однако как-то дождливой ночью он не вернулся домой, и мне пришлось пойти спросить у охраны, не видели ли они нашего кота. Они сообщили, что час назад появился какой-то странный тип с родимым пятном на лице и тарелкой кошачьего корма. Он сразу привлек внимание полицейских, ибо вовсе не походил на любителей домашних животных.

Я напомнила дежурному, что это и был тот самый человек, который прислал нам записку с угрозами и требованием вернуть одежду. Все сильно встревожились, я позвонила Фою и пожаловалась на исчезновение нашего любимца, однако он сказал, что не может послать наряд полиции для поисков пропавшего кота.

После этого происшествия настроение мое испортилось окончательно, и я уже не верила, что все когда-нибудь исправится. Я подумала, как тяжело будет переживать Мария-Альба исчезновение Марка-Антония.

Все, кроме меня, старались как-нибудь забыться и развлекаться. Брон с Офелией уселись за рояль в гостиной и играли свадебный марш в четыре руки. Порция, закрывшись в своей комнате, читала кулинарные книги, объясняя свое увлечение тем, что больше не может ни читать, ни думать о сексе, и даже невинное описание поцелуя в романе вызывало у нее отвращение.

Мы с Корделией собирались размножить фотографии Марка-Антония, чтобы расклеить копии по всему нашему району с объявлением о вознаграждении. Корделия предлагала поставить на окне свечу — якобы она могла привлечь кота, если он потерялся и теперь бродит где-нибудь поблизости. Но когда я думала о том, что с ним могло случиться в городе, сердце застывало от ужаса. Под вечер мы услышали странный шум, словно кто-то скребся у нашей входной двери. Я тут же бросилась на лестницу и увидела там Марию-Альбу, сосредоточенно чистившую коврик щеткой. Но на следующий день ситуа-

ция осложнилась: около полудня я вдруг увидела в окно, что Мария-Альба, рыдая, стоит на коленях перед отцом Элвином и умоляет его отпустить ей грехи. Стало очевидно, что пора звонить доктору, наблюдавшему нашу домоправительницу.

Мне пришлось ждать ответа довольно долго, поскольку медик решил проконсультироваться с коллегами. Тут же произошла странная история с одним из дежуривших у нас полицейских. Он зашел выпить чашку чая, но вскоре выскочил из дома как ошпаренный, схватившись руками за голову. Я попыталась выяснить у него, что произошло. И он начал сбивчиво, с трудом удерживаясь на ногах, рассказывать, как после чая ему стало не по себе: что-то вспыхнуло перед глазами, и все поплыло вокруг.

К счастью, скоро прибыл инспектор Фой. Ничего особенно на кухне мы не обнаружили, к нам присоединился и один из репортеров, уверяя нас, что такие приступы дурноты могут вызывать у некоторых людей самые обычные запахи, например аромат лимона или лаванды.

— Гораздо больше это похоже на воздействие галлюциногенов, — заметил инспектор, обследуя чашки и бутылки, стоявшие на столах. — Должно быть, замедленного или слабого действия. — Он посмотрел на часы. — Полпятого. Кто здесь пил чай?

— Вероятно, все, кроме Корделии, — ответила я, — даже репортеры. Я тоже пила и чувствую себя прекрасно. О, может, все дело в сахаре? Мария-Альба всегда кладет три ложки.

Инспектор сунул палец в сахарницу и облизал его.

— Вкус вполне нормальный, но надо проверить. Я бы хотел знать... — Он медленно достал сигару, собираясь прикурить. — Хотел бы, — продолжал инспектор, обращаясь к пострадавшему полицейскому по имени Дики, — чтобы выяснили, что за вещество так на вас подействовало.

Воцарилась тишина, стало слышно, как Мария-Альба в своей комнате поет колыбельную. А в это время репортер, не в силах устоять перед искушением, пытался отломить ложкой кусочек шоколадного торта, стоявшего на столе.

Инспектор коротко вздохнул:

— Не могу думать, когда кругом так шумят. Усадите этого несчастного в машину, надо отвезти его к врачу. Дайте мне со-

средоточиться... — Сержант Твитер, поддерживая Дики, повел его на улицу к машине. — Да, что-то похожее на ЛСД. Точно, в крупинках сахара. — Мы начали вытаскивать все миски и коробки, пока не обнаружили старую форму для бисквита с сахарным песком.

— Знаете, мы почти не пользуемся сахарным песком, — заметила я и, заглянув в комнату Марии-Альбы, показала ей сахарницу и формочку: — Откуда ты это взяла?

Она смотрела на меня в изумлении:

— Бриллианты, блеск, искры...

— Нет, не бриллианты, Мария-Альба, zucchero (сахар)!

— Да, да! Джек!

— Кто такой Джек? У нас нет в доме никого по имени Джек.

— Нет, нет, нет... — Она упрямо трясла головой, — Джек!..

Внезапно я поняла, о чем она говорит.

— Знаю! Это не Джек, это giassa — пиджак. Наркотики были в пиджаке Чико. Вот как они сюда попали: Мария-Альба, решив, что у нас нет денег, не смогла выбросить столько сахара.

— Если все это ЛСД, то банка стоит тысячу фунтов, не меньше, — заметил инспектор. — Ничего, наши ребята их отыщут. Кто еще пил чай с сахаром?

— Офелия — нет, Порция — нет. О Боже, Брон!

Я уже бросилась наверх к Брону. Брат лежал на диване в гостиной и истерически хохотал.

— Господи, я еще его не видела таким придурком, — удивленно заметила Офелия, продолжая строить на столе карточный домик. — Он несет какую-то чушь, хуже пьяного, ни слова не понятно. Совсем спятил. Ой!.. — карты рухнули на стол. — И что ему так весело?

— Это наркотический кайф. В сахар, который клали в чай, был подмешен ЛСД.

— У меня начнется мигрень, если я весь вечер буду слушать этот идиотский смех.

С Броном пришлось остаться мне. Я сидела вместе с Дирком в кресле у дивана, а брат хохотал, непрерывно два часа кряду. К счастью, доза оказалась не настолько велика, чтобы вызвать серьезное отравление и нарушения психики, но это

было небольшим утешением на фоне всех прочих бед. Корделия с Порцией играли в шашки в комнате Марии-Альбы, пока она спала, выпив успокоительное, прописанное врачом. К концу вечера мы все были измотаны до предела. Очнувшись и перестав смеяться, Брон захотел выпить вина с лимонадом, плохо понимая, что с ним творится.

Нужно было еще позаботиться об ужине. У меня не было сил напрягаться и выдумывать какие-нибудь блюда, так что я взялась просто пожарить яичницу. И конечно же пережарила ее, она получилась слишком сухая и жесткая — как раз когда нужно было следить за ней, я услышала звонок и стук в дверь. Меня несколько удивило это неожиданное посещение, поскольку все журналисты уже разошлись по домам, но, вероятно, слух о том, что в доме известного актера нашли наркотики, уже успел распространиться.

У дверей появились две закутанные с ног до головы фигуры, так что было невозможно разобрать, кто это.

— Убирайтесь! — велел им полицейский, занявший место несчастного Дики. — Вам тут нечего делать, мадам, эта семья не хочет, чтобы ее беспокоили.

— Вот что, дорогой мой, — раздался знакомый мужской голос, — эта леди здесь живет, и если бы вы были немного повнимательнее, то не посмели бы так с нами обращаться.

— Господи, это же моя дочь! — раздался мамин голос из-под вуали, и она указала на меня рукой в перчатке: — Хэрриет, скажи же этому идиоту, кто я!

Глава 10

— «Ничто с таким бы не сравнилось мастерством!» — провозгласила мама с гордостью. — Ронни, мне нужно выпить. Ты что, забыла «Макбета», Хэрриет? Как тебе не стыдно! Боже мой, в какие тяжелые времена мы живем, кошмар! — Я поцеловала ее щеку, скрытую под вуалью. — Что это за собака вертится в доме? Ты не можешь ее убрать от меня?

Встреча оказалась, как обычно, полна восторженных излияний в любви. После чего мы все уселись за стол, причем ма-

ма и Ронни оставались в головных уборах и шарфах. Дирк, обеспокоенный появлением незнакомцев в доме, некоторое время суетился под ногами, но наконец убрался в угол и оттуда внимательно наблюдал за нами.

— Я надеюсь, Мария-Альба приготовила что-нибудь экзотическое на ужин, — заговорила мама, потягивая виски, — нас просто морили голодом в этой чертовой клинике. Я только и думала о том, как вернусь домой и наемся досыта.

— Она плохо себя чувствует, — сказала я, имея в виду Марию-Альбу, — я хотела приготовить яичницу, но она не очень получилась. Может, лучше что-нибудь заказать из ресторана?

— Я всю неделю мечтала об этом в больнице. Кстати, Ронни соблазнился их ценами и тоже решил остаться. При вселении у нас забрали одежду, а потом заперли в палатах. В счет, который мы оплатили, входил только этот голодный минимум, за шампанское с нас отдельно запросили восемьдесят фунтов, подумать только! Конечно же мы отказались. Они постоянно вымогали деньги на всякие мелочи, вычистили наши карманы — мы и глазом моргнуть не успели. И к тому же нас заставляли прогуливать каждый день по парку. Никогда не думала, что возненавижу прогулки. Пациенты были благовоспитанные, но ужасно скучные. И после всего этого у дверей собственного дома мы встречаем полицейского, который не дает нам войти!

Ронни уже успел проскользнуть на кухню и пошарить, выискивая съестное, но не нашел ничего, кроме пережаренной яичницы.

— Мы не можем все время есть куриное, — сказал он мне, поморщившись, — я думаю, надо приготовить деревенский пирог. Рецепт хороший, но простой. Вашей маме нужна калорийная пища.

— Спасибо вам за заботу, Ронни.

— О, да, — он понюхал пакетик с чесночной приправой, — я так преклоняюсь перед ней. Мне доставляет радость сделать для нее хоть что-нибудь. Я в восторге, что судьба свела меня с такой восхитительной женщиной... — Я села на стул, взяв на руки Дирка и приготовившись выслушать до конца его патетическое выступление. — А как ваш бедный отец?

Я очнулась, когда он задал этот вопрос.

— Ваша мама так страдает, что даже не может говорить об этом ужасном происшествии. Люди очень жестоки, они не понимают этого и все время пристают к ней с вопросами. Но мы-то с вами знаем, что такое душа великой актрисы, как она ранима и чувствительна.

Дирк спрыгнул на пол и, подобравшись к нему, внимательно обнюхал его ноги.

— Какой очаровательный щенок!..

— Он прелесть, — согласилась я. Дирк начал, ожесточенно рыча, грызть кость, которую вытащил из своей тарелки. — Слава Богу, он уже почти вырос.

— Н-да? — Ронни с сомнением посмотрел на собаку. — Мне так не кажется.

— Боюсь, эта клиника не была такой уж замечательной, как обещали в рекламе, — сказала я отцу, сидя напротив него за длинным столом в тюремной комнате свиданий.

Охранник прогуливался из угла в угол за моей спиной, мерно жужжала муха, вероятно потерявшая счет времени и не впавшая в осеннюю спячку. Отец выглядел очень печальным.

— ...От операции остались шрамы, довольно заметные, ей постоянно приходится носить очки, как человеку-невидимке. Ну и Ронни тоже не повезло — он ходит в тюрбане, чтобы не показывать красную макушку. Поскольку операция стоила весьма дешево, то особо тщательно к ней и не готовились. И потом, их слишком быстро выписали. Но, я думаю, все пройдет со временем... — Мне хотелось хоть чем-нибудь его утешить, он очень похудел за последнее время, и меня беспокоило, ест ли он вообще. — Ронни пока остается у нас, это очень хорошо, потому что он умеет готовить. Мария-Альба еще не может заниматься кухней.

Бедная Мария-Альба так сильно пострадала от ЛСД, что врач настоял на помещении ее в больницу при монастыре святой Урсулы, где она бывала несколько раз и раньше. У нее были очень сложные отношения с сестрами обители — те постоянно склоняли ее принять монашеские обеты и оставить мирскую жизнь. С годами они как-то смогли договориться, и для религиозной Марии-Альбы встречи с ними перестали быть тяжелым душевным испытанием.

Сестры приняли нас довольно радушно и были ничуть не похожи на чопорных и слащавых воспитательниц, донимавших меня в детстве, но тут же сообщили, что орден считается закрытым и посещения больных не допускаются. Нам все же разрешили передавать посылки и обмениваться письмами.

— Бедная Мария-Альба... — отец покачал головой.

Казалось, он стал от этих новостей еще печальнее. Я вспомнила, что у ворот тюрьмы столкнулась с Мариной Марлоу. Она позировала фотографам и охотно отвечала на вопросы журналистов. Я слышала, как она говорила, что для нее не имеет значения, виновен мой отец или нет, — их дружба превыше всего. Однако я не сомневалась, что она была бы довольна, если бы отца признали виновным, — это придало бы ее собственной славе пикантность и привлекательную скандальность. К тому же и выглядела она весьма вызывающе — с распушенными белокурыми волосами, ярко покрашенная, с чересчур откровенным декольте. Лучше бы ей вовсе не появляться в таком месте.

— Я встретила Марину, — сообщила я отцу, — она, наверное, часто навещает тебя...

— Она принесла мне хорошего вина. Очень дорогого. Не знаю, кто кроме нее способен был бы на такой поступок.

— Ты имеешь в виду, — я понизила голос, — чужих людей?

— Конечно. Сказать по правде, здесь жизнь не сахар, и мало кому захочется навестить меня здесь. Видишь, мне даже пришлось отрезать волосы. — Только тут я поняла, чем объясняется разительная перемена в его внешности, — он сделал короткую стрижку. Лицо его выглядело еще более похудевшим. — Вон там, в конце стола, сидит О'Флаэрти, он предлагал мне табак на целый месяц, если я соглашусь поговорить с ним о театре и обучить его актерскому мастерству.

— Так что у Ронни есть еще время поухаживать за твоей матерью, только думаю, он ей надоест, — он похож на красноглазого кролика в шляпе.

Я некоторое время размышляла над его словами, потом сочла нужным заметить:

— Ронни оказался очень полезен в хозяйстве. Он ни на шаг не отходит от мамы, подает ей пальто и перчатки, приносит чай. И, по-моему, он делает это с удовольствием.

— Н-да, в нем всегда было что-то от старой компаньонки, — он снова мрачно усмехнулся, проведя рукой по остриженным волосам, — вы там, наверное, неплохо живете без меня?

— Нет, конечно! Порция до сих пор боится выходить из дома, хотя полиция нашла дом Дмитрия, его арестовали и обнаружили у него наркотики и оружие. Так что все его дружки тоже теперь в тюрьме, слава Богу... — Я знала, что Порция передала письмо отцу, в котором рассказала о своих несчастьях. — Все, кроме Декса.

Несмотря на эти радостные новости, настроение у меня все равно было нерадужным. Когда инспектор позвонил мне и сообщил, что все бандиты в Оксшотте арестованы, я втайне надеялась, что найдется и Марк-Антоний, но в доме его следов не оказалось. Не удалось арестовать также и Декса. Но Фой заверил меня, что покинуть страну ему не удастся, поскольку все полицейские информированы о том, что его следует задержать, как только он объявится. Признаться папе, что пропал Марк-Антоний, я не могла, — это известие повергло бы его в отчаянье.

— Офелия в последнее время капризнее и вреднее, чем обычно, — мне хотелось перевести разговор на другую тему, — Перегрин Уолмскотт что-то не торопится сделать ей предложение, и она в расстроенных чувствах. Не знает, что делать дальше. Она же и двух недель не может прожить без того, чтобы кто-нибудь не предложил ей выйти замуж.

— Она вся в маму, придется с этим смириться, дорогая. А как Корделия?

— Валяет дурака. — Я чувствовала себя виноватой из-за того, что мало внимания уделяю младшей сестре. — С тех пор как тебя арестовали, она ни разу не была в школе. Мне пришлось объясняться с сестрой Имельдой.

Сестра Имельда была классной наставницей Корделии и, естественно, не преминула позвонить и поинтересоваться, почему та отсутствовала на занятиях. Когда я объяснила, что Корделии необходимо оправиться после потрясения, пережитого в связи с арестом отца, голос наставницы сделался ледяным. Она вовсе не считала, что это серьезный повод для того, чтобы позволять ребенку нарушать школьную дисциплину. И

потом, — добавила она недовольно, — всем известно, что Корделия любит преувеличивать и излишне драматизировать слова и поступки, если же мы хотим, чтобы она успешно закончила учебное заведение, то следует свести к минимуму слишком расхолаживающее влияние на нее домашних.

— Не понимаю, — сказала я отцу, — почему она считает допустимым вмешиваться в дела семьи на том основании, что она классная наставница Корделии?

Для сестры Имельды все мы были детьми человека сомнительного, с точки зрения морали, и она не находила нужным даже проявлять деликатность. Она так сильно рассердила меня, что под конец разговора я взорвалась и посоветовала ей больше заботиться о собственной репутации, поскольку ее близкая дружба с сестрой Жюстиной уже давно служит темой для непристойных пересудов.

Сестра Имельда молча снесла мой выпад, но тут же повесила трубку. В течение нескольких часов я торжествовала, гордясь своим достойным ответом, и даже испытывала удовольствие от самого факта мести. Я находила свой поступок справедливым, потому что, по словам Корделии, сестра Имельда имела наглость поучать родителей своих учениц. Но когда гнев мой остыл, я усомнилась в своей непогрешимости: сестра Имельда, в сущности, была несчастной одинокой женщиной, и то, что рассказывали о ее противоестественных наклонностях, только подтверждало это.

В конце концов я написала ей письмо с извинениями и признала, что ее требования соблюдать дисциплину вполне законны, а также заверила ее, что Корделия обязательно пойдет в школу через несколько дней.

— Возможно, Корделии стоит подыскать другую школу, — сказал отец, когда я спросила его, как быть с учебой Корделии дальше.

— А что с банковскими счетами?

— Пусть делают что хотят. Все равно и это пройдет. «Нам кажется, что хуже нет напасти, пока мы сокрушаемся, кляня свою судьбу...»

— «Отелло», — привычно отозвалась я. — Папа, неужели мы ничего не можем сделать? Как будем жить, если

нам откажут в кредите? «Мы не позволим им нас ввергнуть в нищету...»

— «Король Лир». Нам нужно занять у кого-нибудь две тысячи фунтов немедленно. Послушай, может, у Эдгара?

— Он только что снова женился, — напомнила я. — Ему придется платить Сесилии алименты. К нему бесполезно обращаться.

— Роди и Теллула.

— Они на шесть месяцев уехали в Тибет. Ты что, забыл? У них новое увлечение — восточные медитации.

— Ну а Козима и Альфред?

— Они в Индии, хотят поставить пьесу в эпическом духе. Им самим вечно не хватает денег.

— Хорошо. Мортимер Данн, — произнес отец упавшим голосом.

— Во вчерашней газете был напечатан его некролог.

— О Господи! — Папа схватился руками за голову, то ли сожалея о смерти приятеля, то ли в отчаянии от того, что потерял хорошую дойную корову. Наконец он решительно посмотрел на меня и заявил: — Ты должна просить о помощи Руперта Вульвеспурджеса.

Я застыла в совершеннейшем изумлении, не найдя возражений против этой странной идеи.

Руперт Вульвеспурджес был сыном лучшего папиного друга по Кембриджу. Его рождением закончилась внебрачная связь его отца с молоденькой американкой, работавшей официанткой в кафе. После появления на свет ребенка несчастная женщина решила навсегда уехать из Англии. Узнав, что она оставила сына, отец Руперта забрал мальчика и отвез его к своей матери, даме весьма строгой и серьезной, хозяйке старого родового поместья в Шотландии. Внука она приняла с радостью, и с тех пор Руперт жил у нее и учился в местной школе, а с нами часто проводил каникулы. Разумеется, у нас ему было веселее, чем в замке старой чопорной вдовы-пресвитерианки.

Руперт был на десять лет старше меня. Мне он запомнился как высокий, стройный мальчик с темными волосами и карими глазами. В его внешности южные черты преобладали

над английскими. Он очень отличался от нас, был замкнутым и необщительным, всегда держался немного в стороне, но к нам относился тепло.

Моя мать считала, что у Руперта скверный характер. Нелюдимый и мрачный, он много времени проводил за книгами и писал плохие, по ее мнению, стихи. Но я была от него в восторге. С ним были связаны самые счастливые воспоминания моего детства. Конечно, во многом он так нравился нам, потому что был старше даже Брона.

В глубине нашего парка находился тенистый уголок, окруженный старыми деревьями, мы называли его Вороньим лесом, и в нем Руперт властвовал безраздельно. Он в то время был без ума от романов Вальтера Скотта. По мотивам его произведений мы все время выдумывали разные игры, приносили из дома старый хлам, коробки, сломанные стулья, ширмы, крышки от столов и строили из них нечто вроде импровизированного замка, нашим вдохновителем и руководителем был Руперт.

Мы старались обставить свое сооружение со всей пышностью, достойной Средневековья, и наш старший приятель выступал в роли арбитра и учителя, поскольку сам провел детство в настоящем шотландском замке.

Мама была особенно недовольна тем, что эта затея исходила от Руперта, по ее мнению, оказывавшего на нас дурное влияние. Родители ничего не знали о нашем сооружении в Вороньем лесу, тайну которого мы на крови поклялись друг другу сохранить до могилы.

Дальнейшему претворению в жизнь наших архитектурных замыслов помешала досадная неприятность — Порция сломала руку. Мы заставили ее пообещать, что она ни за что не выдаст нас, и та мужественно решилась соврать, что просто споткнулась и упала по дороге домой.

Отец очень любил Руперта, но с мамой отношения у него не сложились. Мама с симпатией относилась только к тем, кто влюблялся в нее с первого взгляда, а Руперт не проявлял ни малейших признаков влюбленности и вообще был совершенно равнодушен к женскому кокетству.

После того как он закончил школу, наши веселые забавы канули в прошлое. Руперт поступил в Оксфорд и стал про-

водить каникулы за границей. Несколько раз он приезжал к нам — отобедать во взрослой компании, в которую нас, детей, не допускали.

Брон и Офелия, став старше, перестали интересоваться Вороньим лесом, и теперь он безраздельно принадлежал мне и Порции, но Руперта с нами уже не было. Вскоре и мы перестали приходить туда и только изредка заглядывали поглядеть на покинутые развалины. Когда Корделии исполнилось шесть лет, я привела ее туда и рассказала о нашей тайне — тогда уже для меня она была только счастливым детским воспоминанием.

Последний раз Руперт появился в нашем доме на торжественном обеде, устроенном матерью по случаю какого-то сценического успеха отца. Руперту было уже двадцать три, он работал театральным критиком в одном из лондонских журналов.

Глава 11

По обе стороны канала среди голых уже осенних деревьев стояли ряды домов, фонари ярко горели у каждого подъезда, и мутно-желтые отражения их расплывались на мокром тротуаре. Причудливые тени ветвей колыхались на стенах из красного кирпича. В окнах за опущенными занавесками уютно горел свет. В Ричмонде сохранилось больше всего игривых домиков — памятников георгианской архитектуры, располагавшихся в основном на возвышенности холма, который издавна называли Зеленым рогом, поскольку с одного конца он примыкал к большому парку. Но в вечерней темноте я уже почти не могла разглядеть его очертания.

Нашупав в кармане письмо, данное мне отцом, я подошла к фонарю, чтобы еще раз проверить номер дома и название улицы. В письме было написано следующее: «Дорогой Вальдо, я очень сожалею, что вы оказались в столь плачевном состоянии, и, если могу хоть чем-нибудь помочь, я — к вашим услугам. Руперт Вульвеспурджес».

Тон этого послания, довольно дружественный и проникнутый искренней теплотой, вселял в меня надежду, но тем не ме-

нее я не чувствовала в себе достаточно храбрости, чтобы попросить две тысячи фунтов у человека, с которым я не общалась уже много лет.

Удивляло меня и еще кое-что: оказывается, отец поддерживал с ним отношения, но никогда ни словом не обмолвился об этом. Можно представить, как разгневалась бы мама, узнав правду. Она не терпела даже упоминания имени Руперта. Вероятно, этим и объяснялось то, что Руперт надолго исчез из нашей жизни. Некоторое время, еще в детстве, мы с Порцией ужасно скучали по нему. Но ни тогда, ни позднее никто из нас не пробовал отыскать Руперта и встретиться с ним.

До меня донеслись голоса, как раз тогда, когда я подошла к дому номер 10, который и должен был быть домом Руперта. Я позвонила, прислушиваясь к разговору, и дверь почти сразу же открылась. На меня повеяло теплом, растворившемся в прохладе осенней ночи. Я вошла в прихожую и начала снимать шарф и пальто.

— Привет, курочка моя, — услышала я женский голос.

Девушка с пышным бюстом и накрашенными блестящими тенями глазами поцеловала меня в щеку, поставив бокал с вином на тумбочку. Я узнала ее голос. Несколькими часами ранее мы говорили с ней по телефону — я звонила, чтобы попросить разрешения на визит к Руперту. Девушка произносила имя Руперт как Вуперт, она сообщила, что они с Арчи устраивают небольшую вечеринку, и я поначалу подумала, что мне следует отложить нашу встречу, но она добавила, что Руперт на следующий день улетает в Нью-Йорк, и если мне действительно необходимо с ним увидеться, то лучше посетить его сегодня вечером.

Девушка провела меня в комнату — прямоиком на ночную пирушку. Что-то в окружающей обстановке напоминало мне одновременно и шик Веймарской республики времен упадка, и изысканные детали в стиле любимого фильма Руперта «Кабаре». Двое молодых людей в строгих черных костюмах играли на пианино, а рядом на саксофоне импровизировал негритянский джазист. Мне показалось, что моя юбка и строгий жакет, позаимствованные у Порции и заменившие мне желтое шелковое платье, оставленное сестрой в доме Дмитрия, как-то мало подходили к этой праздничной атмосфере.

— Я и есть Хэрриет Бинг, — сказала я девушке, стараясь не смотреть на ее великолепную грудь, — мы говорили с вами по телефону.

— Да, да... Привет, дорогая. А я — Уотлинд, Розалинда... — Она вздохнула, и ее совершенные формы заколыхались под тонкой тканью платья. Не могу сказать, что женская грудь когда-либо вызывала у меня интерес, но бросакая внешность этой девицы являла слишком осязаемый контраст с моей худобой и невзрачностью, и я невольно в ее присутствии чувствовала себя немного неловко. — Так это ты звонила?

— Да.

— Дорогая Хэрриет, — она подняла бокал шампанского и посмотрела на меня сияющими глазами, — правда, забавно получилось? Вуперт и Арчи умеют устраивать вечеринки.

— Мне нужно поговорить с Рупертом. Но, может, я пришла не вовремя...

— Я очень люблю Вуперта. Даже слишком. Но он никогда не принимал меня всерьез... — После нескольких ее фраз я поняла, что у нее сильно нарушена дикция, — она умудрялась исказить даже самые простые слова.

Розалинда опустила глаза и огорченно вздохнула.

— Может, мне лучше прийти в другой раз...

— Не беспокойся, дорогая, Вуперт такой внимательный, но только не ко мне... — она оглянулась вокруг и указала мне куда-то в угол гостиной, — да, не ко мне...

Затем она повернулась и, печально посмотрев на меня, быстро удалилась.

Пройдя по комнате, я увидела Руперта, окруженного гостями. Он был одет в короткий узкий пиджак, волосы его, темные и блестящие, были зачесаны назад, открывая высокий красивый лоб. Лицо покрыто белилами, брови подведены черной краской, а губы — ярко накрашены. Он что-то рассказывал в захлеб, веселя слушателей.

За окном, около которого я оказалась, открывался великолепный вид в сад. Я закрылась руками от света, озарявшего гостиную, и прижалась носом к стеклу.

— Привет, ну и как он вам?

Я повернулась и увидела рядом седоволосого мужчину.

На нем были пиджак и галстук, верхняя пуговица его рубашки была расстегнута. Судя по его виду, он не принимал активного участия в вечеринке, а предпочитал держаться в стороне.

— Сад? Просто прелесть. В городе сады такие убогие, а этот — настоящее чудо. Но я думала... — Я снова оглянулась и посмотрела на Руперта, продолжавшего свое выступление, — в нем было столько легкости и артистизма, что можно было подумать, будто он всю жизнь провел на сцене, хотя ни красивым, ни даже симпатичным, в обычном смысле слова, я бы его не назвала. Должно быть, до сих пор я отождествляла его с героями тех историй, которые мы так любили в детстве. — Я не ожидала, что он так изменился, полагала... — И снова умолкла, не зная, как выразить первое впечатление, и опасаясь сболтнуть лишнее. — Мы давно не виделись, раньше он был очень замкнутым...

Незнакомец уныло взглянул на меня, а затем на Руперта. Я успела заметить ядовитую усмешку на его лице, которая тут же исчезла.

— Вы не пьете. — Он наполнил мой бокал, взяв с ближайшего столика бутылку. — Не хотите посидеть? Я уже настоялся за сегодняшний день, так что ноги не держат, к тому же вино крепковато.

— Вечеринка, по-моему, вполне удалась, — продолжала я, прервав затянувшуюся паузу.

— Может, окликнем его, а? — предложил мой случайный собеседник.

— Нет-нет, ни в коем случае, — поспешно отозвалась я. — Я не хочу никому мешать, не хочу испортить людям праздник, наверное, мне лучше пойти домой.

— Да ну, бросьте, здесь никто никому не мешает... — Он посмотрел на меня так пренебрежительно-скептически, что мне захотелось поскорее от него отделаться. К счастью, в гостиной был полумрак, и он вряд ли заметил мое недовольство. К тому же было очень жарко, и я боялась, что потечет мой макияж, а зеркала нигде поблизости видно не было. — Вы ведь актриса, да? — В его голосе обозначилось любопытство. —

Дайте-ка я попробую угадать: вы сыграли в спектакле, который с треском провалился, а теперь вам нужно, чтобы о вас написали реабилитирующую статью.

— Нет! — Его наглость возмутила меня. — Мы были друзьями с Рупертом...

— Правда? — Он явно не верил мне.

— Правда. И даже очень, — повторила я с вызовом, — он был близким другом моей семьи. И хотя на десять лет старше меня, в детстве мы с ним часто играли вместе. Строили замок в Вороньем лесу.

— Вороньем лесу? Ну надо же! — Лицо его приняло серьезное выражение, вероятно, мои доводы произвели на него должное впечатление. Я немного успокоилась, ощутив себя победителем. А он со смехом добавил: — Я тоже увлекался Вальтером Скоттом. Но с тех пор прошло много лет. Неужели сейчас кто-нибудь его читает?

Вдруг, утомленно вздохнув, обратился ко мне:

— Хэри...

Я вздрогнула от неожиданности. Только один-единственный человек называл меня так, и я просто застыла в недоумении.

— О Боже мой! Как ты мог, как тебе не стыдно! Черт, ты такой вредный...

Руперт, а это он оказался моим странным собеседником, взял меня за руку:

— Остерегись ругать меня, ведь ты пришла ко мне в гости с какой-то просьбой...

— Ты так нечестно поступил со мной, зачем ты меня дурачил?

— Ты тоже нечестно поступила, спутав меня с Арчи.

— Это все из-за волос. Ты выглядишь старше, чем я думала, то есть, извини, я хотела сказать...

— Тебе не нравится?

— Н-н-нет, я не то хотела сказать, просто очень необычно, но так даже лучше. Я ничего не имею против седины.

— А мне тем более все равно. Это наследственная черта, все мужчины в нашем роду рано седеют.

Теперь я очень внимательно и с интересом принялась

разглядывать его лицо. За много лет разлуки я действительно совершенно позабыла его черты. И дело было не только в седине. Реальный Руперт совсем не походил на того, чей расплывчатый образ еще хранило мое воображение. Теперь у него было жесткое, волевое лицо, прямой нос и квадратный подбородок, только глаза оставались прежними — большие и темные, с каким-то неевропейским разрезом, унаследованным от матери.

— Ты была той еще штучкой, у тебя частенько бывало дурное настроение, и ты все время молчала, когда у тебя выпали передние зубы.

Он, вероятно, забыл, что когда-то хвалил меня за храбрость.

— Ты уже напился до потери памяти.

— О нет! Я все отлично помню, — возразил Руперт. — Что с Вальдо? Расскажи мне, что случилось.

Но все, что я могла добавить к сведениям, почерпнутым Рупертом из газет, касалось только деталей следствия: отпечатков пальцев и показаний костюмерши, а также двух работников сцены, которые выбежали на крик и не увидели никого, кроме отца, ни рядом с убитым, ни поблизости.

— Вот что мне совсем непонятно, — сказал Руперт задумчиво, — почему Вальдо не сказал сразу, что он не убивал.

— Ты же знаешь, у него такой характер — он склонен ко всяким экстраординарным поступкам, лишь бы привлечь внимание публики. Ему казалось, что это все еще игра, он даже не осознал в ту минуту всю серьезность случившегося.

— Мне надо немного протрезветь, пойду суну голову под холодный душ, — он встал с дивана, — не уходи, я сейчас вернусь.

Я осталась на месте. Вечеринка шла своим чередом, музыканты наигрывали хиты Курта Уэйлла.

В это мгновение я услышала голос, явно обращавшийся ко мне. Я подняла глаза и увидела Макса Френшзма. Он сел около меня на диван.

— Я видел, как вы пришли, но не мог отойти от Марины Марлоу, пока она не уехала. Вы же знаете, как она обидчива.

— Не знала, что она тоже здесь. — Я невольно отвернулась, стараясь скрыть волнение, — мне не очень-то было при-

ятно слышать имя этой женщины. — Вы что, были ее кавалером сегодня?

Макс пожал плечами:

— Она страдает нарциссизмом и оценивает всех только по степени внимания, оказанного ее персоне. Если она сочтет, что я достоин быть с нею рядом, то мне достанется главная роль в следующей пьесе с ее участием.

— А как чувствует себя Каролина? — Я с трудом вспомнила имя его жены, дабы перевести разговор на другую тему.

— Неплохо. Но, если честно, я сильно за нее беспокоюсь.

— А что вызывает ваши опасения?

— Ей приходится принимать слишком много лекарств, сначала снотворных, потом наоборот — тонизирующих. От переутомления, от депрессии, от каких-то бесконечных нервных болезней. Невыносимо видеть, как она страдает. — Я несказанно удивилась его словам: Каролина представлялась мне непробиваемой, как железобетонная плита. Но, видя, как расстроен Макс, не могла усомниться в его искренности. — Если бы вы только знали, Хэрриет, как много вреда принесло ей это проклятое наследство.

— Я не знала, что она получила наследство.

— Давно. У ее отца были земли в Новой Зеландии. Представьте себе, что вам не нужно думать о куске хлеба, у вас есть все, чего бы вы ни пожелали. Всякий в таком положении почувствовал бы себя хозяином жизни. Каролине ведь никогда не нужно было работать, она никогда не сталкивалась ни с какими трудностями и в результате почувствовала себя выше всех остальных, талантливее, умнее, оригинальнее... Она даже захотела стать актрисой. Господи, — он обхватил голову руками, — иногда я сам не понимаю, как мог влюбиться в нее! — Но что я все говорю о своих делах, как ваш папа?

— Так себе...

Макс тронул меня за руку:

— Вы ведь не сомневаетесь, что он невиновен? Я жизнью готов поклясться. Он просто не способен совершить убийство. Кто угодно, только не он.

Я была так благодарна ему за эти слова, что даже не почувствовала, как сильно он сжал мое запястье.

— Я знаю, какая это трагедия для вас... — Вероятно, он имел в виду то, что мой отец оказался в тюрьме. — Почему бы нам не пообедать вместе на следующей неделе? Где-нибудь в уютном, тихом месте. Мы могли бы побеседовать обо всем... — Он уловил явную растерянность в моих глазах и поспешно добавил: — Не поймите меня превратно. Вы ведь красивая молодая женщина, а я несчастный женатый мужчина. Но у меня нет дурных мыслей на ваш счет.

Он грустно улыбнулся.

— Я вижу, что появился не вовремя, — раздался голос Руперта, — но, с вашего позволения, я хотел бы похитить у вас эту прекрасную юную особу для деловой беседы.

Макс тут же поднялся с дивана:

— Привет, Руперт, я думал, ты в Италии.

— Я возвращаюсь туда завтра утром.

— И куда на этот раз?

— Во Флоренцию.

— Ну, я пойду, с вашего позволения. — Макс улыбнулся мне: — Не забывайте, о чем мы договорились. — И повернулся к Руперту: — Спасибо за отличный вечер. Все, как всегда, очень удачно.

— Это Арчи стоит благодарить, без него ничего не вышло бы.

— До свиданья, Макс, — я помахала ему рукой на прощанье. Судя по его движению, он надеялся, что я позволю прикоснуться к себе еще раз, однако я воздержалась. — Надеюсь, Каролине станет лучше.

— Пойдем, нам уже пора... — Руперт взял меня под руку и повел сквозь толпу гостей прочь от Макса.

— Твои друзья не обидятся, что ты их покинул? — спросила я, когда мы подошли к двери.

— Не смеши.

Руперт поймал такси прямо около дома, и мы сели в машину.

— Так на чем мы остановились? — заговорил он, как только мы покатали по шоссе. — Ты о чем-то хотела попросить меня?

Он молча выслушал мой рассказ о том, в каком положении оказалась наша семья после ареста отца.

— Понимаешь, — сказала я в завершение, — у нас почти не осталось денег, чтобы платить за хлеб и молоко, за воду и

газ. Нас шесть человек, а сейчас у нас еще живет Ронни. Это такая дурацкая идея... Я бы ни за что не стала просить тебя, если бы папа не настоял. Он сказал, что ты единственный, кто может... кто может... — Мне смертельно не хотелось продолжать, и больше всего я боялась, что он решит, будто отец обратился к нему, напоминая о том, что Руперт обязан нам за прошлое гостеприимство... — Вообще, ты единственный наш близкий друг...

Руперт не глядел на меня. Трудно было понять, сердится ли он или просто размышляет над моей просьбой.

— Сколько тебе нужно денег?

— Две тысячи фунтов. — Только сейчас я вдруг осознала, как велика эта сумма, и мне стало невыносимо стыдно за свою дерзость. Что может быть унижительнее, чем просить взаймы? Насколько это тяжелее и неприятнее любой другой проблемы в человеческой жизни! Я чувствовала, что ни за что на свете больше не соглашусь вновь испытать этот позор!

Руперт молчал еще довольно долго. Я уже собралась было сказать ему, чтобы он позабыл о моих словах и больше не вспоминал об этом, когда он наконец ответил:

— Я не дам денег.

— И правильно! — выпалила я. — Это было глупо — мне не следовало просить! Просто ужасно...

— Замолчи, пожалуйста, и послушай. Если даже я дам эти деньги, вам не хватит их и на два месяца, и вы опять окажетесь в том же положении. Две тысячи фунтов ничего не изменят. В вашей семье ни один человек не умеет нормально расходовать деньги. Вы тратите их, даже не задумываясь.

Я мрачно кивнула. Он говорил весьма обидные вещи, но, к сожалению, это была правда.

— Что я действительно могу сделать, так это оплатить ваши счета за продукты, воду и электричество. Но при условии: ты, Брон, Порция и Офелия найдете себе работу. В вашем распоряжении две недели. Желательно, чтобы работа была хорошо оплачиваемая, но, возможно, поначалу придется согласиться на то, что предложат. Любая другая помощь вам больше повредит, чем пойдет на пользу. — Я ничего не сказала ему. Мне трудно

было представить Офелию, каждое утро оправляющуюся на работу. — Каждый из вас должен зарабатывать деньги, постарайтесь ограничиться только самым необходимым. Хорошенько продумайте все расходы на электричество, питание, телефон, такси. Большая часть ваших денег будет уходить именно на это, и только то, что будет оставаться, вы сможете трактовать по своему усмотрению — покупать сигары, сумочки из крокодиловой кожи, помаду или еще какие-нибудь мелочи.

Я все еще пыталась вообразить себе Брона или Офелию, которые сядутся в автобус, чтобы ехать в какую-нибудь контору.

— Боюсь, это будет для тебя слишком обременительно, — осторожно заметила я.

— Немного, возможно. Но тебя это не должно беспокоить. Вам предстоит более тяжелое испытание, чем мне. Всю жизнь вы целиком зависели от гонораров и доходов отца, и эту привычку нелегко преодолеть.

— Да, — кивнула я, вынужденная признать его правоту, — это было слишком эгоистично и неразумно с нашей стороны.

— Прежде всего это было вредно и даже опасно для каждого из вас. — Он вздохнул и пожал мою руку. — По-моему, не следует читать тебе нотации, к тому же я устал сегодня. Держи меня в курсе. В четверг я вернусь в Лондон. Не забудь — у вас две недели.

— Но что же нам делать?

Руперт посмотрел на меня с нескрываемым раздражением:

— Начнем с тебя. Чем ты хотела бы заниматься?

— Я пишу стихи, но, мне кажется, их никому не стоит показывать.

— За стихи, издавай ты их хоть томами, никто платить не будет. Завтра перед отъездом я позвоню Сидни Поудмору, помощнику редактора «Брикстон Меркьюри». По моей рекомендации он возьмет тебя в штат начинающим репортером.

— Журналистом? — Я сразу же вспомнила о Стэнли Нормане и обо всех прочих представителях прессы, часами толпившихся у нашего дома, дабы состряпать очередную скандальную статейку о жизни семьи Бингов, и в отчаянии крикнула: — Я не смогу!..

Глава 12

У Мистера Поудмора, помощника редактора «Брикстон Меркьюри», был большой красный нос, который выделялся на его бледно-крахмальном лице, словно искусственный нарост. Колючие маленькие глазки смотрели из-под очков очень внимательно, а волосы, тщательно разделенные прямым пробором, заканчивались странными завитками на висках. Ничего примечательного, кроме мягкого пестрого галстука, в его одежде не было, но костюм его явно был не из дешевых.

Офис, который я без воодушевления успела осмотреть, ожидая, пока мой будущий начальник закончит чтение и приступит к разговору со мной, представлял собой нагромождение столов среди голых стен. Единственным украшением помещения были два плаката, на одном была изображена богиня Кали в ожерелье из черепов, на другом — улыбающийся Будда.

— Имя? — уточнил мистер Поудмор, даже не взглянув на меня.

— Хэрриет Бинг.

— Бинг? Ах да!.. — Его голос внезапно стал пронзительным, как свист ветра за окном. — Известный актер, обвиненный в убийстве!

Меня разозлила его бесцеремонность:

— Он его не совершал!

— М-мм... да, он друг семьи. Раньше часто гостил в нашем доме.

— Опыт работы?

— Боюсь, никакого.

— Чем раньше занимались? — Он вынул из кармана платок и громко высморкался.

— Ну, иногда писала стихи...

— Навыки стенографии?

— Боюсь, что нет...

— Грамотность?

— О, почти безупречная, правда, иногда я пользуюсь словарем....

— Будете разбираться с деловыми расходами. — Он поднялся из-за стола и подошел к двери соседней комнаты, а затем повернулся и кивнул мне, приглашая следовать за ним.

В менее просторном кабинете две дамы неопределенного возраста без усталости стучали на машинках, выражение лиц у них было такое, будто они печатали списки приговоренных к смертной казни, которая должна состояться в то же утро. Они не подняли головы и не взглянули на меня из-под очков. Я была потрясена тем, каким рвением они делали свою работу, ни на минуту не останавливаясь и не отдыхая.

— Ваш стол, — мистер Поудмор указал мне мое место, машинки там я не заметила. Он бросил передо мной папку с бумагами: — Рассортируйте по видам расходов, итоговым суммам и месяцам. Это вы способны сделать, я надеюсь?

В голосе его прозвучал нескрываемый сарказм, но я сделала вид, что ничего не заметила, и решила, что волей-неволей мне придется смириться и с такой работой из-за полного отсутствия какой-либо квалификации. Но некоторое разочарование я все же испытала — Руперт обещал мне место журналиста, а в результате я вынуждена заниматься какими-то бухгалтерскими отчетами.

Мистер Поудмор вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

Обе женщины тут же прекратили печатать, словно только и ждали момента, когда наконец начальник исчезнет.

— Я буду чай с сахаром, — сказала крашенная блондинка в зеленом кардигане.

— А как же зефир и пирожные? — спросила другая женщина, в ярко-красных штанах, подойдя к столику углу комнаты, где стояли чашки и чайник.

— Здравствуйте, — я решила познакомиться первой, — меня зовут Хэриет.

Вторая дама глянула на меня из-под очков:

— Приятно познакомиться, я — Мюриэл Минчин. — У нее был едва заметный акцент. — А это, — она указала на свою подругу, — Элин Фивер. Не хотите немножко подкрепиться?

— Спасибо. — Я радостно улыбнулась, но тут же устыдилась своей невоздержанности.

— У нас только растворимый кофе и булочки. Может быть, вам это не понравится? Но вы можете приносить с собой все, что захотите.

— Нет, я не хочу есть, большое спасибо.

Обе дамы налили себе кофе и начали завтракать.

— Мистер Поудмор сказал, что вам нужны деньги на карманные расходы. — Руперт, видимо, предусмотрительно попросил не распространяться о том, кто я такая, чтобы не привлекать ко мне излишнего любопытства сотрудников. — Вечерние платья сейчас так дорого стоят... — Мюриэл достала салфетку из сумки и вытерла шоколад, оставшийся на губах.

— Нет, это не так. Я вовсе не ради нарядов пришла на работу. Я терпеть не могу вечерние туалеты. Если честно сказать, то у нас в семье просто нет денег.

Женщины недоверчиво переглянулись.

— Еще кофе, дорогая? — спросила ее Элин.

— Да, пожалуй, выпью еще чашечку, хотя и растворимый, он хорошо поднимает настроение. Я тебе рассказывала, как в последние выходные Онти и я целый вечер играли в вист?

Они стали болтать друг с другом, уже не стесняясь моего присутствия. Я же в это время, чувствуя, как пот течет у меня по спине, поскольку в комнате было очень жарко, открыла папку мистера Поудмора, пытаясь понять, что мне нужно делать.

— Простите, пожалуйста, — обратилась я к моим новым коллегам, дождавшись, когда Элин сделает паузу в бесконечных рассуждениях о вкусах своей тетки, — я понимаю, это очень глупо с моей стороны, но я так и не поняла, как мне поступить с этими бумагами?

— Элин вам поможет разобраться, — ответила Мюриэл, — она приносила мистеру Поудмору все отчеты о расходах в течение десяти лет, и я могу подтвердить, что она ни разу не сделала ошибки.

— Спасибо, Мюриэл, — ласково произнесла Элин. — Я делала все, что в моих силах.

Она подошла к моему столу и взяла первый попавшийся листок.

— Отель «Астория», Брайтон, двухместный номер с завтраком. Это было как раз тогда, когда он взял с собой эту отврати-

тельную нахалку Мариетту, или как там ее звали? Помнишь? От нее были одни неприятности. Мистер Поудмор, — она понизила голос, обращаясь ко мне, — человек весьма своеобразный и далеко не такой приятный при ближайшем знакомстве, как может показаться на первый взгляд. Поэтому советую: запишите этот счет как одноместный номер с обедом. Тогда все расценки и итоговая сумма совпадут. И не забудьте также проездные расходы. — Я уставилась на нее в полном недоумении. Элин вздохнула: — Милая моя, вам еще многому предстоит научиться. Не знаю, где вы учились, наверняка в каком-нибудь вэст-эндском колледже, но запомните — с документами следует обращаться осторожно.

Мюриэл, слушавшая наш разговор, тихонько хихикнула.

— Не понимаю, на что ты жалуешься, — сказал мне Брон, усевшись на диване в гостиной, — у тебя по крайней мере теперь есть работа. А мне с моим талантом приходится бесконечно рыскать в поисках каких-нибудь унижительных подработок. И нечасто удается в этом преуспеть.

После того как Брон высадил меня у подъезда издательства, он проехал еще несколько улиц и не смог удержаться, чтобы не посадить в машину молоденькую девушку, ожидавшую на остановке автобус. С ней вместе он зашел в уютное тихое кафе, собираясь угостить ее чашкой чая, но вместо этого заказал бутылку портвейна. Завтрак затянулся еще на час, и за это время он успел как следует напиться, а потом сел за руль. Какой-то идиот вылетел ему навстречу из-за поворота и врезался прямо в его машину. Разумеется, когда он предъявил покалеченный фирменный транспорт, менеджер сообщил ему, что он уволен, а деньги за ремонт автомобиля вычтут из его жалованья.

— О Боже! — я всплеснула руками и отчаянно заметалась по комнате. — Как ты думаешь, что на это скажет Руперт?

— Нам вообще не нужно сообщать ему об этом, — спокойно заявил Брон.

— Но ты же нарушаешь соглашение.

— Нет никакой необходимости информировать Руперта обо всяких мелочах. Он человек занятой, и у него и так достаточно проблем. Я подыщу себе другую работу.

Я отправилась на кухню, едва не плача от досады.

Вернувшись, я увидела Офелию. Она только что пришла домой и сидела в кресле, не сняв пальто, перчаток и шарфа. Она, как и я, сегодня впервые отправилась на работу.

— Господи! Дайте мне что-нибудь выпить! Просто ужас какой-то!

Я невольно прониклась к ней состраданием:

— Что-то очень неприятное?

— Не-ет... — протянула Офелия. — Я просто в восторге. К ланчу я уже едва стояла на ногах, и глаза у меня слипались так, что боялась заснуть и свалиться на пол. Фэй — настоящий реактивный двигатель. Пришлось объяснять, что я не могу приезжать к ней каждое утро к пяти часам. И знаете, что она сказала? Чтобы я приезжала к шести! Вы можете это представить?

Фэй Сванн была преуспевающим декоратором и на время согласилась взять Офелию на работу. В течение нескольких лет она была подругой моей матери, но нельзя сказать, что она так уж тепло относилась к нам. Мама нуждалась в дружбе с кем-нибудь, кто не принадлежал бы к театральной среде и кому можно было бы без всяких опасений поведать о своих тайных делах и увлечениях. Мама уверяла, что у Фэй отличный вкус, однако я бы назвала это развитым коммерческим чутьем.

К счастью, Офелия еще не потеряла чувства юмора. Поначалу она весьма негативно отнеслась к условиям Руперта, находя их невыносимыми и нелепыми. Еще больше по этому поводу возмущалась мама, недовольная тем, что Руперт вообще что-то требует от нас. Так что первые несколько дней после его отъезда прошли в атмосфере яростного протеста и декларируемого презрения к бытовым ценностям. Однако никто так и не смог предложить ничего лучшего в решении нашей проблемы.

Руперт звонил нам каждый день. Поскольку нужно было экономить, то приходилось максимально пользоваться преимуществами дневного освещения, чтобы вечером беречь электричество, а любимые мамыны свечи, которые обычно закупались для гостиной и зажигались каждый вечер, пришлось вовсе исключить из статьи расходов. Естественно, маму это привело в состояние крайнего уныния, и она, закутавшись в темную вуаль, часами сидела на троне Ричарда Третьего, стоявшем в папином кабинете. Ронни тщетно пытался ее

утешать и все же не собирался покидать наш дом. Так продолжалось до того самого дня, пока Руперт не приехал к нам в гости, возвратившись в Лондон.

— Кажется, пять лет прошло, Руперт, с тех пор как мы виделись с тобой последний раз.

Она неохотно протянула ему руку, но Руперт лишь слегка коснулся ее пальцев и тут же отпустил их.

— Добрый день, Кларисса. Вообще-то прошло почти десять лет.

— Правда? — Мама натянуто рассмеялась. — А я все еще помню тебя маленьким мальчиком, таким замкнутым и необщительным.

— Возможно, я таким и остался.

Корделия вошла в комнату и, увидев Руперта, подошла к нему совсем близко.

— Здравствуйте, меня зовут Корделия. Я собираюсь стать киноактрисой.

Он посмотрел на нее очень внимательно:

— Если ты примитивна, как амеба, и нечувствительна, как камень, то, может, тебе это и удастся.

— Надеюсь, вы так не думаете, — произнесла Корделия с недовольством.

— Корделия, пойд и скажи, пожалуйста, Ронни, чтобы он принес немного шерри, — вела мама — ей не хотелось, чтобы Корделия присутствовала при неприятном для нашей семьи разговоре. — И позови всех остальных. — Затем она снова повернулась к Руперту: — Я очень рада снова видеть тебя в нашем доме.

Однако в голосе ее прозвучала явная ирония. Но Руперт не обратил на это внимания и ничуть не обиделся. Он быстро окинул картины, висевшие на стене, и заметил:

— Я совсем забыл о них. Восхитительно! Но Коро конечно же не подлинный.

Мама собралась было возразить, но тут в комнате появился Брон.

— Привет, старый друг! Как твои дела? — спросил он Руперта, пожав ему руку, — Отлично выглядишь и ничуть не постарел!

— Спасибо, — тепло отозвался Руперт.

— Я же говорил: старая дружба не кончается. Вот мы и снова собрались все вместе, да еще в папином кабинете. Сколько лет я ждал, что мы с тобой пообедаем в святилище всех театральных критиков, — речь шла о ресторане, где собирались сотрудники «Гардиан», — по-моему, теперь самое время.

— Пожалуй, нет, — коротко ответил Руперт.

— А вот и мы! — раздался голос Ронни, который нес на вытянутой руке поднос с бутылками и бокалами. Он по-прежнему не снимал темные очки, а шарф на голове заменил на красную бандану. — Здравствуйте, Руперт, рад вас видеть! Мы с Клариссой немного не в форме, но это скоро пройдет. О, чертов пес! — Он перескочил через Дирка и опустил поднос на стол. — Извините, Хэрриет, я не хотел обидеть вашего любимца, но он все время шныряет в темноте под ногами. Вот шерри, дорогая, — он протянул бокал матери, — выпейте, чтобы поднять настроение.

Мама взяла в руки бокал:

— Мне совсем немного — это любимое шерри Вальдо, надо оставить ему хоть немного.

— Руперт ведь не подумает, что мы продолжаем жить на широкую ногу, Кларисса, мы просто должны угостить гостя, — возразил Ронни, — мы чувствуем себя как крысы на тонущем корабле, одно неверное действие — и все пойдем ко дну, жестокое бурное море поглотит нас окончательно.

Я посмотрела на Руперта и заметила, как он улыбнулся. Его не удивляли странные отношения и манеры обитателей нашего дома, скорее он взирал на них со снисхождением. Офелия и Порция пришли в комнату и сели в кресла с каменными лицами, не произнеся ни слова. Порция только кивнула Руперту в знак приветствия и тут же уставилась в окно.

Офелия проявила еще меньше активности, протянув руку Руперту и тут же ее отдернув.

— Честно говоря, — холодно заметила она, — я не понимаю, как ты можешь, придя сюда после стольких лет дружбы с нами, еще требовать, чтобы мы выполняли какие-то чудовищные условия. И напрасно ты ожидаешь, что мы станем плясать под твою дудку.

— Я этого и не ожидаю. Твои обиды просто нелепы, —

мягко отозвался Руперт, он прекрасно держал себя в руках, не подавая виду, что ему что-то не нравится.

— Кто-нибудь уже нашел работу?

— Я буду секретарем у одной писательницы, — сообщила Порция, отвернувшись от окна и глянув на Руперта, — слава Богу, она не нуждается в услугах машинистки, и печатать мне не придется — только организовывать ее деловые встречи и выступления. Она — убежденная феминистка и ради пропаганды своих идей стала писать романы. Мне будут платить полтора фунта за каждый час работы.

— Отлично! Ты тоже устроена, Хэрриет. — Я улыбнулась ему. — А ты, Брон?

— Я работал курьером и рекламным агентом, но мне это не очень подходит. Хорошо, если бы ты помог мне попасть в «Гардиан», а то придется с утра до ночи сидеть в какой-нибудь конторе.

— Ладно, я поговорю об этом. Офелия?

— Господи! — вздохнула Офелия.

— Я еще раз напоминаю: каждый должен найти работу. Если вы не станете этого делать, я умываю руки. Хэрриет, пожалуйста, позвони мне на следующей неделе. Расскажешь, как продвигаются дела. До свидания.

Он поставил свой бокал на стол и вышел. Я побежала за ним, пытаясь извиниться за не слишком теплый прием.

— Ты рассердился.

Руперт вздохнул:

— Пока еще нет, Хэрри, но, если побуду здесь еще немного и опоздаю на поезд, тогда уже точно начну злиться.

Я была страшно расстроена. Только его ласковое обращение ко мне по имени, которое давно осталось в прошлом, могло мне немного успокоиться.

Глава 13

Мистер Поудмор внезапно распахнул дверь, и Элин с Мюриэл тут же ожесточенно начали стучать по клавиатуре.

— Что, еще не готово? — рявкнул он.

Обе дамы подняли головы, словно послушные марионетки, повинующиеся движениям невидимого кукольника.

— Он позвонил и сказал, что очень плохо себя чувствует. Похоже, тяжелое похмелье, — сообщила Мюриэл, не глядя на редактора.

— Чертов лентяй! Тоже мне, нашел причину. Тело нашли в канализационном стоке сегодня утром. Говорят, несчастный случай. Но копы твердят об умышленном убийстве. Дело с душком. Убийство лидера преступной группировки. Коррупция в Верховной палате. Кто-то должен написать об этом. Нужно ехать на похороны.

— Это не для меня, — Мюриэл умоляюще посмотрела на мистера Поудмора, — врач сказал, что у меня серьезное воспаление. Если простужусь, придется лечь в больницу. Два часа на холодном ветру... я не выдержу...

— Я тоже, — отозвалась Элин, — похороны всегда вызывают у меня депрессию, потому что принимаю чужое горе слишком близко к сердцу...

Она демонстративно высморкалась и вздохнула.

Мистер Поудмор, нахмурясь, уставился в потолок. И вдруг посмотрел на меня с воодушевлением:

— Вы, Бинг! В одиннадцать часов будьте на церемонии на кладбище. Можете взять деньги на проезд из кассы.

— Но я даже не знаю, что...

— Две тысячи слов. Вы поняли? Немного о присутствующих. Родственники, знакомые... И о церемонии.

Мистер Поудмор захлопнул дверь.

Мюриэл и Элин с сочувствием посмотрели на меня.

— А почему он так странно назвал вас... — задумчиво спросила Мюриэл, погружая в чашку пакетик чая. — Бинг, если не ошибаюсь? Где-то я уже слышала эту фамилию...

Автобус остановился прямо у ворот кладбища. Дождь немного поутих, но было очень сыро и холодно. Я проскользнула позади собравшихся и встала рядом с женщиной в короткой черной юбке.

— Мы планируем отдыхать на Сейшелах в этом году, — сказала она своему соседу, — но Дони хочет ехать на Лансерот

со своим бой-френдом, так мне сказал Фред. Что за дурацкая идея, надо же хоть раз съездить куда-нибудь в другое место...

— Как мило, — отозвалась дама в экстравагантной длинной черной накидке, прикрывавшей ее полные ноги с узловатыми венами. — Джеральд хочет на Барбадос. Но я сказала ему: Джеральд, подумай, что будет там с моим желудком. Эти салаты и зелень — для меня просто ад. Правда, говорят, там отличные танцевальные вечеринки с тамтамами. Но я не собираюсь скакать и умирать от голода.

— И куда же вы решили отправиться? — спросила третья собеседница.

— В Блэкпул.

Священник закончил чтение и предложил всем бросить по горсти земли. Какая-то женщина ринулась к могиле с букетом цветов, но тут же вернулась под дерево — дождь расходился все сильнее. Я достала из кармана блокнот.

— Простите, пожалуйста, — обратилась я к полной даме, — я из «Брикстон Меркьюри». Вы не могли бы назвать мне несколько имен и что-нибудь рассказать о родственниках покойного.

— О, как символично! На похоронах Вильдо присутствует пресса. При жизни он старался избегать журналистов. — Она захихикала, прикрыв рот рукой, но, заметив, что на нее смотрит священник, тут же изобразила глубокую скорбь. — Да он просто свалился в незакрытый люк, никто его туда не сталкивал. Уж можете мне поверить, ведь он мой дядя.

Пальцы у меня заledenели от холода, и я едва царапала карандашом по бумаге. Она назвала мне еще несколько совершенно невообразимых имен, которые я с трудом смогла затранскрибировать.

Священник спешил закончить церемонию, держа над головой молитвенник, которым прикрывался от дождя.

Я заметила одного человека, стоявшего поодаль, под широкой ветвью кедра. Присутствующие не обращали на него внимания, быстро расходясь в разные стороны и рассаживаясь в автомобили. Затем кортеж вместе с полицейской машиной медленно двинулся к воротам. Незнакомец выглядел так, словно смертельно болен, — лицо пепельно-серое, а губы посине-

ли от холода. Редкие темные волосы свисали вдоль щек. Внешность выдавала в нем иностранца. Он будто не замечал ни дождя, ни пронизывающего ветра. «Таинственный пришелец из далекого прошлого», — подумала я, решив по возможности расспросить и его. Но я немало удивилась, когда заметила, что этот человек плачет, — должно быть, он был единственным, кто действительно сожалел о смерти Вильдо. Вынув платок, он вытер лицо, мокрое от слез и дождя.

— Никогда. Никогда, — пробормотал он так тихо, что я едва расслышала. — Боже мой, больше никогда.

Фраза показалась мне подходящей для мрачного колорита статьи, и я записала ее в блокнот. Когда подняла голову, то увидела, что незнакомец уже ушел. Я огляделась, но его нигде не было, скамейки пусты, и пустынная аллея тянулась до самых ворот. На кладбище я осталась совсем одна. Над могилами клубился туман, и мокрые ветви деревьев печально покачивались над моей головой. Внезапно поднялся сильный ветер, и какой-то необъяснимый страх охватил меня, я кинулась прямо к выходу и, только оказавшись перед воротами, смогла отдышаться и прийти в себя. Дождавшись автобуса, я забила в уголок и, видимо, выглядела такой несчастной, что пассажиры с любопытством поглядывали в мою сторону.

Я начала писать прямо в автобусе и не останавливалась, пока не доехала до редакции. Пальто и волосы у меня высохли, я уже согрелась и повеселела. Заканчивая свое повествование, я не сомневалась, что это шедевр журналистской прозы. А чтобы мистер Поудмор не усомнился в этом, я добавила несколько впечатляющих деталей от себя. Проверив по словарю написание кое-каких слов, я с гордостью положила репортаж на стол мистеру Поудмору.

Он молча взял листы и начал читать. Напряженно следя за выражением его лица, я с удовольствием отметила, что он, похоже, удивлен.

— Бог мой! — Он отложил в сторону последний лист и, откинувшись на спинку стула, стал ковырять в ухе. — Неправдоподобно! Абсолютно неправдоподобно. Совершеннейшая чепуха, сразу видно новичка. Невежество в парapsихологии, полное невежество. Вот что я скажу, — такие рос-

сказни о призраках по вкусу только соплякам и простакам. И чрезмерная впечатлительность тоже весьма вредна. Она размягчает мозги.

— Но послушайте... — начала я, почти не в силах справиться с разочарованием. — Если хотите знать, я вовсе не так глупа и даже очень начитана. Я знаю наизусть почти всего Шекспира.

— Не спорю, — он хлопнул рукой по столу, — вы умная и симпатичная девушка. Даже умнее, чем я ожидал. Но вам еще предстоит научиться писать как следует.

Он зачеркнул большую часть моего сочинения и отверг почти все, что являлось украшением моего рассказа, требуя, чтобы я спустилась с небес на землю.

— Если бы я знала, что вам нужно, то написала бы, как Раймонд Чэндлер... — заговорила я, но заметила, что он меня не слушает.

— Подождите, — бесцеремонно оборвал он, — у меня есть идея. Мне нужно, чтобы вы написали серию статей.

Я не поверила своим ушам.

— Я написала?..

— Да, вы. Только вы и сможете написать что-нибудь стоящее, — саркастически заметил он, — полторы тысячи слов каждую неделю к номеру в пятницу. Восемь фунтов за статью. Без подписи. Серия будет называться «Призрачная зона». Но нам вовсе не следует провоцировать читателя на бессмысленные фантазии о призраках и переселении душ. У нас другие задачи: писать захватывающе, интригующе, но правдоподобно. Детектив «Охотники за привидениями», необычные истории с документальной подоплекой. Вот что нам действительно нужно.

— Но как я могу все это написать?

— Подумайте. Заставьте работать ваше воображение. Узнайте обо всех домах в Лондоне, где происходило что-нибудь загадочное, о тех, с которыми связаны странные истории, осмотрите их. Но не попадайтесь на удочку всяким шарлатанам, которые рассказывают о шалостях полтергейста в номерах пятизвездочных отелей.

Будучи совершенно ошарашена таким поручением, я не знала, что ответить, только бубнила:

— Я не могу, это невозможно, писать такое...

— Вот что я вам скажу, Бинг. Я предлагаю хорошую сделку, и, если вы умный человек, от нее не откажетесь. Ладно, сговоримся на десяти фунтах за статью. Но материал должен быть у меня на столе каждый четверг к обеду, и без всяких задержек. Меня не волнуют ваши проблемы, непредвиденные обстоятельства, насморки и мигрени. Только так вы сможете стать настоящим журналистом. — Он удовлетворенно улыбнулся, барабанив пальцами по столу.

— Но где же я...

Мистер Поудмор строго взглянул на меня сквозь очки колесными светлыми глазами:

— Кем вы хотите быть — хищником и преуспевающим репортером или сопливой безмозглой нимфеткой? Идите. И начинайте думать над первой статьей. Желаю успеха...

Я села за стол и предалась размышлениям: что мне предпринять и как написать статью, которая удовлетворяла бы всем требованиям мистера Поудмора. В голову приходила только всякая чепуха о явлениях умерших предков владельцам старых готических замков. И где вообще можно раздобыть такого рода информацию в Лондоне?

Тут только я обратила внимание на тревожную тишину, овладевшую в комнате с моим появлением. Хотя дверь в помещение мистера Поудмора была распахнута, мои коллеги как-то лениво, еле-еле ударяли по клавишам. А их чаепитие было каким-то слишком уж затяжным. Обычно они довольно быстро успевали обсудить своих знакомых, деликатесы на званом обеде и новинки в модных журналах. Но на этот раз они больше молчали. Я посмотрела на них с интересом.

Мюриэл и Элин старались не встречаться со мной глазами, при этом Мюриэл даже судорожно сглотнула, будто подавилась теннисным мячиком.

— Ох, моя покойная мать перевернулась бы в гробу, узнав, с кем мне довелось работать.

Я удивилась ее замечанию, но не произнесла ни слова.

— О, да, — вздохнула Мюриэл и с возмущением посмотрела в мою сторону. — Я читала «Дэйли Баннер». Нечего сказать, хорошенькое семейство: семья, убийство, проституция, воровство... Просто ужас! Но поразительно, до чего лихо не-

которые люди умеют скрывать такие вещи, делая вид, будто невинны, как агнцы.

Я догадалась, о чем они. Трудно описать негодование, охватившее меня, даже не из-за того, что эти глупые, ограниченные бабенки пытались задеть меня, а из-за того, что они сме-ли дурно говорить о моей семье.

Я успокоилась и сумела сдержать слезы, которые уже наворачивались на глаза. Тем более что час спустя Мюриэл и Элин уже перестали обсуждать газетные подробности из жизни моих близких. А передо мной стояла задача устранить из финансового отчета сведения о кое-каких тратах мистера Поудмора — обеды и завтраки в ресторанах с неизвестными ле-ди, посещение футбольных матчей и прочие мелочи.

— Бинг, — появился в дверях мистер Поудмор, — вы уже разобрались со счетами?

— Простите, тут еще кое-что осталось...

— Отдайте их Элин, вы мне нужны, немедленно.

— Садитесь, — велел мне мистер Поудмор, прохаживаясь по комнате и дымя сигаретой, — может, вас это удивит, но я в свое время написал книгу по психологии... — Меня это ни-сколько не удивило, я ничего не знала о мистере Поудморе и не могла представлять, на что он способен, а на что — нет. — Не-которые считают, что такой интерес связан со странностью или ненормальностью человека, но это ошибка, — я слушала его очень внимательно, — я уверен, что у вас сильный харак-тер, — я скромно улыбнулась в ответ, — и к тому же у вас на-верняка есть сверхъестественные способности. Я имею в виду область парапсихологии, хотя и не утверждаю, что знаю ее или исследовал эти явления очень тщательно. Я хочу, чтобы завтра в четыре часа вы посетили один парапсихологический сеанс.

— А мне за это заплатят? Ведь это нерабочее время.

Мистер Поудмор на меня с укором:

— Знаете ли, на свете есть вещи не менее ценные, чем деньги. Вы будете вознаграждены, но не деньгами. — Честно сказать, мне это не слишком понравилось, — я вполне могла прожить без благодарности мистера Поудмора. — Хорошо, пять фунтов.

Глава 14

— Входите, юные леди, — сказала густо нарумяненная молодая женщина, открывая дверь. В прихожей дома 74 на Филадельфия-авеню стоял странный сладковатый запах. Оглядевшись, я поняла, что исходил он от цветов, слишком долго простоявших в вазах и уже успевших слегка засохнуть.

— Спасибо, — кивнула Порция. — Я — Порция Бинг, а это Хэрриет, моя сестра.

— Очень приятно, — женщина вежливо улыбнулась нам. — Мы не ожидали, что появятся две гостьи, мистер Поудмор говорил только об одной девушке.

Хотя Порция и стеснялась улыбаться из-за своего сломанного зуба, все же оставалась по-прежнему обаятельной, и ее красота нисколько не страдала из-за этого.

— Я упростила Хэрриет взять меня с собой, когда узнала, куда она идет. Я всегда мечтала побывать на спиритическом сеансе. Это так завораживает — живой человек может говорить с умершими. Вы, мадам Эвсапия, наверное, очень много знаете.

— О, я не мадам Эвсапия, меня зовут мисс Джуд. Я помогаю мадам Эвсапии во время ее медитаций. Духи иногда ведут себя непредсказуемо. И потом, ей нужно несколько прийти в себя после общения с ними. Мадам Эвсапия утверждает, что я обладаю психометрическими способностями и очень подхожу для ассистирования.

Вслед за мисс Джуд мы прошли в гостиную. Очень плотные шторы были задернуты и не пропускали дневной свет. Посредине комнаты на столе, покрытом черной шелковой скатертью, горела лампа с ароматическим маслом. За столом уже сидели четыре человека.

— Здравствуйте, — произнесла Порция. — Это моя сестра Хэрриет и...

Но в ответ раздалось всеобщее: «Ш-шш-шшш...»

Мужчина с обритой наголо головой и черной бородкой указал нам на пустые стулья. Мисс Джуд тоже села рядом с нами. Мы с Порцией опустили на свои места и молча начали разглядывать гостей.

Там были две пожилые дамы, одна с завивкой, а другая — с немыслимым начесом из седых волос. На них были простые шерстяные кофточки, и я была почти уверена, что обе работают библиотечаршами или секретаршами. Оглядев нас критическим взглядом, они снова сосредоточились на лампе. Другой мужчина был маленький и худой, с мохнатыми черными бровями. Он пристально посмотрел на Порцию. Но как только она поймала его взгляд, тут же уставился на лампу. Я наблюдала за мужчиной с черной бородкой, сидевшим с закрытыми глазами и отсутствующим выражением на лице. От него довольно сильно несло виски.

Как я узнала позднее, эти сеансы стоили немалых денег. Мы довольно долго сидели в мрачной таинственной тишине, прислушиваясь к тиканью часов. Но, помня, что мне обещано за терпение пять фунтов, я не особенно беспокоилась.

Одно место за столом все еще оставалось незанятым. В комнате было довольно жарко — огонь в камине, щедро засыпанном углем, жарко пылал уже добрых полчаса.

— Здесь немного душно, — заметила Порция во весь голос.

Взоры присутствующих обратились на нее с явным недовольством.

— Вы не на чаепитие пришли, мисс, — сказал бородатый мужчина, — постарайтесь сконцентрироваться.

— Будьте любезны, прекратите шуметь, — возмутилась дама с начесом, — я только что достигла нужной стадии релаксации.

— Не вы одна, — заметил бородатый мужчина, — все мы здесь знаем, зачем пришли.

— Такое поведение может отвратить от нас духов, — добавила дама с завивкой, — к ним надлежит относиться с уважением.

— Тише, прекратите говорить, — остановил ее бородатый. — Она здесь!..

Мисс Джуд распахнула дверь, и в комнату в торжественном молчании проследовала мадам Эвсапия. Я испытала настоящее разочарование. Вместо загадочной, экзотической по-

велительницы духов я увидала круглолицую и курносую толстушку в магистерском плаще. Руки ее были унижены кольцами и браслетами, которые позвякивали при каждом движении. Она напоминала мне скорее вдову Твэнки из провинциальных стеклоклей-пантомим, нежели медиума с такой серьезной репутацией.

— Надеюсь, все успели подготовиться. И вы тоже, — она посмотрела на Порцию. — Помолчите, милая, — она протянула руку ко лбу моей сестры, — сидите спокойно и тихо, ни о чем не думайте. — Затем повернулась ко мне: — Значит, это вы та девочка, у которой есть дар?

— Э-э... я не знаю... — мне сделалось ужасно неловко, — я боюсь... может быть, это ошибка....

Мадам Эвсапия жестом остановила мое блеянье.

— Я разбираюсь в таких вещах. У вас действительно есть дар. Я вижу сияние вокруг вас. Голубоватое излучение на уровне ваших плеч. Просто вы еще не умеете с ним работать, но, я надеюсь, вы все сделаете точно, как я скажу. — Я опустила глаза, чувствуя, что краснею от смущения. — Перед тем как начать сеанс, предупреждаю: каждому он будет стоить три фунта.

Мисс Джуд быстро обошла вокруг стола, собирая конверты с деньгами, и остановилась около меня.

Я вытащила кошелек. У меня с собой было только десять пенсов и пять фунтов, которые дал мне мистер Поудмор. На эти деньги я хотела купить оливки с чесноком и сигары для папы, а еще приобрести пару ручек и блокнотов для себя. У Порции дела обстояли ничуть не лучше — она взяла только семьдесят пять пенсов.

— Пять фунтов за двоих, — сказала мадам Эвсапия, — специальная цена, учитывая, что одна из вас обладает талантом, который может мне пригодиться. — Итак, все готово, Джуд.

Мадам Эвсапия села на свое место, вытянув над столом руки с крепко сжатыми пальцами.

— Я готова.

Бородатый тип положил свои тяжелые лапищи на мою правую руку и на левую руку Порции. Мисс Джуд опусти-

ла занавеску над входом в комнату и накинула на лампу кусок алого шелка. В воздухе стоял тошнотворный запах виски, масла и немытых ног. Некоторое время мы просто сидели в тишине, было слышно только свистящее дыхание бородатого.

— А-аа-ах! — патетически вздохнула мадам Эвсапия одновременно с особенно громким урчанием, донесшимся с моей стороны, так что Порция с трудом подавила приступ хохота. — Я вижу, что гость прибыл. Прошу тебя, открой нам, будешь ли ты говорить с нами. Один удар — да, два — нет. — Порция снова прыснула, прикрыв рот рукой, а я вся похолодела, опасаясь, что нас обеих выгонят за хулиганское поведение.

Мадам Эвсапия снова замолкла в ожидании ответа. Мои руки вспотели от волнения, жары и отвращения к бородатому соседу, вцепившемуся в меня мертвой хваткой. Внезапно раздался какой-то странный звук или шорох, и мне показалось, как что-то легкое, едва заметное промелькнуло прямо перед моим лицом.

— Я слышу его, — ухнула мадам Эвсапия. — Иди и будь среди нас, не бойся. Я назову твое имя. Джэк? — Снова воцарилась тишина. — Нет... Питер? — Снова молчание. — Может быть, Гарри?

— Гарри! — воскликнула дама с начесом. — Мой муж...

— Здравствуй, Гарри, я слышу тебя, оставайся здесь, пожалуйста.

Поблизости от стола раздался стук, который невольно заставил меня вздрогнуть.

— Ты Гарольд Лидбет? — спросила мадам Эвсапия.

Снова раздался короткий удар.

— Его звали Генри, когда он был моим мужем.

— Вы его видите? — спросила миссис Лидбет. — Как он выглядит?

— Он парит позади молодой девушки, у которой есть дар. — Я попыталась повернуться, но бородатый крепко держал меня за руку. — Он не желает, чтобы его видел кто-нибудь, кроме меня, — сообщила мадам Эвсапия. — Его утомляет излишнее внимание. Но выглядит он хорошо. У него

свежий цвет лица. Скажите мне, Генри, хотите ли вы что-нибудь передать своей дорогой супруге?

Что-то коснулось моих коленей. Я поджала ноги, будучи почти уверена, что это мисс Джуд шарит под столом и наткнулась на меня совершенно случайно. Бородатый с возбуждением втянул в себя воздух, и я сочла за благо отодвинуться от него подальше.

— Я сама хотела бы кое-что сказать ему, — громко заявила миссис Лидбет. — Генри? Это я, Одри. Я хочу знать: эта Кора Смит, что работала в туристическом агентстве, уже присоединилась к тебе? Я-то ее помню отлично, ее букет красных роз на твоих похоронах, за всю мою жизнь я не знала такого унижения!

— О, погодите, он уходит от нас! — воскликнула мадам Эвсапия. — Они не терпят таких нападков, они же очень чувствительны.

Я почувствовала себя еще более неловко, вспомнив, что мадам Эвсапии полагалось как-то отработать собранные с гостей деньги.

Но наконец все успокоились. Все словно воды в рот набрали и сидели с каменными лицами. Лампа вдруг вспыхнула голубоватым светом сквозь шелк, и мадам Эвсапия снова произнесла долгое «О-о-ооох....»

— «Мои грозящие, как адский пламень, знаки невежде нелегко прочесть...»

Бородатый сжал мою руку.

— «Венецианский купец», — с иронией прошептала Порция, но я не обратила внимание на ее замечание.

— О, кровь, кровь, кровь... — произнесла мадам Эвсапия низким грудным голосом.

— Кто ты? — спросил бородатый. — Что за дух?

— Я старый и доверчивый глупец, — ответила мадам Эвсапия все тем же низким голом, — кто отмстит за смерть мою врагам жестокосердным и убийцам?

В эту минуту мисс Джуд распахнула окно, и свежий ледяной воздух хлынул в комнату, шевеля занавески и скатерть. Затем окно само собой захлопнулось, и мисс Джуд села на свое место.

— Кто ты? — повторил бородатый с маниакальным упорством.

— Я — сэр Бэзил Уинтергрин, — сообщила мадам Эвсапия. Порция в ужасе схватила мою руку, и я почувствовала, как по спине у меня поползли мурашки.

— Что ты хочешь сказать нам? — настаивал бородатый.

— Мне не позволено раскрывать вам тайны, что познал я за гранью смерти, — начал сэр Бэзил, — рассказ мой поразит вас и в смятение повергнет. Но знать должны вы, как я был убит, и имя подлого убийцы моего.

— Да, да... — прервал его бородатый, — но ты можешь нам рассказать, что случилось?

— Ты не читал газет? — спросил сэр Бэзил. — И за грехи мои такой бы кары не дал Бог, как ту, что сотворил злодей бесчестный.

— Но кто он? — допытывался бородатый.

— Он брус дубовый, размогивший череп мне, обрушил, прячась в темноте...

— Прежде всего — имя. — Бородатый, видимо, вошел во вкус общения с духом и теперь ни за что не собирался униматься, ведя допрос, как заправский следователь. — Кто это сделал?

— С тех пор как я был человеком, — продекламировала мадам Эвсапия, — прошло немного дней, и помню я еще огонь и страшный грохот и бури завывание в тот день...

Занавески снова зашуршали. Распахнулось окно, и опять лампа вспыхнула голубоватым светом. Мадам Эвсапия издала протяжный стон, и стол заходил ходуном.

Внезапно ветер утих. Бородатый все еще судорожно сжимал мою руку, а мадам Эвсапия лежала, опрокинувшись лицом на стол. К ней подскочила мисс Джуд, подняла ее, прислонила к спинке стула. Глаза ее были закрыты, и мы тревожно переглянулись с Порцией.

Бородатый первым нарушил молчание.

— Что же нам теперь делать, а?

Вопрос был риторическим. Его покрытая потом лысая голова поблескивала в свете лампы.

— Его появление теперь убедило меня в существовании

загробной жизни, — заявила дама с начесом, трясаясь от страха, — если бы вы не поступили с ним так дурно, мы бы могли узнать, что там происходит, узнали бы сокровенные тайны жизни и смерти!

— Зачем вы его спугнули так грубо? — присоединилась к ней дама с завивкой, поднеся носовой платок к глазам.

— Вы очень дерзко с ним обращались, — с чувством добавила миссис Лидбет, — теперь мы ничего не узнаем. Еще никогда у меня не было такого удивительного контакта.

— И у меня тоже, — поддержала ее вторая дама.

— Как много мы потеряли из-за вас! — воскликнули обе, но тут их спору положила конец мисс Джуд:

— Гораздо хуже, что мадам Эвсапия в трансе, я никак не могу привести ее в чувство!

Тюрбан, надетый на голову мадам Эвсапии, сполз набок, и из-под него выбились пряди седых волос. В уголках раскрытого рта пенилась слюна, но прочих признаков серьезного припадка не наблюдалось.

— Надо уложить ее на диван, — деловито предложил бородатый, и хотя все еще продолжали дуться на него, никто не стал возражать.

Пока перетаскивали мадам Эвсапию, мы с Порцией воспользовались возможностью заглянуть во все углы — за занавески и под пианино. Но ничего, кроме пыли, коробок из-под конфет и печенья и деталей от велосипеда, мы там не обнаружили. Только в большой китайской вазе была спрятана полупустая бутылка водки.

— Я испугалась, — призналась Порция, когда мы с ней сидели дома на кухне и пили чай и ели сэндвичи с беконом, которые отлично готовил Ронни. — Конечно, это была фальшивка, — видно, мистер Поудмор рассказал ей все, что писали в газетах. Но откуда она взяла столько цитат из Шекспира?

— Да она наверняка записала их на пленку и спрятала где-нибудь магнитофон, — предположил Ронни. — Они всегда так делают.

— Нет, я видела, что она сама все это произносила, —

возразила я, — глаз с нее не спускала. Никакого обмана там не было. Может, у этой мисс Джуд способности чрево-вещателя?

— А я уверена, что там был дух, — заявила Корделия, — я видела, как дух появился на спиритическом сеансе в фильме «Беспечный призрак».

— О чем это говорит? — перебила я ее. — Мадам Эвсапия все устроила с расчетом на наше присутствие, то есть мое, потому что о Порции она ничего не знала. Но зачем? Неужели она полагала, что я попадусь на ее удочку, стану ходить к ней и платить деньги, чтобы узнать, кто убил Бэзила?

— Может быть, она хотела сделать себе рекламу? — предположила Порция. — Например, ты могла бы рассказать о ней всем своим друзьям и знакомым.

— Как бы там ни было, даже если ее заранее предупредил мистер Поудмор, все, что мы слышали, она произносила сама, без всякого магнитофона.

— Нет, вы меня просто удивляете, — скептически поморщился Ронни. — Разве можно верить в такие глупости?

Глава 15

— Честное слово, я слышала голос сэра Бэзила. Голоса, как и лица, спутать невозможно. А у меня отличная память на такие вещи.

— Голос можно элементарно подделать. — Папа соорудил обычную кислую мину, свойственную сэру Бэзилу, и произнес: — «Прошу, о дочь моя, мой разум пощади... В моей крови пылает жар предсмертный...»

— Как себя чувствует мама?

— Отлично. Она еще не выходит на улицу, но настроение у нее бодрое. Она очень о тебе беспокоится, всегда спрашивает меня, как ты выглядишь, не похудел ли, хорошо ли тебя тут кормят.

Отец нахмурился:

— Меня тревожит обстановка в доме: какой-то беспоря-

док, болезнь Марии-Альбы, да еще идиот Ронни, ни на кого нельзя положиться, кроме тебя, Хэрриет. Я хорошо знаю Клариссу, парикмахер интересуется ее больше, чем все мои проблемы, вместе взятые.

— Папа, пожалуйста, извини меня, мистер Поудмор требует, чтобы я отработывала все положенное время, — мне пора идти. Я больше всего боюсь потерять работу, ты ведь знаешь, что сказал Руперт.

— Знаю, дорогая. Не принимай всерьез мое брюзжание, у меня сегодня скверное настроение, к тому же я устал от сидения взаперти, от этой тюремной вони, от окна с решеткой. Ты самая дорогая моя девочка и приходишь ко мне чаще, чем все остальные.

— Порция тоже очень хочет тебя навестить, но она все время занята, ей приходится всюду ездить с Джессикой, и она приходит домой очень поздно вечером.

— И как ей общество феминисток?

— Она познакомилась с одной молодой писательницей по имени Сьюк. Я о ней почти ничего не знаю, но Порция ею восхищается. Сразу же после их знакомства они вместе обедали дома у Сьюк. Она замечательно вышивает и шьет, у нее свой магазин в гараже. Она не любит вещи, сделанные на станках или с помощью современного оборудования, и все делает вручную. На ее вещи огромный спрос, но, по-моему, деньги ее не интересуют. А еще она поклонница японской кухни и угощала Порцию мисо и суши. Кроме того, умеет управлять самолетом и постоянно занимается спортом. Вообще, она оказывает на Порцию благотворное влияние, например, заставила ее пойти к дантисту и даже сопровождала ее — читала наизусть стихотворения Сильвии Уорнер, чтобы помочь ей побороть страх.

— Бедная Хэрриет, я вижу, что не один я страдаю в этой семье.

— Что ты имеешь в виду?

— Я представляю себе, как ты ревнуешь Порцию. Она всегда была твоим самым близким другом.

— Не понимаю, почему ты так решил... Ну, если честно... я правда ее страшно ревную. Мне всегда были безразличны ее романы, но тут, я чувствую, она отдаляется от меня...

— Порции нужна сейчас новая дружба и новый круг общения, она достигла того момента в жизни, когда взгляды целого века начинают меняться, кое-что для нее уже навсегда осталось позади.

— Я, наверное, очень эгоистична.

— Нет, просто у Порции немного иной характер, чем у тебя. Она нуждается в переменах. Она ищет себя, дружба с женщиной или влюбленность дают ей сейчас то, в чем она нуждается, — привязанность, волнующие переживания. Откровенно говоря, я никогда не удивлялся тому, что женщины становятся лесбиянками.

— Папа, ты самый удивительный человек на свете! — Я испытывала огромную благодарность за его понимание, настоящую деликатность и терпимость — немногие родители способны так относиться к своим детям.

— Спасибо, Хэрриет.

Отец улыбнулся, и я впервые подумала, что зря столько лет считала себя его нелюбимой дочерью. Он любил меня ничуть не меньше, чем сестер.

Я поцеловала его на прощание и зашла к инспектору Фою — узнать, как продвигается дело, и напомнить, что отец с трудом переносит заключение и что мы с нетерпением ожидаем его освобождения.

Инспектор встретил меня как старого друга. И даже будто обрадовался моему визиту. Стол его был завален папками и стопками бумаг. Оба телефона зазвонили одновременно, так что я ждала несколько минут, пока инспектор окончит переговоры и сможет вернуться к моему вопросу.

— Как вы находите его состояние? — спросил он меня, закуривая сигару.

— Не очень, а если серьезно, то совсем плохо... Вы наверняка сами знаете...

— Да, знаю. Здесь не лучшее место для него, это я прекрасно понимаю.

— Неужели нет никаких сдвигов?

Он покачал головой:

— Я собираюсь еще раз просмотреть дело и проанализировать все детали, где-то наверняка допущена ошибка. У этого убийства должен быть мотив.

— Но ведь вы не думаете, что этот мотив был у моего отца?

Инспектор задумчиво затянулся и выпустил голубоватую струю дыма.

— Все свидетельства не в его пользу. Однако мы принимаем во внимание не только формальные улики, но и психологическую подоплеку дела. Я повидал немало убийц, о которых говорили, что они милейшие люди, и невиновных, которым приписывали все смертные грехи. Но если преступление совершил не ваш отец, то кто? Никто больше не видел ни одной живой души на сцене.

— По признаниям сэра Бэзила, его убийца обрушил балку.

— Что?..

Я рассказала инспектору о спиритическом сеансе. Меня поразило то, с каким терпением и вежливостью он выслушал мой рассказ. После чего попросил еще раз повторить все, что говорил сэр Бэзил, и записал мои слова в блокнот.

— Вы, должно быть, не верите этой чепухе? — спросила я, когда он взял с полки томик Шекспира и попытался отыскать указанные цитаты.

— За пятнадцать лет работы я приобрел привычку не пренебрегать никакой информацией. Мы тщательно проверяем все, вплоть до сигаретных и винных марок. Естественно, это не был дух сэра Бэзила. Но что бы там ни было, полученные сведения необходимо изучить досконально, ключ к разгадке порой обнаруживается при самых невероятных и загадочных обстоятельствах.

Он подробно расспросил меня о мистере Поудморе и весело смеялся, когда я описывала ему свои первые впечатления от редакции «Брикстон Меркьюри». Беседа с инспектором всегда поднимала мне настроение. И снова я подумала, что, если он был женат, его супруга была бы самой счастливой женщиной на свете, — вряд ли ей пришлось бы скучать с таким мужем.

— А какие новости о Дексе? — Меня все еще беспокоила пропажа Марка-Антония, и хотелось услышать, что все эти мерзавцы арестованы.

— Рано или поздно — он попадется. Чтобы проверить весь Лондон, нужно время.

Возвращаясь домой, я увидела большой элегантный автомобиль, припаркованный у наших ворот.

Я достала из кармана ключи, за дверью раздался радостный лай Дирка.

— Привет, Хэт, — навстречу мне вышла Корделия, поставив поднос с бокалами на ложе Клеопатры. — Руперт пришел. С другом.

Это было первое появление Арчи в нашем доме.

Я прошла в гостиную с таким же необъяснимым чувством вины и тревоги, с каким много лет назад являлась в школу, не приготовив домашнее задание.

Руперт стоял в комнате в пальто и смотрел в окно, а Арчи то вскакивал, то снова садился в кресло. В комнате было невыносимо холодно.

Он был ниже ростом, чем Руперт, а одет был очень элегантно — черный жилет, костюм и белая рубашка, словно собирался на торжественный прием в посольство. Но почему-то в светло-желтых ботинках.

— Прекрасно, — темные глаза Арчи заблестели от любопытства, когда он повернулся ко мне, — теперь мы знаем, что чувствуют пингвины, когда им приходится часами стоять на берегу Северного Ледовитого океана.

— Простите меня, ради Бога! — Я подошла к камину и отодвинула экран, на котором были изображены райские птицы, — он уже покрылся толстым слоем пыли. — Это Ронни сказал, что нам нужно беречь деньги, и отключил центральное отопление.

— Когда я говорил об экономии, Хэрриет, то не имел в виду подобный идиотизм. — Руперт взял у меня спички и, опустившись на колени, разжег огонь в камине.

— Мы стараемся проводить как можно больше времени на кухне. Там теплее.

— Возьмите мой шарф, — предложила Корделия и протянула свой длинный мохеровый шарф Арчи.

— Очень великодушный поступок, — иронично заметил он, пощупав шарф кончиками пальцев. — И какой мягкий... Где ты его взяла, коварная девчонка? — Он с улыбкой наклонил голову и прищурился, глядя на нее.

— Сама связала, — с гордостью сообщила Корделия.

— Дорогая моя, да у тебя талант, послушайся моего совета — займись ваянием или живописью.

— Корделия, ты начала снова ходить в школу? — спросил Руперт, продолжая возиться с камином.

Но Корделия решила поскорее улизнуть из комнаты, чтобы избежать неприятных объяснений:

— Я обещала Ронни помочь приготовить печенье на ужин.

— Это я виновата, не могу пока найти школу, в которую ее взяли, — призналась я, — сестра Имельда отказалась принять ее обратно. Я так неосмотрительно поссорилась с ней.

Руперт поднялся на ноги и отряхнул пальто, на котором остались отпечатки собачьих лап, — видимо, Дирк поприветствовал гостя, вернувшись с прогулки. При его появлении Руперт сразу же отпрянул и сказал мне:

— Не давай ему прыгать на меня, я вижу, он очень рад нашей встрече, но больше мое пальто не выдержит. Никогда не понимал, зачем люди держат животных в городе. Ну хорошо... а что с работой?

— Все идет нормально. Постепенно осваиваюсь. Но я готова и к тому, что возникнут трудности. Не всегда же мне будет везти.

— Расскажи, чем ты занимаешься, — попросил Арчи, снова усевшись в кресло. — А вы, сэр, — обратился он к Дирку, — прекратите терроризировать меня, я все-таки гость в этом доме.

Я начала рассказывать обо всем, что в последнее время происходило в редакции. Арчи весело смеялся над описанием бедняги Слима, главного репортера «Брикстон Меркьюри», и над моей поездкой на похороны. Но Руперт слушал молча и очень серьезно.

Я поведала обо всем, что случилось с нами в доме мадам Эвсапии. Арчи выслушал меня с нарочито расширенными от изумления глазами.

— До чего же изобретательны бывают некоторые представители рода человеческого, — заметил Руперт, — они готовы на любой риск, лишь бы зарабатывать деньги, наживаясь на чужой глупости. — Он взглянул на камин и нахмурился: — Эти часы остановились лет десять назад.

— Не придирайся к мелочам, — сказал Арчи и, посмотрев на меня, добавил: — Он стал таким занудой из-за недостатка

женского внимания. Что поделать, его ведь воспитывала такая суровая особа, что иного и ожидать не приходится.

Мне вспомнились те годы, когда Руперт наверняка страдал от неприязненного отношения к нему моей матери. Теперь я понимала, что ее раздражала дружба моего отца с Рупертом, она испытывала к нему безотчетную ревность.

— Как дела у всех остальных? — спросил он. — Брона устраивает место в «Берлингтон моторс»? — Я давно уже заметила, что, как только кто-нибудь начинал вторгаться в его частную жизнь, он немедленно менял тему разговора.

Я собралась было выложить всю правду, но в комнате появилась Корделия с небольшим свертком:

— Смотри, Хэт, это, наверное, принесли вместе с почтой после обеда. Адресовано мисс Бинг. Что бы это значило, как ты думаешь?

Я взяла посылку, завернутую в коричневую бумагу, которой обычно обклеивали лондонские почтовые отправления. В надписи, указывающей адрес получателя, было множество ошибок. Я быстро разорвала бумагу, и на пол из моих рук выпал рыжий хвост. Корделия закрыла глаза от ужаса и закричала во весь голос, а я так и застыла, не в силах произнести ни слова.

— О Боже, Боже! — Слезы хлынули у меня из глаз. — Марк-Антоний! Негодяи! Как они могли! Его хвост!..

Арчи подошел ко мне и брезгливо посмотрел на странный мохнатый шнурок, валявшийся на полу.

— Ты хочешь сказать, что это часть какого-то животного? Мне дурно...

Дирк сначала подскочил к нам, а затем зарычал и отбежал подальше.

Руперт поднял хвост и внимательно осмотрел его.

— Идиоты! Это животное убили на охоте два века назад. Обычный лисий хвост.

Я села на стул, дрожа от волнения, все еще не в силах поверить, что с Марком-Антонием не произошло ничего страшного.

— Конечно! — вдруг с истерическим восторгом закричала Корделия. — Это не его хвост! Не его, смотри, Хэт, он совсем не похож на хвост Марка-Антония!

— Ты уверен, что его давно отрубили? Может, он все-таки свежий? — с отвращением поморщился Арчи.

Но Руперт уже развернул записку, приложенную к посылке.

— Дай-ка я сама попробую, — сказала я ему, — в последнее время я только и делаю, что разбираю чужие караулы.

«Несите 2000 фунтов в эйт белз или декс свернет ему шею».

— Он, видимо, имеет в виду бар «Эйт Белз» в Уэппинге, — сказала я, размышляя вслух. — Две тысячи фунтов, иначе они свернут шею Марку-Антонию. О нет! У меня даже двадцати не найдется. — Я опять впала в транс, представив себе, какая участь ожидает нашего любимца.

— Хэрриет, пожалуйста, без истерик, — раздраженно остановил меня Руперт.

— Я обещала инспектору сообщить, если объявится Декс. Что мне теперь делать?

— Мы сами позвоним в полицию по дороге домой. Отдай мне счета за эту неделю и предоставь самому вести переговоры с инспектором.

— Но я еще не допил бокал, — возразил Арчи. — Такой отличный коньяк. Жаль оставлять.

Руперт посмотрел на этикетку на бутылке:

— Самой отменной выдержки. Любимый напиток Вальдо, так что нечего разорять его запасы. Я часто заказываю хорошее вино и каждую неделю буду посылать несколько бутылок, чтобы вам не приходилось покупать.

Но я даже забыла поблагодарить его за эту любезность, думая только о Марке-Антонии.

— Ведь он еще жив. Не может быть, чтобы они его убили!..

— Конечно, нет, — заявил Руперт, — ни один дурак не станет просить деньги, если животное уже мертво, — ведь он должен будет показать его при встрече.

Корделия встала с дивана и подошла к нам:

— Если с Марком-Антонием что-нибудь случится, я себе этого никогда не прощу. Вы скажете в полиции, как мы им доложим?

— Сделаю все, что в моих силах. Но тебе пора начать учиться, Корделия.

Корделия молча опустила голову и потихоньку выбежала из комнаты.

— Руперт, я так благодарна тебе за помощь, ты очень много для нас сделал, — сказала я, открывая перед ним дверь.

— Чепуха, — вмешался Арчи, кланяясь мне на прощание, — великодушие — его вторая натура.

Остаток времени перед обедом я провела в папином кабинете, стараясь прогнать мрачные мысли и страхи за жизнь Марка-Антония. Я уже в сотый раз читала одну и ту же страницу рассказа Джеймса о призраках, когда Дирк поднял голову и настороженно зарычал. Через минуту в дверь раздался звонок. Я бросилась открывать и с удивлением обнаружила на пороге Арчи и Руперта. Оба тяжело дышали — видимо, спешили с радостной новостью. А точнее, с чем-то завернутым в серое армейское одеяло. Руперт сунул сверток мне в руки:

— Нас он уже здорово оцарапал.

Одеяло развернулось само собой. Марк-Антоний выскочил из моих рук и прыгнул прямо на ложе Клеопатры. У меня не было слов, чтобы выразить радость.

Бедный кот, видимо, немало натерпелся в неволе и выглядел исхудавшим и грязным, его пышный рыжий мех свалился, к тому же он был сильно напуган и настороженно озирался.

— Как вы с ним справились? — спросила я.

— Руперт продемонстрировал чудеса героизма, — пояснил Арчи.

— Он дрался с Дексом?

— Не напоминайте мне об этом дурно пахнущем джентльмене, — презрительно заявил Арчи.

— Так вы пошли в «Эйт Беллз»?

— Прескверное заведение, нечего сказать, — продолжал Арчи, обматывая платком расцарапанную руку.

— Но как вам удалось вырвать у него Марка-Антония? — я сгорала от любопытства. — Вы ведь не отдали ему две тысячи фунтов?

— Нет, конечно, — ответил Руперт. — Я предложил ему

пятьдесят. При этом добавил, что это не мой кот, и поэтому мне плевать, что с ним будет. И если его не устраивает сумма, то он может свернуть ему шею и катиться ко всем чертям. Когда он понял, что я не шучу, сразу стал сговорчивее и позвал нас с собой, предупредив, что зверь очень злой и больно кусается.

— Он привел нас в какую-то каморку на соседней улице, — продолжал Арчи. — Чертова дыра, где пахло газом и какими-то химикатами. Это место напомнило мне лавки старьевщиков в диккенсовских романах. А кота он держал запертым в буфете.

На лестнице появилась Офелия с туфлями в руках, как раз когда Дирк особенно громко подал голос из-за двери.

— Хэрриет! Да уйми же ты своего пса! Смотри, что он натворил! Я вчера купила эти туфли за сорок фунтов и только один раз успела надеть. О, кого я вижу! — Она презрительно задрала голову, заметив Руперта и Арчи. — Не следует выказывать недовольство тем, что покупаю дорогие вещи. Моя работа требует, чтобы я хорошо выглядела. Если я буду ходить в рванье, все клиенты разбегутся.

— Я не выказываю недовольство, — возразил Руперт, — это мое обычное выражение лица.

— Извини, я не хотела тебя обидеть, — смутилась Офелия. — Я не могу принести домой ни одной новой вещи, и все из-за этого проклятого существа. Он сгрыз уже третью пару.

Руперт нетерпеливо глянул на часы:

— Уже девять. Нам пора.

Я немного расстроилась, что они даже не остались выпить чаю.

— Мы так и не поблагодарили вас, — сказала я, провожая их до двери. И, повернувшись к Офелии, пояснила: — Руперт и Арчи спасли Марка-Антония. Им пришлось заплатить пятьдесят фунтов этим мерзавцам.

Тут я не удержалась и, подойдя к Руперту, поцеловала его в щеку.

— Я этого никогда не забуду, — добавила я, устыдившись его строгого взгляда.

В эту минуту раздался телефонный звонок. Офелия взяла трубку:

— Я слушаю. С кем вы хотите поговорить? О! Это Офелия. — Она удивленно замолчала и затем добавила: — Да, она здесь. Я позову ее. — Прикрыв трубку рукой, она повернулась ко мне: — Это тебя, Хэрриет. Звонит Макс Фрэншем.

Глава 16

— Все хорошо, — сказал Макс, — у меня отличное расположение духа.

Он выглядел свежо, и даже щеки у него порозовели. Когда я попыталась отказаться от его приглашения пообедать в ресторане, он сразу же впал в такое глубокое уныние, что я не стала огорчать его. К тому же я знала, что Макс проявляет редкую преданность моему отцу и даже неоднократно навещал его в тюрьме — приносил ему книги, вино и сигары. Нельзя сказать, чтобы Макс мне не нравился, напротив — он мне казался привлекательным, просто мне было немного жаль покинуть Марка-Антония в его первый вечер после возвращения домой.

— Мы чудесно проведем время, — уверял он, улыбаясь. — Что бы вы хотели заказать?

Несмотря на его обходительность, раскованно и свободно я себя не чувствовала. Собираясь на этот ужин, я полагала, что мы будем сидеть в маленьком уютном бистро, а не в шикарном ресторане, где на каждого посетителя приходилось по два официанта, а все стены были увешаны венецианскими зеркалами. К счастью, я надела костюм из шотландской ткани, который можно было застегнуть на все пуговицы, скрыв таким образом дешевую невзрачную блузку.

А Макс выглядел просто сногшибательно. Пиджак, рубашка, галстук, брюки — все сидело на нем идеально и было куплено в самом дорогом лондонском магазине. Волосам его, блестящим и пышным, почти до плеч, могла бы позавидовать любая женщина.

— Советую, месье, — заговорил официант на ломаном английском, наклонившись к нашему столику с блокнотом и карандашом в руках, — коктейль из пикантных устриц для дамы.

Дома мы никогда не ели устриц. Марии-Альбе, выросшей на берегу Средиземного моря и сохранившей самые тяжелые воспоминания о своем детстве, была присуща стойкая неприязнь ко всем морепродуктам. И поскольку я не была искушенным ценителем этих экзотических блюд, оставалось только согласиться с предложенным.

— По-моему, тут все страшно дорого... — Я была так озабочена нашими финансовыми проблемами, что боялась потратить даже лишний фунт на себя. Макс удивленно посмотрел на меня, и я вдруг ощутила мучительный стыд за то, что так неосторожно выставила напоказ свою нищету.

— Вам не нравятся дорогие рестораны? — спросил он, разливая шампанское.

— Я почти не бывала в таких заведениях, папа всегда говорил, что я совсем невежественна в этом вопросе.

— Разве никто из поклонников не приглашал вас на ужин?

Я рассмеялась, мысленно представив себе Доджа в ресторане.

— У меня был только один поклонник, и тот анархист.

Макс улыбнулся, так что сверкнули его ослепительно белые и зубы.

— Не могу поверить. Вы меня удивляете, Хэрриет. Только один поклонник у такой красивой женщины?

— Я почти никуда не ходила. Мне нравилось сидеть дома.

— Не верю, вы что-то от меня скрываете.

Но мне настолько неприятно было вспоминать о Додже, что я постаралась перевести разговор на другую тему.

— Какие чудесные цветы, — я кивнула на серебряную вазочку, — мне очень нравятся ландыши. И так пахнут даже в ноябре!

— Простите, Хэрриет, — вдруг серьезно произнес Макс, — это вовсе не мое дело...

— Что?

— Ничего. Давайте забудем об этом. Я не хотел огорчать вас. Расскажите мне лучше о вашей новой работе.

Мы успели выпить полбутылки шампанского, пока я делилась с Максом своими впечатлениями от «Брикстон Меркьюри». И к концу рассказа на лице его появилось скучающее вы-

ражение. Уже подали устричный коктейль, а я все рассказывала о спиритическом сеансе.

— Они свежие? — спросил Макс, кивнув на устриц.

— Даже слишком, по-моему, они еще живые... — Он с интересом наблюдал за мной. — Никогда не ела их раньше.

— Попробуйте, они вполне приличные.

— Может быть, лучше вы их съедите? Мне так будет легче... — Я положила вилку на край тарелки. — Не хочу показаться сентиментальной, но мне их жалко — я никогда не могла смириться с безжалостными законами пищевой пирамиды, царящими в природе.

Макс улыбнулся и продекламировал, не сводя с меня глаз:

А юных устриц удержать
Какой бы смертный мог?
Они в нарядных башмачках
Выходят на песок.
Что очень странно — ведь у них
Нет и в помине ног!

— «Алиса в Зазеркалье», с детства обожаю эту книгу, — призналась я Макс. — Руперт подарил ее мне на день рождения много лет назад.

— Руперт Вульвеспурджес? Я не знал, что вы близко знакомы.

— Да, я тогда была еще ребенком. Но потом мы долгое время не виделись. И только недавно встретились снова. И теперь я понимаю, что он очень изменился, и почти ничего не знаю о его нынешней жизни.

— Мне кажется, вообще нет человека, который бы мог похвастаться, что знает что-то о его жизни.

— Он не нравится вам?

— Нет. Вовсе нет. К тому же не так много общаюсь с ним. Оно и понятно, Руперт не питает симпатии к актерам. Он странный человек. На мой взгляд, суховат и немного зануден. Даже когда руководил театральными постановками, с ним было не просто работать. Я предпочитаю Арчи. С ним гораздо веселее, и потом, Руперт всегда говорит на такие

сложные темы, а я поверхностный, ленивый человек и склонен болтать обо всяких пустяках.

Макс улыбнулся, и я подумала, Каролине очень повезло с мужем. Во всяком случае, Макс был настолько очарователен, что его гипнотическое обаяние действовало даже на женщин за соседними столиками.

— Я впервые слышу, что он ставил пьесы.

— Он сделал очень хорошую постановку «Гедды Габлер» в Нью-Йорке, совсем недавно. А в прошлом году участвовал в подготовке «Фиделио» для оперного театра.

— Вот это да! — Я была вне себя от изумления — оказывается, Руперт знаменитость в театральном мире, а я и не подозревала об этом.

— Хэрриет, скажите мне, в чем вы действительно нуждаетесь? — Макс положил свою руку поверх моей, легонько сжав ее. — Я могу что-нибудь сделать для вас? Готов оказать вам любую помощь, какая в моих силах.

— Ваш отец был для меня идеалом, моим учителем и примером для подражания. Он способен заставить зрителей поверить в истинность происходящего, заворочить их. А без этой магии не существует настоящего театра, и всем нам следовало бы учиться этому у него. Каждый раз, когда я выхожу на сцену, думаю о вашем отце и горжусь тем, что мне выпала честь работать с ним вместе.

Я не раз видела людей, восхищавшихся талантом моего отца, он всегда находился в центре внимания, и я успела привыкнуть к этому. Но только после слов Макса я смогла понять, насколько велико на самом деле было обожание, которым окружала публика моего отца.

— Как чувствует себя Каролина? — спросила я, стремясь немного охладить его восторженный настрой, к тому же я ни на миг не позволяла себе забыть, что он женат, и беспокоилась о том, что этот ужин в дорогом ресторане не все способны были бы воспринять как невинную дружескую встречу.

— Она улетела в Окленд, навестить сестру. Надеюсь, там ей будет лучше. — Он помолчал немного и добавил: — Я виню себя за то, что уделял ей мало внимания. Но во многом ее образ жизни и деньги причинили ей еще больше вреда.

— О нет, — живо возразила я, — без денег у людей возникает куда больше проблем.

Макс в тот вечер заехал за мной на дорогой спортивной машине. Вряд ли он смог приобрести такой автомобиль, если бы не состояние Каролины.

— Самое худшее, что нас с ней интересуют совершенно разные вещи. Я вас не утомляю?

— Ничуть... — покачала я головой.

— Каролина не понимает, что не все можно купить за деньги. Она покупает мне костюмы, машины, картины, книги — все, что только можно пожелать. Но я обычный человек, и до того, как мы поженились, носил дешевые джинсы и старое пальто, но вовсе не чувствовал себя несчастным. Мне недоступны были путешествия по всему миру, деликатесы и дорогие отели, но зато я мог сидеть на скамейке в осеннем парке и читать стихи в свое удовольствие.

— О, я вас понимаю! Мне пора возвращаться. Я обещала Корделии, что не задержусь допоздна.

Корделия и без того была недовольна, что я покинула несчастного Марка-Антония после всех его страданий, и к тому же ей предстояло оставаться дома вечером совсем одной.

— Как жаль! — с досадой воскликнул Макс. — Но ведь Корделия уже не такая маленькая...

— Дело не только в этом. Наш пропавший кот нашелся, о нем нужно позаботиться.

Я рассказала Максу драматичную историю исчезновения Марка-Антония. Он с пониманием кивнул и подозвал официанта, попросив принести счет как можно скорее. Я заметила, что женщина, следившая за нами весь вечер, провожала Макса восхищенным взглядом.

— Если говорить откровенно, — признался мне Макс, когда мы уже ехали по шоссе в сторону Блэкхэда, — у меня очень плохие отношения с Каролиной. Я не согласен с расхожим мнением большинства мужчин, что жена вовсе не должна понимать мужа.

— Наверное, вы преувеличиваете, — вежливо возразила я, глядя, как первые капли дождя стекают по лобовому стеклу, поблескивая в свете фонарей.

— Несколько дней назад Каролина пыталась покончить с собой...

— О Боже! Не может быть! — воскликнула я и огорченно посмотрела на него.

— Она приняла снотворное, слишком большую дозу. А до этого выпивала почти по бутылке виски в день. К счастью, я пришел домой рано и нашел ее в ванной без сознания. Я вызвал «скорую», ей успели оказать помощь, только поэтому она осталась жива.

— Бедная Каролина! Но ведь это мог быть несчастный случай.

— Нет, она написала записку. В ней было сказано, что она любит меня и просит ее простить, но чувствует, что мешает мне, и не хочет больше быть обузой.

Макс молча продолжал крутить руль, а я была так шокирована услышанным, что не знала, как реагировать. Но, глядя на красивый профиль Макса, я думала о том, как он, должно быть, страдает и нуждается в утешении, осознала, что готова влюбиться в него.

— Я был против ее поездки в Окленд, ей следовало бы остаться дома, — его слова вернули меня к действительности. Он остановил автомобиль у ворот моего дома, но я не спешила выходить, ожидая, пока утихнет дождь. — Теперь я чувствую себя кругом виноватым. Разве я когда-нибудь говорил, что не люблю ее? Но она просто не хочет мне верить. Люди, страдающие депрессией, редко имеют объективные основания для своих страхов и подозрений.

— Я знаю, как тяжело видеть страдания дорогого человека и быть не в силах хоть чем-нибудь помочь ему.

— Вы думаете сейчас об отце, не правда ли? — Он угадал, я действительно думала о нем. — Неужели расследование до сих пор не привело к позитивным результатам?

— Какая скверная полоса наступила в жизни — и у вас, и у меня, — заметил Макс, вынув из кармана платок и протирая внутреннюю поверхность стекла. — Но я очень благодарен вам за прекрасный вечер. Надеюсь, что не разочаровал вас.

— О нет! Я получила огромное удовольствие.

— Хэрриет, вы заслуживаете гораздо большего, поверьте

мне, поймите меня правильно, я не хочу, чтобы вы вспоминали только о том, что я пригласил вас в роскошный ресторан. Ведь не это главное в нашей встрече, а то, что она позволила нам поближе узнать друг друга.

Он улыбнулся, не поворачивая головы, но меня удивило, насколько легко ему было выразить словами то, что и сама я переживала в эти минуты. Раньше я полагала, что Макс — всего лишь повеса-коллекционер, что ему нравится обольщать женщин, пользуясь своим обаянием и талантом, но теперь я увидела в нем совсем другого человека.

Вполутьме салона он наклонился ко мне так близко, что я почувствовала на своей щеке его легкое дыхание.

— Извините, мне нужно идти. — Я прервала затянувшуюся паузу, резко распахнув дверь, но Макс собрался тоже выйти из машины.

— Погодите, я сейчас раскрою зонт, дождь льет как из ведра. Я провожу вас до дома.

— Не стоит, право, я люблю воду.

Я выскочила на улицу, и Макс захлопнул дверцу.

— До свиданья, прекрасная наядя! — крикнул он, когда я пробежала в ворота.

— Ты просто вся светишься, — заметила Офелия, выйдя мне навстречу в прихожую. — Что с тобой случилось?

— Ничего... — Я глянула на себя в зеркало.

— Где ты была?

— Ужинала с Максом Фрэншемом.

— Да ну! — По лицу Офелии было видно, что она приняла мои слова за шутку. — С чего бы это?

— Просто хотели немного пообщаться.

— И где же?

— Во французском ресторане. — Я знала, какое впечатление произведет это на Офелию, и было интересно, что она скажет на это.

— Хэрриет, Господи! Что ты на себя надела, какой отвратительный костюм! Ты в нем похожа на училку из провинциальной школы. Бедный Макс!

— Иногда я завидую людям, у которых нет сестер.

— Ну конечно, — мы с Офелией зло посмотрели друг на друга, но я вовсе не собиралась уступать ей на этот раз. — Так о чем вы разговаривали?

— Так, обо всякой ерунде. О моей работе, о карьере Макса, о поэзии.

— Как романтично! — Офелия закатила глаза.

— Вспоминали о Каролине.

— Обычная пьяница.

— Она очень несчастна.

— Я бы тоже чувствовала себя несчастной, если бы мой муж водил в рестораны молодых девушек. А уж тем более если бы я еще была так же некрасива, как она.

— Ты слишком плохо думаешь о людях, может быть, он нуждался только в дружеском понимании.

— Не заговаривай мне зубы, ради Бога! Твой инспектор уже довольно поучал меня сегодня. Ему бы впору воскресные проповеди читать.

— Приходил инспектор Фой?

— Руперт рассказал ему о встрече с похитителем кошек в Уэппинге. Инспектор был в гневе из-за всего, что произошло. Я думаю, тебе еще от него достанется. Он выглядел очень расстроенным, когда узнал, что тебя нет дома. Мама и Ронни ушли в кино, смотреть старый фильм, в котором снимался Ронни.

— Ты с ним вежливо говорила?

— Вежливо? Да разве с ним можно говорить иначе? Вот я и слушала его, сидя на диване с закрытыми глазами. Хорошо еще, что у него было мало времени. — Офелия улыбнулась, с явным удовлетворением вспомнив о своей победе.

— Хэт? Ты проснулась? — раздался голос Порции.

Я села в постели и уставилась на сестру сонными глазами:

— Который час?

— Около шести.

— Утра?

— Да, черт возьми. Вряд ли ты находилась бы в постели в шесть вечера.

Я закрыла глаза и, тяжело вздохнув, спросила:

— Что еще случилось?

— Ничего, я вернулась домой поздно и не могла заснуть. Так что решила совсем не ложиться.

— Вернулась? Откуда?

Мне вспомнилось, что вчера Порция собиралась на вечеринку к Сьюк. Значит, веселье затянулось.

— Сегодня суббота?

— Да, суббота. Я забыла. Извини.

Порция смущенно покачала головой, видя мое хмурое лицо. Она разбудила меня в выходной, когда я обычно предпочитала поспать подольше. Уже собираясь уходить, Порция повернулась и сказала таким тоном, что невозможно было ей отказать:

— Можно с тобой поговорить кое о чем?

Порция села рядом со мной.

Несколько минут мы сидели в тишине. Затем Порция заговорила взволнованным, прерывающимся голосом:

— Я побывала на таком необычном вечере, все было потрясающе. Мы собрались в шикарном доме, который находился в каком-то парке. Где это было, я не знаю. Сьюк привезла меня на своей машине, нас пару раз останавливала полиция, потому что у нее не работала одна фара. Ты не можешь себе представить наши костюмы! Мы были одеты как Орфей и Эвридика. Сьюк сшила все сама, а еще у нас были венки из роз. У нее темные волосы и прямой нос, и она действительно очень похожа на изображения на греческих вазах.

Мне все еще хотелось спать, но я не позволяла себе закрыть глаза. Порция немного помолчала, а потом продолжила:

— Еще там был настоящий виноград, целые лозы с гроздьями. Я даже съела несколько виноградин... Обстановка и все гости были просто восхитительны... Когда все натапцевались, мы вышли из дома в парк, катались на лодках по большому озеру при луне... и Сьюк впервые обняла меня и поцеловала.

Я не смогла скрыть тревогу:

— Что значит поцеловала? Она ведь женщина!

Порция мечтательно вздохнула:

— Да, это могло бы показаться странным. Если бы я не была пьяна, то, может быть, все сложилось бы иначе. Но у нее такие мягкие и нежные губы, я до сих пор не могу их забыть.

Я думаю теперь только о ней, никогда никого не любила так сильно, как ее...

Порция вдруг замолчала и посмотрела на меня глазами, полными слез. Я видела, что она охвачена каким-то неземным экстазом, который мне казался совершеннейшим безумием. Она прижала руки к груди и, еле сдерживая рыдания, произнесла:

— Теперь я знаю, Хэт, я — действительно лесбиянка...

Я сидела на постели, онемев от неожиданности и не находя, что сказать после такого страстного признания.

— Порция, милая, — я растерянно провела рукой по лицу, — не сомневаюсь, что вы будете счастливы, — и ты, и Сьюк... — Мне было невыносимо стыдно за эту банальную фразу, но придумать что-то более оригинальное в столь ранний час субботнего утра я вряд ли была способна.

Глава 17

— Посмотри скорее! — крикнула Корделия, распахнув ногой дверь и вбежав в мою комнату под громкий лай Дирка. — Это прислали только что, по специальному заказу! — Она держала на вытянутых руках вазу с цветами. — Правда, они прелестны?

— Кто-то звонил в дверь? — спросила Офелия, выйдя на лестницу из гостиной. — Ландыши! Неужели у Перегрина вкус стал лучше! Его гвоздики могли порадовать только слепую старуху! Боже мой! Это же роскошный букет!

Корделия взяла открытку.

— «Хэрриет, с извинениями и любовью». Нет, посмотри, какие чудесные, по-моему, только-только собраны, Хэт! — Ее глаза блестели от восхищения. — Ты можешь поставить их на зеркало, они так пахнут, что нельзя оторваться.

— Надо же, какая щедрость! — удивилась Офелия, но я нисколько не рассердилась на ее вечный скептицизм и насмешки. Она наклонилась и втянула носом сладкий аромат ландышей. — С извинениями? За что? Такой букет может искупить любой проступок. И ваза, да она же стоит не меньше ста фунтов! Кто это прислал? Макс Фрэншем! — вос-

кликнула она, взяв у Корделии открытку. Несколько минут она осмысливала новость, а затем взяла вазу и сказала: — Лучше всего поставить их на столе в гостиной. Самое подходящее место. А ты, маленькая глупая девчонка, — она с улыбкой повернулась ко мне, — послушайся моего совета и никогда не заводи романы с женатыми мужчинами. Это всегда плохо кончается.

Я не могла верить своим ушам — Офелия вдруг решила читать мне мораль. Она всегда нападала на женщин, которые провоцируют мужчин на измену и плетут адюльтерные интриги. Но еще больше она порицала мужчин, способных к романам на стороне.

— Они почти никогда не оставляют своих благоверных и, как псы, всегда возвращаются к своей блевотине, можешь не сомневаться. Им нужна жена, которая будет стирать их трусы и поздравлять с Рождеством, как когда-то это делала их дорогая мамочка. Но если уж, не дай Бог, какой-нибудь из этих мерзавцев и решит развестись, то всю жизнь будет доставать тебя упреками и своим чувством вины. И каждый раз, когда его жена будет звонить ему, а она непременно будет звонить каждую неделю, ты будешь выслушивать его нытье — он будет каяться в предательстве, которое совершил ради тебя.

Офелия даже покраснела от возмущения, произнося эту речь, и по всему было видно, что она уверена в своей правоте.

— Я совсем не собиралась заводить с Максом роман, — успокоила я ее, раздраженная таким бесцеремонным вмешательством сестры в мою частную жизнь.

Но ни Корделия, ни Офелия, как ни старались, не могли скрыть любопытства по поводу моих отношений с новым поклонником. О Максе существовало устойчивое представление, что он является маминым другом, об артистическом таланте которого она, однако, была невысокого мнения.

— Он довольно симпатичный, — сказала мне мама, до сих пор скрывавшая лицо под вуалью, — но, на мой взгляд, слишком избалованный. Я бы выбрала мужчину более солидного.

Ронни при этом выпятил грудь и важно прошелся по комнате.

— Но, — продолжала она, — у Макса есть чему поучиться, он человек опытный. Девушки, которые унаследовали огромное состояние, могут позволить себе быть невинными и глупенькими, интересуясь только комнатными собачками и теннисным кортом, но тебе, Хэрриет, не пристало прятаться от жизни и закрывать глаза на ее не очень приятные стороны. Именно поэтому Макс может оказаться для тебя неплохим учителем, но слишком доверять ему не стоит.

Она вышла из комнаты раньше, чем я успела возразить ей и сказать, что не считаю возможным вступать в близкие отношения с Максом.

— Не принимайте это всерьез, — посоветовал мне Ронни, — она слишком устала и изнервничалась. Конечно, Макс Фрэншем — не подарок, но дареному коню в зубы не смотрят.

— Почему ты ничего не рассказала мне о нем? — с обидой спросила Порция, после того как Корделия растрезвонила ей о моей вчерашней встрече.

— Потому что рассказывать было не о чем. Мы всего лишь ужинали вместе — и все. Неужели мужчина и женщина не могут встретиться и просто поговорить? У него есть жена, которой он дорожит, и я вовсе не считаю, что он питает ко мне какие-то чувства.

— Ну да! — возразила Корделия. — Все видели, какой букет он прислал тебе.

Она указала на вазу с ландышами, благоухавшими на всю гостиную.

— Хэт! — воскликнула Порция. — Ты обманщица! Думаешь, я поверю твоим словам после этого? Никто не станет посылать такой подарок, если у него нет интереса.

Мне не хотелось продолжать этот глупый разговор и выслушивать бестактные советы относительно того, как мне наилучшим образом воспользоваться вниманием Макса Фрэншема, дабы извлечь из этого материальную выгоду. Поэтому, не говоря больше ни слова, я вышла из гостиной и удалилась к себе в комнату.

Я окинула взглядом свою маленькую комнату, больше похо-

жую на монашескую келью, и надела мантию, чтобы хоть немного согреться. У меня в столе хранилась небольшая коробочка конфет и цукатов, напоминавшая о лучших временах. Только благодаря кулинарным талантам Ронни скудость нашего теперешнего рациона была не так ощутима, но о былых роскошных трапезах, устраиваемых Марией-Альбой, оставалось только вспоминать. Я надеялась, что сладости поднимут настроение и помогут пробудить мои совсем было угасшие поэтические способности.

Я пыталась написать хоть пару строчек, но мне это никак не удавалось. Я съела несколько конфет и, едва удержавшись, чтобы не расплакаться от непонятной тоски, посмотрела в окно. Даже теперь мне было нелегко прочесть его снова, хотя содержание я помнила почти наизусть. Это письмо, которое он написал, когда мы только познакомились. В нем он объяснялся мне в любви и уверял, что думает обо мне днем и ночью. Я болела целую неделю, и мы не могли с ним увидеться, но он скучал по мне и даже приложил к письму цветок шиповника, который я положила в книгу «Тяжелые времена» Диккенса. Хотя Додж не читал романов, мне казалось, что это произведение могло бы ему понравиться.

Когда я получила от него последнее письмо, то чувствовала себя такой несчастной, что не могла без слез вспоминать о наших отношениях. Но, как ни странно, вскоре эта боль стала утихать, острота обиды притупилась, и я перестала сокрушаться из-за того, что наш роман подошел к концу.

Гораздо больше общего у меня с Максом. Я была ему признательна за великолепный подарок, хотя он и поставил меня в весьма неловкое положение, — в моей семье это истолковали как доказательство интимной близости между нами.

Мои мечты омрачались только мыслями о Каролине — я запомнила ее шикарно одетую, со скучающим видом сидевшую за столом на прошлом дне рождении мамы. Тогда она вообще не показалась мне несчастной; и вообще, ее образ никак не вязался со всем, что рассказывал о ней Макс. Самоубийство, депрессия, одиночество... Я посмотрела на Марка-Антония, лениво потягивавшегося на постели. Нет, как бы то ни было, я не должна больше обнадеживать Макса, внося еще большую сумятицу в его супружескую жизнь.

— Хэт, — позвала Порция из-за двери, — Макс просит тебя к телефону.

— Скажи, что меня нет дома...

— И какой приговор? Жаль, что меня там не было... — Хотя отец был коротко острижен и бледен, выглядел он бодрее, чем в прошлую нашу встречу. Глаза его светились от радости; и мне очень хотелось узнать, что же произошло. — Развязка — самый волнующий момент в пьесе. Помнишь тот драматичный момент в «Зимней сказке», когда покрывало падает и звучат слова: «В ней теплится и бьется жизнь»?

Отец произнес эту фразу так громко, что на нас, как всегда, оглянулись все присутствовавшие в комнате свиданий.

— Вот настоящая магия поэзии, доставляющая нам ни с чем не сравнимое наслаждение.

— Иногда, папа, лучше, чтобы покрывало не падало. Я чуть в обморок не упала, когда увидела нос Ронни, — сказала Корделия, пришедшая вместе со мной навестить отца.

— И слава Богу, что мы все это смогли пережить, — добавила я. — Мамин рот теперь стал гораздо меньше, но Ронни говорит, что так даже аристократичнее.

На самом деле ничего аристократичного в нем не было, наоборот, возникало ощущение, что она постоянно держит губы вытянутыми трубочкой. Но мама была убеждена, что теперь на ее лице незаметны морщины.

— Почему же ты не сказала ему, что у него аристократичный нос, как у Джуди Гарленд? — смеясь, перебила меня Корделия. — Он стал похож на мои старые кеды.

— Как дела с Рупертом? Он оплатил счет?

— Нет, Ронни собирается это сделать. Он уверяет, что у него накоплена достаточная сумма, — понемногу откладывал деньги из гонораров, чтобы в старости ни в чем не нуждаться. Он ужасно боится оказаться в нищете на старости лет, точно как героиня из «Нашего общего друга», которая так боялась попасть в работный дом, что предпочла умереть под забором. Он так и сказал, что лучше умрет на улице, чем попадет в дом престарелых без цента в кармане.

— А мама заявила на это, что он умрет от сердечного при-

ступа раньше, чем успеет состариться, — закончила Корделия. — И Ронни страшно обиделся.

Отец не выдержал и расхохотался вместе с Корделией.

— Ваша мама — остроумная женщина, — заметил он. — Очень остроумная. С ней никто не сравнится.

— А я? — спросила Корделия. — Разве я не остроумная? Но почему все так не любят меня? Потому что завидуют моей красоте и уму.

— К сожалению, этого нельзя избежать, девочка моя, — ответил отец. — В жизни нас всегда подстерегают неприятности, и всегда есть недоброжелатели. А как насчет твоей школы? У тебя есть подруги?

— Ух, я лучше схожу в туалет. — Корделия вскочила. — Видно, слишком много сока выпила на завтрак.

— Ну а как дела в твоей газете? Не помню названия...

— «Брикстон Меркьюри». Пока все тихо... — Мне не хотелось рассказывать отцу о ситуации на работе, я боялась, что это сильно его расстроит. Собралась было поведать об ужине с Максом, но затем передумала. — День, когда будут слушать твое дело, еще не назначен?

— Возможно, в феврале, как сообщила Флер.

— Флер?

— Флер Киркпатрик. Мой новый адвокат. Силки Грин, этот надутый сноб, впал в маразм — даже имени моего полного нормально произнести не может. Так что по моей просьбе Фой нашел ему замену. Какая женщина! — Отец мечтательно улыбнулся и вздохнул.

— И какая же?

— Самая красивая женщина! Представь себе, у нее голубые глаза — в них больше ума, чем чувства, — волосы черные, как вороново крыло. Тонкая талия, красивая грудь и бедра, а кожа бархатная и гладкая, как слоновая кость. С ней необыкновенно интересно беседовать. — Выслушав эту оду женской привлекательности, я тут же поняла, что отец в очередной раз влюбился. Уж что-что, а влюбленность всегда захватывала его целиком. В детстве эта особенность его характера пугала меня, но с годами я стала относиться к этому более снисходительно и терпимо. — Красоту невозможно описать

словами. Ее можно только ощутить, пережить — как настоящее откровение.

— Ну, по крайней мере в общих чертах мне это удалось с твоей помощью.

— Как продвигается карьера начинающего мастера пера? — спросил Арчи, поднимая подведенные брови, выделявшиеся на покрытом белилами лице.

Была пятница, конец недели, и он зашел к нам в гости вместе с Рупертом, регулярно осведомлявшимся о нашем финансовом положении и забиравшем у нас счета для оплаты. Я развела огонь в камине, украсила стол букетом хризантем, которые купила по дороге домой, и открыла бутылку белого вина, любезно присланную нам в понедельник Рупертом.

— Теперь уже гораздо лучше, — отозвалась я, — кое-чему я все-таки научилась.

Хотя манера общения Арчи меня немного раздражала, я была ему признательна за тот интерес, который он из вежливости проявлял к моим профессиональным успехам.

— Мистер Поудмор сказал, что статья хорошая, но, когда он вернул мне ее сегодня утром, я не узнала своего текста после его правки.

— Все редакторы — страшные деспоты. Они считают себя единственными гениальными стилистами в этом мире. Поверь мне, они неисправимы.

Я достала из сумки свою статью и показала Арчи несколько фрагментов, подвергшихся полной переработке.

— Мистер Поудмор был не очень доволен архаичным колоритом, — пояснила я. — Он хотел, чтобы статья была ближе к современности. Ему кажется, что читатели не поймут сложности моего замысла, который заключается в том, чтобы представить в этой серии легендарную фантастическую историю нашего города.

— Ну, а ты что скажешь? — обратился Арчи к Руперту. — Каков будет приговор профессионала?

Я ожидала серьезной критики — ведь, в отличие от Арчи, Руперт был более требовательным ценителем и судьей.

— Бывало и хуже, — заявил он бесстрастно, прочитав статью. — Постарайся реже использовать аллитерацию. Журналистика — не поэзия.

Проглотив это замечание, я сделала вид, что нисколько не расстроилась.

— Кто хочет конфет? — предложила я гостям, поставив на стол коробку.

Руперт скептически осмотрел угощение и покачал головой:

— Конфеты с вином? Это как-то по-восточному! Нет уж, спасибо, Хэрриет. Это деликатес, а я приучаю себя к простоте во всем. И потом, они мне напоминают тех несчастных набальзамированных жаворонков, что пылятся на полках Британского музея.

— Над чем это вы смеялись? — спросила Порция, зайдя в гостиную.

Она посмотрела на них с недоверием. С тех пор как она изменила образ жизни, то стала взирать на мужчин свысока, утверждая, что они годятся только на то, чтобы вовремя открыть дверь или подать зажигалку.

— Перестань хихикать, Корделия, не вижу ничего смешного, — повернулась она к сестре. Всякий раз, увидев Арчи, Корделия не могла удержаться от смеха, находя его вид очень забавным и оригинальным. Порция нахмурилась и возмущенно обвела взглядом гостей.

— Как у тебя дела на работе? — спокойно поинтересовался Руперт.

— Неплохо, — ответила Порция. — Джессика Делавине — замечательная женщина. Она активно призывает всех умных и уважающих себя женщин бороться против мужской тирании, утверждая свою независимость.

— О, в таком случае нам стоит быть ей благодарными! — воскликнул Арчи.

— А как насчет неумных и неуважающих себя? — уточнил Руперт. — Вам не кажется, что они больше нуждаются в помощи?

Порция смирла его холодным взглядом и не удостоила ответом.

— Мы вместе со Сьюк намерены провести Рождество в Эдинбурге. Она выступит там с лекцией «В чем ошибка Евы».

— Как мило! — заметил Арчи.

— Вы думаете, одной вашей лекции будет достаточно? — спросил Руперт. По его лицу было видно, что он готов рассмеяться. — Кто такая Сьюк?

Порция немного смутилась.

Хотя я знала, что Арчи и Руперт не из тех, кого можно шокировать откровенными признаниями, ответ Порции меня удивил — ведь для того, чтобы заявить о смене своей сексуальной ориентации публично, человеку требуется некоторая смелость:

— Это моя любовница...

Наступила короткая пауза.

— Этой девушке очень повезло, — отозвался Арчи с присущим ему умением вовремя сделать комплимент.

В эту минуту в гостиной появилась Офелия. Она небрежно протянула руку Руперту и Арчи.

— У меня сегодня был первый разговор с клиентами. Они занимаются парфюмерным бизнесом, и у них огромный дом в Сассексе. Фэй все время давала мне разные советы, но я сделала так, как сама считала нужным. Она без ума от ампира, а я терпеть не могу это занудство. Мне нравится барокко. Берта и Мэрили Дроссельмейер, так их звали, даже пригласили меня на Рождество. — Она очень гордилась своими успехами, и за нее теперь можно было только порадоваться. — У них наверняка будет шикарный стол, коллекционные вина, множество гостей.

Она еще долго расписывала предстоящие торжества, и я подумала, что никогда еще не видела ее такой счастливой. Когда Офелия не дулась и не капризничала, она казалась ослепительно прекрасной. Поступив на работу, она стала одеваться более элегантно, чем раньше, только теперь она предпочитала костюмы и строгую изящную обувь.

— Господи, откуда взялись эти мерзкие цветы? — Она указала на вазу с хризантемами и, стремительно схватив букет, бросила его в мусорную корзину. — Кто-нибудь нальет мне вина? — Она уселась в кресло и закурила сигарету.

Ближе всех к столу находился Арчи, так что волей-неволей ему пришлось откликнуться на просьбу Офелии.

— Не хотите вина, Порция?

— Нет, благодарю. Если мне будет нужно, я сама о себе позабочусь. — Она посмотрела на Офелию: — Я думала, ты собираешься провести Рождество с Перегрином?

— Так оно и было. Но мне хочется съездить куда-нибудь. А его семейство не интересуется ничем, кроме охоты. И эта безобразная громоздкая мебель, которая словно специально предназначена для их толстых задниц, — я не могу на нее смотреть без слез. У его матери физиономия похожа на красную тыкву, а все их развлечения заключаются в том, чтобы бегать по лесу за лисой или палить в несчастных уток на болотах.

— Я все понял, — сочувственно кивнул головой Арчи, — и полностью согласен с вами. Лучше поехать на Рождество в коммуну кришнаитов в Уэльсе и есть соевый суп, чем иметь дело с такими бессердечными и жестокими варварами.

— Ты могла бы остаться с нами на Рождество, — с укором заметила я Офелии. — Дома останемся только я, Брон и Корделия.

— Кошмар! — драматически произнесла Корделия. — Хэрриет, как всегда, будет философствовать и читать своих дурацких поэтов, а Брон напьется. А мне что делать, скажите на милость?

— Прекрати! — прикрикнула я на нее. — Не смей так говорить о старших.

— Но ведь это правда. Ты всегда их читаешь. Сама рассказывала, даже с Максом Фрэншем вы только о стихах беседовали.

— Замолчи.

Конфликт грозил перерасти в серьезную ссору.

— Девочки, девочки! — вмешался Арчи. — Подумайте о гостях, не надо так сердиться, вы меня пугаете.

Я на минуту забыла обо всех присутствующих, заметив, что Руперт внимательно смотрит на меня. Однако, встретившись со мной взглядом, он немедленно отвернулся.

— Всем здравствуйте, — провозгласил Брон, входя в комнату. — Вы выпили почти всю бутылку! Хорошенькое дельце, они тут приятно проводят время, пока я гублю свой талант, служа мамоне.

— Познакомился с Летицией? — спросил его Руперт.

Брон налил себе вина и, усевшись в кресло, вытянул ноги к огню.

— Вообще-то она дышит на ладан, припарковаться с ней — целая проблема, и бензина жрет огромное количество.

— Летиция?

— О, старушка Летиция недурна. Очень умная и шустрая, как маленькая рыбка, но характер у нее — ого-го, каждому укажет свое место... — Брон приподнялся и глянул на себя в зеркало, но тут же сел на место, убедившись, что с его прической все в порядке. — Знаете, это такой тип женщин, у которых задаром и крошки не выпросишь, а уж если речь идет о наследстве, то раньше, чем через год после ее похорон, от такой тетушки и цента не дождешься. Но с ней можно найти общий язык. Кстати, я ей понравился, и она хочет, чтобы я поехал с ней на Рождество в Милан. Пятизвездочный отель, номер с несколькими комнатами и террасой, обеды и ужины в ресторанах, концерты в Ла Скала. Думаю, отказываться не стоит. А это что за шарики? — он, прищурившись, глянул на коробку конфет на столе.

— Оказывается, мы с Хэт останемся здесь одни, — сказала Корделия, — это будет самое ужасное Рождество в моей жизни.

— С нами еще будут Дирк, — напомнила я, — и Марк-Антоний. Помнишь, что ты сказала, когда Руперт принес его? Что ты больше ни за что с ним не расстанешься.

— Но я вовсе не думала, что мне придется сидеть дома одной в праздник! Почему и мы не можем поехать с тобой в Эдинбург или Сассекс?

— Я буду занята, — сказала Порция, — и потом, там не место детям. Тебе это будет неинтересно. К тому же билеты стоят слишком дорого.

— Со мной тоже ничего не выйдет, — тут же предупредила Офелия.

Руперт поднялся со стула и, посмотрев на меня, спросил:

— Счета на электричество и страховка уже получены?

— Я сейчас принесу.

Корделия, удостоверившись, что никто не собирается

брать ее с собой, готова была расплакаться от обиды. И хотя мы с ней чуть не поссорились час назад, мне ее было жаль. Каждое Рождество в нашей семье проходило довольно весело. Родители приглашали гостей, и нам разрешалось даже в детстве сидеть за столом до полуночи. Мария-Альба готовила чудесные блюда, папа придумывал всякие розыгрыши, и скучно нам никогда не было, даже взрослые играли вместе с нами в прятки и жмурки.

Я почувствовала какую-то беспричинную тоску, когда вошла в пустой папин кабинет и подошла к столу. Разыскав нужные бумаги, я еще раз с порога огляделась вокруг. Все вещи стояли на своих местах, точно как в день ареста, но теперь они казались еще более унылыми и заброшенными, чем обычно; и в этом одиноком, холодном доме нам вдвоем с сестрой предстояло провести всю праздничную неделю.

Но когда я возвратилась в гостиную, то с удивлением обнаружила, что Корделия ликует от счастья:

— Руперт предлагает нам встретить Рождество вместе с ним и Арчи! Где, ты сказал?

— В Дербишире, — ответил Руперт.

— Очень далеко за городом, но там будет много народу и очень весело.

— Я не знаю, насколько это возможно, — усомнилась я, — не будем ли мы там лишними. А чей это дом?

— Это возможно, раз я это предлагаю. Лишними вы не будете, можешь не беспокоиться, а дом этот принадлежит моему двоюродному брату, — пояснил Руперт. — У него есть дочь, почти ровесница Корделии. И сын. Ваше присутствие там будет весьма кстати. Мэгги очень обрадуется.

— Мэгги?

— Жена моего брата.

— Мне кажется, совсем необязательно куда-то ехать. Мы с Корделией, в конце концов, не бездомные. Нам есть где провести Рождество.

— Но здесь так скучно, — захныкала Корделия. — Я хочу куда-нибудь поехать. Почему я должна сидеть дома, когда все собираются в гости? А дочка Мэгги красивая?

Руперт серьезно посмотрел на Корделию и сказал:

— Она хороша собой. Но на тебя не похожа. Не бойся, твою красоту она не затмит.

— Я знаю, чем тебя приманить, — обратился ко мне Арчи. — Этот дом, куда он вас приглашает, самый знаменитый из всех английских домов с привидениями.

— Не может быть! — воскликнули мы в один голос с Корделией.

— Говорю вам — это так.

— Чепуха, — вмешался Руперт, — глупые сказки. Но стая из них состряпать можно.

— Всегда мечтала увидеть какого-нибудь призрака, — похвасталась Корделия.

— Ты рискуешь разочароваться, — предупредил ее Руперт.

Глава 18

— Мне уже лучше, — сказала Корделия, хотя лицо у нее было бледнее полотна. — Ты можешь закрыть окна. Я скоро совсем приду в себя.

Арчи нажал на кнопку, и стекло медленно поднялось. Морозный воздух помог нам обоим взбодриться. В просторной и удобной машине Руперта, которую вел Арчи, я готова была путешествовать хоть целую неделю. Арчи старался ехать как можно скорее, поскольку боялся, что нас остановит полиция: багажник и салон у нас были завалены ящиками спиртного. Мы то и дело обгоняли на шоссе неторопливо ползущие машины, и каждый раз нам вслед раздавались оглушительные гудки возмущенных автомобилистов, которым приходилось уступать нам дорогу.

— Не гони так, Бога ради, — протестовал Руперт. — Ты нас угробишь.

— Еще не время сбавлять скорость. Вот уедем подальше, — возражал Арчи.

— Ты думаешь о своих поэтах или о Максе? — толкнула меня в бок Корделия.

Моей семье определенно не давала покоя моя дружба с Фрэншемом. Корделия знала, что меня раздражают любые замечания на эту тему, тем более — в присутствии посторон-

них, а уж когда мы оставались с ней вдвоем, она обязательно позволяла себе какое-нибудь ироническое замечание.

— Не угадала, я думала о том, что мне надеть.

Я недовольно оглядела коричневое пальто, в котором решила отправиться в путешествие, и черную шляпу и снова погружилась в размышления.

Перед отъездом Арчи сказал Руперту, что было бы просто неприлично с их стороны, пригласив меня на Рождество, не позаботиться о моем праздничном наряде. И Руперт с готовностью выделил необходимую сумму на покупку одежды для меня.

Мы с Арчи с радостью отправились на Бонд-стрит — посмотреть, что можно выбрать в лучших лондонских магазинах. Арчи подошел к решению проблемы с редкостной тщательностью. Набрав несколько костюмов и платьев, он отправлял меня все это мерить.

Можно было только удивляться, сколь серьезно он отнесся к процессу поиска и выбора и с какой быстротой ему удавалось отыскать среди огромных рядов вешалок то, на что стоило обратить внимание. Характеристики он всегда давал односложные, но очень конкретные: либо «превосходно», либо «никуда не годится». Но когда я увидела сумму на чеке, то чуть не упала в обморок.

— Я не смогу вернуть эти деньги Руперту даже через год! — призналась я Арчи.

— Не проблема, Хэрриет, мы пригласили тебя, и мы за это отвечаем. Запомни, Руперт терпеть не может женщин, которые плохо одеваются.

Я не сомневалась, что он говорит это из вежливости: Руперту на самом деле было совершенно безразлично, как одеты и женщины, и мужчины, его окружавшие.

— А сейчас иди и померяй вот эту юбку, — он сунул мне в руки еще одну вещь и подтолкнул к примерочной.

Я направилась в кабинку, словно во сне, все еще не в силах примириться с мыслью о том, что им пришлось потратить столько денег только ради удовольствия видеть меня хорошо одетой все то время, пока мы будем в гостях у брата Руперта.

— Но ты же раньше терпеть не могла ходить по магазинам! — воскликнула Порция, когда я вывалила на кровать целый ворох покупок.

— Это потому, что я не умела выбирать одежду. Когда смотрела в зеркало, то видела только свои растрепанные волосы и некрасивый нос, и не могла разобраться, как на мне сидит какая-нибудь вещь. Когда мне приходилось что-то покупать, я заранее была уверена, что мне ничего не идет и все будет висеть мешком. К тому же я не представляла, что именно мне нужно, но с Арчи все оказалось по-другому. Видишь, сколько он мне насоветовал!

— Мне бы не очень понравилось, если бы кто-то захотел помогать мне при выборе одежды, словно я маленький ребенок, — заметила Порция, разглядывая темно-вишневый костюм из джерси. — Я никому не позволяю указывать мне, что делать, и прислушиваюсь только к мнению Сьюк. Но она — другое дело. Чудесные туфли, хотя, по-моему, немного детские. Но выглядят как хрустальные, прямо для принцессы. Офелия умрет от зависти, когда все это увидит.

— А что ты об этом скажешь? — спросила я, накрашив губы темно-красной помадой, которую мне тоже подобрал Арчи.

— Боже мой! Кто бы мог подумать — Хэрриет начала пользоваться косметикой! Я помню, ты говорила, что только избалованные богачи могут позволить себе тратиться на такую ерунду, когда шахтеры голодают.

Арчи позаботился, чтобы макияж соответствовал новой цветовой гамме моего гардероба, и по его совету я приобрела также блестящие тени для век и легкие бледно-розовые румяна.

— Смотрится очень красиво, — согласилась Порция, — твоя кожа кажется более бархатистой, а глаза становятся выразительнее.

— У меня и тушь есть.

— Значит, с тобой действительно что-то случилось! Макс лишится дара речи, когда с тобой встретится.

Вечером накануне отъезда в Дербишир мне принесли моей большую посылку. В ней оказался темно-красный кожа-

ный чемодан, а в нем маленькая дамская сумочка такого же цвета. Арчи развернул записки и прочел:

— «Дорогая Хэрриет, прошлой ночью нам приснился страшный сон, в нем у тебя был чемодан из ИСКУССТВЕННОЙ кожи. Любящие тебя Р. и А.»

Корделия не выдержала и вытащила новый чемодан в гостиную, где он и попался на глаза Офелии. Тщательно осмотрев его снаружи и изнутри и проверив его застёжки и мягкую бархатную подкладку, она осторожно спросила:

— Могу я когда-нибудь попросить его у тебя на время?

Я уверила, что она сможет взять его с собой, когда понадобится, как, впрочем, и сумочку. Она улыбнулась, но тут увидела на мне костюм из джерси и вздохнула:

— Он будет мне узок в талии.

Я немного волновалась, что моя красная сумочка потеряет форму из-за перепада температуры, поскольку на улице было довольно холодно.

— Надеюсь, я не потеряю пальцы из-за обморожения, — пошутил Арчи. — У меня такое ощущение, что скоро смогу брать радиоактивные металлы голыми руками. Если бы не жаркое дыхание Дирка мне в затылок, то, наверное, у меня бы давно уши отвалились.

— Из-за того, что у тебя шея заledenела, ты совсем не поворачиваешь голову и не смотришь в зеркало заднего вида, — напомнила ему Корделия.

Корделия задумалась. Пока Дирк и вправду согревал нас своим дыханием, Руперт и Арчи не возражали, чтобы я взяла его с собой. Поначалу я хотела отказаться от поездки, не желая расставаться с моим питомцем.

— Пойми же, — сказала я Руперту, — мне некому отдать Дирка. Он будет так несчастен, если мы его бросим, что я себе никогда этого не прощу. Может быть, поедет только Корделия?

Руперт помолчал минуту и наконец сказал:

— Возьми его с собой.

— А что скажет хозяйка дома? Не все люди способны принимать у себя гостей с собаками.

— У них есть две собаки, так что с Дирком они как-нибудь управятся. Я позвоню и предупрежу их.

Что касается Марка-Антония, то Руперт сказал, что лучше ему остаться дома, и я не могла с ним не согласиться. Лавди, предпочитавший общение с животными и не очень симпатизировавший людям, готов был о нем позаботиться, так что Марку-Антонию была обеспечена подходящая компания.

Единственное, что беспокоило меня по-прежнему, — папино состояние. Мы оставляли его одного. Правда, увлечение Флер несколько скрашивало его заключение. При последнем свидании он сказал мне, что по ее просьбе для них будет устроен ужин с креветками, устрицами и шампанским. Начальник тюрьмы дал на это разрешение и даже предоставил в их распоряжение свой кабинет. Если до этого я относилась к Флер с недоверием, то после такого подарка для папы она показалась мне человеком великодушным и тонким.

Я оставила свой адрес в Дербишире Марии-Альбе, с которой мы дважды в неделю обменивались письмами. Но она не всегда отвечала мне регулярно, бывало, от нее приходило три письма за два дня, а бывало, что ее молчание длилось по полторы недели. Ошибок в ее посланиях было так много, что я лучше понимала, когда она целиком переходила на родной итальянский. Прежде я даже не представляла, насколько ей сложно писать по-английски. Она писала, что подружилась с сестрой Марией-Жозефиной, которая готовит еду в общине, и они делятся друг с другом кулинарными секретами.

Мои письма содержали подробные отчеты обо всем, что происходило у нас дома: о возвращении Марка-Антония, об отъезде мамы в Корнуолл, о блюдах, которые готовил Ронни, о безобразиях, вытворяемых Дирком. Письма являлись для Марии-Альбы своеобразной психотерапией, помогавшей приводить ее в состояние равновесия и душевного спокойствия, и я замечала, что постепенно настроение ее улучшалось.

— По-моему, подходящее место для ланча. — Голос Арчи вывел меня из задумчивости.

Он свернул налево и остановился у вывески «Тэлиго Тауэрс, ресторан и отель». Мы миновали аллею и вошли в большое здание в стиле викторианской готики.

— Конечно, нам не пристало привередничать, — заметил Руперт, — но хотя бы скатерти они могли постелить на столы.

— Проходите, я долго не задержусь, — сказала я своим спутникам и вышла с Дирком на улицу. Прогулявшись под деревьями, я отвела его назад в машину и тут увидела, что рядом с нашим автомобилем бродит какой-то человек с бакенбардами, одетый в светлое пальто. Завидев меня, он улыбнулся и сказал:

— Очень хороший мотор, и карбюратор отличный, какая фирма?

Я улыбнулась из вежливости:

— Боюсь, я в этом не разбираюсь.

— Хорошая собачка.

Тут я проявила себя более компетентной:

— Это корнуоллский терьер.

Мужчина рассмеялся, показав белые крупные зубы:

— Больше похож на пикси, если корнуоллский. Нет, мисс, вы меня не обманете. У моей тетушки был сенбернар, очень серьезный пес. Так что вы меня не проведете.

Он отошел от меня, сел в машину и уехал. Было так холодно, что, оставив Дирка, я тут же поспешила вернуться в ресторан.

Официантка раздавала меню немногочисленным посетителям. Когда очередь дошла до нас, каждый стал выбирать, что будет есть. Руперт всегда следил за своим весом и ел очень мало. Корделия же решила заказать побольше булочек, заявив, что юбка, которую она выпросила у Офелии перед отъездом, так велика, что ей нечего бояться поправиться. Арчи был таким стройным, вовсе не склонным к полноте, и в твидовом пальто с зеленым шарфом он выглядел спортивно, но элегантно.

Официант подошел ко мне и предложил помочь снять пальто.

Сняв пальто и перчатки, я отдала их официанту. Я расстелила салфетку и положила ее на колени.

— Я советую тебе заказать ростбиф, — Руперт протянул мне меню, — он никогда не бывает плохим. И по той же причине рекомендую крабовый салат.

— Я еще никогда не ела в настоящем ресторане, — сказала Корделия. — Можно мне взять что-нибудь экзотическое?

Руперт задумчиво посмотрел на нее:

— Хорошо только тот опыт, за который не приходится платить слишком дорого. Что ты собираешься заказать?

— Я хочу дичь под красным соусом, а на второе homard thermidor, я знаю, что это лобстер, мы на уроках французского эти названия проходили.

Я строго глянула на Корделию и, нахмурившись, покачала головой — такой заказ стоил слишком дорого. Корделия надула губки. Она так радовалась, впервые почувствовав себя взрослой, когда официант обратился к ней «мадам», раскладывая перед ней прибор и подавая меню, что теперь ей хотелось полной свободы.

Подали теплый, но довольно вкусный крабовый салат. Корделия взяла вилку и начала расправляться с омаром, которого Руперт все же позволил ей взять, невзирая на мои протесты. Я сильно беспокоилась, как бы картофель с сыром, пирожные и морепродукты не воспрепятствовали дальнейшему комфортному путешествию Корделии, которую всегда укачивало в автомобиле.

— Ну, — сказал Руперт, сложив нож и вилку, — по крайней мере, все, что мы съели, имело пристойный вид. Это уже кое-что...

— Пудинг поможет нам прийти в себя, — весело добавил Арчи. — Даже самые плохие английские рестораны славятся отменными пудингами. Ты готова к новому испытанию, Корделия? А как насчет джема, взбитых сливок, миндального печенья и вишневого варенья?

— О-о-ооо... — протянула Корделия, прижав к губам салфетку.

Официант уже направлялся к нам с подносом, уставленным тарелками и вазочками с шоколадными пирожными, муссами и джемами.

Руперт сдержанно отказался даже попробовать все это. Я съела только одно печенье.

— Тебе, Арчи, предстоит нелегкая работа. Я сомневаюсь, что ты с ней успешно справишься. — Он посмотрел на

Корделию. — Конечно, у тебя есть опытный и надежный помощник, но...

— Похоже, пойдет снег, — сказал Руперт, развернув карту, — а ехать еще не меньше тридцати миль. Скоро начнет темнеть.

— Я мог бы давно довезти вас, — отозвался Арчи, заводя машину. — Боже! Какой ты трус! Не нужно было кричать, что я вас угроблю.

— Прошу тебя, Арчи, — взмолился Руперт, когда навстречу выскочил грузовик из непроглядной снежной дали, — если уж гонишь, хоть смотри внимательней на дорогу.

— Пожалуйста, — раздался жалостный голос Корделии, — остановите, меня опять тошнит.

— Ерунда, — возразил Арчи, — не с чего тошнить. Лобстер был немного жирноват, но не слишком.

Нам уже пришлось дважды останавливаться из-за приступов дурноты Корделии, и Арчи начал раздражаться на нее, считая, что она нарочно капризничает.

Корделия застонала, и я, не выдержав, крикнула, чтобы он остановился.

Арчи притормозил слева у обочины. Корделия выбралась из машины и схватилась руками за ствол дерева. Дирк, проснувшись от шума, залаял и тоже стал рваться на свободу.

— Черт! Я лучше выйду с ним на минуту, — сказала я, взяв его на руки.

— Веселое у нас путешествие, — иронически заметил Руперт. — Скоро стемнеет, метель усиливается, рвота не прекращается, можно хоть сейчас вызывать службу спасения. Надо выйти вместе с Хэрриет, нельзя ее отпускать одну.

Я застегнула пальто и, надев шляпу, вышла из машины вместе с Дирком:

— А мне кажется, ты преувеличиваешь, мне не нужны сопровождающие.

— Уже полпятого вечера. Смотри, как темно. Если на тебя нападут, кричи громче, мы придем на помощь. — И Арчи принялся протирать стекло.

Лес был больше, чем казался издалика. Я окликнула Корделию, но никто не отозвался. Дирк потянул меня дальше, обегая

вокруг каждого куста. Я посмотрела на дорожку, уходившую в чащу, но следов Корделии не было. И я успокоилась, значит, она не отправилась в лес. Я решила возвратиться и осмотреть другие места. Я направилась туда, откуда, как мне казалось, пришла, но вскоре увидела, что забрела совсем не в ту сторону.

Небо быстро темнело, к тому же шел мелкий снег с дождем, но я принялась убеждать себя, что беспокоиться не о чем. Уйти далеко от шоссе я не могла, и, конечно, Руперт и Арчи сразу отправятся искать меня. Может быть, Корделия и Дирк уже вернулись и сидят в машине. Но тут я вспомнила, что она высочила на улицу, даже не накинув пальто.

Снег усилился, и я, как это нередко бывает с человеком, попавшим в затруднительное положение, заметила, что тревожусь больше за свое новое пальто и шляпу, все время отряхиваю их от снега, нежели за собственную безопасность. Руки у меня окоченели от холода, и я старалась засунуть их глубже в карманы. Нащупав пальцами талон, который остался у меня после покупки бензина на последней остановке, стала вынимать бумажку и выронила ее. Но лишь только наклонилась, чтобы поднять ее, Дирк с лаем выпрыгнул из-за кустов, подбежал ко мне и лизнул в щеку.

Я была так рада его появлению, что даже не стала сердиться. Подобрав поводок, я еще несколько раз позвала Корделию.

— Ищи, — велела я Дирку, — ищи след...

Но он сидел, высунув язык, и смотрел на меня с недоумением.

— О Господи! Ну что ты за пес! Даже не можешь отыскать дорогу.

Я дала ему конфету, которая тоже нашлась в кармане. Прогжевав ее, Дирк вдруг сорвался с места и понесся по снегу. Я бросилась за ним, крепко держа поводок. Но он вдруг опять сел и не желал пошевелиться, пока я не дала ему еще один леденец. Так он всякий раз останавливался, требуя очередного поощрения, пока мы не добрались до опушки леса. В свете фар я увидела в машине Арчи и Руперта, но Корделии с ними не было.

— А мы уже решили, что тебе встретился в лесу прекрасный принц на белом коне, который подхватил тебя и умчал в сказочный замок, — смеясь, заметил Арчи.

— Где же Корделия? — воскликнул Руперт.

— И я хотела бы это знать! Я позвала ее, а потом отошла от дороги и чуть не заблудилась. В этом лесу можно легко сбиться с тропинки, да еще в такой темноте.

Руперт помолчал с минуту, нахмурившись, — видимо, тайне он уже сожалел, что взял нас с собой, — поездка длилась вдвое дольше, чем следовало, — и наконец сказал:

— Ладно, нужно идти искать ее.

— Оставайся-ка в машине, Хэрриет, — велел Руперт.

— Нет, — упрямо возразила я, — я пойду с тобой. — Сняв пальто и шляпу, я положила их аккуратно на заднее сиденье. — Дирк привел меня назад к вам, может, он отыщет и Корделию. Дирк, дружок мой, ну постарайся. — Я дала ему понюхать пальто Корделии. — Ищи ее, ищи!

Дирк принюхался и вдруг рванул с места с дикой скоростью. Мы едва успевали за ним.

Валил густой снег, и уже совсем стемнело. Я кричала и звала Корделию, но мой голос звучал так глухо, что едва ли его можно было услышать с двадцати шагов. Меня охватила паника, и я готова была расплакаться от страха за сестру, когда Дирк с лаем бросился к высохшему дереву. Корделия пряталась под ним от снега, она была так напугана и так замерзла, что почти не реагировала на наше появление. Я кое-как натянула на нее пальто.

— Накинь вот это. — Руперт снял свое пальто и отдал его мне. — Прекрати реветь, ты же хвалилась, что ничего не боишься. Где твоя храбрость? Пошли обратно, в машине быстро согреешься.

Мы повели Корделию назад, пробираясь через кусты, занесенные снегом, хлеставшие нас по лицу заледеневшими ветками.

В салоне было очень холодно, и Арчи пришлось ждать, пока машина прогреется, минут десять, зато после мы почувствовали себя как в турецкой бане. Корделия сидела некоторое время в оцепенении, но, отогревшись, пришла в себя.

— Я больше ни за что не пойду в лес — какое ужасное место, только посмотрите на мои руки!

Ее руки были исцарапаны и перемазаны грязью, несколько царапин виднелись и на лице.

— Это Дирка надо благодарить, — с гордостью сказала я, погладив его и почесав за ухом, — без него мы бы заблудились.

— Согласен, — Руперт повернулся и тоже погладил его, — прощаю ему все безобразия, которые он уже натворил и еще успеет натворить.

Мы тронулись дальше сквозь непроглядную стену снегопада, так что Арчи даже не мог прибавить скорость, боясь столкнуться со встречными автомобилями. Мне сильно хотелось спать, я с трудом боролась с дремотой, но, увидев вдалеке огоньки деревни, взбодрилась и стала всматриваться сквозь стекло в стремительно приближавшиеся домики с уютно горевшими в снежной мгле окнами и фонарями у подъездов.

Все мои мысли были сосредоточены на предстоящем знакомстве с родственниками Руперта. За моих близких я уже перестала беспокоиться, зная, что отец наверняка не забудет поздравить Марию-Альбу, Порция будет счастлива встретить Рождество вместе со своей подругой, а Брон и Офелия наконец отдохнут от домашних проблем в роскошной и комфортной обстановке — они так в этом нуждались, поскольку тяжело переживали наши финансовые трудности. Мама позвонила мне еще до отъезда и сообщила, что отель, в котором они остановились в Корнуолле, оказался на редкость тихим и приятным местом. Ну, а Марк-Антоний в компании с Лавди, наверное, сидит на своем любимом стуле на кухне и наблюдает, как за окном идет снег.

И вдруг внезапно среди всех этих размышлений мне вспомнился Макс. Он позвонил мне и снова пригласил отужинать с ним, но я отказалась, сославшись на то, что очень спешу, поскольку собираюсь ехать за город. Он стал настаивать, уверяя, что времени еще хватит, но я отвергла его приглашение более твердо и даже резко.

— Надо припарковаться где-нибудь подальше, — сказал Руперт. — Я где-то видел огоньки стоянки.

Я посмотрела в темноту ночи, и мне действительно показалось, что впереди ярко горит фонарь. Но дальше возвышались какие-то странные громады.

— Это гора? — изумилась я.

— Да, называется Хай Пик, — отозвался Руперт. — Мы

уже давно едем по возвышенности, но до вершины еще далеко, ее высота две тысячи метров.

— Боже мой, смотри, какая красота! — воскликнула я, повернувшись к Корделии, но она крепко спала, прислонившись головой к стеклу машины.

Глава 19

После того как мы въехали на территорию деревни, дорога стала более узкой, и я заметила, что она и вправду все время поднимается вверх. Я даже испугалась, как бы мы не скатились обратно, поскольку к вечеру из-за мороза стало довольно скользко. Арчи вел машину очень осторожно, но периодически колеса пробуксовывали, и мы опасались, что застрянем.

Дирк, предчувствуя конец путешествия, поднялся на задние лапы и нетерпеливо скребся в окно.

— Ну, вот и все! — провозгласил Арчи и откинулся на спинку кресла, остановив автомобиль. — Приехали...

Руперт посмотрел на него с благодарностью:

— Мы все-таки успели.

Снег сразу же ударил нам в лицо, как только мы выбрались на улицу. Я поначалу остановилась, ослепленная ярким светом из окон, украшенных новогодними гирляндами. Ветер свистел где-то над вершиной горы, и Руперт поспешно повел нас с Корделией к входу, открыл перед нами дверь. Я переступила порог и оказалась в большой прихожей. Около лестницы стояла красиво украшенная, пушистая елочка. Навстречу нам спускалась полная, немного грубоватая женщина в очках.

— Руперт, дорогой мой! И Арчи приехал! — Я была немало удивлена, обнаружив, что ей не меньше пятидесяти. — Погода — просто кошмар, вы небось до костей промерзли!

Она пригласила нас пройти за ней следом, но сама не выпускала Руперта из объятий.

— Чудесно доехали, — возразил Руперт. — Как твои дела, Мэгги?

— Отлично, я очень рада тебя видеть. — Она потрепала его по щеке широкой крепкой рукой. — Арчи! Вы застали меня еще в фартуке... — Она была одета по-домашнему, в коричневую длинную кофту и маленький передник — мы появились в самый разгар кулинарных приготовлений к празднику.

— Здравствуйте, Мэгги, — Арчи галантно поцеловал ее руку, — вы, как всегда, прекрасны, и фартук с этим платьем вам очень идет.

Под кардиганом леди Пай было надето длинное желтое платье.

— Бессовестный обманщик, — рассмеялась хозяйка.

— Это Хэрриет Бинг, — представил меня Руперт, — и ее замечательный питомец по имени Дирк. Кстати, спас нас в темном лесу.

Леди Пай взяла мою руку и слегка пожала. Лицо у нее было совсем некрасивое, с крупными, грубоватыми чертами, и крашенные светлые волосы, завитые и уложенные, напоминали облако правильной формы, но было видно, что у нее добрый нрав и отменное чувство юмора. Она как-то расположила меня к себе с первого взгляда.

— Приятно познакомиться, мисс Бинг, хорошо, что вы не отказались приехать к нам в гости. Но дорога вас, должно быть, очень утомила! — Я заметила, что у нее очень сильный северный акцент.

— Это моя сестра Корделия.

— Милое дитя! Добро пожаловать. Вы замерзли, да? — Корделия, порозовевшая от мороза и свежая, потрясла золотистыми кудрями. — И промокла насквозь! Поднимайся вверх, тебе надо переодеться, а то простудишься. О, я еще вас не познакомила с Джанет. Милая, где же ты?

Джанет стояла за нашей спиной у елки, держа в руках груду шариков и мишуры. Они выглядели каким-то инородным ярким пятном на фоне ее темного платья, пепельных волос, собранных сзади в хвост, и бледного лица. Только на груди у нее слабо поблескивала вышивка; ее вид почему-то заставил меня вспомнить наших монастырских воспитательниц. И почему-то сразу я почувствовала себя виноватой, разумом понимая, что для этого нет никаких причин. Она была хороша со-

бой, но в ее лице было нечто, заставляющее предположить непреходящую душевную печаль или несчастливую судьбу, с которой ей пришлось смириться. Мэгги взяла у нее елочные украшения и положила их в коробку.

— Это миссис Уэйл, моя подруга и компаньонка, не знаю, как бы я со всем справлялась, если бы не ее помощь.

Миссис Уэйл протянула мне руку, но вовсе не для пожатия, как я решила поначалу, а для того, чтобы забрать у меня чемодан. При этом она даже не подняла головы и не взглянула мне в лицо.

Наверху вдоль балюстрады на стенах висели картины, окно в самом конце коридора было наглухо занавешено. Я поднялась по ступеням вслед за Мэгги. За одной из дверей горел свет, и в этот момент я вспомнила то, что говорил мне Арчи, — «этот дом повидал так много призраков, как ни один другой в Англии». Хрупкая миссис Уэйл покачивалась из стороны в сторону, неся наш тяжелый чемодан. И мне стало неловко из-за того, что я доставила ей столько забот.

— Наверное, это очень старый дом? — спросила я.

— Очень старый, дорогая, — отозвалась Мэгги, остановившись у окна. Она отдернула плотную занавеску. — Его построил первый из рода Пай, Освальд, в тысяча пятьсот девяносто восьмом году. Он был незаурядным человеком, поднялся с самых низов, ему даже приходилось работать пастухом. Но перед смертью ему уже принадлежали все здешние рудники.

Она осторожно опустила красную портьеру, а затем подошла к одной из картин и провела пальцем по раме, покрытой заметным слоем пыли.

— А что это были за рудники? — полюбопытствовала я.

— Оловянные, дорогая... — Я была немного разочарована ее ответом, надеясь услышать какую-нибудь необычную историю о добыче золота или драгоценных камней. — Вот он, основатель нашей династии, — добавила она, указав на портрет на стене.

Я остановилась перед картиной, на которой был изображен маленький человечек с настороженными темными глазками и кожей, изрытой оспинами, в пышных накрахмаленных брыжах.

— А не он ли и есть тот самый наглец, что периодически невидимкой заглядывал в чужие спальни? — спросил Арчи.

Мэгги вздохнула и, прищурившись, строго посмотрела на него сквозь очки.

— Я не советовала бы тебе шутить такими вещами, милый мой, и на твоём месте сказала бы так: «Прости меня, мистер Освальд, да не будут меня ночью мучить кошмары, и да не услышу я над ухом леденящий кровь шепот».

— О чем идет речь? — спросил Руперт, поднявшись к нам и тоже остановившись перед портретом.

— Обычно Джонно повторял эту короткую молитву, перед тем как отправиться спать, а я всегда вспоминаю ее, когда мне нужно успокоить нервы.

Арчи пожал плечами, а я, продолжая разглядывать портрет, подумала об этом загадочном Джонно, всерьез, должно быть, относившемся к историям о похождениях призрака — основателя этого поместья. Сделав еще несколько шагов по галерее, я увидела другой портрет — старый беззубый плут, что-то царапавший пером на листе бумаги. Глаза у него от усердия собрались в кучку у переносицы.

— А это кто?

— Сэр Галахад Пай, первый сын Освальда.

— Вот кто, оказывается, первым воспользовался плодами достижений своего выдающегося предка, — заметил Арчи, — выглядит не менее зловеще, но все равно — страха он мне не внушает.

— Тс-сс... — Мэгги возвела глаза к потолку и приложила палец к губам, — старик Гэлли все слышит. Он пользовался всеобщим уважением, участвовал в нескольких войнах и всегда храбро сражался.

— В каких войнах? — уточнила я.

— Прежде всего в войне против Карла Первого — на стороне Оливера Кромвеля, и он был чуть ли не лично знаком с ним.

— И что с ним было потом, с сэром Галахадом, я имею в виду?

— Ему отрубили голову по приговору республиканцев, а

тело бросили в реку. И как они могли так поступить с ним! — Мэгги покачала головой.

— А это что? — спросила Корделия, указывая на странный предмет, закрытый стеклянной рамой со специальным висячим замком. Я присмотрелась и заметила, что этот предмет покрыт ржавчиной.

— Это рука старого Гэлли. Он потерял ее, сражаясь за принца Руперта в битве при Марстон Мур. Ему отрубили ее по локоть. Но он заказал себе протез. И рассказывали, что, даже играя в кости, он ловко с ним управлялся. Вот почему наш фамильный девиз: «Держи крепко!»

Я повнимательнее рассмотрела длинные железные пальцы протеза.

— Почему вы храните ее здесь? — поллюбопытствовала я. — Она выглядит устрашающе и даже неприятно.

— Гостям нравится, — отозвалась Мэгги, сняв фартук и протерев им пыль на стекле. — Сюда даже водили экскурсии летом. Мы заработали неплохие деньги, вход стоил пятьдесят пенсов, но желающих побродить по этому дому оказалось очень много.

— А почему рука закована в цепи?

— История гласит, что после казни сэра Гэлли его слуга хотел предать земле останки хозяина, как того требует христианское милосердие. Но в кустах ежевики на берегу реки ему удалось отыскать только протез, и потому колючая ветка кустарника, сжатая в кулаке, стала гербом рода Пай. Слуга принес руку в поместье и положил ее в часовне, дабы все окрестные жители могли прийти и проститься с останками сэра Гэлли, который пользовался немалым уважением в округе. Конечно же руку очистили от ржавчины, но на следующее утро обнаружили, что она снова потемнела. И так повторялось несколько раз. Тогда все уверовали в то, что дух сэра Гэлли дает знать о себе, не находя успокоения, пока тело его лежит непогребенным на дне реки. Вот что мы обычно рассказывали нашим гостям, которых интересовали подробности этой драматической легенды.

— Действительно, очень впечатляет! — призналась я, тут же принявшись обдумывать детали своей будущей статьи. — Но все-таки мне неясно, почему она в цепях?

Мэгги посмотрела на меня, а затем на Корделию.

— Причина неизвестна, это так и осталось тайной, дорогая моя.

— Я пишу серию статей о домах с привидениями, — пояснила я Мэгги, — и была бы вам признательна, если бы вы рассказали мне еще что-нибудь о Пай Плэйс.

— О, дорогая моя, с удовольствием расскажу вам даже о том, о чем никогда не рассказывала гостям и экскурсантам.

— И вы действительно видели призрака?

— Посмотрите, как поздно! — Мэгги кивнула на часы. — Уже пора ужинать. Лучше поговорим об этом позже. Сюда, дорогие мои, — она распахнула двери. — Я думаю, эти комнаты для вас и вашей сестры окажутся самыми уютными. Дом старый, и, чтобы шумы и скрипы не мешали отдыхать, вам следует расположиться именно здесь.

Я заверила ее, что ничто не помешает мне заснуть, и прошла вслед за ней в комнату. Она и вправду выглядела очень уютной: стены оклеены обоями в цветочек, в камине с красивой отделкой уже пылал огонь, и все помещение наполнял сладкий аромат сосновых дров, а окна и зеркала были в красивых рамах с серебряным напылением, потемневшим от времени.

— Как хорошо, что мы будем спать вместе, — прошептала Корделия, когда Мэгги повела нас посмотреть ванную комнату. — Здесь наверняка ужасно холодно, когда не топят камин, — она улыбнулась мне, обведя комнату блестящими от любопытства глазами.

Ванная оказалась большой и отделанной такими блестящими плитками, что сияла каким-то ледяным светом, а сама ванна была похожа на саркофаг, к которому вели две небольшие ступеньки.

— Чай подают с половины седьмого в гостиной, — сообщила Мэгги. — Я могу еще быть вам чем-нибудь полезной?

— Простите, леди Пай, — заговорила Корделия, — можно, с вашего разрешения, мне принять ванну и лечь спать. Я совсем не хочу есть, мне кажется, я отравилась в дороге.

— О Боже! — в ужасе воскликнула Мэгги. — Может быть, вызвать врача?

— Ей уже не так плохо, как раньше, — возразила я, — но, думаю, лучше ей действительно лечь спать поскорее.

Пока наполнялась ванна, я принялась раскладывать вещи, любуясь своим новым костюмом, который собралась надеть к ужину. Посмотрев на себя в зеркало, я не могла поверить, что вижу собственное отражение, — такой эффектной и привлекательной казалась мне молодая женщина, глядевшая на меня из серебряной рамы.

Мэгги вскоре снова навестила нас и принесла, по старой традиции, бутылки с горячей водой, чтобы согреть постель. Корделия выскочила из ванной и сразу же нырнула под одеяло. Но она до сих пор дрожала от холода, и лицо у нее было совсем бледное. Я немного беспокоилась за нее, боясь оставить ее надолго одну.

— Как твой животик?

— Не успокаивается, — пожаловалась Корделия, — но я надеюсь, что завтра мне будет лучше. Ты знаешь, пока я была в ванной, ручка двери все время поворачивалась. И вдруг кто-то постучал, но я не открыла. Тогда какой-то бородатый тип, весь в белом, заглянул за занавеску, но я сказала ему, что это дурной тон — мешать гостям мыться и совать свой нос куда не следует. А он мне ответил, что в детские годы его всегда мыли родители, покраснел, как горящие угли, и исчез, проскользнув сквозь закрытую дверь.

— Милая моя, какой непочтительный призрак тебе попался. Ну, ничего, забудь о нем, — я улыбнулась Корделии, но она все равно тревожно поежилась. — Здесь немного необычное место, очень старое, и о нем рассказывают много всяких небылиц, но не стоит придавать этому такое большое значение...

— Ну хватит читать мне лекцию, — простонала Корделия. — Тебе в школе надо было работать — ты настоящая школьная училка.

— Прости, я забыла, что ты устала и плохо себя чувствуешь.

Она скептически посмотрела на меня из-под одеяла и заявила безапелляционно:

— Знаю я, почему ты стала наряжаться и краситься, ты меня не разубедишь — это все из-за Макса.

— Ничего подобного! Если хочешь знать, я просто из уважения к Руперту не хочу плохо выглядеть — ведь он потратил столько денег на мою одежду.

— Ну и пусть! Все равно все твои платья и кофты такие старые и дурацкие, что их давно пора было выбросить.

— Ладно, давай прекратим этот спор. Хочешь, я принесу тебе что-нибудь поесть? Бутерброды с коллой, например...

Корделия дико вскрикнула и, помотав головой, закрыла лицо руками.

Глава 20

По звонким голосам, разносившимся по дому, я сразу поняла, в какую сторону мне нужно идти, чтобы попасть в гостиную.

— Вот это да! Дорогая, вы просто великолепно выглядите! — приветствовали меня со всех сторон, и я даже почувствовала замешательство от внезапно обрушившегося на меня всеобщего внимания.

— Что делает на земле такое прекрасное создание? — спросил Руперт, подойдя ко мне с бокалом виски со льдом. Он тоже уже переоделся в новый костюм и, как любила говорить Корделия, был «сногшибательно» привлекателен.

— Старается прийти в себя после долгого путешествия на машине, — ответила я ему.

— Тогда идем, — пригласил он меня.

Гостиная была обширной, отделанной в старинном стиле, и можно было подумать, что меня пригласили на прием в какой-нибудь дворец, где с потолков свисали, подобно сталактитам, огромные хрустальные люстры. Стены были увешаны портретами мужчин и женщин в одеяниях семнадцатого и восемнадцатого веков. Несколько гостей беседовали у гигантского пылающего камина.

Арчи расхаживал в центре гостиной, и я покраснела от смущения, когда он взял меня под руку в своей обычной театрально-галантной манере и, проведя по гостиной, усадил на диван, застеленный персидским ковром. Но вскоре ко мне вер-

нулась уверенность. Арчи был одет в черные брюки и бархатную рубашку, на манжетах которой поблескивали маленькие аметистовые запонки. Черные глаза его были особенно выразительны на бледном, загримированном лице.

— Я представляю тебя, — сказал он. — Мисс Хэрриет Бинг, это полковник Мордейкер и миссис Мордейкер.

Я взглянула на странную пару, описать которую было бы нелегко, пользуясь обычными словами. Миссис Мордейкер была одета так, что, скорее всего, привлекла бы мужчин, падких до ярко раскрашенных уличных проституток. На ней была бежевая кофта с глубоким вырезом, короткая шерстяная юбка и черные сапоги до колен на шпильке. Черные волосы ее были собраны в конский хвост. Она горячо пожала мне руку и погладила Дирку по голове:

— А это Джорджия Биссет.

Я подала руку женщине с холодными глазами навывкате, одетой в блестящий костюм и туфли на высоких каблуках, уже изрядно стоптанные. Ее бесцветные крашенные волосы были уложены в замысловатое сооружение, напоминавшее турнирные шлемы средневековых рыцарей. От нее очень сильно пахло духами.

— Хэрриет с большим успехом занимается журналистикой, — сказал Арчи, искоса взглянув на меня.

— Правда? Как интересно!

— Не совсем так...

Я уже собралась было что-то добавить, но Арчи тут же прервал меня:

— Хэрриет — военный корреспондент, ей запрещено рассказывать подробности о своей работе.

Не знаю, что при этом подумала Джорджия. Решила ли она впоследствии доказать мне свое превосходство или пришла к выводу, что со мной полезно подружиться, но она одарила меня ослепительно любезной улыбкой:

— Вот как! Вы просто прекрасно одеты! Это французский костюм? О, вы еще не знакомы с Эмилио... Дорогой, это...

— Хэрриет Бинг, — помогла я ей.

Эмилио галантно приложился к моей руке. Он был, наверное, лет на десять моложе Джорджии. Завитые черные

волосы его поблескивали бриллиантином. Судя по имени, оливковому цвету кожи и акценту, он был или итальянцем, или испанцем.

— А от меня, — мы с вами в гостях, и нам еще нужно познакомиться кое с кем. Итак, Хэрриет, это — Эльфрида Гилдерой.

— Зовите меня Фредди, — предложила молодая женщина с пышными рыжими волосами и очень милым лицом, — мы с вами встречались в Лондоне, но вы меня, наверное, совсем не помните. Я падчерица Фэй Сван, работаю с ней вместе.

— О, да! — вспомнила я. Когда-то в доме Фэй мы с Порцией играли в прятки с хорошенькой рыжекудрой девочкой, но Фредди была старше Офелии, и вскоре мы перестали общаться с ней. Помню, как-то однажды отец сказал, что из нее, должно быть, получится одаренная художница и декоратор. — Вы знаете, что Офелия тоже работает теперь у Фэй? — спросила я ее. — Она очень довольна.

— Я и не знала, — удивилась Фредди. — Давно не виделась с Фэй. Какая приятная неожиданность, что мы с вами встретились! Я сразу вас узнала, как только вы вошли.

— Не может быть!

— О да, у вас запоминающееся лицо, вы так не похожи на вашу маму и сестру... Я бы хотела попросить мне позировать.

— Вы занимаетесь живописью?

— Я пишу портрет сэра Освальда, приехала четыре дня назад и все время работаю, стараюсь не отрываться.

— Мне бы очень хотелось взглянуть на него.

— Конечно. Я вам с удовольствием покажу, а сейчас познакомлю вас с моим мужем Вере.

Насколько я помнила, Фэй не сообщала моей матери, что Фредди вышла замуж. Однако год назад до меня доходили слухи о скандале, связанном с этой свадьбой, кажется, говорили, что Фредди сбежала из дома накануне замужества. Но прочие подробности были мне неизвестны. Она подвела меня к мужчине, стоявшему около книжного шкафа:

— Дорогой, познакомься с Хэрриет.

Вере тут же повернулся к нам, словно пробудившись ото сна. Он был высокий и худой, с короткими пепельными волосами, смуглолицый и производил впечатление челове-

ка, постоянно погруженного в размышления и немного рассеянного.

— Добрый вечер, вам нравится Филдинг? — неожиданно спросил он меня.

— Да, очень. Но я читала только «Тома Джонса».

— Попробуйте прочесть еще «Джозефа Эндрюса». Не такое хорошее произведение, как «Том», но очень характерное для Филдинга.

Он достал книгу с полки и принялся ее листать, но Фредди тут же отобрала ее у него и поставила на место.

Вскоре процесс знакомства был продолжен, и меня подвели к весьма экстравагантной пожилой особе в красном платье. В ее прическу из седых волос были воткнуты длинные шпильки, и, глядя на нее, я вспомнила слова Корделии о длиннобородом и седовласом пришельце в ванной.

— Джонно! — воскликнул Арчи, заведя молодого человека, который на моих глазах залпом выпил бокал вина. — Мерзкий мальчишка, неужели это ты?

Джонно был как раз тем загадочным лицом, о знакомстве с которым я мечтала уже несколько часов, после того как леди Пай впервые произнесла его имя. Сзади у него был небольшой хвост, а подбородок и щеки покрывали жирные, блестящие волосы, волосатым был и его лоб, так что челка спадала почти по обе стороны носа. Я подумала о его удивительном сходстве с одним существом из фильма «Звездные войны» — Чубаккой, получеловеком, полуобезьяной.

— Вы шикарно выглядите, — сказал он мне, но я, разглядев вая его, была так озадачена, что даже не сразу поздоровалась.

— О, черт, — продолжал Арчи, похлопывая по плечу Джонно, — ну и видок у тебя! И чем ты все время занимался? И что это ты на себя напялил, какой-то герб на спине? О, да это эмблема — череп с костями! Что это означает? Да тут и подпись есть: «Поцелуй меня в зад!» Восхитительно! Ты, как всегда, неотразим.

Джонно соорудил мрачную гримасу, а затем расхохотался:

— Арчи, ты старый пройдоха, ты-то как поживаешь? Привет, Руп.

— Привет, — отозвался Руперт с неизменным спокойствием. — Хэрриет, это Джонно Пай.

Я протянула руку, и, схватив ее, он крепко и долго тряс ее.

— Очень рад! Привет, Хэт! Есть тут еще виски?

— Сколько угодно, — сказал Руперт.

Руперт подошел к нам и протянул мне полный бокал.

— Приятно видеть, как вы мило беседуете.

— Я должен кое с кем пообщаться, друзья мои, — сказал нам Арчи. — Эмилио вот уже полчаса ищет меня глазами. Он очень взволнован.

— А где сэр Освальд? — спросил Руперт.

— В библиотеке. Он любит подкрепиться перед ужином.

— Не странно ли это? Лорды и епископы всегда так делают?

— Освальд никогда не соблюдает протокол, он предпочитает поступать так, как ему удобнее. А все эти традиции для него не более значимы, чем всякие предания и легенды. И к тому же он слишком привередлив по части напитков и еды — никогда не обедает в чужих местах.

— О, — заметила я, — значит, он довольно эгоистичен?

— Нет, просто предпочитает все делать по-своему. Разумеется, он очень самолюбив. Сейчас он явно чем-то недоволен, насколько я могу судить.

— Что его рассердило?

— Он постоянно злится после смерти первой жены. Его брак с Мэгги не принес ему облегчения.

— Значит, Джонно не сын Мэгги?

— Нет, у него двое детей от первого брака — Джонно и его сестра Аннабель.

В эту минуту в комнату вошла девушка, ровесница Корделии, держа в руках тарелку и чашку. Дирк, который недавно так недоброжелательно отнесся к миссис Мордейкер, с ласковым ворчанием уткнулся в колени новой гостьи. Глаза Аннабель расширились от радостного волнения, как только она увидела Руперта. Девушка кинулась ему в объятия.

Я знала, что Корделия обязательно станет расспрашивать меня, как она выглядела, поэтому я старалась разглядеть и запомнить ее получше. У Аннабель были темно-русые волосы, разделенные прямым пробором и спадавшие на плечи. Но одета она была в безобразное платье грязновато-зеленого цвета, длинные носки и коричневые ботинки, старые и никак не

соответствовавшие ни моде, ни даже ее возрасту. Но зато она была на диво хороша, темные глаза ее, опущенные длинными ресницами, смотрели по-взрослому серьезно и прямо. По всей видимости, она обожала Руперта и была счастлива, что он приехал к ним на Рождество.

— Я весь день ждала, когда тебя увижу. Мэгги обещала мне сразу сказать, как только ты появишься, но так и не сделала этого.

— Она слишком занята, чтобы обо всем помнить. Я надеюсь, ты ей помогаешь?

— Гуляю с собаками. Но я не понимаю, почему должна ей помогать? Это же ее работа.

— Ты неблагодарная бессовестная девчонка.

— А Мэгги такая глупая и занудная. — Аннабель встряхнула кудрями. — Пойдешь со мной гулять завтра? Я выучила наизусть целых две страницы из «Старого моряка», ведь ты говорил, что это твоя любимая поэма.

— Ты знаешь, я терпеть не могу таскаться по глубокому снегу.

— Ну, пожалуйста, Руперт, — умоляюще протянула Аннабель.

— Не приставай ко мне. Займись своим делом.

Аннабель, уходя, посмотрела на Руперта с восхищением и любовью.

— Почему ты с ней так груб? Она же еще ребенок.

— Тебе этого не понять, Хэрри, ты выросла в большой семье и с детства привыкла считаться с окружающими и вести себя подобающим образом. Аннабель — совсем другое дело. Она полагает, что ей все позволено.

Эти слова несказанно удивили меня. Руперт искал глазами Джонно и несколько минут молча наблюдал за ним. Надо думать, вечерний костюм Джонно не понравился Руперту, но, в отличие от Арчи, он, будучи человеком сдержанным, не делал комментариев по этому поводу. Внезапно он повернулся ко мне и спросил:

— Ты, наверное, со мной несогласна? Считаешь, что я слишком резок?

— Вовсе нет, — возразила я. И в самом деле я была с ним

согласна в том, что касалось Аннабель. — Разумеется, нельзя поступать невежливо с окружающими.

Руперт рассмеялся:

— Браво, Хэрри!

Пока я размышляла о том, что могло так повлиять на характер Аннабель и превратить ее в избалованное и заносчивое создание, в гостиной появился сам хозяин дома. Грузный и довольно пожилой, он начал медленно и торжественно обходить гостей, кивая им с королевской снисходительностью. Когда оказался поблизости от нас, я заметила на его рубашке, туго натянутой на животе, пятна, вероятно оставшиеся от обеда. Прищулив маленькие блестящие глазки, он облизнул ярко-красные губы и направился прямо к нам.

— Познакомь меня, Руперт, — велел он, тяжело дыша и глядя на меня с интересом.

Услышав мое имя, сэр Освальд крепко сжал мне руку:

— Рад вашему приезду, дорогая мисс Банг.

— Бинг. Благодарю вас, с вашей стороны было очень любезно разрешить нам с сестрой погостить здесь.

— Прекрасно! Прекрасно!

Он медленно повернулся и направился дальше сквозь толпу гостей.

— Я чувствую себя бестолковой невежей, — призналась я Руперту, когда Освальд отошел от нас подальше. — Не умею как следует поблагодарить и ответить на приветствие.

— Освальд не обращает на подобные мелочи никакого внимания. Ты ему понравилась, и этого довольно.

— Я не только о нем говорю. Я имею в виду и тебя тоже. Я так тебе обязана: и за помощь, и за все эти шикарные вещи, ты нашел мне работу и взял на себя наши расходы... Даже не знаю, как отблагодарить тебя.

— И не пытайся. Твои родители много сделали для меня. Если бы не они, я бы ничего хорошего не мог вспомнить о своем детстве, — ответил Руперт довольно прохладно. Этот разговор явно был ему неприятен. — По-моему, нам пора спасать оливки! О нет, слишком поздно!

— Дирк, как тебе не стыдно! — воскликнула я, увидев, как под столом мелькнул собачий хвост. — И устрицы тоже! Вот

безобразие, у него будет расстройство желудка от жадности.

Руперт подозвал Аннабель:

— Возьми-ка это несчастное животное и отведи на кухню. Накорми. Его зовут Дирк.

Аннабель скорчила недовольную гримасу, но вдруг просветлела:

— А если я это сделаю, ты разрешишь мне разобрать твои вещи?

— Я уже сам их разобрал.

— Тогда я принесу тебе завтрак в постель?

— Не выношу крошки от сэндвичей на одеяле.

— А можно я почищу твои ботинки? Мэгги всегда решает мне чистить ботинки папы. Я очень хорошо умею это делать.

— Хорошо, согласен. Но так, чтобы они блестели. И смой с них грязь горячей водой.

— Обещаю! — Она подхватила Дирка за ошейник, но он вдруг уперся, не желая уходить из гостиной.

— Обед, обед, — произнесла я знакомое слово и похлопала его по спине, только тогда он встряхнулся и покорно побегал за Аннабель.

— Ужин подан, прошу всех к столу, — объявила Мэгги, только-только закончившая выпекать сдобные булочки с изюмом. Она сняла фартук и теперь осталась лишь в длинном желтом платье.

В столовой ярко горели свечи, и столы, покрытые темно-пурпурными скатертями, были уставлены самыми разнообразными блюдами. Я вспомнила о Марии-Альбе, тоже очень любившей красные занавески с серебряной каймой и красные покрывала, создававшие зимой такую уютную атмосферу в доме. Мне стало немного грустно оттого, что впервые в жизни пришлось встречать Рождество не в семейном кругу, а вдали от моих близких, даже Корделии не было в эту минуту рядом. Роскошные приборы, все эти серебряные ножи, вилки и ложки, солонки и баночки со специями и соусами переливались и поблескивали, как в старых волшебных сказках. И я впервые увидела, как много

слуг в этом доме. Они стояли вдоль стены во главе с миссис Уэйл, которой, вероятно, было поручено распоряжаться всеми приготовлениями.

Сосчитав гостей, я узнала, что на ужине присутствует двадцать человек, включая сэра Освальда, Джонно и Мэгги. Но одно место до сих пор оставалось пустым. Мэгги взяла карточку неявившегося гостя и покачала головой.

— Какая досада, мы больше не можем ждать... — Она наклонилась к священнику: — Святой отец, вы нас благословите?

Все склонили головы, и священник приступил к чтению благодарственной рождественской молитвы.

— И то, что сладко на вкус, горьким окажется в желудке, — произнес заупокойным тоном священник.

Вере, заметив, что я наблюдаю за ним, отложил вилку и застыл, боясь пошевелиться. Мне стало смешно.

Я едва могла сдержаться, глядя на Арчи, который сидел напротив меня, с комически сосредоточенным видом внимая благочестивым наставлениям. Но тут сэр Освальд, не в силах больше выносить затянувшуюся прелюдию, громко произнес:

— Аминь. Благодарю вас, святой отец.

Священник опустил на место, и все с облегчением вздохнули. Однако сам выступавший остался недоволен тем, что его столь бесцеремонно прервали, и еще долго с укоризной поглядывал на гостей.

— Ой-ля-ля! Какой он зануда, — немного громче, чем положено, сказал Эмилио. — Ему работать в инквизиции самое место... — Он широко улыбнулся.

Святой отец немного изменился в лице, но ничего не ответил. В эту минуту у двери послышались голоса, и в столовой появился еще один гость, в элегантном темном костюме.

— Простите меня, леди Пай, — услышала я знакомый голос. — Поезд шел очень медленно из-за снегопада. Нам даже пришлось пересест на автобус. — Он приблизился к столу и пожал руку сэру Освальду. А я замерла от неожиданности, узнав Макса Фрэншема.

— О-оо! — протянул Арчи, подмигнув мне. — Какое многообещающее начало!..

Глава 21

Но Арчи ошибся, назвав все случившееся многообещающим. Ужин по-прежнему тянулся в бесконечно-утомительном ритме: священник дулся и мрачнел все больше, английский Эмилио был настолько плох, что не выдерживал сравнения даже с моими жалкими знаниями его родного испанского, и разговор наш вращался вокруг самых незатейливых предметов.

Арчи поддерживал диалог с неутомимой миссис Мордейкер, которая с каждым выпитым бокалом делалась все экспансивнее. Она что-то долго и подробно рассказывала ему о ритуалах, сопровождающих дефлорацию у туземцев.

Я старалась не поднимать головы, чтобы случайно не встретиться взглядом с Максом. Его появление было для меня как гром среди ясного неба. К счастью, он сидел далеко от меня, но странным казалось другое — он ни словом не обмолвился о своих планах провести Рождество в гостях. И теперь я мучительно пыталась вспомнить, называла ли я ему во время нашего последнего телефонного разговора имена Руперта и его сестры или нет.

Наконец ужин подошел к концу. По приглашению Мэгги женщины последовали в гостиную, а я побежала наверх — провести Корделию. Она не спала, снова страдала от тошноты и очень замерзла. Я нашла в коридоре миссис Уэйл и попросила ее принести аспирин и стакан воды. Она вернулась, прихватив с собой еще и бутылки с горячей водой, и даже развела огонь в камине, однако на мои попытки завязать с ней дружескую беседу почти не реагировала, ограничиваясь уклончивыми и короткими репликами. Я попросила ее передать леди Пай мои извинения — остаток вечера я проведу с сестрой.

Но ни я, ни Корделия в ту ночь так и не выспались как следует. Дирк пытался подобраться к коробке с пирожными, и мне приходилось следить, чтобы он не опрокинул ее на пол. Успокоился он только после того, как мы с ним напололам съели все лакомства. Он улегся у камина и вскоре заснул. Но через час разбудил меня, требуя, чтобы его выпустили на улицу, и мне пришлось спуститься с ним в сад.

— Ты самый мерзкий пес в мире, — злилась я, надевая пальто.

Чтобы не столкнуться ни с кем из слуг или гостей, поскольку я уже переоделась в домашнюю одежду, воспользовалась черной лестницей. Прогулявшись вокруг дома, я вернулась и стала подниматься по лестнице. Уже почти на середине вдруг услышала шум. Наверху загорелся свет. Я хотела было спрятаться под лестницей, но, пока медлила, Дирк залаял, и необходимость скрываться отпала.

— Эй! — крикнула я. — Кто здесь?

Голоса затихли, и воцарилось тревожное молчание, но мне показалось, что кто-то спускается ко мне по лестнице. Дирк стал лаять еще громче, прыгая и дергая поводок. Я с криком кинулась вниз, повинаясь внезапному чувству страха, но вдруг ощутила, что у меня нет поводка в руке, и заставила себя остановиться. Наверху распахнулась дверь, и кто-то быстро спустился по лестнице.

— Это ты, Хэрриет? Прекрати шуметь, ты весь дом перебудишь. Многие уже легли спать.

— Руперт! Слава Богу!

— С тобой все в порядке? Чего ты испугалась?

Я прижалась к нему, все еще дрожа от волнения. Но его спокойствие и невозмутимость вернули мне самообладание:

— Ничего, все в порядке.

Он закурил сигару и, затянувшись, посмотрел на меня внимательно:

— Что ты вообще здесь делаешь?

— Я хотела выйти с Дирком, но тут включили свет наверху, и мне стало как-то не по себе...

Я заметила, что Руперт пристально смотрит на меня, не отводя глаз. Мне сделалось ужасно неловко и стыдно за свою истерическую несдержанность.

— В доме плохо работает электричество. Генератор иногда неожиданно отключается. Но, я думаю, ты просто устала после долгого путешествия, и тебе пора отдохнуть.

— Я не устала, понимаешь, просто испугалась, когда мне никто не ответил, ведь я же слышала чей-то шепот.

— Ничего особенного, возможно, кто-нибудь назначил

тут свидание, а ты случайно наткнулась на эту парочку. Обычное дело для подобных вечеринок: секс, алкоголь, азартные игры. — Голос Руперта звучал совершенно бесстрастно. — Подожди минуту, — он распахнул дверь, поскольку, как выяснилось, я уже снова спустилась вниз и теперь стояла на площадке перед выходом на улицу. Руперт выбросил сигару и повернулся ко мне:

— Где собака?

— Она сбежала, наверное, наверх, когда я вскрикнула.

— Должно быть, это был иступленный вопль, если он так напугался.

Я взглянула на него с негодованием. Мне не очень-то нравилось, что он позволяет себе говорить со мной насмешливо.

Но тут рядом что-то звякнуло, и раздался голос:

— Какого черта вы тут делаете? — Это был полковник Мордейкер.

— Собирался выйти проветриться. Не могу заснуть после виски с содовой и сигары. В голову всякий вздор лезет. Но надо найти собаку, а то она заблудится в доме.

Я заметила, что поводок, который, как я думала, остался у Дирка, висит на моей руке.

Мы стали подниматься по лестнице.

— Ты небось увидела призрак старого Джона Сильвера, а?

— Ничего я не видела.

Руперт рассмеялся:

— Странная девушка, живет как во сне или, вернее, грезит наяву.

Тут уж я не могла не рассмеяться:

— Грубиян!..

— Да что там, просто олух!

В эту минуту десять лет нашей разлуки были позабыты. Теперь, как в добрые старые времена, мы снова были друзьями. И Руперт стал вдруг просто мальчишкой, который любил лимонный шербет и читал нам балладу о Люси и хозяине Вороньего леса.

Но мои сентиментальные воспоминания тут же оборвались, как только мы добрались до верхней площадки. Там не было Дирка.

— Вот, смотрите! — крикнул мне полковник. — Этот чертов пес чуть не проскочил прямо в открытую дверь. — Он развел руками, стоя на лестнице в халате, надетом поверх пижамы. — Надо было держать его как следует.

В самый разгар этой суеты появилась Мэгги, опять в фартуке, ее руки были красными и мокрыми от горячей воды.

— Что-то случилось?

— Боюсь, моя собака... Она всех перебудила. И сбежала, я не могу ее найти.

— Она на кухне, — виновато ответила Мэгги, будто это она была причиной всех учиненных в доме беспорядков. — Мне кажется, пес был голоден, и я дала ему кое-что оставшееся от ужина.

Спустя десять минут все мы вернулись в нашу комнату, и я увидела Дирка, преспокойно лежащего у камина.

Я легла в постель и попыталась заснуть. Ветер яростно завывал за окном, а Корделия беспокойно ворочалась и стонала во сне. Наконец мне почти удалось задремать, но проснулась я оттого, что вытекла горячая вода из бутылки и половина постели была мокрой. Меня разбудила Корделия, включив свет.

— Который час? — спросила она.

— Половина пятого, давай выключим свет и постараемся поспать еще немного.

— Хорошо, но мне холодно.

Я подоткнула одеяло вокруг нее.

— А мне, наоборот, жарко.

— Это потому, что ты пила, — от спиртного всегда жарко. И как напитки?

— Вполне сносные.

— Все равно лучше много не пить.

— Конечно.

Некоторое время мы лежали в темноте молча.

Вдруг мне показалось, будто в комнате кто-то есть, даже прошел мимо нашей постели. Я поднялась на локте, вглядываясь в темноту, но никого не было. Ветер продолжал выть за окном и стучать по стеклу ветвями деревьев. Разбуженный нашими голосами, Дирк пробежался из угла в угол и снова лег у камина, изредка беспокойно рыча.

— Тс-с... — послышался шепот совсем рядом с нашей дверью, — не разбуди молодых леди — у них собака.

Дирк приподнял голову, насторожившись. Я прислушалась затаив дыхание.

Я услышала, как скрипнула дверь, и, приподнявшись, увидела, что кто-то разводит огонь в камине. Ярko вспыхнула по-дожженная бумага, и пламя поползло по сосновым веткам.

— Мэгги?

— О Господи, — она поднялась с колен и подошла поближе к постели, — вы меня напугали. Как себя чувствует девочка?

— У нее температура. Боюсь, что она совсем разболеется. Простите, что все так получилось.

— Чепуха. Не волнуйтесь. Все может случиться. Но, может, все-таки стоит послать за доктором Парсоном?

— Спасибо большое, что развели огонь, теперь мы понежмся в тепле.

— Не за что, дорогая.

Я снова опустила голову на подушку, а Мэгги быстро вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

— Доброе утро, Хэрриет, — сказал мне Арчи, с удовольствием глядя на тарелки с овсяной кашей и плошки со сливками. — Что-то ты бледновата сегодня.

Руперт опустил газету и, посмотрев на меня, снова принялся за чтение.

— Со мной все в порядке, — возразила я, — отлично себя чувствую. Просто немного проголодалась. Я подвинула к себе тарелку с помидорами, грибами и хлебом и разрежала вареное яйцо пополам.

— Привет, Хэрриет! — Макс наклонился ко мне и заглянул в глаза. Он был одет не так празднично, как на ужине, — в свободный вязаный свитер и джинсы.

Все остальные мужчины тоже были в рубашках и джемперах, кроме Арчи, облаченного в ярко-желтый костюм.

— Вы бледны, — заметил Макс, понизив голос чуть ли не до шепота, — но все равно удивительно хорошо выглядите. Бледность очень идет к вашим темным волосам, к тому же у вас гладкая, бархатистая кожа.

Чтобы скрыть замешательство, я тут же протянула ему тарелку:

— Помидоры или грибы?

— Привет, Арчи, Руперт! — Макс подошел к столу и сел напротив меня. Руперт, развернув следующую газету, бесстрастно следил за каждым его движением. Мне было немного не по себе из-за того, что в течение нескольких минут мы находились в центре всеобщего внимания. — Как давно я с вами не виделся! Как поживаете?

— Нормально, — отозвался Руперт.

— «Мой господин здоров и ныне восседает на троне...» — добавил Арчи.

— «Отелло», — механически откликнулась я.

Полковник Мордейкер громко чихнул, чуть не уронив кусок рыбы с вилки.

— Хэрриет, — с упреком сказал Арчи, — вы шокируете полковника своим невежеством. Это цитата из «Ромео и Джульетты». И полковник Мордейкер уж точно может назвать даже акт и сцену, из которой она взята, если вы, конечно, его очень попросите.

— Я и понятия не имею, о чем вы говорите, сэр! — громко возмутился Мордейкер. — Я такой чепухой не интересуюсь. Мое дело — сражаться за королеву и Британию, охранять их от врагов.

Наступило глубокое молчание. Мэгги расставляла на столе чашки для кофе и чая.

— Нет, благодарю, леди Пай, — сказала жена священника, — кофеин вреден для нервной системы. — Полковник взял полную чашку и с удовольствием отхлебнул из нее. — Хорошо известно, — продолжала она, — что при слишком ярком румянце такие стимуляторы оказывают особенно пагубное действие на здоровье. Дорогая леди Пай, я хотела рассказать вам рецепт приготовления рыбы. Мне дал его один мой хороший знакомый, священник из Бельгии, так что можете не сомневаться в его подлинности.

— Я послала за доктором Парсоном, — сообщила мне Мэгги, — он обещал поторопиться, но, к сожалению, все дороги занесло ночью.

— Как чувствует себя бедное дитя? — поинтересовался Макс.

— Не очень хорошо, но у нее ничего серьезного, уверяю вас.

— А Вальдо? — Он снова говорил почти шепотом. — По-моему, в последнее время он стал немного повеселее. Я надеюсь, полиция делает что-то, чтобы найти настоящего убийцу.

— Отцу намного лучше. Вы очень любезны, что навещаете его так часто. Инспектор Фой обещал мне, что кое-что прояснится в ближайшие две недели.

— Вальдо — мой самый дорогой друг. — Он посмотрел на меня с улыбкой. — Как жаль, что вы вчера ушли так рано, остались одни старые ведьмы — ни одной красивой женщины.

— Но там была Фредди.

— Ах да, точно. Она мила, но слишком уж язвительна. И потом, женщина, которая увлечена своим мужем, становится совсем непривлекательна для прочих мужчин.

— А Джорджия — не помню ее фамилии, — мне кажется, она не слишком влюблена в Эмилио.

Макс удивленно посмотрел на меня.

— Неужели вы находите ее красивой?

— Как дела на дорогах, леди Пай? — спросил священник. — Мы должны успеть на поезд. Увы, но служители церкви не могут распоряжаться собою по собственному усмотрению.

— Вот это верно, — согласился полковник, — тем более когда они женаты.

— Ты забыл принять сердечные таблетки, — напомнила мужу миссис Мордейкер, войдя в столовую. И, подойдя ближе, посмотрела в его тарелку: — Сколько яиц велел тебе съесть врач?

Полковник пробормотал сквозь зубы что-то невнятное.

— Если бы вы только знали, — обратилась она к Мэгги, — как мне трудно заставить его соблюдать все предписания. Врач, выписывая лекарство, сказал, что его необходимо принимать до еды.

Жена священника улынулась всем присутствующим и провозгласила:

— Как жаль, что мы вынуждены вас покинуть. — Она повернулась и гордо удалилась.

— Скажи, Гервард, — сказала миссис Мордейкер, — что тебя опять расстроило? Помнишь, что говорил тебе доктор насчет настроения...

— Бога ради! Заткнись! — рявкнул полковник. — Ты просто несносна. Все время донимаешь меня своим занудством.

Старая дама глубокомысленно произнесла:

— Какая задница не заслуживает хорошего пинка...

Полковник изменился в лице и стал пунцовым.

— Мадам, — прогремел он, — мое терпение уже на исходе!

— Прошу вас, Эрнестина, — поспешила урезонить старуху Мэгги.

— Гервард! — воскликнула одновременно с ней миссис Мордейкер.

— Хотите еще чаю? — продолжала Мэгги, стараясь отвлечь внимание Эрнестины. — А лепешки не хотите попробовать? Я только сегодня их испекла. Вам они понравятся. Нужно хорошенько подкрепиться перед работой.

— Эта женщина назвала меня «задницей», — пробормотал полковник жене, которая села рядом с ним за стол, — это слишком!

— Полковник, попробуйте вот эти маленькие сэндвичи и домашнее варенье из черной смородины, — умиротворяюще настаивала Мэгги, затем, понизив голос, добавила: — Мисс Типпл — девяносто четыре, уверена, она ничего плохого о вас не хотела сказать.

— Я просто не спала всю ночь! Все время слышался какой-то шум, к счастью, я заперла дверь, но все равно не могла успокоиться, — с воодушевлением откликнулась Эрнестина и посмотрела на полковника.

— Нечего смотреть на меня, мадам, — раздраженно произнес полковник.

— Нет, нет, — успокоила его Мэгги, — не принимайте это так близко к сердцу, полковник. Как жаль, что сегодня такая скверная погода. В это лето здесь было много соколов, они так и взвивались в голубое небо! И я подумала, что вы

наверняка были бы не прочь посмотреть на это. Ведь вы разбираетесь в птицах?

— В птицах? Кто это сказал? — Полковник уставился на нее в недоумении.

Священник, все это время листавший журнал и вроде не прислушивавшийся к беседе, вдруг поднял голову и с интересом уставился на полковника. Тот надул еще больше.

— Должно быть, редкое зрелище? — вежливо обратился к нему Макс. — Такое можно увидеть только далеко за пределами Лондона. Но здесь вообще один из самых прекрасных уголков на свете.

— Что-то я этого не заметил. Мы приехали уже в темноте, и ничего, кроме снега, я тут не видел.

— Я бывал здесь раньше, два года назад. С гор открывается чудесный вид на окрестности. Не согласитесь прогуляться со мной?

— Я не могу никуда уйти, пока не приедет доктор и не посмотрит Корделию, — ответила я, не поднимая глаз.

— Хэрриет, — сказал мне Арчи, — если вы собираете команду для отчаянной вылазки, возьмите меня с собой, у меня талант проводника.

Я только собралась ответить ему, как в столовой появился Джонно, одетый в лохматый джемпер и разорванные на колленках джинсы.

— Привет всем! — Он заглянул в тарелки. — Господь Всемогущий, одно дерьмо, да еще рыба вся вареная. Мэгги, неужели мне не оставили ни кусочка бекона?

— Сейчас схожу и принесу для тебя кое-что.

— Сиди, Мэгги, — возразил Руперт. — Ты с утра только и делаешь, что бегаешь, пусть сам ходит на кухню и принесет все, что ему нужно.

— Зачем нужны женщины в доме, если от них нет пользы?

— А от тебя какая польза? — холодно спросил его Руперт.

— Правильно сказано! — воскликнула мисс Типпл.

— Брось, Руп, ты не всегда был таким занудой, я же помню, как раньше ты напивался в стельку.

— Большая разница — быть пьяным или быть неблагодарным щенком, — взвился Руперт.

— Ну!.. — в замешательстве воскликнул Джонно. — Черт тебя поberi. Я не понимаю. Я вовсе не такой...

— Так в чем же дело? — отозвался Руперт ледяным тоном. — Возрази, если я не прав.

— В мои годы, — сказал полковник, — мы стояли по стойке «смирно» перед старшими. И даже в глаза им смотреть не смели.

— Замечательно, — иронически отозвался Джонно. — Вы думаете, я стану следовать вашим полковым традициям? Война — это зло, а уж те, кто в ней участвует, — сущие злодеи, и нет им оправдания. Вы сами сеете разруху, анархию и еще черт знает что, и нечего поучать меня, как жить! — Он резко повернулся и вышел из комнаты.

— Розги по нему плачут, — пробормотал полковник, поглядев ему вслед.

Мэгги сидела с таким выражением на лице, словно собиралась разрыдаться.

— Извините, леди Пай, приехал доктор, — сообщила миссис Уэйл, остановившись на пороге. — Я проводила его наверх, к нашей юной гостье. Сэр Освальд требует, чтобы ему немедленно подали завтрак.

Глава 22

— Мне так скучно! — воскликнула Корделия. — Когда придет Макс?

Три дня ей пришлось пролежать в постели по настоянию доктора.

Каждый раз, когда Руперт приходил ее навещать, Корделия притворялась умирающей. Но Руперт не обращал внимания на чепуху и заставлял ее вовремя принимать лекарство. Обиженная Корделия в последний его приход сложила на груди руки и закрыла глаза, не желая с ним разговаривать. Арчи прислал ей забавное письмо, в котором, восхищаясь ее красотой, сообщал, что боится подцепить простуду и поэтому от визита воздержится.

— Теперь я знаю, почему все говорят, что мужчины

страшные эгоисты, — заявила Корделия, — я сама теперь в этом убедилась.

Как и все в нашей семье, не исключая Офелии и Порции, Корделия страдала нетерпимостью и крайней обидчивостью. Кроме того, ей было трудно привыкнуть, что ее в чем-то ограничивают, и она требовала от несчастной Мэгги, чтобы ей принесли жареного цыпленка с томатным соусом, яблочное варенье, лимонный торт и колу, а также побольше шоколада и сливок.

Я успокоила Мэгги, убедив ее не обращать никакого внимания на эти претензии. Но она была просто в шоке, когда я предложила ей помочь хоть чем-нибудь на кухне, чтобы как-то компенсировать причиненное нами беспокойство.

Мэгги распоряжалась всеми кулинарными делами, оставляя на попечении миссис Уэйл уборку и разнообразные мелкие поручения. Вероятно, она действительно была ей очень благодарна за помощь, ибо отзывалась о ней не иначе, как об ангельски кротком и трудолюбивом создании. Вообще же, наблюдая за тем, сколько усилий Мэгги тратит на то, чтобы содержать в порядке дом, я подумала, что такое положение хозяйки наверняка вызвало бы возмущение у моей матери, никогда в жизни и тарелки за собой не вымывшей, не говоря уже о том, чтобы подойти близко к плите.

Миссис Уэйл следила за тем, чтобы вовремя отдавать белье в стирку, менять постели, скатерти и вытирать пыль, по крайней мере в комнатах, где находились гости. Кроме того, она чистила столовое серебро. Мэгги же так уставала от своих дневных забот, что я часто замечала, как она едва не засыпала за столом во время ужина, но, невзирая на это, она еще поднималась наверх и разводила огонь в каминах. И только тогда миссис Уэйл провожала гостей в их спальни.

Не только Мэгги уделяла внимание Корделии. Макс почти каждый день заходил к ней, всячески стараясь развеселить и скрасить ее одиночество. Признаться, нам почти не довелось по настоящему скучать в Пай Плэйс.

Последние две недели перед отъездом Корделия посвятила странному занятию: она взялась писать историю нашей семьи, а вернее, того, что случилось с нами, и относилась к это-

му весьма серьезно. Ей хотелось рассказать правду о нас, вопреки всем нелепым домыслам и газетным статьям, где о нас выдумывали Бог знает что. Мы с ней вместе перебирали старые альбомы с фотографиями и письма, стараясь составить из всего этого цельную увлекательную картину. Результат нашей работы мог бы стать отличным подарком отцу.

От нечего делать я принялась во время болезни Корделии читать журналы по рукоделию, где описывалось, как нужно вязать свитеры с замысловатым рисунком, шить и накручивать волосы на бигуди. Я так увлеклась ими, что не заметила, как пришло время, когда обычно нас навещал Макс. Меня вывел из задумчивости стук в дверь.

— Как наша страдальца? — спросил он, с улыбкой подойдя к постели Корделии, которая сразу просияла от удовольствия.

— Очень плохо. Мне надоело тут лежать, когда все остальные развлекаются. Если бы не настойчивость Хэрриет, я бы давно встала. Мне все равно скоро можно будет это сделать, какая разница, если это произойдет на несколько часов раньше?

— Доктор Парсон сказал — не вставать до ужина, — напомнила я. — Я думаю, это просто невежливо — пренебрегать советами врача, которого специально для тебя вызвали.

— Хэрриет всегда все знает лучше других. И хочет, чтобы все ее слушались.

Макс посмотрел на меня, и я подумала, что он, возможно, размышлял над этим замечанием, пытаясь понять, действительно ли я так деспотична, как говорит Корделия.

— Подумай сама, — Макс снова повернулся к Корделии, — если ты встанешь сейчас, у тебя снова поднимется температура, и ты не сможешь появиться за ужином в платье. Тебе придется надеть джинсы и свитер. Тогда уж точно ты не сможешь выглядеть лучше, чем Аннабель.

Они до сих пор так и не познакомились. После моего рассказа об Аннабель Корделия заявила, что не желает, чтобы эта заносчивая девчонка видела ее больной и непричесанной, и наотрез отказалась от предложения Мэгги позвать падчерицу, чтобы та посидела с гостьей.

Прошло довольно много времени, прежде чем я, посмотрев в окно, увидела, что уже начинает темнеть.

— Мне пора гулять с Дирком, а то будет поздно... — В окно было видно небо, на котором только-только начали загораться звезды.

— Я пойду с вами, — предложил Макс.

— Нет, вы не можете уйти и оставить меня одну, — возмутилась Корделия. — Макс, ты обещал мне дочитать «Вдали от безумствующей толпы», я хочу знать, вернется она к этому глупому Гэбриэлю Оуку. Надеюсь, сержант Трой не умрет в конце.

— Да, лучше будет, если вы останетесь и почитаете ей немного, — сказала я. — На улице очень холодно. И я выйду всего минут на двадцать. — Я знала, что Корделия уже дочитала роман утром, но решила поддержать ее: мне не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел меня прогуливающейся вместе с Максом, и еще меньше мне хотелось, чтобы об этом узнал Руперт. Было не слишком хорошим тоном — заводить роман в доме, куда тебя пригласили погостить на праздники.

На улице дул ледяной ветер. Снег блестел и искрился в полосах света, падавших из незанавешенных окон. И я чувствовала, что замерзаю, несмотря на теплое пальто, которое мне дала Мэгги, и пушистый длинный шарф. Дирк за три дня уже успел освоиться и теперь резво бегал по дорожкам вокруг дома. Я же старалась держаться поближе к входу, дабы поскорее вернуться назад в тепло.

Поместье Пай Плэйс было построено в форме буквы «Е», стены выложены из серого камня. На фасаде — три больших закругленных поверху окна. Прямо перед ним открывалось пустое, засыпанное снегом поле, на котором летом, как мне сказали, играли в футбол и теннис. У левого крыла была небольшая пристройка, появившаяся сравнительно недавно и, вероятно, используемая для хранения садового инвентаря и всякого ненужного хлама. Планировка дома напоминала правильными линиями здания классического стиля семнадцатого и восемнадцатого веков.

Дальше за пределами дома и его округи простиралась долина. Зимой она была покрыта снегом, но на фотографиях, показанных мне Мэгги, выглядела иначе — зеленой луговиной. А еще дальше, прямо за долиной, тянулась вверх гора, под ночным звездным небом ее заснеженная громада выглядела

сказочно великолепной. Глядя на нее, я подумала, что, должно быть, старый Пай, задумавший построить здесь свое родовое гнездо, выбрал это место не случайно — оно было защищено горой от натисков непогоды.

Дирк еще раз обжегся вокруг старого каменного загона для овец, который давно уже не использовался по назначению, и громко залаял на кого-то. Приглядевшись, я заметила высокую фигуру в темном пальто. Человек этот, наклонившись, что-то рассматривал на снегу. Это был Вере, муж Фредди.

— Привет, Дирк, — услышала я его голос, но собака, будто не слыша, продолжала носиться кругами и громко лаять. — Успокойся, успокойся, мы же знакомы... Здравствуйте, Хэрриет, — кивнул он мне, когда я подошла ближе.

— Простите, я вам не помешаю?

— Нет-нет. Напротив. Знаете, я пытался понять, не выдра ли оставила здесь следы.

— А разве они не в воде живут? Где-нибудь у водопада?

— Прислушайтесь, — он поднял палец вверх, но я не услышала ничего, кроме завываний ветра.

— Дирк, замолчи! — велела я, пытаюсь прислушаться повнимательнее. Действительно, со стороны долины доносился какой-то едва различимый звук, напоминавший плеск воды и прерывистые крики.

— Слышите? — повторил Вере. — Это кричит лиса. — Казалось, звуки доносятся откуда-то очень издалека. Вере тронул меня за руку: — Смотрите! Это горный стрепет! — Я посмотрела на снежную вершину, сиявшую под темным звездным небом. — Думаю, надо пойти посмотреть, может, еще что-нибудь интересное обнаружим. Пойдете со мной?

— Я очень люблю птиц, но боюсь, Дирк их спугнет.

— О, да! Вы правы, я совсем про него забыл. Вы сами найдете дорогу к дому?

— Конечно, не беспокойтесь, — заверила я его, но он явно был разочарован.

Я закуталась в теплый шарф и подозвала собаку, собираясь повернуть назад. Дирк резво бросился вперед, но через некоторое время остановился и растерянно оглянулся на меня. Я уж было подумала, что мы заблудились, но тут увидела прямо

на дороге какую-то женщину — она быстро повернула от меня в сторону.

— Здравствуйте! — крикнула я ей. — Подождите минуту.

Глаза у меня слезились от ветра, но я смогла разглядеть, что она остановилась и обернулась ко мне. Это оказался Джонно. До ужина он обычно был под хмельком, но после — пьян довольно сильно. С тех пор как они поссорились с Рупертом, он больше не приходил завтракать с нами.

Он подождал, пока я догоню его.

— Привет, вы, по-моему, замерзли?

— Даже очень, я чуть не заблудилась.

— Чертово место, правда? — Джонно уставился на снег у себя под ногами.

— Да, но здесь очень красиво.

— Неужели?

— А как ваша жизнь в университете?

— Ничего. Скучноватые лекции, к тому же я терпеть не могу писать эссе, но клубы и бары там что надо. — Он еще помедлил немного и тронулся дальше. — Я поссорился с моей подружкой в прошлом семестре. Она ушла к моему приятелю. Но я по ней до сих пор скучаю, — он признавался мне в своих несчастьях совершенно искренне, — но она такая сучка!

— Надо думать.

— Не понимаю, зачем только люди влюбляются. Все предают друг друга, обязательно кто-нибудь тебя бросит, стоит только влюбиться.

— Это преувеличение, ведь вы не так уж одиноки. У вас по крайней мере есть отец и сестра.

— О Господи, — воскликнул он с явным сарказмом, — моему отцу плевать на меня! Он слишком занят собой. А Аннабель — еще сопливая девчонка. Что касается Мэгги, то я думаю, вы и сами не воспринимаете ее всерьез. Она такая зануда.

— Мне нравится Мэгги. Я ей очень благодарна за заботу о нас с Корделией. Она замечательный человек. Только подумайте, сколько ей приходится делать, и она все успевает. И абсолютно незгоистична. И потом, она понимающий и искренний друг, разве это не главное? Не так уж важно, чтобы человек был высокообразован или умен, важно, чтобы он сочувст-

вовал вам. А что касается вашего разочарования в любви, то это все потому, что большинство людей падки на внешнюю привлекательность и минутные развлечения.

— У-ух!.. — Джонно потоптался на месте.

— Вчера Мэгги сказала мне, что она за вас волнуется. Она думает, что вы несчастны.

— А она никогда и не была мне близка. У нас нет ничего общего. Мы с ней совершенно разные люди. Она живет в деревенской глуши, ишачит целый день и заполняет счета. — Он посмотрел на меня с усмешкой: — Знаю, знаю, вы скажете, что я — сноб.

— Не сноб, а глупец.

— Вы не боитесь нажать себе врага?

— Я терпеть не могу ссоры. Но мне нравится Мэгги, и я бы хотела, чтобы вы тоже отнеслись к ней с большим сочувствием.

Больше он не произнес ни слова, но я продолжила:

— Думаю, вам не слишком бы понравилось то, что о вас говорят и думают другие люди. Пусть даже и в этой деревенской глуши. Но, в отличие от остальных, Мэгги вас действительно любит.

— Ну, спасибо вам, я очень тронут.

— Я знаю, что я не так говорю и не совсем то, что нужно.

— Вы просто маленькая мисс Совершенство и совсем тут ни при чем. Было бы несправедливо обижаться на вас.

Я почувствовала, что мне все же удалось его задеть.

— Понимаете, в чем проблема: до многих ли людей вам самому есть дело? — спросила я. — Речь, конечно, не обо всех ваших знакомых.

— Да, мне до многих есть дело, — обиженно отозвался он. — Даже если у Аннабель вскочит прыщ на носу, мне будет ее жаль. Мне было много дела до Кейт, пока она не послала меня ко всем чертям. — Он задумался на минуту. — Ах да, забыл!.. В школе я был влюблен в одну преподавательницу, ее звали мисс Проссер, у нее были очень густые темные волосы, она напоминала мне мою любимую собаку.

Я рассмеялась, поскольку разговор постепенно переходил от душераздирающей тональности к более спокойной.

— Простите, я не хотел быть дерзким... — Он вдруг замолчал и добавил уже совершенно серьезно: — Простите

меня, Хэрриет, я иногда бываю слишком развязным. И сам не знаю, что на меня находит. Потом себя ненавижу, вы правы, я всегда злюсь, когда кто-то хочет мне помочь. Простите и дайте мне еще один шанс.

В его лице появилось что-то совсем беззащитное, он казался в эту минуту очень смешным, со своей длинной бородой и толстым носом, нисколько не заносчивым и не грубым, а напротив — добродушным.

— Хорошо, давайте все забудем. С этой минуты... будто ничего не было. — Я улыбнулась: — Пойдемте же в дом, очень холодно.

— Скажите, это правда, — продолжал он, открывая калитку, — что в лондонских школах английский знают лучше, чем в провинциальных? Разве у меня есть какой-нибудь акцент?

Я не ответила ему, поскольку онемела от неожиданности, увидав у входа в дом Макса, — он стоял на ступеньках в темно-синем плаще.

— Не робейте, — сказал мне Джонно. — Вы смело можете доверить мне тайну вашего девичьего сердца. Сколько бы я ни выпил, ничего никому не скажу. — Но тут он сам увидел Макса. — О, кого я вижу, великий актер, образчик мужской красоты!

— Как вы можете так говорить? Вы же с ним едва знакомы.

— Меня что-то совсем развезло. Но я помню, что вчера какая-то провинциальная девица прибежала к нам, чтобы попросить у него автограф. Он был неотразим, как Роберт Ретфорд. Но я, кстати, тоже полезен, хотя и клоун.

— Это вы? — окликнул нас Макс. — Вы собирались гулять всего двадцать минут. По-моему, уже час прошел. Я начал беспокоиться. Но, вижу, у вас славная компания. — Он улыбнулся Джонно, но невозможно было понять, что он при этом подумал. — Вам давно пора было вернуться, Хэрриет, смотрите, вы совсем замерзли.

— Я заблудилась, — оправдалась я, встав между двумя мужчинами и не зная, как повести себя, чтобы никого не обидеть. Макс взял меня за руку и тихонько пожал ее.

— Так вот, кто это... — почти шепотом сказал мне Джонно. — С вами все ясно, мисс Совершенство. Мне следовало

бы догадаться. Я предупрежу остальных, чтобы не тратили время понапрасну и не докучали вам.

Джонно отошел от нас и свернул куда-то за угол дома, исчезнув в тени деревьев.

Мы поднялись по лестнице и остановились перед дверью, ярко освещенной фонарем, висевшим под крышей. В окне столовой мелькнула тень Мэгги — она, должно быть, торопилась накрывать стол к ужину.

— Неужели достаточно того, чтобы вы нравились другому человеку, и тогда он сможет вызвать у вас ответные чувства? — спросил Макс, когда мы вошли в прихожую. Он вдруг взял меня за плечи и заглянул мне прямо в лицо. Но, к счастью, там было так темно, что нам было нелегко рассмотреть друг друга. — Хэрриет, ответьте мне.

Но я ничего не сказала ему. Тогда он взял мою голову в руки и поцеловал меня. Я ответила ему поцелуем из вежливости, чтобы сгладить неловкость ситуации. Сложно было определить, приятен мне его поступок или нет.

Вырвавшись, я побежала к лестнице, но, взявшись за перила, повернулась к нему и сказала:

— Вы это неудачно придумали.

— Вам не следовало искушать меня, если вы не хотели, чтобы я вас поцеловал.

Макс подошел и снова положил руки мне на плечи. Я опустила голову, понимая, что с трудом справляюсь с волнением. Он взял меня за подбородок довольно настойчиво и заставил посмотреть на него.

— Хэрриет, — произнес он, — что бы я ни делал, где бы ни был, каждый день думаю о вас. Даже ночью, особенно ночью. Когда вы находитесь рядом, я не могу от вас глаз отвести. Я никогда и ни к кому не испытывал таких чувств.

В это мгновение наверху распахнулась дверь, и на лестницу вышел Руперт. Макс мгновенно опустил руки и отступил от меня.

— Что вы за шумная пара! — крикнул нам Руперт. — Мисс Типпл уже спрашивала всех, не вызывать ли полицию, а то ей кажется, что кого-то насилюют. Мэгги пришлось поить ее бренди, чтобы успокоить.

— Что это значит? — в недоумении спросила я.

— А то, что вы нажали на дверной звонок и держали его минут десять.

Глава 23

«Сочельник.

Дорогая Мария-Альба!

Большое спасибо за твое письмо, которое благополучно дошло до нас, хотя почтальону пришлось проделать весь путь из деревни пешком. Ночью опять выпал снег, и его фургон застрял. Корделии гораздо лучше; будь уверена, она питается так хорошо, как только возможно. Стряпня Мэгги почти так же хороша, как и твоя, разве что более английская. Кажется, я писала в предыдущем письме, что мы ели в первый вечер в Пай-холл, и я могу сказать, что хуже с тех пор не стало. В таких условиях мы все скоро станем ужасно толстыми. Мэгги так расстраивается, когда кто-то недоедает! В ней так много материнских чувств, очень жаль, что у нее нет своих детей. Но Аннабель и Джонно вполне ее признали.

Так вот, вчера вечером у нас был суп-карри, а затем жареная утка с чудесным соусом. Я немножко расспросила Мэгги, из чего он приготовлен, поэтому могу рассказать тебе. Для него нужен лук-шалот, красное вино, апельсиновый сок, желе из смородины и еще что-то, что называется «полутлазурь». К утке подавали жареную картошку, морковь, лук-порей и цитрусовый салат. Потом были сливы, запеченные с розмарином, удивительно вкусные, а затем сыр. А на десерт — свежие и засахаренные фрукты и орехи. Мэгги и миссис Уэйл прекрасно справляются со своими обязанностями, но я всегда думаю о том, как тяжело им приходится, пока все остальные сидят сложа руки. Правда, когда Фредди предложила помочь убрать тарелки, сэра Освальда чуть не хватил удар. Поэтому мы предпочитаем не лезть. Позавчера на ланч мы ели яйца в сметанном соусе....»

Там было еще много про еду, ибо это единственная, за исключением благополучия нашей семьи, вещь, которая интересовала Марию-Альбу.

Чтобы никто не мешал мне писать письма, я удалялась в комнату, которую считала своим рабочим кабинетом. По крайней мере, не было похоже, чтобы кто-либо еще ею пользовался. Узкий лестничный пролет вел из гостиной наверх, в так называемую маленькую приемную. Она вряд ли была больше десяти квадратных футов, отделана зелеными панелями, с арочным окном, выходящим на водопад. Из мебели там был письменный стол, кресло, настольная лампа и книжный шкаф. А еще прелестный каминчик с дельфтскими изразцами, расписанными сценами из путешествия Ноя; но самое главное — там был электрический обогреватель. Мэгги рассказывала, что посетители всегда спрашивают, не было ли это жилищем отшельника, а она, не прибегая к прямому обману, позволяет им так думать, хотя на самом деле комната слишком большая, и ее легко обнаружить. Возможно, это была комната дворецкого или кабинет, где госпожа занималась приведением в порядок счетов.

В одной из стен комнаты есть деревянная дверца, позволявшая наблюдать за тем, что происходит внизу, в гостиной. Мне показал ее Руперт. Наверное, многие поколения хозяек дома незамеченными наблюдали отсюда за своими домочадцами.

В гостиной сэр Освальд читал Фредди, Вере и Джорджии лекцию о шкафчике семнадцатого века. Фредди согласно кивала, у Джорджии был чрезвычайно скучающий вид. Вере уставился на картину за спиной сэра Освальда и даже подошел поближе, чтобы лучше разглядеть ее, к великому неудовольствию рассказчика, заметившего потерю части аудитории. Мисс Типпл сидела в одиночестве, как обычно. Ее глухота, в совокупности с привычкой думать вслух, делали ее трудновыносимой. Я взяла стул и села рядом с ней настолько близко, чтобы при необходимости кричать ей прямо в ухо.

Мой поступок был не столь альтруистичен, как могло показаться. Я хотела по возможности избегать Макса. То, что произошло, было одновременно приятно и болезненно. Я всегда ругала себя за нерешительность. Тот самый внутренний голос, что предостерегает нас от проявления тщеславия и по-

такания собственным слабостям, — возможно, просто здравый смысл, — не давал мне целиком отдаться чувствам.

Степень глухоты мисс Типпл менялась в зависимости от ее настроения. На этот раз, несмотря на усиливающийся шум разговора, она слышала все мои слова и рассказала, что отбывала заключение как суфражистка накануне Первой мировой войны. Этот интереснейший рассказ был прерван сэром Освальдом:

— Ну что, мисс Типпл, тепло ли вам здесь, у огня? Вы заняли мое любимое кресло! — На самом деле это кресло было любимым для всех, как наиболее близкое к единственному источнику тепла. — Оно очень удобно, не правда ли? Его сделали при королеве Анне, а в те времена знали толк в таких вещах. Все дело в том, что у него очень глубокое сиденье. Кресло старины Гэлли, — он указал на старое черное дубовое кресло, стоявшее с другой стороны камина, — не столь учитывает человеческое телосложение.

Это самое кресло у многих вызывало раздражение. Его близость к огню позволяла некоторым гостям не обращать внимания на неудобную конструкцию, однако как только кто-либо пытался убрать с сиденья лежащие там будто бы без присмотра трубку, табачную жестянку и коробочку с нюхательным табаком, сэр Освальд или Мэгги сильно возмущались, словно несчастный попытался плюнуть в чашу Святого Грааля. Кресло принадлежало первому из семьи Пай — Галахад у и должно было сохраняться в неприкосновенности.

— Нет, нет, не вставайте! — сэр Освальд не дал мисс Типпл подняться с кресла. — Я сяду вот здесь, на диване, а мисс Банг, возможно, будет так любезна, что расскажет мне, приглянулся ли ей Дербишир, к которому, признаться, я питаю необъяснимое пристрастие.

Я последовала за ним к дивану, лихорадочно соображая, как превознести его родные места. Но я могла бы не волноваться так сильно. Для сэра Освальда усестись на диван было нелегкой задачей. Когда наконец после многочисленных вздохов, пыhtения и натужного скрипа суставов (а также скрипа просевшего под его тяжестью дивана) он уселся, мне пришлось втискиваться между подлокотником и его массивным сидалищем.

— Вы не представляете, мисс Банг, — начал он, — как я счастлив, когда меня окружает молодежь! Этот милый старый дом, такой простой и скромный, нуждается в жизненной силе юности, чтобы не превратиться в древние развалины. — Я промышала что-то утвердительное. — А, Аннабель, вот и ты! Иди сюда, поцелуй папочку! — Аннабель с ничего не выражающим лицом подошла и чмокнула сэра Освальда в щеку. — Милая девочка! — Он отослал ее жестом. — Ну а теперь, моя дорогая, — его рука легла на мое колено, — ты не будешь возмущаться, если такое древнее существо, как я, поинтересуется, сколько же тебе лет?

— Нет, конечно, — вежливо ответила я. — Мне двадцать два.

— В самом деле? Такая взрослая? Никогда бы не подумал! — Он выглядел разочарованным. — Ты замужем? — Я отрицательно покачала головой.

Его дыхание участилось, а рука продвинулась дальше.

Меня охватил ступор. Должно быть, была тысяча предложений встать и уйти, но я не могла придумать ни одного. Тут за моей спиной раздался голос Руперта:

— Освальд, мне нужно с тобой переговорить. Хэрриет, ты не уступишь мне свое место?

Я вскочила с дивана. Сэр Освальд взглянул на Руперта с упреком:

— Я сердит на тебя, Руперт, за то, что ты прервал наш разговор на самом интересном месте. — Он схватил мою руку и крепко сжал ее: — Мы продолжим после обеда, моя дорогая мисс Бэнг.

В этот момент появилась Корделия. Мое черное платье вполне подошло ей, хотя и оказалось длиной по щиколотку. Ее волосы рассыпались по плечам мягкими, сияющими локонами. Она воспользовалась моей косметикой и выглядела весьма соблазнительно, и к тому же и лет на пять старше. Сэр Освальд выпустил мою руку.

— Кто эта девушка? — Щеки его затряслись. — Откуда она взялась?

— О небо, что за прелестное создание! — произнес полковник. — Вот о таких мечтают в окопах.

Миссис Мордейкер выглядела несчастной.

— Это Корделия Бинг. — Руперт забрал стакан сэра Освальда, прежде чем тот опрокинул его на себя. — Сестра Хэриет. Она была больна и оставалась в постели с тех пор, как мы приехали.

Сэр Освальд беспомощно перебирал ногами по полу и наконец смог выдохнуть:

— Позови ее сюда. Я должен ее поприветствовать.

— Мэгги зовет за стол. — Руперт подал ему руку. — Давай-ка я помогу тебе подняться. Поздороваемся позже.

По пути в столовую я услышала, как Аннабель говорит Корделии:

— Мэгги сказала, что я должна выразить сожаление по поводу твоей болезни. Тебе действительно всего двенадцать? — Аннабель глядела на нее с благоговением. — В прошлом семестре первой красавицей нашей школы выбрали Эмили Катлер Биггс, но, мне кажется, ты гораздо красивее.

— Правда? — пробормотала Корделия, прекрасно изобразив смущение. — А ты какое место заняла?

— Никакое. Меня никогда никуда не выбирают.

Корделия широко распахнула свои голубые глаза:

— Это самая печальная вещь, которую я когда-либо слышала!

Я с удовольствием обнаружила, что слева от меня сидит Вере.

— Ты больше не видел этих птиц? — спросила я у Вере, когда мы принялись за суп. Надо не забыть рассказать Марии-Альбе о чудесных булочках с протертым яйцом, которые подали к нему.

— Ты имеешь в виду горных дроф? Да, видел трех. Но я видел кое-что более удивительное. — Вере отложил ложку и повернулся ко мне, так что я догадалась, что он хочет рассказать нечто важное. — Синелопого сокола!

— Не может быть!

— Я уверен. Я не мог ошибиться.

— Вот это да!

— В полете его ни с кем не перепутаешь. Я думаю, это была молодая птица, перья на спинке еще не потемнели.

— Черт побери! Неужели правда?!

Похоже, я переборщила с выражением восторга. Вере начал смеяться.

— Ты же понятия не имеешь, о чем я говорю!

— Да, боюсь, что я ничего не смыслю в птицах. Прости, пожалуйста.

— Я сам виноват! Никто не обязан интересоваться тем же, что и я.

— На самом деле мне очень интересно. Я бы хотела узнать о них больше. Может, ты займешься моим образованием?

— Ну, если ты действительно...

Полковник Мордейкер прервал монолог Джорджии, которая рассказывала об отпуске, проведенном на Ямайке, и перешел к нам через стол.

— Вы сказали — синелопый сокол? Никогда этому не поверю. Это наверняка был перепелятник.

— Нет, — твердо возразил Вере, — не был...

— Эта птица никогда не встречается зимой так далеко на юге.

— Дорогой полковник, — вступился Арчи, — ледники тают, реки пересыхают, горы поднимаются со дна морского... Почему же нельзя предположить, что этот сокол решил сменить место обитания! Все течет, все изменяется!

Я поймала взгляд Фредди. Она изобразила, будто ест суп, и показала на Вере. Я посмотрела и увидела, что его тарелка осталась нетронутой, хотя все остальные уже закончили есть. Я впервые рискнула взглянуть в сторону Макса и обнаружила, что он весело смотрит на меня. Когда наши взгляды встретились, он весело рассмеялся.

Глава 24

После обеда, когда женщины собрались в гостиной на чашечку кофе, ко мне подошла Фредди:

— Пойдем лучше посмотрим на портрет сэра Освальда.

На верхней площадке лестницы Фредди остановилась и показала на два портрета в полный рост, висевшие на стене:

— Посмотри, какие интересные работы.

— Я всегда смотрю на них, проходя здесь. Такой привлекательный мужчина, а девушка просто очаровательна.

— Трудно поверить, но это сэр Освальд.

Я уставилась на златовласого красавца с охотничьей собакой у ног, изображенного на фоне пейзажа с водопадом.

Фредди прочла дату на раме:

— Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год. Всего лишь двадцать лет назад. Если нужен повод отказаться от второго куска сладкого пирога, то он перед вами.

На втором портрете была изображена девушка в белом платье. Ее темные волосы, зачесанные назад, украшал венок из белых цветов. Выражение огромных глаз было совсем детским. Она выглядела моложе Корделии.

— А на что похож твой портрет сэра Освальда?

Фредди скорчила гримасу:

— Я убавила ему килограммов двадцать по крайней мере. Модель никогда не хочет, чтобы ее изображали правдиво.

— Тебе не нравится рисовать портреты?

— Сложно сказать. Мне нравится изучать лица. Обязательно подмечаешь какие-то скрытые особенности. Однако писать неправдиво ужасно противно. Сэр Освальд похож на бочку, но хочет, чтобы его считали мужчиной с хорошей фигурой. Проблема в том, что на других картинах много не зарабатываешь. Я хочу сделать выставку пейзажей, но это требует времени. Хотя сейчас у меня нет необходимости зарабатывать на жизнь, мне приятно, что я могу делать кое-какие накопления. К тому же я не хочу, чтобы Вере было со мной скучно. Поэтому должна быть требовательна к себе.

Я была удивлена. Хотя я плохо знала Вере, он не производил впечатления человека, которому сложно угодить.

— Неужели с ним так сложно?

— На самом деле — нет. Он добрейшей души человек и никогда не покажет специально, что ему скучно. Однако он совершенно не умеет притворяться. Я сразу все вижу. Это одна из черт, которую я больше всего в нем люблю.

Фредди открыла дверь в комнату горничной, которая служила ей студией. Она была заставлена посудными шкафами, под окном помещалась большая раковина. На полке выстро-

илась дюжина бутылей для горячей воды, а под ними у стены — ряд помойных ведер. Обстановку завершали маленький стол со швейной машинкой, кресло и мольберт.

— Мило, не правда ли? В этом буфете есть парочка сосудов, содержимое которых не позволяет мне окончательно замерзнуть. Рисование — не та работа, которая согревает.

— Мэгги на самом деле прекрасная хозяйка.

— Да уж, с ее организаторскими способностями она вполне могла бы управлять «Бритиш Стил» или «Маркс и Спенсер». Хотя вряд ли что-либо может доставить ей такое же удовольствие, как управление этим домом. Правда, иногда я ужасаюсь, глядя, как она крутится словно белка в колесе. Ну, и как тебе?

Я с некоторой осторожностью приблизилась к мольберту. В нашей семье все были очень чувствительны к критике своих талантов, поэтому я прекрасно знала, как одним неудачным словом можно повергнуть творческого человека в отчаяние. Но как только я увидела портрет, заготовленные фразы улетучились из головы. Холст был заполнен яркими мазками в стиле фовистов (я немного в этом разбиралась, потому что это было одним из последних увлечений моей матери в области дизайна).

Несмотря на щеки в лилово-голубую клетку, это был, несомненно, сэр Освальд. Прекрасно было схвачено его обычное покровительственное выражение лица. В добродушных глазах читалось что-то еще — возможно, желание. И определенно — жадность. Чувственный рот выражал недовольство, а может, и скрытую боль. Я долго смотрела на портрет и вдруг почувствовала, что мое мнение о сэре Освальде меняется. Он перестал быть карикатурой и приобрел черты цельного характера.

— Несчастный человек, — наконец произнесла я. — Такой печальный! Он очень хорош, Фредди! Ты так талантлива! Просто чудо!

— Я рада, что тебе понравилось. — Она глядела на картину, наклонив голову и прищулив глаза. — А, черт! Теперь я вижу! Подбородок не совсем... — Она схватила кисть, но тут же опустила ее. — Трудно удержаться, чтобы не поправлять его каждый раз, но на самом деле сейчас я хочу поговорить с тобой, Хэрриет. — Она оперлась о подоконник. Небо за окном в контрасте с ее огненными волосами было непроглядно чер-

ным. Она улыбнулась. — Макс оказался очень приятным соседом за столом. — Я почувствовала, что краснею. — Если ты не хочешь говорить об этом, тогда не будем.

— Почему? О чем ты?

Фредди потрясла головой и улыбнулась еще шире. Я поняла, что не стоит притворяться:

— Откуда ты знаешь?

— Ну, хотя бы потому, что он не спускал с тебя глаз во время обеда.

Оказалось вдруг, что мне очень приятно это слышать, хотя умом я понимала — все это полная ерунда.

— Ну, это еще ничего не значит. Я имею в виду, что на самом деле мы не... Фредди, могу я тебя кое о чем спросить?

— Давай! — Она еще раз взглянула на картину, но тут же вновь перевела взгляд на меня.

— Как ты думаешь, то, что Макс женат, имеет ли это значение для... Я имею в виду... — Я сбилась. — Макс говорил, что Каролина — его жена — пыталась покончить с собой. Не из-за меня. Между нами на самом деле не было ничего такого, что могло бы так огорчить ее, даже если бы она узнала. — Я остановилась, неожиданно вспомнив поцелуй в прихожей. — Ну, почти ничего. Я знаю, моя родня сочла бы, что ее попытка самоубийства — их семейная проблема, а я здесь абсолютно ни при чем. Но, по-моему, это все же должно на что-то влиять. Если не на наши чувства, то хотя бы на поведение. Я очень наивна, да?

— Хэрриет, ты такой же романтик, как и я. Но, по правде говоря, если бы я узнала, что Вере мне изменяет, то чувствовала бы себя ужасно, хоть это и по-мещански. Мое счастье было бы полностью уничтожено. Я не смогла бы утешать себя тем, что он спит с другой женщиной для того, чтобы соответствовать положению, занимаемому в обществе. Но если бы он захотел вернуться ко мне, думаю, постаралась бы его простить, потому что не мыслю своей жизни без него.

— Такого никогда не случится!

— Ни в чем нельзя быть уверенным. Конечно, я меньше всего склонна подозревать мужа в неверности, но, если бы это оказалось так, пришлось бы признать, что я ошибалась в нем,

и учиться жить без него. Сомневаюсь, что решилась бы свести счеты с жизнью. Думаю, это результат серьезного душевного расстройства. Жена Макса на самом деле бедное, больное существо, и ей очень нужна помощь. На твоём месте я бы не стала добавлять ей неприятностей, но и не считала бы себя в ответе за её поступки. Лучше подумать о Максе.

— О Максе? — тупо переспросила я.

— Одна из причин моей любви к Вере — если у любви вообще есть причины — его честность. Он никогда не унизит меня и не унижится сам. А я все-таки склонна считать, что измена — это в первую очередь попытка кого-то унижить.

— Похоть рождается в мозгу, разве нет? Я не верю, что её нельзя контролировать. Даже насильниками, как предполагается, движет не желание, а в первую очередь ненависть и агрессия. Я думаю, измена удовлетворяет наше тщеславие — ведь так приятно сознавать себя желанным.

— В моей семье считают, что жизнь без романтических приключений — сплошная скука.

— Хэрриет, да какая тебе разница, что они думают? У тебя своя голова на плечах!

Я знала, что она права. Я всегда хотела быть самостоятельной. Фредди медленно, словно нехотя, отвернулась от холста.

— К тому же измена требует времени и сил, — продолжала Фредди. — Фактически приходится проживать две жизни. И все время придумывать новую ложь. Горячая страсть питается сознанием запретности отношений. И сама по себе становится главным интересом жизни. Знает ли он? Догадывается ли она? А вдруг нас кто-нибудь видел? В конце концов ты запутываешься во лжи и обманываешь сам себя.

«Издержки духа и стыда растрата», — подумала я, но промолчала. Одно из непреложных правил моей жизни — никогда не цитировать Шекспира вслух.

— Не принуждай себя к тому, чего сама не хочешь, Хэрриет. — Рука Фредди легла на мое плечо, она внимательно посмотрела на меня. — Макс весьма привлекателен, к тому же он старше тебя. Не поддавайся искушению встать на его точку зрения. Я знаю, как соблазнительно пожертвовать самосто-

тельностью и взвалить ответственность на другого. Но ты от нее не уйдешь, даже если поводья будут в его руках.

— Как удивительно, что ты говоришь мне об этом! — Я была поражена проницательностью Фредди. — Как я понимаю, отчасти поэтому меня и тянет к нему.

— В свое время мне пришлось много страдать из-за того, что я перепутала принуждение с необходимостью.

Мне очень хотелось продолжить разговор, но я знала, что отрывать ее и дальше от работы — преступно.

— Вернусь лучше в гостиную и посмотрю, как там Корделия. Спасибо тебе, Фредди! Мне был необходим этот разговор.

В гостиной мужчины наконец присоединились к женщинам. Арчи показывал детям карточные фокусы. Корделия делала вид, что не замечает сэра Освальда, тискающего ее руку. Эмилио бросал косые взгляды на миссис Мордейкер. Из-за дивана торчала нога Джонно.

Макс — ну, конечно, он интересовал меня в первую очередь! — склонился над пианино вместе с Джорджией, просматривая какие-то ноты. Вернее сказать, в ноты смотрел только Макс, а Джорджия, в распахнувшейся шали, смотрела на него. Когда я вошла, он обернулся и так улыбнулся мне, что мои намерения не иметь с ним больше дела враз рухнули. Джорджия кинула на меня взгляд и развернула Макса к себе.

— Фредди — в студии, колдует над подбородком сэра Освальда, — сказала я стоявшему в оконной нише Вере. Он стоял со стаканом виски и выглядел совсем потеряннным.

— А я-то удивлялся, куда она пропала! Ну, по крайней мере, теперь я знаю, что с ней все в порядке.

— Картина получилась чудесная.

— Я так горд за нее. Может, ты не согласишься, но на самом деле я прекрасно понимаю, что ее талант ни в коей мере не отбрасывает свет на меня.

— Ты не прав. Она — подтверждение твоего прекрасного вкуса.

Вере засмеялся:

— Это большой комплимент для меня!

— У нас с ней был очень интересный разговор. Но мне хо-

телось бы еще о многом спросить. Например, где вы сейчас живете? Наверное, не в Лондоне, иначе бы я знала.

— В моем поместье в Дорсете. Далековато от цивилизации, но, кажется, Фредди там нравится.

— На что похож ваш дом?

Я слушала Вере и отчаянно пыталась не глядеть на Макса и Джорджию.

— Звучит чудесно, — сказала я, когда он завершил рассказ. Было странно, почему вдруг они решили провести Рождество в Дербишире. Однако я не стала об этом спрашивать, потому что сдержанность Вере создавала у меня впечатление, что не следует совать нос не в свое дело. Но сейчас он был не прочь поговорить со мной:

— Я не был там двенадцать лет, но каждый день вспоминал дом и окрестности. Я начал сомневаться, не приукрашиваю ли я действительность в своих воспоминаниях. И когда наконец вернулся, все оказалось даже лучше... еще прекраснее... чем я представлял. По правде говоря, я не люблю покидать поместье, но мой брат пригласил большое количество народа, что не очень радовало нас с Фредди, поэтому мы и решили принять приглашение сэра Освальда и разом убить двух зайцев. Учитывая, что это, скорее всего, последнее Рождество, которое мы проведем вне дома.

— Да? — Я хотела спросить, почему же, но затаенная радость, сверкнувшая в его глазах, подсказала мне объяснение.

— У вас будет...

— Тсс! Не говори никому. Фредди считает, что еще слишком рано сообщать об этом. Она не хочет лишней суеты вокруг себя.

— Обещаю: ни одна живая душа не узнает. Но это так здорово!

— Я сам позволил тебе догадаться. Так хотелось с кем-нибудь поделиться! — Вере улыбнулся.

— Да, я тебя понимаю.

— Кто-нибудь умеет играть на пианино? — воззвала Джорджия. — Если скатать ковер, здесь можно танцевать! Сэр Освальд, вы не против?

Сэр Освальд махнул рукой, которая не была занята Корделией.

— Я могу сыграть, если хотите. — Арчи отложил карты и подошел к инструменту. Он пробежал пальцами по клавишам и взял несколько аккордов. — Что вам сыграть?

Джорджия поставила перед ним ноты:

— Для начала что-нибудь поживее.

Арчи с готовностью начал играть «Кукарачу». Джорджия крутила бедрами и шелкала пальцами перед Максом, который смотрел на нее, как мне показалось, слегка насмешливо. Хотя, возможно, я выдавала желаемое за действительное. Корделия вскочила, стряхнув руку сэра Освальда, и тоже пустилась в пляс. Мы с интересом наблюдали, как они крутились, дергались, прыгали и взмахивали руками.

Макс двигался весьма элегантно, с достаточной долей самоиронии и потому не выглядел смешным. Эмилио присоединился к остальным на импровизированной танцплощадке и извивался перед Корделией. В танце он случайно наступил на хвост Дирку, спящему у камина. Дирк вскочил и, обнаружив рядом с Эмилио Корделию, которую считал своей собственностью, вцепился ему в лодыжку.

— Ты знаешь, — обратилась ко мне миссис Мордейкер, когда лодыжка Эмилио была обследована на предмет повреждений, которые сочли неопасными для жизни, — этот молодой человек такой странный. Сначала он заявил, что я мешаю ему спать. Не представляю, что он имел в виду. Потом он высказался по поводу моих calves. У него ужасный акцент, но, кажется, он назвал их двумя колоннами удовольствий. — Мы одновременно взглянули на ее полные ноги в рыжеватых чулках. — Что он под этим подразумевал?

— Хэрриет! — Джонно наконец сумел подняться и дергал меня за рукав. — Зачем убрали ковер? — Он покачнулся, но был подхвачен Вере.

— Хэрриет будет танцевать со мной, — произнес неожиданно материализовавшийся рядом с нами Макс. Арчи заиграл что-то более благозвучное, подпевая приятным баритоном.

— Нет уж! — возмутился Джонно. — Я первый! И ватше, шо все эти девки находят в этих... актеришках?!

— Молодой человек! — Миссис Мордейкер отшатнулась, то ли от запаха перегара, то ли от ругательств Джонно. — Если вы не придержите язык, я пожалуюсь вашему отцу!

Джонно разразился пьяным смехом, быстро перешедшим в слезы.

— Как я несчастен, Хэрриет! Чертовски несчастен! Никто меня не лю-у-бит!

Вере взял его за руку:

— Ты набрался, дружище, вот и все. Давай я отведу тебя наверх и дам тебе аспирина.

— Проклятье, какой ты хороший парень! — Джонно высморкался в лацкан Вере. — Ты единственный понимаешь, шо со мной происходит! Хэрриет думает только о том, как бы перестать... пере...спать с этим актеришкой!

Вере потащил его прочь.

Макс взял меня за руку:

— Вечно он все испортит. Давно следовало отправить его куда-нибудь отсюда, чтоб он просох хорошенько.

В дверях гостиной появился Руперт, внимательно огляделся. Он посмотрел сначала на Арчи, распевającego за инструментом, потом на Корделию, танцующую в обнимку с Эмилио. На сэра Освальда, который, бессмысленно улыбаясь, наблюдал за ней. На спящую, откинувшись в кресле, мисс Типпл и Аннабель, связывающую вместе шнурки на ее ботинках. На Джорджию, которая курила, опершись о пианино и бросая на меня свирепые взгляды. И, наконец, на Макса, который так и не отпустил моей руки.

Вдруг появилась Мэгги, бледная как смерть. Она вцепилась Руперту в рукав.

— Что случилось? — Руперт обнял ее за плечи. — Ты так дрожишь! В чем дело?

Мэгги подняла голову, уголки ее рта опустились, как у обиженного ребенка.

— Рука старого Гэлли... Она пропала!

Глава 25

Суматоха, поднявшаяся после этого сообщения, означала, что вряд ли кому-нибудь удастся лечь в постель, по крайней мере до полуночи. В первую очередь надо было успокоить Мэгги.

— Кто-нибудь, дайте ей бренди, — распорядился Руперт, так как она продолжала цепляться за его руку.

— Хотелось бы узнать, из-за чего такая суета? — громким голосом произнесла миссис Мордейкер. — Мэгги, что за ерунда? Что пропало? И почему это так тебя огорчило?

Мэгги издала булькающий звук и затрясла головой, прижав ко рту передник. Было ужасно видеть ее в таком состоянии.

— Ключ всегда висит у меня на поясе. Посмотри. — Она достала связку ключей. — Вот он, видишь? Я еще не выжила из ума, — полагаю, что это так, — но замок был открыт, а витрина пуста. Одному Богу известно, как это могло случиться. Мне не хочется пугать вас, но я должна предупредить... — Ее голос дрогнул, но она справилась с собой и закончила: — С кем-то может случиться несчастье...

— Мэгги, приди в себя, — сказал Руперт. — Какой вред может принести ржавый кусок железа? Он так долго был заперт, что на нем даже микробов не осталось!

Миссис Мордейкер нахмурилась. Меня разбирал нервный смех.

— С тем, на кого она укажет, — прошептала Мэгги, — происходят ужасные вещи. Развод, бесчестье, банкротство, болезнь и в конце концов самое худшее!

Все выглядели озабоченными. Все, кроме Эмилио, который, возможно, просто не понял, о чем речь. Он пытался заглянуть за вырез платья Корделии.

— Аннабель, что тебе об этом известно? — строго поглядев на нее, спросил Руперт. — Ты хотела нас напугать?

— Клянусь, я ее не трогала! — Аннабель казалась действительно испуганной. — Может, лучше пойти ее поискать?

— Пойдемте! — поддержала Корделия, не желая казаться трусливее других.

— Ради всего святого, не отпускай их никуда одних! — Го-

лос Мэгги срывался, и она с мольбой глядела на Руперта. — Где Фредди? А Джонно? О, если что-то случилось!.. — И она снова уткнулась в фартук.

— Я пойду посмотрю, где они, — решил Руперт. — Не потому, что верю, будто существует какая-то опасность, а только для того, чтобы убедить остальных, что не стоит вытаскивать их из постелей.

Мэгги вцепилась в него:

— Ни в коем случае не ходи один!

Руперт посмотрел на ее измученное, испуганное лицо, и в его голосе появились нежные нотки:

— Хорошо, если тебя это успокоит. Кто хочет пойти со мной?

— Я пойду, — ответил Макс.

— Я пойду с вами, — сказала я.

— Я думаю, тебе лучше остаться здесь, — ответил Макс. — Конечно, Руперт прав. Это глупая шутка. Однако кто его знает!

— Вы забываете, что я — автор еженедельных публикаций о приведениях. Что подумают мои читатели, если станет известно, что автор «Призрачной зоны» отсиделился в гостиной, вместо того чтобы, рискуя жизнью и рассудком, преследовать мстительную конечность!

— Тогда пошли, — одобрительно взглянул на меня Руперт.

Витрина действительно была открыта, а витая цепь и открытый замок лежали рядом.

Руперт изучил замок.

— Не похоже, что его открывали с применением силы. Никаких царапин. У кого-то был ключ.

— Кто угодно мог взять его, — сказал Макс. — Наверняка Мэгги не берет ключи с собой в постель или, скажем, в ванную. Наиболее подходящим подозреваемым я бы назвал этого козла Джонно. Типичное подростковое стремление привлечь внимание.

Вере, которого мы обнаружили стягивающим ботинки с уже уложенного в кровать Джонно, отмел такую версию. Он, Вере, понятное дело, был слишком занят неподвижным телом Джонно, чтобы обращать внимание на руку, поэтому не знал, была ли она на месте, когда он тащил его в спальню.

— Он спал за диваном, когда я спустилась в гостиную, — заметила я, — и не покидал ее, пока Вере его не утащил. Следовательно, это не мог быть Джонно.

Фредди все еще была в студии. Она была увлечена работой и не слышала ничего подозрительного.

— Должна признаться, я не заметила бы, даже если бы разнесли весь дом. — Она отложила палитру и начала мыть кисти. — Если это не дети, тогда кто? Это было бы действительно смешно, если бы Мэгги так не расстраивалась.

— Итак, мы знаем, кто не мог это сделать, — я начала считать по пальцам, — Арчи, Джорджия, Эмилио, миссис Мордейкер и мисс Типпл все время находились в гостиной. Вас с Вере тоже исключаем.

— Миссис Уэйл, — напомнил Руперт.

— Невозможно!

— Почему?

— Она слишком набожна. У нее бы не хватило духу на такое. Она крестится каждый раз, когда Джонно поминает Господа.

— Тогда остается только полковник, — заключил Макс. — Правда, он не производит впечатления человека, способного так пошутить. Я вообще сомневаюсь, что на свете есть вещи, которые кажутся ему забавными.

— Еще есть я, — сказал Руперт. — У меня нет алиби. После обеда я гулял в одиночестве.

— Предположим, это был кто-то чужой, — предположил Макс. — Двери заперты?

— Я выходил через парадное крыльцо, — ответил Руперт, — а вошел через одно из боковых. Снег только прекратился к тому моменту. Если кто-то вошел, пока я был в саду, должны остаться следы.

Мы пошли проверить. Во дворе была видна лишь одна цепочка следов, описывающая круг с четвертью вокруг дома — от парадной двери до боковой, как и говорил Руперт.

— Прекрасно, — обрадовался он. — Значит, злоумышленник в доме.

Миссис Уэйл была на кухне — мыла посуду. Когда Руперт спросил, известно ли ей что-нибудь о пропавшей руке, в ее

глазах явственно отразилась тревога. Перекрестившись рукой в красной резиновой перчатке, она проговорила:

— Темные дела не скроешь! Как написано в Библии, «горе тем, которые влекут на себя беззаконие вервями суетности, и грех — как бы ремнями колесничными».

— Воистину — горе, — согласился Макс.

— Из этого следует, что вам нечего нам сказать? — спросил Руперт.

— Лентяй — легкая добыча для сатаны! — провозгласила она и повернулась к нам спиной.

— Я почувствовала себя виноватой, как всегда бывало со мной в ее присутствии.

— Вот видите, она не могла совершить такое, — сказала я, когда мы вернулись в холл. — Она — воплощенное благочестие и нравственность.

— Надо найти полковника Мордейкера, — сказал Руперт.

— Пустая трата времени, — ответила я. — У него напрочь отсутствует воображение. Я знаю, что он ее не брал. И начинаю думать, что назревает сенсационное открытие! Вы не чувствуете ничего в воздухе? Я чувствую! Сверхъестественное рядом!

Полковника мы обнаружили в библиотеке, спящим в кресле. На столике рядом с ним лежали несколько открытых книг. Периодически он всхрапывал и причмокивал губами.

Руперт взглянул на страницы с изображениями птиц.

— Он всерьез заинтересовался синелалым соколом.

— Интересно, как давно он тут сидит? — осведомился Макс.

— Посмотри сюда, — Руперт указал на пепельницу, в которой лежала уже потухшая сигара, — на ее конце образовался столбик пепла в дюйм длиной. — Если сигару не курить, она тлеет медленно. Он спит уже по меньшей мере полчаса. И огонь в камине успел погаснуть.

— Мог ли он что-нибудь сделать? — спросил Макс, когда мы снова вернулись в холл.

— Не думаю, чтобы у него хватило бы на это соображения, — ответил Руперт.

— Конечно, он этого не делал, — согласилась я. — Пол-

ковник — самый недалекий мужчина из всех, кого я встречала в своей жизни. И это, господа, о чем-то говорит.

— Меня беспокоит, — озабочился Макс, — злой умысел, стоящий за этим. Тот, кто украл руку, явно хотел расстроить Мэгги. К тому же этого вполне достаточно, чтобы обеспечить ночные кошмары тем дамам, кто поглупее.

Мне понравился этот намек.

— Ты забыл о мужчинах, которые тоже впали в панику, — заметила я.

— Лучше продолжим поиски утром, — решил Руперт. — Можно будет обыскать спальни, пока все будут завтракать. Хотя в таком большом доме... — Он с сомнением покачал головой.

Я решила, что обыщу нашу с Корделией комнату сейчас же, иначе просто не смогу спокойно спать.

— Не забудь заглянуть под кровать, — посоветовал Макс, который явно умел читать мысли.

Те, кто оставался в гостиной, за исключением Мэгги, уже вполне пришли в себя и в наше отсутствие занимались поисками ботинок мисс Типпл, необъяснимым образом исчезнувших. Миссис Мордейкер обвинила в краже Аннабель и высказала ей все, что она думает о непослушных, избалованных девочках. Бедняжка вспыхнула и убежала из комнаты. В конце концов ботинки были обнаружены под столом, уже изрядно пожеванные Дирком. Миссис Мордейкер несколько раз повторила, что собака есть собака, и с ней трудно было не согласиться. Хотя поведение Дирка заслуживало всяческого порицания, следовало поблагодарить его за то, что он сумел отвлечь мысли присутствующих от грядущих бедствий и неминуемой гибели.

Руперт объявил, что все в полном порядке и беспокоиться не о чем. Мэгги было обещано устроить крупномасштабную облаву на руку утром, если ей будет от этого легче. Он еще раз повторил, что убежден, будто это детская шалость, не заслуживающая внимания.

— Мертвецы безвредны, — презрительно заявила мисс Типпл. — Остерегаться следует живых. И я хочу предостеречь

любого, кто захочет побеспокоить меня ночью, что на моем прикроватном столике будет лежать заряженный револьвер. Он принадлежал моему отцу, и я никогда не расстаюсь с ним!

В этот момент к нам присоединился полковник Мордейкер.

— Чушь! — прорычал он, когда ему объяснили, в чем дело. — Если какой-нибудь проклятый недоумок полагает, что способен справиться с Х.Р.Г. Мордейкером, он глубоко ошибается! Рода, где мой дробовик?

— В машине, Гервард, но стоит ли...

— Не спорь, женщина! Мужчины, слушайте меня! — Я прямо-таки увидела всех нас на бивуаке где-нибудь под Анцио. — Я буду дежурить первым, с двенадцати до двух, на верху лестницы, и каждые пять минут проверять те комнаты, которые не выходят на главную площадку. Кто сменит меня с двух до четырех?

На какое-то время воцарилась тишина.

— Очень хорошо. Придется справляться одному. Никогда не встречал такого сборища слабаков.

— О Гервард, мне не нравится все это, — запротестовала его жена. — Подумай о своем сердце. Тебе лучше пойти спать. Ты перевозбудился.

Полковник оскалился и вышел вон из гостиной. Через мгновение мы услышали, как хлопнула входная дверь. Мэгги выглядела озабоченной.

— Надо предупредить Джанет, чтобы она была осторожна, когда пойдет ставить утренний чай.

Когда мы с Корделией обыскали свою спальню, она спросила:

— Ты же не думаешь, что старина Гэлли на самом деле сам забрал свою руку?

— Конечно, нет! — убежденно ответила я и на всякий случай полезла в шкаф. — Кто-то придумал это, чтобы привлечь побольше гостей в дом.

— Но такое случается во всех семьях. При чем тут привидения?

— Аннабель говорит, что кроме старого Гэлли есть много других призраков. Например, Леди Рва. Она жила здесь дав-

ным-давно, а муж бросил ее в ров, потому что она заболела оспой, на лице остались жуткие следы, и он не хотел больше ее видеть.

— Какая подлость! Но, постой, здесь же нет никакого рва!

— Нет. Наверное, его засыпали. Во всяком случае, Аннабель говорит, что она ходит по дому ночью — ее лицо закрыто шляпой — и оставляет мокрые следы.

— Ты не должна верить всему...

Вдруг Корделия истошно завопила, не дав мне договорить:

— Я нашла ее! Под этим одеялом! Потрогай!

Сквозь несколько слоев ткани прощупывалось нечто твердое и шишковатое, с утолщением на одном конце. Мне в лицо выпорхнула моль, и я тоже заорала.

— Я не хочу умирать! — горячо проговорила Корделия. — Я буду стоять тут, тогда она не сможет на меня показать.

— Ерунда! — Хотя сердце мое учащенно билось, я, глубоко вздохнув, откинула одеяло и подняла над головой рождественский чулок Корделии, который приготовила для нее еще в Лондоне и привезла с собой. Я сама спрятала его здесь, когда разбирала вещи, и с тех пор благополучно о нем забыла.

— Я могу получить его сейчас? Осталось всего пятнадцать минут до наступления Рождества!

— Я совершенно забыла, что завтра Рождество.

— Можно?

— Нет. Ложись спать. — Я убрала чулок в шкаф.

— Какая ты злая! Офелия и Порция обязательно бы мне разрешили!

Через несколько минут я услышала, как часы бьют полночь. Мне стало стыдно, что я поссорилась с сестрой в такой момент.

— Счастливого Рождества, — пробормотала я. — Добрых снов.

Тишина.

— Хэт?

— М-м?

— Счастливого Рождества.

— М-м... Спасибо.

Глава 26

— Хэт! Как здорово! Какое чудесное ожерелье! О, не спи! Я хочу, чтобы ты посмотрела, как оно смотрится на мне. — Я открыла один глаз и одобрительно кивнула. — Как ты можешь спать? Уже семь утра! Мэгги разожгла камин. А как тебе вот эта шляпа?

— Потрясающе.

— Может, сдвинуть на затылок? Я хочу подарить свою старую голубую шляпу Аннабель. У бедной девочки наверняка нет ни одной приличной шляпы. Честное слово, я бы лучше вышла к обеду голой, чем в этой ужасной зеленой штучке, которая была на ней вчера. Может, ты дашь ей что-нибудь поносить? Хэт?

— М-м?

— Где ты взяла такие восхитительные колготки? Они невозможно сексуальные! Так можем мы что-нибудь отдать Аннабель? Хэт! Проснись!

Я попыталась собраться с мыслями и вспомнить, что было накануне. В первую очередь я порадовалась, что Корделия, несмотря на пренебрежение, решила взять Аннабель под свое покровительство. Я надеялась, что у той хватит ума не отказываться от этого. Потом вспомнила все остальное...

Я проснулась, как только пробило два, от боли в ноге — меня разбудил пинок Корделии. Она заворочалась, уткнулась носом в мою руку и продолжала крепко спать. Я посмотрела на часы и закрыла глаза, надеясь заснуть снова.

Ставни были открыты, и свет полной луны бил в глаза даже сквозь закрытые веки. В голове надоедливо крутились мысли. Неужели для моего отца в тюрьме чары Флер Киркпатрик кажутся достаточным утешением в этот день, который он всегда любил проводить в кругу семьи? Я подумала о Марии-Альбе, воюющей с монахинями. Представила, как бедный Марк-Антоний бродит по пустому дому, не понимая, почему его бросили. За стенами дома выл ветер, сгибая деревья так, словно хотел вырвать их с корнем.

Потом вспомнила, что чулок Корделии остался в шкафу. Хотя она уже давным-давно не верила в Деда Мороза, ритуал

следовало соблюсти. Я на цыпочках прокралась по ледяному полу мимо Дирка, спящего у давно погасшего камина, и открыла дверцу. Собственное лицо в обрамлении встрепанных волос заставило меня вздрогнуть. Зеркало внутри шкафа, как всегда, застало меня врасплох. Я взяла чулок и положила посреди кровати. Дрожа, залезла обратно в постель и попыталась расслабиться и заснуть.

Спустя полчаса я уже перебрала всю свою жизнь, начав с критического обзора фигуры, лица и характера. Потом с некоторым облегчением позволила себе погрузиться в постыдные мечты о Максе, не посчитавшись с бедной несчастной Каролиной. Я перевернула подушку и прижалась к холодной гладкой поверхности, говоря себе, что утром все должно стать на свои места. Как только мои мысли начали путаться, я почувствовала, что хочу в туалет. Я лежала еще минут десять, надеясь, что это ощущение уйдет, но, естественно, этого не произошло.

Вдоль длинной галереи горели тусклые светильники. Я увидела полковника Мордейкера, сидящего в кресле спиной ко мне. Двинулась в противоположном направлении, при каждом скрипе половицы ожидая, что незамедлительно отправлюсь в мир иной. В туалете меня ненадолго посетила мысль, что я примерзну к стульчаку и останусь тут до утра, пока не принесут электрообогреватель, чтобы меня спасти. Но через минуту я уже кралась обратно в спальню.

Мне оставалось пройти футов двадцать, когда я заметила чью-то фигуру впереди. На ней был длинный халат и нечто вроде старинного чепца, надвинутого низко на лоб. Вдруг что-то блеснуло на полу — мокрый след. Я тут вспомнила историю про бедную Леди Рва. И поэтому двинулась за ней, испытывая ужас при мысли, что она меня заметит.

Леди Рва — а я была почти убеждена, что это она, — устремилась вперед, словно желая побыстрее добраться до полковника. Я не решилась окликнуть его, боясь, что он начнет палить по двум мишеням сразу. Облегчение вдруг сменилось страхом, как только фигура миновала кресло, едва не задев руку полковника, а он даже не повернул головы.

Я со всех ног кинулась в спальню, захлопнула за собой

дверь и трясущимися пальцами повернула ключ. Забравшись в постель, я кляла себя последними словами за трусость.

Минут через двадцать, когда мне удалось наконец успокоиться, я была уже не так убеждена, что в самом деле видела пришельца с того света.

За завтраком царило праздничное настроение. Стол был украшен ветвями лиственницы с шишками, орехами, шарами и сухими цветами. В меню тоже присутствовали некоторые особые блюда. В честь такого дня сэръ Освальд вышел к завтраку и был необыкновенно сердечен со всеми, особенно с Корделией.

После завтрака, на котором присутствовали все, кроме Джонно и полковника, стали собираться группы для посещения церкви. Корделия и Аннабель тут же куда-то исчезли, и я заметила, что большинство мужчин и Джорджия также решили последовать их примеру.

Миссис Мордейкер, Мэгги и Фредди поместились с сэром Освальдом в «роллс-ройс», который Дингл подал к парадной двери. Я заверила Мэгги, что пройду пешком с миссис Уэйл и Дирком.

Утро было прекрасным. Снег сверкал на солнце. Покрытые снежными шапками тисы отбрасывали причудливые тени. С карниза старого каретного сарая свисали длинные сосульки.

Миссис Уэйл шла рядом со мной, сложив руки в перчатках на животе и подняв воротник. Между ее бровей и вдоль щек пролегли складки, глаза были устремлены на дорогу. Было очевидно, что зимние пейзажи не производят на нее никакого впечатления.

— В Лондоне никогда не бывает такого снега, — сказала я, когда шум водопада остался позади. Мне очень хотелось найти подход к этой женщине, которая игнорировала все мои попытки быть с ней дружелюбной. — Даже в парке он быстро покрывается следами.

— Очень неприятно, когда его тащат в дом на ботинках.

— Да, согласна, но он такой красивый! Снег на Рождество — я запомню это навсегда.

— Я часто думаю, что Господь создал мир таким прекрасным, чтобы ввести нас в искушение.

— Правда? А почему? По-моему, мы должны получать удовольствие от мира.

— Удовольствие — это пренебрежение нашими обязанностями перед Ним.

— Но так славно видеть это чудесное небо! — Я полной грудью вдыхала удивительный морозный воздух. Мне хотелось прыгать или петь, чтобы выразить свой восторг. — Посмотрите, как безупречен снег. Он заставляет все выглядеть таким — знаю, что это банальность, но все равно — чистым, невинным.

— Вам нужно быть осторожнее, мисс. Каждый год он вызывает у людей снежную слепоту. Даже местные жители, случается, плутают среди холмов, потому что кругом все белое.

Мое стремление быть доброй и внимательной к миссис Уэйл угасло, хотя я понимала, что трудно быть веселой, когда приходится трудиться дни напролет, в то время как другие предаются безделью.

— Вы всегда жили в Хай Пик?

— Я родилась здесь, мисс.

— Как здорово — провести детство в таком прекрасном тихом месте.

— Не могу сказать, что мне было так уж весело. Меня вырастила старшая сестра. Она была суровой женщиной и недержанной на язык. Наша мать умерла от рака, когда мне было четыре. Осталось шестеро детей. Снег означал для нас, что корнеплоды замерзнут в земле, а дрова будет трудно найти. Мы спали валетом, вчетвером в одной кровати, это помогало согреться. — Плохо скрытая горечь слышалась в голосе миссис Уэйл. — Наш отец был шахтером. Он умер от чахотки через пять лет после матери. Я работала с пятнадцати лет, пока в двадцать не вышла замуж за садовника.

— Вы любите сады?

Она впервые подняла на меня глаза:

— Я ненавижу их.

— О!..

— Сад напоминает мне о нем. Он бил меня. Иногда я оказывалась в больнице. А потом он попытался задушить меня бечевкой. У меня остался шрам. — Она опустила воротник пальто, и я увидела белую полосу, пересекающую ее горло.

— О, как ужасно! — Я уже и думать забыла о синеве неба и чистоте снега.

— Я не могла больше этого выносить. И убежала. Нашла комнату и работу в Шеффилде.

Я была удивлена неожиданной откровенностью миссис Уэйл.

— Должно быть, вам тяжело пришлось.

— Сначала я работала на швейной фабрике. Была хорошей швеей. Но фабрика разорилась. И я поступила на работу в театр костюмершей.

— Да? Как интересно! Мой отец — актер. По крайней мере... — Я замолчала, справившись от нахлынувших воспоминаний.

— Мне известно о вашем отце, мисс. Я сразу вспомнила имя, когда леди Пай упомянула его, и узнала вас по фотографиям в газетах. Мне очень жаль. В тюрьме тяжело. Это может сломить дух.

Меня несколько поразило — что могло заставить эту женщину читать «Дейли Баннер», которую полковник Мордейкер называл «непристойным листком». Хотя, возможно, в нее были завернуты свиные отбивные или что-нибудь вроде того.

— Мне понравилось в театре, — продолжала миссис Уэйл. — Первое время я была счастлива. Мы ездили по стране, и я немного повидала жизнь. У меня был возлюбленный.

— Как это приятно!

— Да, это было очень приятно. — В ее словах не слышалось иронии. — Но мой муж прослышал об этом и разыскал меня. Они подрались. Я испугалась, что он убьет единственного человека, которого я любила. Тогда я взяла ножницы и ударила его.

Я была в таком шоке, что не могла вымолвить ни слова. Миссис Уэйл шагала рядом со мной, опустив голову, на ее лице ничего не отражалось.

— Вы?.. Он?.. — удивленно произнесла я.

— Он умер. Меня посадили на десять лет. — Солнце скрылось за облаком, и снег уже не сверкал. — Я получила по заслугам.

— Любой поступил бы так на вашем месте. Мне кажется, приговор был слишком суров.

— У них было только мое свидетельство о том, как все произошло. Мой любовник сбежал за границу и не мог быть вызван на допрос. У него были неприятности с полицией в прошлом.

— Как это подло!

Миссис Уэйл пожала плечами, продолжая смотреть в землю:

— Человек слаб. Никому не стоит доверять.

— Неужели все таковы? Просто вам не повезло.

— Я не верю в удачу, мисс.

— Как это печально! — Весь мой оптимизм улетучился, когда я услышала рассказ этой женщины.

Я подумала, что надо бы поговорить о чем-нибудь более приятном.

— Там, должно быть, деревня? Сверху выглядит очень мило — эти заснеженные крыши вокруг церкви...

— Годы, проведенные в тюрьме, сломили меня, — продолжала миссис Уэйл, будто не слыша моих слов.

— Все время среди людей, но всегда в одиночестве, холод зимой, жара летом, грязь, все вокруг отвратительно, и никакой надежды. Но хуже всего чувствовать себя презренным существом, будто ты уже не человек. — В ее голосе прозвучало ожесточение, и я почувствовала беспокойство.

— Может быть, не стоит говорить об этом? — робко заметила я. — Это, должно быть, причиняет вам боль.

— Да, это так. Но таково мое наказание. За все эти годы лишь от одного человека я услышала доброе слово, и это был тюремный капеллан. Он говорил, что, каковы бы ни были мои деяния, я все равно остаюсь дочерью Господа. — Миссис Уэйл подняла взгляд к небу, и ее голос исполнился чувства. — Он сказал: «Небеса радуются одному покаявшемуся грешнику больше, чем девятиности девяти праведникам». Это много значило для меня — осознание принадлежности к чему-то. Ненависть, жестокость и отчаяние покинули мое сердце, и я увидела свет впереди. После этого я встречалась с капелланом каждую неделю, мы вместе читали Библию, и я узнала о бесконечном милосердии Господа нашего. Когда я вышла из тюрьмы, то пожелала удалиться в англиканскую обитель, но мать-настоятельница не была уверена в истинности моего

призвания. Она предполагала, будто я боюсь, что общество не примет меня, и поэтому хочу скрыться от него. Она сказала, что я должна провести еще несколько лет в миру, рассказывая всем, кто пожелает слушать, историю моей жизни, — во искупление моего страшного греха.

— Я бы назвала это слишком жестоким решением. Вы и так страдали десять лет. Не понимаю, почему верующий человек должен быть так непримирим.

Миссис Уэйл впервые улыбнулась, впрочем, едва заметно:

— Тесны ворота, и узок путь.

Служба была очень торжественной. Мы с Фредди пели с большим воодушевлением, в то время как остальные едва открывали рты. В начале гимна я взглянула сквозь экран, пыталась рассмотреть солистку, и увидела миссис Уэйл, стоящую на ступенях алтаря с запрокинутой головой и распеваящую, словно дрозд. Во время проповеди о любви к ближнему большинство из нас последовали примеру сэра Освальда и закрыли глаза. У священника был такой пронзительный голос, что Дирк начал лаять. Это продолжалось некоторое время, пока миссис Мордейкер не расшипелась, как целое змеиное гнездо, и чуть не вдавила бедному животному нос внутрь черепа, но на этот раз все же заставила его замолчать.

От продолжения беседы с миссис Уэйл на обратном пути меня спасла Фредди, выразившая желание пройти пешком.

— Вере пошел наблюдать за птицами. Он надеется опять увидеть этих соколов. Завтра мы уезжаем, и это его последний шанс. Портрет практически закончен. На следующей неделе отнесу его в багетную мастерскую.

— Очень жаль, что вы уезжаете. Здесь так хорошо, правда? Мне нравятся такие сборища. Можно неплохо узнать людей.

— Меня всегда пугала такая навязанная близость с теми, кто может быть тебе неприятен. Наверное, потому, что я была единственным ребенком в семье. В таких случаях я пытаюсь быть аналитиком, изучаю людей, вместо того чтобы присоединиться к ним. Хотя для тебя это должно быть привычно, потому что ты из большой семьи.

— На самом деле я часто чувствую себя аутсайдером даже

в собственной семье. Все они выглядят ярче, более заметны, чем я. Но они здесь ни при чем, наоборот, я не была бы собой, если бы не они. Семья придает тебе какое-то значение, помогает определиться. Не представляю, какой бы я стала, если бы была единственным ребенком.

— Что касается семьи, дело в том, что тебе приходится приспосабливаться к людям, которых ты не выбираешь. И в любом случае ты связана с каждым из них. Я даже завидую тебе. Такая хорошая школа терпимости и любви.

— Ты не любила своих родителей?

— Моя мать умерла, когда мне было девять. Я боготворила ее. Фэй возникла уже на следующий день после похорон. Ее ужасно раздражала необходимость присматривать за мной. Отец всегда был на ее стороне. В течение многих лет я даже не пыталась кого-нибудь полюбить.

Я взяла ее за руку, чувствуя невыразимую жалость:

— Но сейчас ты вознаграждена за все.

— Да... — Фредди будто не переставала удивляться вновь обретенному счастью. — Вере признался, что рассказал тебе о ребенке.

— На самом деле я сама догадалась. Надеюсь, ты не сердишься?

— Нет, конечно же нет! Я не собираюсь делать из этого тайну. Просто мне самой еще нужно к этому привыкнуть.

— Я так рада за вас. Я обожаю детей!

Мы немного прошли молча.

— О чем ты пишешь в своей газете? — спросила Фредди.

Я вкратце обрисовала ей идею «Призрачной зоны».

— Я надеюсь, это не ты стащила руку, чтобы было, о чем писать? Конечно, я шучу. Ты не поступила бы так с Мэгги.

— Она так плохо выглядела с утра. Думаю, если б я жила здесь круглый год, постоянно слушая этот ветер, мое воображение тоже проделывало бы со мной неприятные шутки. Здесь невероятно красиво, но как-то беспокойно. Даже сны снятся не такие, как всегда, — более похожие на жизнь. А прошлой ночью я и вправду поверила, что видела призрак. — Я рассказала Фредди историю о Леди Рва. К моему удивлению, Фредди расхохоталась до слез.

— О, дорогая моя! — наконец проговорила она. — Прости, что так напугала тебя. Боюсь, это была я.

— То есть?..

— Я и не представляла, что ты шла за мной.

— Так это ты была в длинной галерее?

— Мне не спалось, и я решила еще разок посмотреть на подбородок сэра Освальда. Я не собиралась ничего рисовать, но меня неожиданно осенило. Я не заметила, как прошло время, и неожиданно услышала, как часы бьют половину второго. Я не чувствовала себя уставшей, но понимала, что нужно ложиться спать. И решила принять ванну, чтобы расслабиться.

— Но я же была в ванной!

— Не говори никому, но я пользовалась емкостью для стирки в бельевой. Она наполняется гораздо быстрее. К тому же там так тепло. А ванная все время занята. Я взяла ночную рубашку и полотенце, но забыла шлепанцы. Поэтому пришлось идти обратно босиком. Нужно было, конечно, получше вытереть ноги, но я торопилась добраться до постели. Вот тебе и разгадка...

— Но... — Я была весьма разочарована тем, что мой первый опыт расследования оказался неудачным.

— Как ты прошла мимо полковника? И почему спустилась вниз?

— Я оставила сумочку в гостиной. Это моя любимая сумочка, и я не хотела, чтобы Ди... чтобы какая-нибудь собака добралась до нее. Полковник спал мертвым сном, упершись подбородком в приклад. Когда я поднялась обратно, он уже практически лежал в кресле, откинув голову на спинку, и булькал, как вода в унитазе. Кто-то — должно быть, Мэгги — укрыл его пледом.

— Вот черт! Я действительно думала... Какая досада! Чтобы удержаться на работе и заставить читателей дрожать, придется обмануть их и забыть о том, что ты мне рассказала.

— Ты становишься настоящим журналистом.

Пруд у мельницы превратился в замечательный каток. Вся деревня собралась там. Немногие обладатели коньков выписывали круги и восьмерки на середине, где лед был

более гладким. С краю дети возились, скользили, держась друг за друга, валялись в снегу и радостно вопили. Наиболее отчаянные скатывались с вершины холма на жестяных подносах. Малыши таскали туда-сюда самодельные санки. Бабушки и дедушки, примостившись на заборчике, окружающем мельницу, наблюдали за происходящим, судача о временах своей молодости. Вся эта картина удивительно походила на те, которые так любили изображать голландские художники.

Наше появление вызвало большой интерес. Нас было восемь. При разборе коньков Джорджия сцепилась с Корделией из-за единственной свободной белой пары. Последующая за этим сцена очень напоминала финальную сцену из «Золушки», и в результате коньки остались за Корделией.

Фредди катание очень понравилось, хотя на нас периодически наезжали группы детей, норовившие нас повалить.

— Я люблю физические упражнения, — сказала она. — Наверное, потому, что так редко ими занимаюсь.

Мне захотелось исследовать реку. Выше пруда она текла между крутых берегов, с которых склонялись заснеженные деревья. Было замечательно — оказаться одной в таком прелестном месте. Поразительней всего была тишина.

Деревня быстро скрылась из виду. В промежутках между деревьями и скалами проглядывало небо, постепенно затягивающееся облаками. Я чувствовала себя удивительно одинокой и свободной.

Тут я услышала скрип коньков за спиной. Чьи-то руки обняли меня за талию. Я дала ему руку, и вместе мы покатались еще быстрее, скользя, как птицы в небе. Это было похоже на сон. Мне казалось, что мои ноги не касаются земли.

— Любимая... Любимая Хэрриет.

Звук моего имени заставил меня очнуться. Идиллия нарушилась. Я начала сопротивляться, почувствовав его губы. Но как он умел целоваться! Да еще на коньках! Как только я об этом подумала, мне захотелось рассмеяться. Но одновременно сама эта идея — рассмеяться в момент поцелуя — повергла меня в панику. Наверняка он рассердится. Чтобы удержаться от смеха, я горячо ответила на его поцелуй.

— О Боже! Да ты настоящая сирена! — Макс крепко сжимал меня в объятьях. — Черт возьми, на мили кругом нет ничего, похожего на укрытие! Но ты должна быть моей, и мне плевать на снег.

Он скинул перчатки и начал расстегивать на мне пальто. Это оказалось непросто, мы стали скользить..

И тут увидела катящегося к нам Руперта, лениво посматривающего по сторонам.

— Ах, вот вы где! — произнес он. — Я подумал, что следует предупредить вас. Там, впереди, плотина. И каждый год кто-нибудь тонет. — Он взглянул на меня, и мне почудилось, что в его глазах промелькнула усмешка.

Глава 27

— Вам звонили. — Мэгги встретила нас на пороге и протянула Максу листок бумаги. — Она сказала — дело срочное, что вы должны обязательно перезвонить сегодня.

Я сразу же подумала о Каролине. Телефон стоял в холле, где невозможно было вести приватные разговоры. Я торопилась переобуться, но мои окоченевшие пальцы отказывались слушаться. По пути в гостиную я слышала, как он говорит:

— Да, конечно, я понимаю, но это не слишком удачно... Надолго?.. Я же не могу отказаться, не так ли?.. — Затем он засмеялся и сказал: — Это больше похоже на угрозу, чем на обещание. — И я перестала его слышать.

Меня смущало, что, как только внимание Макса оказывалось направлено на что-нибудь другое, я начинала думать о том, как бы привлечь его обратно к себе. По пути домой Джорджия завладела им и заставила идти с ней чуть позади остальных. О, проклятая ревность! Я была уверена, что он предпочел бы идти со мной, но всю дорогу проболтала с Эмилио, которому, по-видимому, было все равно, как и с кем проводит время его невеста. А мысли мои были заняты исключительно Максом. Я пыталась представить себе, как это — заниматься с ним любовью. Сейчас, когда он разговаривал со своей женой, я вновь почувствовала острый

укол ревности. Когда он вошел в гостиную, я старалась не смотреть на него.

— Уже можно открывать подарки? — спросила Корделия, когда Мэгги появилась в гостиной с подносом. — Вы сказали, во время чая! Мы уже умираем от нетерпения.

— Говори за себя, — пробурчала Аннабель. — Я не думаю, что буду рада своим.

— Пожалуйста, леди Пай! — Корделия одарила Мэгги обаятельнейшей улыбкой. — Уже можно открывать?

— Восхитительна! — Сэр Освальд открыл глаза и не сводил их с Корделии. Она действительно выглядела очень мило в шелковом платье тыквенного цвета, сшитом портнихой нашей матери. — Давай, моя дорогая, посмотрим, что приготовил нам Дед Мороз.

Аннабель вбежала в холл и вернулась с охапкой свертков из-под елки, которые тут же начала раскрывать. Корделия принесла подарки для всех остальных и с большим энтузиазмом принялась их раздавать. Я надеялась, что она сама не осознает, насколько ее поведение подчеркивает отсутствие хороших манер у Аннабель.

— Книга! — Аннабель отбросила ее в сторону. — Какая скука! Терпеть не могу — получать книги на Рождество. Рамка для фото! Что я должна с ней делать?

Мэгги выглядела расстроенной. Я так ей сочувствовала! Аннабель требовалась твердая рука, а у Мэгги был слишком уступчивый характер. Она боялась оттолкнуть от себя падчерицу. А сэр Освальд абсолютно не интересовался детьми. Мне было жаль Аннабель, однако ее жестокость временами угнетала меня.

— Аннабель! Выйди! — Руперт, вроде бы углубившийся в книгу, неожиданно встал.

— Что? Нет! Я открываю подарки!

— Сейчас же! — Если бы он сказал это мне таким тоном, я бы вылетела пулей.

Аннабель поплелась к выходу.

— О, леди Пай! — Корделия, непревзойденная актриса, подняла на Мэгги сияющие глаза: — «Рождественская песнь»! Как я люблю эту чудесную историю! А теперь у меня

будет собственный экземпляр! Я буду хранить его как сокровище! — Она подбежала к Мэгги и поцеловала ее в щеку. — Вы так добры!

Когда я увидела лицо Мэгги, засветившееся от удовольствия, у меня комок подступил к горлу.

— Ангел... — прокомментировал сэр Освальд.

Через несколько минут Руперт вернулся, Аннабель следовала за ним. Она казалась покорившейся. Я наблюдала за ней, когда она разворачивала маленький квадратный сверток и заметила слезу, которую она смахнула тыльной стороной ладони. Она достала подарок, а затем встала и подошла к Мэгги.

— Спасибо, — слегка чмокнула ее в щеку, — какая милая косметичка.

Это было бледной копией Корделии, но уже кое-что.

— Я надеюсь, тебе нравится, милая, — робко проговорила Мэгги.

Это был прекрасный пример того, как люди судят о других по себе. Мэгги абсолютно о себе не думала и считала, что никто не принимает ее в расчет. Так оно и было.

Я получила прекрасно переплетенный томик Байрона.

Перед отъездом из Лондона, еще ничего не зная о хозяйке дома, я была очень озабочена поисками подходящего подарка. В конце концов остановилась на антикварном футляре для очков, расшитом цветами, сердечками и голубками. Сейчас я видела, как Мэгги несколько раз брала его в руки, восхищенно касаясь пальцами вышивки. Я всегда думала, что на свете есть немного удовольствий, сравнимых с тем, что испытываешь, когда видишь, что твой подарок понравился.

Руперт тоже преподнес мне удачный подарок. Это был гергианский чернильный прибор, с двумя чернильницами из граненого стекла в форме львиных голов. Помня, что Руперт не любит бурных проявлений чувств, я постаралась поблагодарить его сдержанно. Много времени спустя, глядя на эту великолепную вещь, я не уставала поражаться, что она действительно принадлежит мне. Мой подарок в сравнении с его выглядел очень бледно. Я подыскала для Руперта в антикварном магазине шагреновый провощенный ларчик для хранения спичек. Он поблагодарил меня коротким вежливым поцелуем.

Для Арчи я приготовила деревянный ножичек для разрезания бумаги с резной рукояткой в форме дельфина. Он преподнес мне прекрасно иллюстрированное издание «Адама Биди».

— Я всегда дарю этот роман молодым женщинам, — объяснил он. — Это очень поучительная история. На день рождения, если ничего не случится, я подарю тебе «Тэсс из рода д'Эрбервилей».

Аннабель мучалась от зависти, глядя, как Корделия примеряет черные замшевые туфельки на каблуках, полученные от матери. Потом она с ужасом взглянула на подаренное ей серое платье, украшенное розовыми цветочками. Оно выглядело старомодно и совсем по-детски.

— Тебе не нравится? — Мэгги сквозь очки смотрела на обновку. — Я купила его в универмаге в Дерби.

— Оно... — Аннабель взглянула на Руперта, — хорошее.

— Это очень хорошая шерсть, — сказала Мэгги. — Я думаю, тебе не придется в нем мерзнуть в школе в следующем семестре.

— Я не смогу ходить в нем в школу. Девочки будут надо мной смеяться.

Корделия критически оглядела платье:

— Вы знаете, леди Пай, я думаю, это платье может быть очень милым. Ему просто надо придать немножко элегантности. Если вместо воротника сделать вырез, отпороть все цветочки, убрать сборки, оставить только несколько широких складок и... хм... возможно, тоненький красный поясик на бедрах, оно на самом деле будет очень изящным.

— Может быть, миссис Уэйл сможет это сделать?

— Бог с тобой, девочка, — проговорила Мэгги, протягивая руку за платьем. — Я не хочу загружать ее лишней работой. Я сама могу это сделать, если ты хочешь.

Фредди, только что вернувшаяся в гостиную, протянула мне конверт из белой шелковой бумаги.

— О! — смутилась я. — У меня нет ничего для тебя!

— Конечно, нет, — ответила Фредди. — Ты же не знала, что я буду здесь. У меня импровизированный подарок. Чернила только высохли.

Я открыла конверт. Там был рисунок пером, изображающий девушку на коньках.

— Вылитая Хэрриет, — сказал Руперт, заглянув мне через плечо.

— Это замечательно!

— Там еще один подарок под елкой, — сказала Корделия, появившись с небольшим свертком в руках. — Минуту назад его не было. Это тебе, Хэт.

Все с интересом наблюдали, как я разворачиваю сверток. Я достала золотое ожерелье в виде змеи. Звенья были переплетены так, что оно было толщиной в палец, но гибкое, как настоящая змея. Глаза были из рубинов.

— Боже мой! — воскликнула Корделия. — Надень его! Тебе помочь?

— Оно действительно прекрасно, — сказала Фредди. — Должно быть, ужасно древнее.

— Кто подарил его? — Корделия перетряхнула упаковку. — Здесь ничего не написано!

Я знала, чей это подарок. Макс стоял рядом, глядя на меня.

— Спасибо, — произнесла я. — Я не заслуживаю такого подарка.

— Это ожерелье месопотамской принцессы, — пояснил он. — Ему пять тысяч лет.

— Подумать только, что видела эта змея, — сказала Фредди. — Другой мир!..

Я не могла принять такую дорогую вещь, но не представляла, как отказаться от подарка при всех.

Миссис Уэйл принесла шампанское, и все еще больше повеселели. Даже Аннабель обрадовалась, обнаружив, что Руперт подарил ей наручные часы на светло-голубом кожаном ремешке и с фазами Луны на циферблате. Арчи начал играть на пианино, а Джонно запел.

Обед был великолепен. Мэгги и миссис Уэйл постарались на славу. Подбородок сэра Освальда блестел от жира, и я заметила, как он вытирает пот со лба, жадно поглощая пищу. К сожалению, те из нас, кто провел день на свежем воздухе, слишком устали и не могли поддерживать разговор. Мои глаза все время норовили закрыться, а Фредди старательно пыталась скрыть зевоту. Корделия и Аннабель засыпали над тарелками и были необычно тихими.

Пока мы ели пудинг, голова Мэгги склонилась на грудь, и минут десять она спала. Несомненно, у нее была куда более уважительная причина для этого.

— Это было замечательное Рождество, — сказал Макс, убедившись, что Мэгги совсем проснулась. — Вы были так добры и гостеприимны, и я вам очень благодарен. Но, к сожалению, должен завтра вас покинуть. Это мой агент звонил сегодня. Мы отправляемся на гастроли с «Королем Лиром». Все решилось в последний момент, и им было трудно заменить отсутствующих актеров. Поэтому я не мог отказаться. — Он посмотрел на меня, словно прося прощения. — Я вызвал такси на утро. Днем мы улетаем в Австралию.

— Мы могли бы поехать с вами, — сказала миссис Мордейкер, — чтобы не вызывать машину дважды. К тому же так выйдет дешевле.

— Боюсь, это будет для вас слишком рано. Я уезжаю в шесть.

— Ничего, Гервард и я — ранние пташки.

Известие об отъезде Макса наполняло меня противоречивыми чувствами. Мне было жаль, что, пока мой отец находится в тюрьме, роль Глочестера досталась другому. Но я обрадовалась, узнав, что это не Каролина звонила сегодня. Мне не хотелось так быстро расставаться с Максом, но я вдруг почувствовала облегчение, поняв, что теперь нет необходимости самой что-то решать.

— Какое совпадение! — сказала Максу Джорджия. — Я как раз собиралась в новом году навестить свою сестру в Мельбурне. Ты должен дать мне свой адрес. — Она победно взглянула на меня.

Мне удалось заснуть, и я спала без сновидений, пока что-то не разбудило меня. Я пыталась сопротивляться некоторое время, но тихий, настойчиво повторяющийся звук все же заставил меня окончательно прийти в себя. Я приподнялась на локте и с осуждением взглянула на Дирка. Он безмятежно спал, время от времени облизываясь и суча лапами во сне. Спящая рядом со мной Корделия также была явно ни при чем. Звук повторился, будто кто-то тихонько скреб ногтем по дереву. Он доносился со стороны шкафа.

Я подумала о мышах, жучках-точильщиках, водопроводе и даже о крысах, но не успокоилась. Потом подумала о руке старины Гэлли. Я упорно старалась избегать этой мысли, но она с жестоким упорством возвращалась. Я живо представила, как рука выбирается из шкафа и бесшумно ползет в темноте к кровати, медленно распрямляется и протягивает ко мне свои дрожащие пальцы. Я предпочла действовать первой. Выскользнула из кровати, подкралась к шкафу и, внутренне сжавшись, распахнула дверь. На меня красными глазами хищника смотрело лицо, которое на этот раз не было отражением моего собственного. Я успела заметить только парик, прикрытый шляпой с пером, и широкий воротник, забрызганный красным. Резко захлопнув дверь, я вылетела из спальни.

Соседней с нашей была комната Руперта. Я приоткрыла дверь на несколько дюймов, дабы разбудить его потихоньку. Но этого не потребовалось. Я услышала неразборчивое бормотание, стоны, а потом голос Арчи:

— Животное! Ты — животное! Сделай мне больно, давай, сделай мне больно!

Я поспешно закрыла дверь.

Я привыкла считать Руперта источником силы, на которую всегда можно положиться. Он так хорошо умел скрывать свои чувства, что я совсем забыла, что и у него могут быть собственные интересы. Я была в шоке. Бросалась туда-сюда, пока не решила, что после Руперта лучшей кандидатурой является Фредди. Я сбежала вниз. Луч света пробивался из-под двери бельевой.

Я влетела туда:

— Фредди! Там что-то ужасное, у меня в... — И остановилась, увидев Мэгги. Ее голова покоилась на столе перед швейной машинкой, на платье Аннабель. Она спала так крепко, что мне пришлось хорошенько потрясти ее, чтобы разбудить.

— А-а? О-о? О, Хэрриет... Я, должно быть, задремала. Сколько времени? Все в порядке?

— Да. Но тебе нужно лечь в постель. Уже второй час, я думаю.

Она кивнула. Я поцеловала ее и пожелала спокойной но-

чи. Проводив ее до галереи, я смотрела, как она устало бредет в спальню.

Как только она скрылась из виду, я постучала в дверь, как думала, к Фредди. Под дверью тут же появилась полоска света. Я услышала, как в замке поворачивается ключ, и дверь отворилась.

— Хэрриет!

Я была так смущена и напугана, что в первый момент даже не заметила, что на Максе нет никакой одежды, кроме одеяла. Секунду-другую мы изумленно смотрели друг на друга. Потом он обнял меня за талию и втащил внутрь.

— Извини, что разбудила тебя, — сказала я, чуть не плача от страха. — Я думала, это комната Фредди. Просто там человек, у меня в шкафу, а я не могу пойти и посмотреть, там ли он еще, но и не могу оставить Корделию. Просто не знаю, что делать...

— Ш-ш-ш!.. — Он заключил меня в объятия. — Давай сначала. Кто у тебя в комнате? Неужели этот осел Эмилио?

— Нет, старина Гэлли!

Он с сомнением посмотрел на меня:

— Ты вся дрожишь! Ты действительно напугана.

— Да! Да! Пожалуйста, пойдем!

— Хорошо. Оставайся здесь. Я пойду и посмотрю.

Он усадил меня на краешек кровати и завернул в одеяло.

— Подожди минутку. Шкаф в твоей комнате, говоришь?

Я кивнула, не в силах ничего сказать от страха, и он ушел, все так же в одеяле. Я не отрывала взгляда от открытой двери, каждую секунду ожидая появления жуткого безголового трупа. Через две минуты Макс вернулся. Он закрыл дверь и запер ее на ключ. Я пыталась прочесть по его лицу, что он видел. Он сел рядом со мной.

— Никаких следов призрачного насильника, — сказал он таким тоном, будто мы уже договорились, что это была шутка.

— Ты смотрел?..

— Я открыл шкаф и увидел зеркало, а в нем свое отражение — не слишком хорошо выглядящее от выпитого шампанского и не слишком выпавшееся.

— О, извини! Но ты должен мне поверить! Он был там. Я видела его!

— Тебе приснился дурной сон, вот и все. Но я не сержусь на тебя.

— Я не спала, — угрюмо возразила я.

— Ну, хорошо, я тебе верю. — Было совершенно очевидно, что это не так. — Ладно, не о чем беспокоиться. Я посмотрел везде, даже под кроватью. Корделия невредима. К тому же рядом с ней огромная собака. А теперь, милая... любимая... Хэрриет... — Он погладил меня по волосам, потом поцеловал, сначала в лоб, а затем в губы. — Давай забудем о нем, ладно? И подумаем о чем-нибудь более интересном.

— Ах!.. О! Но это не... Ты думаешь, я придумала это все, чтобы пробраться к тебе в комнату! — Я высвободилась и посмотрела на него с упреком.

— Скажем, слегка похоже на то. — Он нежно запрокинул мою голову, чтобы поцеловать меня в шею. — Но если тебе необходимо оправдание... Я все эти дни пытался придумать предлог, чтобы заманить тебя сюда. Тебе достаточно было только поскрестись в мою дверь.

— Но это в самом деле правда! — Я вцепилась в свою ночную рубашку, которую он начал расстегивать. — Я видела его! Видела!

— Хорошо, ты его видела. — Он оттолкнул мои руки. — О, какая у тебя прелестная маленькая грудь! Совершенство!

— Но у меня в мыслях не было обманом соблазнить тебя...

— Почему бы и нет? Во всяком случае, — он отбросил одеяло, — ты видишь, что я не против.

Я видела. Он запустил руки в вырез моей рубашки и начал искусно поглаживать грудь и живот. Мое тело немедленно откликнулось. Я почувствовала жар, будто кровь быстрее побежала по телу. Я затрепетала от возбуждения, а сердце стучало так сильно, словно хотело привлечь внимание Арчи и Руперта в соседней комнате. Невероятное ощущение возникло, то нарастая, то стихая, в бедрах. Я была не в состоянии сопротивляться, когда он уложил меня на кровать, потому что вся дрожала, как несчастная лягушка, когда наша учительница биологии пропускала через нее ток.

— О Хэрриет! Хэрриет, моя любимая! — шептал он мне в ухо, ложась рядом и прижимаясь ко мне всем телом. — Кто же откажется променять ворону на голубку!

Мне казалось, что часть моего рассудка отделилась от остального и предприняла попытку независимого обзора. Даже когда я почувствовала его в себе, то не переставала думать, что это не слишком хорошая затея. Он не переставая повторял мое имя, и оно казалось мне нитью, связывающей меня с реальностью.

Я пыталась преодолеть эту двойственность, моя физическая сущность страстно желала отключить голос рассудка, восторженно откликаясь на то, что он вытворял кончиком языка. Только одна из промелькнувших мыслей вдруг задержалась в голове: если предположить, что я — голубка, то кто тогда ворона? Но сейчас, когда все зашло так далеко и я окончательно сдалась, было слишком поздно заниматься такими исследованиями.

Глава 28

Когда я спустилась к завтраку, в столовой были только Арчи, Руперт и дети.

Макс разбудил меня без десяти шесть, и мы простились с поцелуями и поспешными признаниями в любви. Он был озабочен укладыванием дорожной сумки, и я прекрасно понимала его, потому что сама всегда ненавидела собираться. Когда я вернулась в свою комнату, Корделия еще спала. Только когда рассвело, я рискнула заглянуть в шкаф. И увидела свое бледное лицо со спутанными после ночи любви волосами. Я осторожно протянула руку и коснулась зеркала. Оно было холодным и твердым.

Когда я приступила к яичнице с беконом, вошла Джорджия. Она выглядела очень экстравагантно в лимонно-желтом тюрбане и такого же цвета шароварах. Ногти были выкрашены золотым лаком.

— А где кеджери? — спросила она, возмущенно оглядев стол.

— Как в «Десяти негрityтах», правда? — сказала Корделия. — Гости быстро исчезают. Мне наплевать на Мордейкеров, но я хотела бы, чтобы Макс еще остался.

— Да, мы будем скучать по нему, — согласился Арчи. — Однако те, у кого чуткий сон, наверняка будут рады прекращению ночной беготни по галерее.

Я поняла намек и уставилась на него, придумывая, как бы выкрутиться.

Тут вошла миссис Уэйл с блюдом кеджери.

— Извините, мадам, — сказала она, выслушав претензии Джорджии, что блюдо подано слишком поздно. — Леди Пай в постели, и мне приходится делать все самой. Я не могла справиться быстрее.

— Ну, если бы вы начали раньше...

— Что случилось с леди Пай? — спросил Руперт.

— Она плохо себя чувствует. Я не знаю, что с ней. И не хочет вызывать доктора. Мне нужно забрать поднос у сэра Освальда, подмести гостиную, помыть посуду после завтрака и убрать постели, поэтому я пойду, если вам больше ничего не нужно.

— Эта злосчастная рука так и не обнаружилась? — резко сменил тему Руперт.

— Нет, сэр... — тут же встревожилась миссис Уэйл.

— Вы хорошо смотрели?

— Нет. Прошу прощения, сэр, но мне не до этого.

— Вы же не верите во всю эту чушь?

— Нет, сэр. Только ночью, когда воеет ветер и дом скрипит, как корабль в открытом море...

Она не закончила фразу. Было очевидно, что она верит во все это, но я бы не стала ее за это винить.

— Я думаю, неплохо было бы поставить в известность полицию, — неожиданно заявил Руперт. — Миссис Уэйл, не могли бы вы найти мне номер местного участка?

— Прошу прощения, сэр, но леди Пай это не понравится. Она подумает, что это неуважение к... к предкам сэра Освальда. Да и сам он этого не одобрит.

— Я возьму на себя ответственность.

— Да, сэр. — Она удалилась с мрачным видом.

— Но ведь полиция не отнесется к этому серьезно, — сказала я.

— Это попадает в тот же разряд, что непристойные телефонные звонки и анонимные письма. Попытка нарушить чье-то душевное равновесие. Я думаю, что они отнесутся к этому очень серьезно. Мы должны это сделать. Ну, а теперь я лучше займусь телефонными звонками.

Мы с Арчи остались вдвоем.

— Арчи, что ты имел в виду, говоря о Максе и ночном шуме в галерее?

Арчи выглядел огорченным:

— Моя дорогая Хэрриет, если хочешь завоевать мужчину, тебе надо научиться не обращать внимания на случайные реплики за завтраком.

— Ты уходишь от ответа.

— Да.

— Пожалуйста, скажи мне.

— Ну, хорошо. В последние несколько ночей, выходя в туалет, я несколько раз натыкался на мисс Биссет, выходящую или заходящую в комнату Макса. Принимая во внимание тот риск, которому он себя подвергает, я подозреваю, что он страдает от гиперсексуальности, если не сказать — сатириза.

— Что это такое? — Я чувствовала себя ужасно.

— Сатириаз, моя невинная девочка, это невротическое стремление иметь сексуальные контакты так часто, как только возможно, и со всеми женщинами, с которыми возможно. Мужской вариант нимфомании. Связь с Биссет определенно не представляется разумной, когда даже слепой может видеть, что главным объектом для него являешься ты. Конечно, это не мое дело, я не знаю, на что вы, девушки, рассчитываете, но, надеюсь, он не достиг цели.

— Конечно, нет! — резко ответила я, испытывая жгучее желание закричать.

— О, дорогая! Как я боялся. Еще одна зарубка на столбике кровати Фрэншема! Хэрриет не следует по стопам своего отца!

— Ты уверен, что она выходила именно из комнаты Макса? Я имею в виду, — я почувствовала, что краснею, — ты мог ошибиться дверью.

— Мужчина моих лет и опыта считает своим долгом знать, где помещаются гости, — торжественно произнес Арчи.

Я схватилась за голову.

— Ну, дорогая, не надо, все хорошо. Мир не рухнет из-за того, что Хэрриет Бинг переспала с развратником.

Я была огорошена всем услышанным. Получалось, что Макс был не пылким влюбленным, мечтающим завоевать мое сердце, а обычным повесой. Джорджия не была глупой кокеткой. Она знала, чего хочет, и добилась этого. Я оказалась в дураках.

— Во-первых, Хэрриет, ты не притворяешься, и это очень приятно. Ты не пытаешься выгородить себя. Конечно, он клялся в вечной любви. Неужели мамочка не говорила тебе, что все мужчины — выдумщики? Ты влюблена в него? Только честно. Помни, как тебя использовали...

Я надолго задумалась.

— Нет, — наконец сказала я. — На самом деле думаю, что нет. Я находила его весьма привлекательным, но это отчасти потому, будто думала, что нравлюсь ему. Теперь понимаю: это было глупо.

— Конечно, ты ему нравилась. А чего бы ты хотела от нормального гетеросексуального мужчины? Я не сомневаюсь, что он спал с Джорджией только потому, что она доступна. Но все видели, что это ты его заводишь.

Я знала, что это обычная доброта Арчи, но все же почувствовала себя немного лучше.

— Я на самом деле верю, что все будет в порядке. Просто я...

— Стоп! — Арчи поднял руку.

— Обещаю, что не буду страдать. По крайней мере при всех.

— Великолепно. Я буду поддерживать тебя.

— Только одна просьба: пожалуйста, не говори Руперту. Хорошо? Я боюсь, он станет презирать меня. — Лицо Арчи приобрело обычное насмешливое выражение. — Я имею в виду, что вряд ли он сможет понять, как можно быть такой глупой.

— Хорошо, если ты не хочешь, я ничего ему не скажу. Но не буду тебя обнадеживать — вряд ли он в полном неведении.

К несчастью, выйдя в холл, я наткнулась на Руперта. Поспешно повернулась к столу с почтой, но, конечно, там ничего не было.

— Я собираюсь в Лондон на пару дней, — сообщил он, обращаясь к моей спине.

— О?! — слишком резко вырвалось у меня.

— Чрезвычайная комиссия собирается в Доме английской оперы. Там возник спор, и двое высокостоящих болванов подали в отставку. Придется мне выдирать занозы при помощи припарок из бесстыдной лести и обмана.

Он был, как всегда, бесстрастен, но теперь-то я знала, что он думает обо мне.

— Я поеду поездом. Вы с Арчи можете остаться и помочь Мэгги. С ней не все в порядке. — Я продолжала молча смотреть на него. — Если ты не против, конечно...

Мне показалось — его губы тронула легкая улыбка. На верхней губе виднелся шрам, который остался у него с давних времен, когда мой отец учил его водить машину. Руперт въехал в стену и ударился о руль. Мне было тогда лет семь или восемь.

— Чем ты так обижена? «...Что-нибудь скажите мне, скажите, Дездемона!..»

— О, заткнись!..

Глава 29

Комната Мэгги находилась на верхнем этаже. Окно смотрело на конюшню. Обстановка — железная кровать, сундук с ящичками и гардероб из лакированной сосны — заставила меня предположить, что раньше это была комната горничной.

— Здравствуй, дорогая! — Мэгги открыла печальные глаза. Лицо ее было землистого цвета. Она лежала на спине, но, когда я вошла, попробовала приподняться. — Мне так жаль, что приходится лежать. Но, надеюсь, скоро станет лучше. О Господи! — Она потянулась к ведерку, стоящему у кровати, и ее начало тошнить прямо на одеяло.

Я держала ведерко, пока не кончился приступ.

— Ты не должна этого делать, — пробормотала Мэгги. — Мне так стыдно.

— Дорогая Мэгги, я рада помочь вам. Хотя, само собой, мне очень жаль, что вы заболели. Разрешите миссис Уэйл пригласить доктора.

— Я не хочу затруднять вас. Мне уже лучше. Только когда я поднимаю голову, комната начинает кружиться, и я не понимаю, где верх, а где низ.

Я заметила, что глаза Мэгги быстро дергаются туда-сюда, как у человека, глядящего из окна мчащегося поезда. Она застонала.

— Как Джанет сможет со всем справляться? Но я не могу подняться. Попроси, чтобы Джанет занялась одеждой сэра Освальда. Я всегда кладу сначала галстук и пиджак, а потом брюки и на них подтяжки — главное, чтобы они не перекрутились.

— Я пойду и попрошу ее. — Я заметила, что Мэгги дрожит, несмотря на дополнительные одеяла. — И принесу вам чай.

На черной лестнице я встретила Фредди с чайным подносом.

— Хэрриет, как хорошо, что ты здесь! Бедная Мэгги! Но я должна ехать. Обещают усиление снегопада, а Вере тревожится о своих лошадях. И к тому же наш любимый старый пес остался на попечении брата Вере, а он не слишком ответственный.

— Не беспокойся. Поезжай. Я со всем справлюсь.

Когда Мэгги выпила чай, я посмотрела в окно и увидела, как Фредди с Вере грузят свои вещи в машину. Хотя мы общались всего несколько дней, я чувствовала, что возникшая дружба может продолжиться.

Я с сожалением смотрела, как они отъезжают, пытаюсь представить себе, каково это — поехать к ним в гости. Мои приятные мысли были прерваны Мэгги, которую опять тошнило.

— Бедняжка! Я принесу вам еще чаю. Может быть, попробуете съесть тост?

— Что ты говоришь, дорогая? Я не слышу тебя. Как будто оглохла.

Я нашла в телефонной книге номер доктора Парсонса. Он сказал, что будет в течение часа. Когда я поднялась обратно вверх с растопкой, спичками и ведром угля, Мэгги выглядела еще хуже. Ее была лихорадка, она то впадала в забытие, то пыталась приподняться и говорила что-то о картофеле и стирке. Я разожгла огонь и опустила тяжелые занавески, чтобы сохранить тепло.

Когда я спускалась обратно, думая, как же лучше помочь Мэгги, то заметила краем глаза, что в длинной галерее что-то изменилось. Стеклопанная витрина, обиталище руки старины Гэлли, была снова загорожена цепью и заперта на замок. Я осторожно приблизилась к ней. Рука вернулась. Она была еще более ржавой, чем обычно, и на ней не хватало пальца. Когда первый ужас прошел, я решила, что вид у нее достаточно жалкий.

Миссис Уэйл в гостиной стояла на коленях перед камином с совком в руках.

— Сдается мне, цепь с замком — это пустое дело, — сказала она, когда я рассказала ей о возвращении руки. — Эти силы только смеются над человеческими приспособлениями.

— Вы имеете в виду сверхъестественное?

— Я имею в виду дьявола. — Она дважды перекрестилась.

— М-м, думаю, вы правы. — Мне не однажды приходилось вести с Лавди бессмысленные беседы о существовании или отсутствии дьявола, но у меня не было никакого желания начинать еще одну. — Мэгги просила вас приготовить одежду сэра Освальда.

— Пропади она пропадом! Я совсем про нее забыла! — Из камина поднялось облако золы. Она расчихалась и замахала рукой перед носом. — Я убрала постели и подмела холл, но мне еще нужно помыть посуду после завтрака, убраться в ванной, отобрать белье для стирки и поменять воду в вазах. И это все до того, как чистить овощи для ланча. А еще просмотреть скатерти и отполировать серебро — это леди Пай всегда делала сама. А еще кухня! Я мало что в этом понимаю. Могу приготовить картошку с фаршем. И рисовый пудинг. Но ему это не понравится.

— А вазы не могут подождать хотя бы денек?

— Сэр Освальд всегда обращает внимание на запах из них. — Она набросилась тряпкой на несколько отлетевших хлопьев пепла.

— Давайте я что-нибудь сделаю. Могу поменять воду в вазах и почистить овощи.

— А кто займется его одеждой?

— Вряд ли я смогу это сделать. Я имею в виду — зайти в его комнату. И копаться в его белье. Меня это ужасно смущает.

Миссис Уэйл посмотрела на меня с осуждением:

— Леди Пай умрет от огорчения, если узнает, что никто этого не сделал.

— Может быть, она об этом не узнает?

— Обязательно узнает. Как только он оденется, то пойдет и скажет ей, не обращая внимания на ее болезнь.

Я открыла дверь в комнату сэра Освальда. Полосы яркого света из окна лежали на полу. Кровать была убрана малиновым покрывалом с золотыми кистями. Белые султаны свисали с каждого угла бело-золотого балдахина. Задняя панель была украшена фамильным гербом, гордым символом той груди, которая лежала под ним, полностью скрытая одеялами. Грудь ритмично поднималась и опускалась, издавая громкий храп. Я на цыпочках прокралась к шкафу.

Полки были заполнены аккуратно сложенными стопками одежды, на вешалках висели брюки и пиджаки. Я нашла предметы, описанные Мэгги, и взяла их, чтобы разложить в должном порядке. Задумалась над тем, надевают мужчины носки до или после брюк, как вдруг раздался голос:

— Девочка, ты любишь леденцы?

Я обернулась. Красное лицо сэра Освальда выглядывало из-под одеял, словно солнце, садящееся в облака. Он вытянул руку и поманил меня:

— Если нет, у меня есть ириски.

Я помотала головой, положила одежду и попятилась к двери.

— Только посмотри, какая игрушка спрятана у меня здесь, в кровати! — Одеяла энергично зашевелились. — Ты можешь заставить ее встать, если ей понравится! — услышала я, когда уже захлопывала дверь.

— Лабиринтит, — сообщил мне диагноз доктор Парсонс, когда я провожала его вниз. — Воспаление внутреннего уха. Леди Пай слишком много работала. Она переутомилась. Я сказал ей, что необходим отдых, тогда она сумеет справиться с болезнью.

— Это опасно?

— Иногда глухота не проходит. Но я прописал ей курс антибиотиков, которые должны помочь. Несколько дней ей еще будет нехорошо — тошнота и головокружение. Проследите, чтобы она не вставала с постели, чтобы ее ничто не беспокоило. Я позвоню завтра.

Оградить Мэгги от беспокойства было для меня непосильной задачей. После того как Руперт отбыл на станцию, в доме оставалось еще одиннадцать человек. К счастью, Эмилио и Джорджия тоже к вечеру должны были уехать. Из девяти оставшихся трое — мисс Типпл, сэр Освальд и Мэгги — были абсолютно беспомощны. Я решила подключить к работе детей.

— Почему? Почему мы? — в один голос взвыли девчонки, когда я вручила им тряпки и пылесос.

— Потому что это подходящая работа для вас. Тот, кто будет хорошо работать, поедет завтра со мной и Арчи в Бантон на «Четырех мушкетеров». — Я очень надеялась, что Арчи не воспротивится. Не в первый раз я пожалела, что не могу водить машину так, чтобы куда-нибудь не врезаться.

Я нашла Арчи лежащим на диване в библиотеке и плачущим над книгой.

— Это история жизни Яна Гуса, — объяснил он, вытирая глаза. — Он был протестантским священником в Германии в пятнадцатом веке. Его сожгли живьем. Когда беззубая старуха, вся в язвах и воняющая мочой, подошла к костру, сгибаясь под тяжестью вязанки хвороста, и бросила ее в огонь, он крикнул: «О, святая простота!» Принимая во внимание тогдашние обстоятельства, ее поступок понятен. Гус действительно был святым...

— Ты не мог бы почистить ванны и тазы? — прервала я. — Мэгги просила обратить особенное внимание на цепочки от пробок. Их надо отцепить и выдержать час в дез-

инфицирующем растворе. — Я протянула ему тряпку и бутылку чистящего средства.

Арчи смотрел на меня в изумлении:

— Неужели любовная неудача помутила твой разум, моя милая девочка? — Он взглянул на свои безупречные оксфордские штаны и коричневые с белым ботинки. — Я должен мыть за кем-то ванну?

Я объяснила ему, что сказал доктор по поводу Мэгги.

— Я готов откликнуться. Но никто и ничто не заставит меня пожертвовать своими ногтями. — Он спустил ноги с дивана. — Я буду готовить.

Ланч подали на полчаса позже обычного, но он оказался необычным и восхитительным. Сэр Освальд, ожидавший его со стаканом шерри в руке, жалуясь всем подряд на поддержку, жадно набросился на суп из лука и петрушки и самое загадочное блюдо — пирог с каштанами и еще чем-то непонятным.

Когда мы стали наперебой хвалить его, Арчи заскромничал:

— Каждый может готовить. Требуются лишь воображение и немного усилий. Но готовить мясо я не могу. Жилы, горлышки, языки — для моих чувств это слишком.

Мэгги более-менее успокоилась, узнав, что Арчи может готовить, и заснула. Я поддерживала огонь в камине, и скоро комната прогрелась так, что от отсыревшего кресла начал подниматься пар.

После того как я помогла миссис Уэйл вымыть посуду, решила почитать в гостиной полчаса до прогулки с Дирком. Я подложила бревно в камин и уселась напротив дремлющей, как обычно, мисс Типпл. Тут вошла Джорджия:

— Ты не видела Эмилио?

— После ланча — нет.

— О! — Она подошла к столу и заглянула в сигаретный ящичек, который я забыла наполнить. — Нам уже надо ехать.

Я еще раз вежливо улыбнулась и открыла книгу.

— Глупо бегать за мужчиной, — вдруг заявила Джорджия.

— Возможно...

— Почему они думают, что можно обращаться с женщиной, как с дерьмом?!

— Ну, я не думаю, что единственный выход — отвечать тем же.

— Я понимаю, о чем ты. Во всяком случае, никаких ссор по поводу Макса?

— Конечно, нет, — холодно сказала я. — С чего бы?

— Ты еще многого не знаешь, — продолжала она, обнаружив, что мне нечего сказать, — ты слишком молода. Но с годами понимаешь, что вокруг крайне мало достойных мужчин. Либо они уже ни на что не годны, либо сумасшедшие, либо всю жизнь оглядываются на свою матушку. Ты же знаешь, мне уже за сорок.

— Ты выглядишь моложе. — Еще одна ложь.

— Грудь и подбородок обвисают с каждым днем, а под глазами появляются мешки. Мои волосы стали совсем безжизненными. — Она тронула пепельные, твердо залакированные кудри, которые выглядели хромированными.

— Постепенно теряешь надежду. Тебя все реже куда-то приглашают. Вдруг оказывается, что тебе нечем занять уик-энд, что рада поговорить даже с разносчиком газет. Эмилио сделал мне предложение, пытаюсь затащить в постель. Он и подумать не мог, что я приму его. Он живет с теткой в каком-то курятнике в Шефердс-Буш, у него нет ни гроша. Обычный поистрепавшийся жиголо. Я приняла его предложение, потому что боюсь остаться одинокой старой девой.

— Как ты говоришь, я еще очень многого не знаю, однако мне уже известно, что лучшее средство от несчастий — работа.

Джорджия затушила сигарету и бросила окурочек в сторону камина.

— Сидеть целый день в офисе и подчиняться какому-нибудь мелкому человечешке, который занимается продажей скобяных изделий или запчастей. — Джорджия скорчила гримасу отвращения. — Спорить с толпой машинисток из пригорода о том, чья очередь идти за бисквитами. Нет, уж лучше я выйду замуж за Эмилио.

— Но ведь сегодня женщине вовсе не обязательно заниматься черной работой. У тебя может быть собственный скобяной бизнес, ты завладеешь рынком и станешь скобяной ко-

ролевой. Тогда никто не будет воспринимать тебя как старую деву. В любом случае работа не дает все время думать только о себе, а это огромное облегчение.

Я по-настоящему увлеклась темой разговора, но, к сожалению, появился Эмилио.

— Ага, сеньорита Хэрриет! — Он схватил мою руку и принялся осыпать ее смачными поцелуями. От него изрядно пахивало бренди. — Грустное время пришло — мне нужно покинуть вас! Я был рад вас узнать! Милая мисс, такая красивая и сладкая...

— Эмилио, ради всего святого!.. — Джорджия закрыла сумочку и застегнула пальто. — Ты можешь просто выливать на людей патоку — эффект будет тот же. Если собираешься возвращаться в Лондон, тогда пойдем.

— О, Джорджия, я уже иду. Не бойся, дорогая, мое сердце принадлежит тебе.

Только я успела вернуться к книге, вошел Джонно:

— Они уехали? У-ух! Жуткая парочка! Они стоят друг друга. — Он и сам выглядел довольно жутко, осунувшийся, с глазами в красных прожилках. В руках у него была тарелка с холодными сосисками и пикулями, которые он ел руками, периодически вытирая их о джинсы. — Завтрак. — Он протянул тарелку мне. — Хочешь одну?

Меня передернуло:

— Ты ведь знаешь — если будешь так пить, то убьешь себя.

— Ну и кому какое дело? Мне все равно.

— Жалеть себя — последнее дело. Это отталкивает от тебя людей. — Джонно нахмурился, но я не отступала, вспомнив стремление Руперта сделать из него человека. — Твоей семье не все равно. Мэгги все время тревожится о тебе. Одна из причин ее болезни — то, что она забывает о себе, постоянно заботясь о других.

Джонно издал характерный горький смешок.

— Почему ты так много пьешь?

— А почему бы и нет?

— Потому что это делает тебя больным и несчастным. И непривлекательным.

— Я и вправду такой ужасный? — спросил он со вздохом, больше похожим на стон.

— Когда ты трезвый, то вовсе не ужасный. Любой пьяный становится докучливым.

— Докучливым?

— Невыносимо. Общаться с таким человеком — только время терять.

Я хотела добиться какого-то эффекта своим увещанием, но была шокирована, когда он обхватил голову руками и начал всхлипывать.

— Я так хочу... чтобы все изменилось, — сквозь слезы проговорил он. Я никогда не могла спокойно смотреть, как люди плачут. К горлу подступил комок. Я погладила его конский хвост.

Он склонил голову мне на грудь, и я принялась укачивать его, как ребенка, сама чуть не плача. Проснувшийся от рыданий Джонно Дирк подошел к нам, посмотрел удивленно, а затем, как я ни хмурила брови и ни гримасничала, осторожно взял с тарелки последнюю сосиску и унес ее на свое место перед камином.

— Извини, — наконец сказал Джонно, отстраняясь от меня и вытирая лицо рукавом. Он зацепился цепочкой, продетой в нос, за пуговицу на манжете и поморщился от боли. — Ты, должно быть, думаешь, что я невозможно жалок.

— Расскажи мне о своей матери. Если хочешь.

— Мне было двенадцать, когда она умерла. Она была самой красивой женщиной в мире. Правда, много болела, и я думаю, папа тоже сильно огорчал ее. Но она говорила, что чувствует себя прекрасно, когда я ухаживаю за ней. Она называла меня своим безупречным нежным рыцарем. Это были слова из ее любимой поэмы — я уже забыл название. После ее смерти я стал никому не нужен. У Аннабель была нянька, а папа через год женился на Мэгги, которая делала для него — и для всех — все возможное. Я стал лишним. Как ты говоришь, общаться с такими — пустая трата времени.

— Ты знаешь, что я не это имела в виду.

Я попыталась добавить немного строгости в мои слова. Сочувствуя ему, я хотела все же воспользоваться редким моментом, когда Джонно не пьет и не валяется в отключке. Некоторое время он задумчиво молчал.

— Да. Я понимаю. Я привык играть в нечестные игры с самим собой и остальными. Я хотел, чтобы Кейт меня оставила, чтобы я мог быть несчастным — тогда у меня появилась бы причина жалеть себя. Фактически я сам оттолкнул ее. Я знал, что делаю ей больно, но не мог остановиться. — Он снова задумался. — Обещай, что не будешь презирать меня за то, что я плакал.

— Ты стал лучше в моих глазах из-за этого. Правда.

— Как это?

— Потому что ты так любил свою мать. Теперь я знаю, что на самом деле тебе не наплевать на других.

— Я намеренно вел себя так, чтобы не испытывать боль.

— Ты не прав. Но даже если и так, ты не сможешь защитить себя, став черствым. Это самообман.

— Хэрриет... Мне вдруг захотелось поцеловать тебя.

Я подставила ему щеку.

— На самом деле я имел в виду не такой братский поцелуй. Но, видимо, я не нравлюсь тебе. Я не такой красавчик, как Макс Фрэншем.

— Вполне возможно, что ты мог бы им быть. Трудно сказать при такой маскировке. По-моему, ты был бы гораздо симпатичнее без этой штуки в носу. А также без хвоста и этой омерзительной бороды.

Джонно рассмеялся:

— Черт с ней! Я и в самом деле устал от нее. Она цепляется за стулья и щеколды. Не то чтобы очень больно, но выглядишь полным идиотом. А что не так с остальным? Неужели девушкам не нравятся мужественные волосатые мужчины?

— Некоторым — несомненно. Но я патологически не переносю бороды.

— Кейт она тоже не нравилась. Но я считал, что не должен поддаваться.

— Почему?

— Потому что показал бы себя слабаком. — Он приняхался. — Что за черт! Откуда пахнет горелым?

До этого момента мы были так заняты разговором, что не замечали струйки дыма, поднимающиеся из-под обширных юбок мисс Типпл.

— Окурок Джорджии! — Я беспомощно оглядывалась вокруг, выискивая, чем потушить, и не решаясь воспользоваться вышитой подушкой или персидским ковром.

Джонно схватил вазу с цветами, упал на колени и выплеснул ее содержимое под кресло.

— Что? Что? — Мисс Типпл проснулась, схватила свою палку и стукнула Джонно по голове с удивительной для ее возраста силой. — Уйди, сексуальный маньяк! Спасите! Насилуют!..

Глава 30

«Дорогая Мария-Альба!

Это будет короткое письмо, потому что я так устала, что с трудом могу держать ручку. Я пишу сидя в кровати, Корделия рядом со мной и уже спит. Она прекрасно себя чувствует и хорошо проводит время, так что не беспокойся о ней. Все мужчины от нее в восторге, и с Аннабель они ладят прекрасно, учитывая, насколько они разные

Сэр Освальд разразился речью о высочайших достоинствах Корделии и назвал ее ангелом благотворного влияния. Сестра Имельда была бы поражена».

Я задумалась, нужно ли упоминать о менее привлекательных чертах сэра Освальда, и решила, что все-таки не стоит. Мария-Альба всегда подозревала, что сестры везде суют свой нос и копаются в ее вещах, когда она находится на кухне. Если они случайно прочитают о педофилии сэра Освальда, то будут крайне шокированы.

«Мэгги приболела. У нее ушная инфекция, и ей нельзя подниматься с постели. Поэтому мы с помощью миссис Уэйл выполняем всю домашнюю работу. Представляешь, ручки ножей из слоновой кости необходимо протирать лимоном перед мытьем. В этом доме ничего не выбрасывается. Обмылки собираются в жестянку, которая прикручена к крану на кухне. Перед мытьем посуды нужно поболтать ими в воде, а потом повесить обратно. Я устала спрашивать у миссис Уэйл: неужели в доме такая про-

блема с деньгами? В конце концов, ну сколько может стоить бутылка моего средства?! Хотя, конечно, это не мое дело.

Я еще должна рассказать тебе о том, что меня порадовало, и тогда смогу лечь спать, чтобы достойно встретить новый рабочий день. Мне еще нужно начать писать статью для следующего выпуска «Призрачной зоны».

Я решила, что не буду рассказывать суеверной Марии-Альбе о том, что нашла палец от руки старины Гэлли в ящике с носовыми платками у Мэгги. Это неприятно шокировало меня. Вне витрины он выглядел вовсе не жалко, а скорее зловеще. К тому же на одном из платков осталось ржавое пятно. Исполняя свою миссию охотницы за сверхъестественным, я собрала волю в кулак, взяла палец так, чтобы Мэгги не видела, и сунула его в карман. Мне был нужен ключ, чтобы вернуть его на место, но связки Мэгги нигде не было видно.

«Я рассказывала тебе о Джонно, который все время пьет. Мы серьезно поговорили с ним сегодня днем, и я начала думать, что, несмотря ни на что, в нем есть нечто хорошее. Во всяком случае, я устроила ему разнос в связи с его отношением к Мэгги, и он воспринял это без обид. Он совсем не пил за ужином — были поданы вегетарианский суп, суфле из морской капусты и миндальный пудинг — и после этого исчез. Я думала, он отправился за бутылкой. Но когда я поднялась к Мэгги пожелать ей спокойной ночи, то обнаружила его там, читающим ей вслух любовный роман, — абсолютно дурацкий, но выглядело это очень трогательно. Полагаю, Джонно сам получал от этого удовольствие, но, конечно, ни за что бы в этом не признался. Я видела, что Мэгги очень рада видеть его рядом с собой...»

На следующее утро я поднялась рано, чтобы взяться за дела. Завтрак подали поздно, но на жалобы сэра Освальда уже никто не обращал внимания, поэтому в конце концов он заткнулся и сосредоточился на поглощении максимально возможного количества *oeufs frits* по-сербски — плов с луком и изюмом, залитый яйцом. Блюдо было необычным, но вполне съедобным. Потом я отмывала кладовую для дичи карболкой, ко-

торая воняла так, что мне казалось, будто запах впитался не только в мои волосы и одежду, но даже в кожу. Когда я закончила, то пошла наверх к Мэгги за подносом.

У нее была миссис Уэйл, которая меняла постель и убирала в комнате. Потом она открыла окно так широко, что камин задымил, и все мои попытки прогреть комнату пошли прахом.

— Я избавилась от микробов, — заявила она, взбивая подушки на креслах так, что в воздух поднялось облако пыли, и удалилась, не взглянув в мою сторону.

— Милая Джанет, — с теплотой в голосе произнесла Мэгги. — Я так счастлива, что есть люди, которые так заботятся обо мне.

Я закрыла окно и села к ней на кровать, чтобы не кричать, потому что ее глухота прогрессировала.

— Миссис Уэйл рассказала мне все: про тюрьму и так далее. Мне так жаль ее. Каково это — совершить столь ужасный поступок, который перевернет всю жизнь? — Конечно, я при этом думала и об отце.

— Она была такой красивой девушкой...

— Но жизнь изобилует терниями. Мне было так тяжело, когда умерла леди Пай — мать ребятишек. Справляться с таким огромным домом! У них совсем не было денег, приходилось все продавать. Ты знаешь, ведь сэр Освальд в первый раз женился по любви. Она была дочерью приходского священника, из хорошей, но очень бедной семьи. Мой отец пообещал сэру Освальду, если он женится на мне, три четверти прибыли от его ковров прямо в день свадьбы.

— Черт побери! А что вы об этом думали?

— Я умоляла отца не делать этого. Я знала, что недостойна оказаться на месте этой милой девочки. Но он не слушал.

— В самом деле, я не знаю никого более достойного уважения, чем вы. Пожалуйста, никогда не думайте, что вы когда-то недостойны.

Но Мэгги, казалось, не слышала меня, полностью погрузившись в прошлое.

— Ну, он взял деньги и женился на мне. Я чувствовала себя полной дурой, когда шла с ним к алтарю. К счастью, я не могла видеть лиц присутствующих, потому что была без оч-

ков. Все они были из местной знати, и я представляла, что они обо мне думают. Я была красная, как петушинный гребень. Улышала пару смешков, но не могла осудить их за это.

— О, Мэгги! — Я почти потеряла дар речи, живо представив себе картину.

— Потом, конечно, состоялось венчальное угощение. Это было еще хуже. Но он старался вести себя подобающим образом. И не удалился к своим великолепным друзьями. Нет, он оставался со мной и пытался поддержать разговор, но мне было очень неловко. Я не могла посмотреть на него без того, чтобы не подумать о предстоящей ночи. Понимаешь, я никогда не знала мужчину. — Она повернула голову на подушке, чтобы посмотреть на меня. — Я не расстраиваю тебя такими разговорами?

Я помотала головой.

— Наверняка он думал о том же. Слишком большой контраст был между мной и той крошкой. Он представлял меня всем. Они говорили по паре вежливых слов и устремлялись прочь, как грачи от пугала. Все, кроме Руперта. Он поднес мне блюдо с клубникой, а потом пригласил погулять по саду. Мы долго разговаривали, и мне стало с ним совсем легко.

— Могу себе представить.

— Я не знаю, почему Руперт был так добр ко мне. Видимо, просто сочувствовал. Он видел, как мне плохо, и что-то в нем откликнулось. Я думала о доброте Руперта до самой ночи — чтобы успокоиться. Я лежала в постели, без света, одетая в новую ночную рубашку — такую скользкую и холодную, — и дрожала, боясь... Ты понимаешь, о чем я говорю. Больше всего я боялась, что он будет ненавидеть меня за то, что я — не она. Он вошел и лег со мной рядом. Потом я услышала, что он плачет. «Что случилось?» — спросила я. Он ответил: «Я не могу этого сделать. Прости меня». И мы всю ночь молча лежали рядом. Я ни на минуту не сомкнула глаз. Он, я думаю, тоже. Когда уже рассвело, он наконец начал похрапывать, а я встала и пошла разжигать камин. В тот же день я перенесла свои вещи в эту комнату и до сих пор обретаюсь здесь.

— Милая Мэгги. Я надеюсь, вы не очень расстроились из-за... из-за того, что у вас не было...

— Нет, девочка. По правде говоря, это было облегчением. Я не из тех, кого любят мужчины. Я обрела свое счастье, занимаясь этим домом, и им тоже. Знаешь, я люблю его — по-своему. Я никогда не желала ему зла. Он становился старым и толстым у меня на глазах, и мне всегда было жаль его, потому что он действительно был благородным джентльменом когда-то. Я прекрасно помню, как он выглядел двадцать лет назад, когда выходил из церкви с той девочкой, похожей на эльфа. — Казалось, Мэгги доставляют удовольствие эти воспоминания. — Да, я вполне удовлетворена жизнью. Меня волнуют только дети. Но вчера вечером Джонно... Ты знаешь, что он сказал? — В глазах у Мэгги блеснули внезапные слезы. — Он сказал: «Мэгги, ты всегда была молодчиной, а я был идиот. Я надеюсь, ты простишь меня». А я ответила...

Я с неохотой поднялась — меня ждала еще тысяча дел.

— Будем надеяться, все пойдет на лад. Но многое зависит от того, перестанет ли он пить.

— Я чувствую, что так и будет, — проговорила Мэгги. — Не знаю почему, но я уверена.

Так получилось, что управление домашними делами легло на меня. Как ни крути, это был мой первый опыт обладания хоть какой-то властью. Я находила в этом некое новое удовольствие, что заставило меня вспомнить небезызвестную аксиому, что власть развращает. Когда мисс Типпл, поставленная перед выбором встать со своего кресла или быть убранной Корделией, спросила, не может ли она быть чем-нибудь полезна, я отвела ее в мойку и нагрозила ножами, вилками, ложками, солонками и перечницами, а также шерстяной тряпочкой для чистки. После этого несколько часов она сидела, абсолютно счастливая, за работой, напевая «Я бледные руки любила». Из чего я заключила, что одно из худших состояний в старости — ощущать себя никому не нужным.

Когда я протирала телефон, то увидела рядом с ним записку. Полагая, что ничего конфиденциального на таком месте оставить не могли, я прочла ее: «Портер и суп. Обед, четв.» Я вспомнила, что портер — тот самый гнусный напиток, которым мистер Баррет каждый день поил свою больную дочь

Элизабет, пока та не сбежала благоразумно в Италию, где стала миссис Браунинг.

Когда я показала эту шифровку Мэгги, она сказала:

— А, это какая-то дама звонила, но я не расслышала точно, что она сказала. Это было день или два назад, и с моими ушами уже было что-то не в порядке. Я записала это, надеясь, что потом пойму, о чем шла речь. Скорее всего, звонили из магазина по поводу доставки заказов.

Я скомкала бумажку и забыла о ней.

Новый объект для моей газетной колонки появился в тот же вечер. Я поняла: если мое пребывание в Пай-Плейс не делает из меня мастера жанра, значит, я абсолютно безнадежна. День вся компания, кроме Мэгги, сэра Освальда, мисс Типпл и миссис Уэйл, провела в Бантоне. Вечером, когда уже все улеглись, мы с миссис Уэйл прибирались в кухне. Я сложила в корзину выстиранные посудные полотенца и отправилась к сушильному шкафу, который находился внизу, у черной лестницы. Дирк побежал впереди меня по коридору, но в нескольких ярдах от кухни вдруг резко остановился и начал возбужденно подвывать.

— Тише, Дирк, — велела я, когда он начал лаять. — Нельзя быть такой шумной собакой. — Тут я почувствовала нечто такое, что заставило меня замолчать — запах гниющего мяса. Я огляделась вокруг в поисках дохлой мыши или крысы. Но коридор был пуст.

— Миссис Уэйл! — позвала я. — Не могли бы вы подойти сюда на минутку?

Ее лицо сохраняло обычное замкнутое выражение, пока она не оказалась в зоне запаха.

— О Боже! — Она подняла передник, чтобы прикрыть нос. — Не может быть!

— Что? Это не может быть — чем?..

— О, ничего. Не знаю, что я сказала. Я так устала.

— Что бы это могло быть?

Миссис Уэйл затрясла головой и убежала обратно в кухню.

— Привет, Хэрриет! Что случилось?

Это был Джонно. В кино он сидел со мной рядом и всю

вторую серию держал меня за руку, что совсем отвлекло меня от картины и крайне удивило девочек.

— Ты чувствуешь это?

— Что? О Боже! Что за черт?!

— Запах идет от этой стены. Но я не понимаю, каким образом. Она выглядит вполне обычно.

Джонно вытащил из кармана грязный носовой платок и зажал нос:

— Кто бы мог подумать...

— О чем?

— Ты ничего не слышала о призраке Фанни Кост?

— Нет! Кто это?

— Пойдем куда-нибудь отсюда.

— Расскажи мне о ней, — попросила я, когда мы поднимались по лестнице.

— Фанни Кост была здесь служанкой еще во времена Кромвеля. Она родила незаконного ребенка. Сэр Освальд, второй баронет, и его жена были ревностными пуританами. Никогда не поднимались с колен. В галерее есть портреты обоих. Жуткая парочка, больше всего напоминает пару ворон.

— Я думала, в роду Пай все были роялистами и католиками.

— За нахождение не на той стороне приходилось дорого платить. Можно было и головы лишиться. Ну так вот, хозяева бедной Фанни решили преподать урок девушке и ее соблазнителю. Они хотели завоевать ее признаться, кто отец ребенка, но Фанни Кост исчезла, а одновременно — один из конюхов. Все решили, что они сбежали вместе. Но остальные слуги начали жаловаться на ужасный запах. Когда все же стену в людской сломали, то обнаружили ее разлагающийся труп с мертвым ребенком на руках. Сэр Освальд, весьма удачно, был местным судьей. Провели расследование. Пропавший конюх был признан виновным и приговорен к смерти, если он появится. Но рука старины Гэлли стала появляться с ужасающей регулярностью, все время показывая на хозяина дома. Он заболел и вскоре умер, признавшись на смертном одре, что это он отец ребенка Фанни Кост. Он заплатил конюху, велел ему убить девушку и ребенка и замуровать их в стену. Потому тот и скрылся. А

она с тех пор напоминает о себе этим запахом. Конечно, все это изрядная чушь... — Джонно выглядел расстроенным.

— Конечно. Но не говори Мэгги.

— Ты думаешь, она верит в привидения?

— Да. И они приводят ее в ужас.

Мы дошли до длинной галереи.

— Ну, тогда я отправляюсь в кровать, — сказал он.

— Спокойной ночи.

Я сохраняла суровое выражение лица, но, видя, каким затравленным он выглядит, чмокнула его в щеку в знак дружбы. Это было ошибкой. Мужчин дружба с женщинами никогда не интересует. Джонно обнял меня и поцеловал в губы. Масса разнообразных эмоций и бессвязных мыслей пронеслась у меня в голове, но ни одна из них не имела отношения к сексуальному удовольствию. Я боялась, что прямой отказ вернет его к саморазрушению. По каким-то причинам я чувствовала себя в ответе за него.

— Он сжал меня в объятьях. — О-о-оу! Что за чертовщина? Что-то воткнулось в меня.

Я ошупала свой карман.

— Извини. Это палец старины Гэлли. — Я достала его, и мы некоторое время молча созерцали этот мрачный непривлекательный предмет. — Я нашла его сегодня утром и подумала, что лучше оставить его у себя, пока не решу, что с ним делать. — Я хотела убедить себя в том, что не боюсь его. И действительно, я уже почти не боялась.

— По-моему, ты испытываешь судьбу, таская его с собой. Надеюсь, то, что я на него напоролся, не значит, что он на меня показал? Мне вдруг стало как-то нехорошо.

— Ну, Джонно! Ты меня удивляешь. Любому понятно, что это просто старая жестянка, неспособная причинить никакого вреда.

В этот момент освещение замерцало и погасло.

— Хэрриет, все в порядке! Не надо так кричать! Это всего лишь генератор.

Услышав мой голос, слоняющийся без дела по галерее Дирк прервал свою прогулку и начал ворчать.

— Хорошо. Прощальный поцелуй, чтобы я знал, что

ты на меня не сердишься. О, черт! Хэрриет, заткни его! Он всех перебудит. — Дирку, видно, надоели наши разговоры. Он поднял морду и продемонстрировал свое вокальное искусство.

Я потащила его прочь.

— Спокойной ночи! — крикнула я через плечо. — Жду тебя в кухонной команде!

— Спокойной ночи, милая Хэрриет.

— Черт возьми, — твердила я, лежа в темноте рядом со спящей Корделией. — Черт, черт, черт!..

Глава 31

— Алло! Алло! Говорите громче! Плохо слышно!

— Хэрриет, это ты? — Голос Руперта в трубке звучал нетерпеливо и озабоченно.

Я полагала, что мой тон был примерно таким же. Утро подходило к концу, и передо мной возникла дилемма — протирать книги в библиотеке или все-таки взяться за статью. К тому же Корделия уже который день донимала меня, чтобы я помогла ей с гобеленом.

— Слушай! — раздраженно продолжал Руперт, хотя я не успела еще вставить ни слова. — Мне некогда объяснять. У меня встреча через три минуты. Я вернусь завтра вечером, поздно. Поезд будет в Бантоне в 11.30. Ты меня встретишь.

Меня возмутил его безапелляционный тон.

— Но у меня ужасно много дел. Я попрошу Арчи.

— Не спорь. Я хочу, чтобы приехала ты. Одна.

— Хотя мне это очень льстит, — саркастически заметила я, — но я действительно очень занята. Помимо домашних дел есть еще моя статья. Ты забыл, что я работаю. К тому же я не умею водить машину.

— Как это?

— Я не сдала экзамен.

— О Господи! Сколько тебе лет?

— Двадцать два. Не понимаю, при чем здесь это. Тебе тридцать два, а водить ты тоже не умеешь.

— Умею, конечно.

— Почему же ты никогда этого не делаешь?

— Потому что Арчи очень нравится это занятие. Ко мне уже пришли. Мне нужно идти. Я возьму такси. Но жди меня, ладно?

— Хорошо. Но почему именно я?

Короткая пауза.

— Мне нужно с тобой поговорить. Как Мэгги?

— Сегодня уже лучше.

— Как все остальные? У тебя уставший голос.

— Все хорошо.

— Я рад. — Я слышала голоса и смех в трубке. — Не забудь. — Он положил трубку.

Когда я проходила через холл, дверной звонок вдруг разразился трелью, которая заставила меня подпрыгнуть. Я немного приоткрыла дверь, настороженно всматриваясь в морозную темноту.

— Хэрриет! Дорогая!

Одна из двух стоящих за дверью фигур обвила меня руками за шею. Это была Порция.

— Понимаешь, этот ужасный мужчина грозил подать на Сьюк в суд, поэтому мы решили, что лучше ненадолго скрыться из Лондона, пока страсти не улягутся. Я звонила несколько дней назад: спросить, можем ли мы приехать? Странно, что леди Пай тебе ничего не сказала. Она показалась мне по телефону очень милой. Надеюсь, ты не считаешь, что мы незваными вторглись на твою территорию, чтобы составить тебе конкуренцию?

Порция и Сьюк, когда приехали, были одеты в одинаковые спецовки, цветом напоминающие старые мешки, вне всякого сомнения, из материала, сотканного Сьюк собственноручно. В этих одеяниях и впрямь не было ничего возбуждающего. Я была рада, что Порция не последовала примеру Сьюк и не побрилась налысо. Голый череп последней напоминал о мраморных статуях, хотя, надо признать, был по-своему красив.

Я вспомнила записку о портере и супе в четверг.

— Мэгги плохо себя чувствовала. И конечно, я ничего такого не думаю. Очень рада тебя видеть. Но что все-таки сотворила Сьюк?

— Это было на съезде писателей в Эдинбурге. Этот человек, писатель по имени Бак Блистер, говорил, что все авторы удачных триллеров — мужчины, потому что женщина не способна понять психологию аморального героя, которого интересуется только выигрыш. А женщины всегда стремятся придать герою черты слабости и невинности, которые в конце обязательно одерживают верх над его жестокой природой.

— Ну, если подумать, действительно нет женщин, которые пишут удачные триллеры. Можно припомнить авторов многих детективов, например...

Порция, расчесывающая волосы, остановилась и посмотрела на меня в зеркало:

— Как я выгляжу?

— Невероятно! — Я не преувеличивала. У Порции были самые длинные в нашей семье ресницы, а сейчас, когда она накрасилась, ее глаза казались необыкновенно большими.

Я надела шерстяное платье оттенка черной смородины. Так как его выбирал Арчи, я была уверена, что оно мне идет. И была не против, чтобы мне составили конкуренцию. К этому я уже привыкла. Я действительно гордилась своими сестрами, когда мы вместе вошли в гостиную. Жаль только, что аудитория была мала — в этот момент там находились лишь Аннабель и мисс Типпл. Когда, переваливаясь, появился сэр Освальд, он был сильно ошарашен, увидев Порцию.

— Вот это да! — произнес он, ткнувшись носом в ее руку. — Сколько же в этой семье очаровательных созданий?!

— Моя сестра Офелия всегда считалась красавицей, — ответила Порция. — Вы так добры, что согласились принять нас.

— А Офелия старше тебя или моложе? — заинтересовался сэр Освальд.

— Старше. Со мной моя подруга Сьюк. Леди Пай позволила нам приехать. Мы очень вам благодарны.

— Не стоит благодарить меня, дорогая мисс Пинг. Жизненная сила юности окрашивает в весенние цвета эти древние

стены. — Его цветистая речь была прервана появлением Сьюк. — А вот и твоя юная подруга. — Он оглядел ее сверкающий череп и бесформенный костюм с нескрываемым разочарованием. — Ну, ну...

Сьюк обладала редкостным хладнокровием. Она пожала руку сэру Освальду и поблагодарила его за гостеприимство тоном, не лишенным очарования. В ней было что-то от Жанны д'Арк и одновременно от юного Давида. Она была высокой и стройной, с острым носом, твердым ртом и решительным подбородком. Ее поза — ноги широко расставлены, руки сцеплены за спиной — и прямой взгляд говорили о том, что компромиссов она не терпит. Я поняла, почему Порция влюбилась в нее. Сразу было понятно, что она всегда говорит правду, не боясь о сглаживании углов и собственной выгоде. В ней чувствовалась та сила, которая всегда меня привлекала. Я была начеку, опасаясь, что сэр Освальд отпустит какую-нибудь бестактную реплику, а Сьюк ударит его. Я огляделась вокруг в поисках возможного орудия и, пока ее представляли мисс Типпл, спрятала кочергу за диван.

— Неужели та самая мисс Эрнестина Типпл?! — вскричала Сьюк. — Автор книги «Гусь и лисица — анализ современных брачных отношений»?

Мисс Типпл склонила голову в подтверждение.

— Но это невероятно! Это моя настольная книга! Я прочла все, что вы написали.

Мисс Типпл открыла обесцвеченные возрастом глаза и с надеждой взглянула в лицо Сьюк.

— Даже «Запятнанных» — мою работу о венерических болезнях у женщин? По каким-то причинам она не очень хорошо продавалась.

— Она произвела на меня большое впечатление. Настоящее научное исследование.

— Ты кажешься очень умной молодой женщиной. — Мисс Типпл распрямила согбенную спину. — Я бы хотела узнать твое мнение о моей незаконченной работе — «История движения за права женщин». Я уже много лет работаю над ней, но конца не видно. Я стала плохо видеть и из-за артрита с трудом могу держать ручку.

— Почту за честь. — Сьюк стояла с гордо поднятой головой. Я не могла решить, кого она мне больше напоминает — сэра Ланселота или Робина Гуда. Ей явно не хватало серебряного копья или колчана со стрелами.

— Порция! — Арчи, только что вошедший в гостиную, заключил ее в объятия. — Я так рад тебя видеть! Хэрриет сказала, что ты здесь. Нужно выпить. — Он налил себе шампанского. — Я два часа сражался с этой плитой! Теперь знаю, как чувствовал себя Геркулес, победив льва! О-го-о! — Он заметил Сьюк. — Моя дорогая, — прошептал он мне на ухо, — я сейчас упаду в обморок. Ужасно, ужасно, ужасно! Пожалуйста, сделай так, чтобы мы оказались на разных концах стола, иначе я не смогу съесть ни кусочка!

Я начала успокаивать его, как вдруг Порция схватила меня за руку:

— Хэрриет! Противная, ты приберегла его для себя!

Ее взгляд был устремлен на дверь. Там стоял Аполлон, словно сошедший с картины на лестнице и решивший спуститься к обеду. У него были светлые волнистые волосы, подстриженные до уровня ушей, а чисто выбритое лицо могло заставить Нарцисса умереть от зависти.

— Это что, античный бог? — выдохнула Порция.

— Античный бог, — согласилась я. — Это точно.

Джонно, почти до неузнаваемости изменившийся — без бороды и хвоста, — оглядел комнату. Он заметил меня и довольно улыбнулся.

— Он идет сюда! — Порция повернулась ко мне: — Только не говори, что он гомосексуалист. Я этого не вынесу!

— Ш-ш-ш! Он тебя услышит. Насколько я знаю, нет. Привет, Джонно. — Я взглядом одобрила его новый внешний вид. — Порция, это Джонно Пай. Джонно, моя сестра Порция.

Порция взглянула на него через плечо. Это был завлекающий взгляд из-под роскошных ресниц, слегка застенчивый, как у пугливого лесного создания. Джонно задержал дыхание.

— Привет.

— Привет.

Они уставились друг на друга. Великолепно очерченные

губы Джонно чуть приоткрылись от изумления, когда он глядел на хорошенькое личико Порции.

— Порция только что приехала из Шотландии, — сообщила я. — Со съезда писателей. Вместе с подругой Сьюк.

— Как... чудесно. Там... снег?

— Снег?

— В Шотландии.

— О, нет. То есть да. С дождем. Настоящий буран.

— Как... удивительно.

Я оставила их вдвоем и отправилась перераспределять места за столом. Я была рада посадить Порцию рядом с Джонно, но, по разным причинам, он, она, сэр Освальд и Арчи должны были оказаться как можно дальше от Сьюк. После десяти минут перетасовки карточек мои мозги начали плавиться.

Я примирилась с перспективой скучного вечера. На моем конце стола Сьюк и мисс Типпл — они говорили исключительно друг с другом. Вклад Аннабель в разговор сводился к периодическому повторению того, что у нее есть тайна, которая огорчит нас всех. От дальнейших объяснений девушка отказывалась. Корделия изредка перекидывалась со мной парой фраз. Я продолжала сочинять в уме свою статью. Утешало меня только то, что теперь я свободна от ответственности за реабилитацию Джонно.

Я стояла у мойки, ополаскивая стаканы, когда через мое плечо протянулась рука, попытавшаяся отобрать у меня ершик:

— Давай я это сделаю.

Я вцепилась в ершик:

— Это очень любезно с твоей стороны, но я уже вошла в ритм. — Я улыбнулась Сьюк, но она посмотрела на меня так, словно пыталась оценить мои достоинства, и они ее не удовлетворили.

— Я хочу выполнить свою часть.

— Это миссис Уэйл, — сказала я, выпуская ершик, так как та именно в этот момент появилась в кухне. — А это мисс... эээ...

— Меня зовут Сьюк. — Она энергично потрясла руку миссис Уэйл. — Как ваши дела?

Миссис Уэйл оглядела голый череп и спецовку Сьюк.

— Очень хорошо, спасибо, мисс.

— Не нужно называть меня так. Я — Сьюк для всех. Социальному статусу нет места между сестрами. Я негодовала и стыдилась, когда вы прислуживали нам за обедом, вместо того чтобы сесть с нами за стол. Кастовая система — признак деградации общества.

Миссис Уэйл выглядела ошеломленной. Она взяла стакан, который Сьюк поставила на сушку, хотя на нем осталась пена.

— Леди Пай нравится, когда стаканы промывают в чистой горячей воде, мисс.

— Это не стаканы леди Пай. Они общие. Собственность — это воровство.

Миссис Уэйл сдвинула брови:

— Могу вас заверить, мисс, эти стаканы не ворованные.

Я оставила их за этим занятием и вернулась в гостиную. Арчи повеселился, когда я рассказала ему о стычке в кухне.

— И в самом деле, Сьюк абсолютно права. Она заставила меня устыдиться. Почему бы действительно миссис Уэйл не сидеть с нами за столом?

— Ну, во-первых, ей самой было бы неудобно.

— А почему? Все из-за нашей ужасной классовой системы. Умные люди выполняют черную, плохо оплачиваемую работу на фабриках, в то время как тупые сыновья богачей проводят жизнь в приятных местах. Это несправедливо.

— Я не понимаю, почему бы нам не пожалеть и тупых сыновей. — Он посмотрел через стол на сидящих рядом Порцию и Джонно, не отрывающих глаз друг от друга.

— Я бы не назвала Джонно тупым.

— Нет, он не глуп, но ведет себя глупо. Ты, однако, добились больших успехов. Надеюсь, ты не переживаешь, что тебя исключили из игры?

— По правде говоря, нет. Я даже чувствую облегчение. И я поняла, что не завидую Джонно как наследнику этого чудного старого дома. Однако вопиющая безнравственность существования богатых в их замках и бедных за их воротами должна волновать нас, разве нет?

— Я подберу для тебя элегантную власяницу. А лучше — санбенито.

— Это еще что?

— Такая желтая мантия с красным крестом на спине, которую носили кающиеся еретики во времена Инквизиции.

Я отвлеченно улынулась.

— Хэрриет, ты расстроена. Я не пойму: почему?

— Что, я? Нет...

— Я и сам расстроен. И скучаю по Руперту. Может, ты тоже?

— О, Арчи, я совсем забыла! Прости меня, пожалуйста. Он звонил сегодня утром и сказал, что приедет завтра ночью.

На лице Арчи появилась довольная улыбка.

— Я надеюсь, не слишком поздно? Я ни на что не способен после полуночи.

— Он просил, чтобы я сама встретила его — одна.

— О? Почему?

— Он хочет поговорить со мной. Я думаю, насчет Мэгги. Арчи нахмурился, размышляя.

— М-м. Не очень-то весело. Не стоит мешков под глазами. Ну ладно. — Он улыбнулся мне, безмятежный, как прежде. — Он говорил, как прошла встреча?

— Она как раз должна была начаться. Это важно?

— Возможно, даже очень. Руперт очень амбициозен. Ну, — добавил он, видя мое удивление, — не в денежных вопросах, конечно. Его отец оставил ему достаточное состояние. Но он хочет чего-то добиться. Хочет сам себе доказать, на что способен. Может быть, это как-то связано с его детством. Он не говорит об этом. Но, кажется, это исключительно из-за недостатка любви. Руперт не желает выглядеть озабоченным и увлеченным чем-то. Возможно, он стыдится этого. И, как и все, я думаю, он боится неудач, поэтому скрывает свои стремления. Я люблю его за это. Это неотъемлемая часть его сложной натуры.

— Никогда не думала, что у Руперта могут быть какие-то сомнения и страхи. Он кажется таким... уверенным. И непоколебимым.

— Он хочет, чтобы его считали таким. Он наиболее таинственный и закрытый человек из всех, кого я знаю. Но это еще не значит, что он непоколебим. Он так же уязвим, как и любой из нас, может быть, даже больше, чем многие, но считает необходимым скрывать свои чувства.

Следующий день запомнился в основном ссорами и распрями. За ланчем Арчи и Сьюк сцепились из-за того, что готовить на обед. Сьюк считала кулинарные изыски Арчи слишком дорогим удовольствием. Из солидарности с обездоленными она не соглашалась употреблять ничего, кроме солянки или вареной картошки с твердым сыром. Опровергнуть ее аргументы было крайне сложно.

— Но это же так скучно, — возражал Арчи. — Я очень чувствителен к скуке. Я заболею.

— Скука — симптом распутства. Тебе не было бы скучно, если бы ты собирал в грязи зернышки риса, чтобы прокормить детей.

— Если бы я был не в состоянии прокормить своих детей, то не позволил бы себе такую безответственность, чтобы вообще их заводить.

На Сьюк было трудно повлиять.

— Если бы секс был для тебя единственным утешением в ужасающей реальности, то вряд ли ты мог бы демонстрировать такое удивительное самообладание. Ты приводишь такие аргументы, потому что как гомосексуалист не подвержен риску иметь детей.

За Сьюк обычно оставалось последнее слово, потому что большинство людей, в том числе и я, слишком пугались ее откровенной манеры спорить.

Арчи тем не менее был рад сразиться:

— Ну, хоть я и трачу свое семя впустую, но тоже имею право, если захочу, защищать обездоленных, беспомощных и нищих духом. Голова, похожая на зрелую тыкву, и одежда в стиле Бернарда Шоу сами по себе не являются признаком твоей высокой морали.

И они продолжили браниться в том же духе. Вряд ли можно было упрекать девочек, которые весь ланч нервно хихикали.

После мытья посуды я разожгла камин в маленькой приемной и уселась за работу. К моему удивлению, фразы, казавшиеся мне вчера лучшими, сегодня выглядели вялыми и неоригинальными. Я начала статью заново и просидела над ней весь день, прервавшись только на прогулку с Дирком.

За обедом, пока мы поглощали тефтели и вареный турнепс, состряпанные Сьюк, которые трагически контрастировали с первым блюдом, приготовленным Арчи, Сьюк и мисс Типпл продолжали обсуждать «Историю движения за права женщин». Сьюк предложила сама написать ее на основе материалов мисс Типпл.

Я не переставала удивляться, откуда у Сьюк такая уверенность в себе и стремление изменить мир. Бескомпромиссная любовь к правде и высокие принципы, вне всякого сомнения, были не более эффективной защитой от страданий, чем моя скрытность и уклончивость.

Когда ужин не был подан к восьми часам, а сэр Освальд и мисс Типпл начали раздражаться, я снова предложила свою помощь на кухне. Но Сьюк сказала, что они справятся сами. Арчи послал мне выразительный взгляд за ее спиной и постучал себе по макушке. Но в этот самый момент она повернулась к нему и увидела этот жест. Ее глаза стали стальными, а губы сжались в тонкую полоску. Я думала, что нетрадиционная сексуальность обоих позволит им прекрасно ладить друг с другом, но ошиблась.

В системе Сьюк были свои плюсы. По крайней мере, сразу после обеда я смогла улизнуть в маленькую приемную и заняться работой. Общество внизу постепенно разбрелось. Первой ушла мисс Типпл, поддерживаемая под локоть Сьюк. Порция и Джонно, делая вид, что умирают от скуки, что вряд ли могло кого-нибудь обмануть, тоже удалились.

Я всегда завидовала способности Порции полностью отдаваться каждому новому увлечению. Но ее страсть к Джонно не представлялась мне благоразумной. Днем я видела из окна, как они прыгают по сугробам, взявшись за руки. Джонно не пил уже по меньшей мере двое суток, но, глядя на него, я понимала, что он пьян от любви.

Если о благоразумии говорить не приходилось, значит, любовь основана только на половом влечении? Я знала, что это не так. Макс действительно был для меня желанным. Но даже до того, как я узнала о Джорджии, я не была в него влюблена. Вынуждена признаться, что, возможно, я

еще никого никогда по-настоящему не любила. Правда, была очень увлечена Доджем. Меня увлекал его евангельский дух и аскетический образ жизни. Он казался мне очищающим огнем в мире свинских развлечений. Мне тогда не приходило в голову, что его увлечение политической борьбой было просто способом подняться над тоскливой повседневностью.

Возможно, с грустью подумала я, альтруизм вообще не свойствен человеческой природе. Скрип половиц за спиной заставил меня повернуться.

— Я ложусь спать, мисс, если больше ничего не нужно. — Обычное выражение тихого страдания на лице миссис Уэйл сменилось явным раздражением. — Завтра у меня выходной. Я еду в Бантон на часовом автобусе.

— О, прекрасно! Я надеюсь, вы хорошо проведете время. Вы собираетесь посмотреть «Четырех мушкетеров»? Это действительно очень занятно.

— Я собираюсь навестить отца Терри. Он страдает от опоясывающего лишая, что делает его брюзгливым, и ему некому помочь по дому. Я всегда готовлю ему скромную трапезу по субботам. — Эта не слишком веселая перспектива явно поднимала настроение миссис Уэйл. — И еще он просил меня почистить мойку и прогнать глистов у кота.

Когда она ушла, я задумалась о странной жизни этой женщины — красивой, интеллигентной, которую жестокие жизненные обстоятельства повергли в перманентную духовную борьбу и состояние самоуничтожения. Одновременно я пририсовывала паучьи лапки к чернильному пятну на листе бумаги. Потом я нарисовала пауку замысловатую сеть. Рисунок получился вполне готическим, поэтому я добавила стрельчатый дверной проем и руку скелета, машущую изнутри. Это напомнило мне о моей работе. До приезда Руперта оставалось время, которое надо было провести с пользой. «Серая завеса, сплетенная давно умершими пауками и покрытая многовековыми слоями пыли, висела на запертой цепью витрине как мантия...»

Челюсть болела от удара о крышку стола, за которым я заснула, а ноги заоченели. Я выпрямилась и посмотрела на

часы. Было уже больше двенадцати. Я взглянула через дверцу вниз. Электричество было потушено, а у кресла старины Гэлли стоял трехсвечный канделябр. В камин недавно подкинули дров, и огонь отбрасывал на пол причудливые пятна света. Было легко представить, что гостиная заполнена мужчинами в камзолах и женщинами в юбках с фижмами. Только стопка бумаги на стуле рядом с креслом мисс Типпл нарушала иллюзию.

Я высунулась подальше и почувствовала запах табака. Кто-то оставил непотушенную сигарету в пепельнице? Я выключила лампу. Когда глаза привыкли к изменившемуся освещению, детали обстановки внизу стали видны более отчетливо. Кресло старины Гэлли стояло спинкой ко мне. Из-за нее поднимался длинный завиток дыма. Мне была видна чья-то коротко стриженная седая макушка.

Неожиданный гость остался в гостиной в одиночестве и решил покурить, не зная о неприкосновенности кресла старины Гэлли.

Я на цыпочках сошла вниз по лестнице, вздрагивая от каждого звука. Дым, поднимающийся из-за кресла, стал гуще. Я услышала два протяжных вздоха. Стенания потревоженного духа? Я помедлила. Захватчик кресла начал бормотать, сначала невразумительно, а потом я смогла расслышать слова песни.

— «Гудки полночных поездов...» Хэрриет! Господи Боже мой! Так подкрасться — у меня мог случиться сердечный приступ! Осторожнее! Нет, моя дорогая, не нужно плакать! Благодарю Господа...

— Что еще хотел сказать мой отец, я так и не узнала, потому что его слова также утонули в рыданиях.

Глава 32

Проснувшись, я услышала, что ветер поменялся. Он продолжал дуть, но гораздо тише, не сотрясая стекло, а лишь слегка покачивая верхушки тисов. Внутри меня была легкая пустота. И тут я все вспомнила: папа на свободе. И

не просто на свободе, а в этом самом доме, в бывшей комнате Мордейкеров. Я повернулась, чтобы рассказать удивительные новости Корделии. Она так сладко спала, что мне было жаль будить ее. Но я сама хотела услышать собственные слова, чтобы поверить в это. Меня так и подмывало пробежать по галерее и заглянуть к нему в комнату.

Прошлой ночью, когда первые восторги по поводу нашего воссоединения остались позади, я увидела, насколько он измучен. Пока мы с отцом пытались взять себя в руки, Руперт принес бренди и бутерброды с сыром. Мы сидели рядом на диване, обнявшись, и отец едва ли не каждую минуту прижимал к глазам платок или рукав. Он хотел казаться таким же жизнерадостным, как раньше, но вряд ли смог бы обмануть и ребенка.

— У нас было странное путешествие, — сказал отец, снова смахивая слезу. — Напротив нас в поезде сидела ужасная женщина с попугаем в клетке. Птицу очень привлек Руперт. Она не сводила с него своих глаз-бусинок и подвергла самой наглой критике: «Гадкий мальчик! Плохой мальчик! Поцелуй нас! О, дерзкое создание!» Люди пялились на нас. Я думаю, они начали подозревать, что попугай знает что-то такое, чего не знает никто.

Руперт рассмеялся.

— Я бы сказал, это внимание было столь исключительным, что я начал чувствовать беспокойство.

— Это был голос совести, — сказал папа.

— Я всегда мечтала о попугае. — Я догадалась, что отец всеми силами стремится избежать серьезного разговора.

— Мне кажется, Дирка вполне достаточно для любого любителя животных, — заметил Руперт. — Где он, кстати? Он устроил жуткую суматоху, когда мы приехали.

— Я спала, но мне снилось, что он лает.

— Спать! — сказал отец. — Вот чем бы я с удовольствием занялся! Хэрриет, есть ли шанс раздобыть подушку, на которую я мог бы приклонить голову?

Я повела его наверх.

— Прелестно. Однако температура поистине сибирская. — Пока я разжигала огонь, он шупал матрас и зевал. — Я наде-

юсь, хозяева не будут слишком обеспокоены присутствием лишнего гостя?

Я обняла его и поцеловала в макушку, чтобы скрыть собственные слезы.

— Я принесу тебе полотенца. А потом покажу, где ванная. — Когда я вернулась, он уже спал. Я подоткнула ему одеяло, поставила на место каминную решетку и выключила свет.

Внизу я нашла Руперта, наливающего себе второй стакан виски.

— Мне не стоило бы этого делать. Но я слишком перенервничал. Это был длинный, длинный день.

— Ты можешь рассказать мне вкратце, что произошло? Я буду лучше спать, если... если... Прости, что я такая плакса. Я просто в шоке.

Он протянул мне платок:

— Не оправдывайся. И ради Бога, не хлюпай носом.

— Извини. Так вот почему ты хотел, чтобы я тебя встретила! Чтобы мы увиделись с отцом без посторонних. Это так благородно с твоей стороны.

— Я не мог ничего сказать по телефону. Не хотел зря тебя обнадеживать. Все решилось очень быстро. — Я вытерла глаза и постаралась успокоиться. Руперт задержал во рту глоток бренди. — Должен сказать, Освальд знает толк в коньяке. Так о чем мы? А, ну вот... Нам очень помог Чарлз Фой. Если бы он не провисел полдня на телефоне, подгоняя всех, мы бы не успели на вечерний поезд. Ты не должна переживать. Все позади. На самом деле. — Руперт поглядел на меня, потом опять в свой стакан. — Пресса, конечно, всполошилась. Фой сбил их с толку, поэтому мы смогли выбраться через боковую дверь. Нас доставили прямо на станцию. Боюсь, тебе придется пережить это все заново.

— Это уже не важно. Мы привыкли к журналистам, даже кое с кем подружились. — Я подумала, что теперь, когда отец на свободе, я была бы рада видеть даже Стэна.

— К счастью, здесь вас никто не узнал и не сможет выдать им.

— Миссис Уэйл узнала меня по фотографии в газете. Но она никогда не сделает такого.

— Надеюсь, ты права. Так вот, получилось, что твой отец с первого места в списке подозреваемых переместился в самый его конец. Фактически из всех, кто был там в тот момент, твой отец оказался единственным, кто не мог убить Бэзила.

Я взглядом умоляла его продолжать. Руперт сунул руку во внутренний карман и достал сигару.

— Ты не против, если я закурю?

Я помотала головой. Руперт сел в кресло мисс Типпл и начал раскуривать сигару. Я взяла последний бутерброд, надеясь, что это меня успокоит.

— Фой очень скрытничает, — продолжал Руперт. — Важно, чтобы ничего не просочилось в прессу.

— Не беспокойся. Я усвоила урок.

— Он до сих пор не знает, кто убил Бэзила, если это вообще было убийство. Но он знает, как Бэзил был убит. Он намекнул мне, а дальше я додумал сам. Но это было очень умно! — Он усмехнулся.

— Это могла быть случайность?

— Этот вариант рассматривается. Но он сомневается, что это возможно. Над этим работают судебские. Конечно, все конторы были закрыты по случаю Рождества, а то бы Вальдо отпустили раньше. — Руперт выпустил облако дыма и провел рукой по лбу, словно желая смахнуть все тревоги этого дня. — Видишь ли, найдя Вальдо рядом с трупом, всего в крови и с железной штукой в руках, любой бы посчитал это достаточным для предъявления обвинения. Больше на сцене не было ничего, что могло бы послужить орудием убийства. Полиция очень далека от театра, поэтому им не пришла в голову мысль об альтернативном оружии. Хотя, надо признаться, я тоже об этом не подумал, так как не знал подробностей о постановке.

— О постановке?

— В особенности о декорациях. — Руперт затянулся сигарой, так что ее кончик ярко засветился красным. Он вытянул ноги и глядел в потолок. — «Лир» — на редкость языческая пьеса. Боги появляются в огромном количестве — Зевс, Апол-

лон, Юнона, Геката и так далее. Природа представляется властной богиней, которую по ходу пьесы обожествляют то Лир, то Эдмунд. Режиссер придумал сделать «Лиру» в стиле барокко. Удивительно несовременная концепция.

Я задумалась над его словами. Пока мне было совершенно непонятно, какое отношение все это имеет к убийству.

— Самое интересное в этой истории, — продолжал Руперт, — что именно ты навела Фоя на спасительную догадку.

— Я?..

— Надо отдать должное этому человеку — Фою, я имею в виду. Несмотря на то что для Вальдо все складывалось как нельзя хуже, он поверил собственному ощущению, что Вальдо мало похож на убийцу. Когда ты рассказала ему об этом сеансе, он также не воспринял это просто как полную ерунду. Он долго обдумывал это. Хотя он и полицейский, но довольно грамотный человек. Ему пришлось в голову, что в самой пьесе есть что-то такое, что может подсказать ему ответ. Поэтому он отправился в театр сам. Постоял на сцене, на том месте, где был убит Бэзил. И прокручивал в голове все то, что ты ему сказала. И тут его осенило. Он понял связь между сеансом и пьесой. И тогда посмотрел вверх.

— Да? — Я наклонилась к нему, стискивая подлокотник дивана. Несколько полудюгадок пронеслось у меня в голове, но, как оказалось впоследствии, все они оказались далеки от истины.

— Это все, что он сказал мне, и я не собираюсь больше ничего добавлять. Это триумф дедуктивного мышления Фоя, и мне не хочется присваивать его славу. Я уверен, что он пожелает рассказать это тебе сам. — Руперт покрутил сигару в пальцах, потом коротко взглянул на меня.

— Но что ты имел в виду, когда сказал, что из четырех находившихся там людей папа был единственным, кто не мог сделать это? Если бы я не была уверена в его невиновности, то, думаю, у меня бы тоже возникли подозрения.

— Помнишь костюмершу и двоих дублерш, которые находились за задником? Сцену они не видели, но видели, кто заходит и выходит оттуда. Они видели, как Вальдо после-

довал за Бэзиллом. Эти трое обеспечили друг другу и Вальдо твердое алиби. Кто бы ни убил Бэзила, его в этот момент не было на сцене.

Я медленно выдохнула:

— Тогда действительно все в порядке. — У меня в голове теснились вопросы, но я видела, что Руперт смертельно устал.

— Давай ложиться, — предложила я. — Заполнить пробелы мы сможем утром.

Он бросил сигару в камин.

— Проклятые штуки. Сам не знаю, почему я их так люблю. Завтра буду чувствовать себя отвратительно.

Завтрак был подан позже обычного, чтобы дать отдохнуть уставшим путешественникам. Когда я спустилась вниз, Руперт был уже там, как всегда скрываясь за утренней газетой.

— Доброе утро, — коротко сказала я. — Прекрасный день, не правда ли?

Руперт взглянул в окно:

— Снег идет. — Он вернулся к газете.

Главным заголовком на первой странице было: «Вальдо Бинг невиновен». Под ним фотография папы в роли Шейлока, сделанная несколько лет назад. В этом гриме и с бородой он действительно был похож на убийцу. Не в силах сдержать любопытство, я села рядом с Рупертом и, вывернув голову под невероятным углом, заглянула в статью. Мелкими буквами под заголовком было напечатано: «Триумф детективного расследования». Я почувствовала приятную гордость за инспектора Фоя. Я уперлась подбородком в стол, чтобы прочитать дальше: «Лондонский театральный мир пребывал в большом беспокойстве с ноября, когда один из знаменитых актеров, исполнитель многих ролей в шекспировских трагедиях, сэр Бэзил Уинтергрин...» Складка на странице мешала мне читать дальше. Я осторожно расправила ее пальцем. Руперт опустил газету. Он выглядел рассерженным:

— Не делай этого!

Тут вошел отец с Корделией, висящей у него на локте. Он выглядел бледным и уставшим. Однако подмигнул мне и по-

трепал по плечу Руперта. Тот что-то промычал в ответ. Корделия пододвинула папе кресло, смахнула невидимые пылинки и расправила салфетку у него на коленях. Потом она подбежала к буфету, чтобы огласить меню. И устроила жуткий шум, звеня крышками, роняя ложки, ошпарившись горячим кофе и громко жалуясь. Я заметила, что Руперт закрыл глаза и глубоко вздохнул. Корделия уселась рядом с папой и, пока он ел, распевала приветственные гимны, стуча в такт ложкой по столу. Руперт бросил газету и вышел из комнаты.

— Странную фотографию они выбрали. Ты совсем не похож на себя. — Я показала ему газету. — У тебя тут фальшивый нос!

Отец рассмеялся, отказавшись читать статью.

— Я не думаю, что готов к образу Вальдо Безвинного. Уже привык к Вальдо Мяснику!

Корделия старалась не смотреть в мою сторону. Она была зла на меня за то, что я лишила ее возможности сыграть роль Роберты из «Железнодорожных детей», чей отец также был невинно осужден. Если бы я была правильной сестрой, то устроила бы все так, чтобы она могла кинуться к нему на шею с криком: «Папочка! О мой папочка!» — на глазах у всех домочадцев. Вместо этого я послала ее к нему в комнату, чтобы они встретились наедине. И дарованная небом возможность была навеки упущена.

Порции не было в ее комнате, и не было похоже, что она там ночевала.

— О! Погляди! — Мой взгляд упал на другую заметку на той же странице. — Как интересно! Фотография Руперта! Послушайте! «Дом английской оперы вчера сообщил, что Руперт Вувспурджес...» Они переврали его фамилию! «...был избран новым артдиректором. Ему тридцать два года, и он стал самым молодым человеком, занявшим это почетное место, за всю историю компании. Он занял место Тристрама Лоба, который недавно подал в отставку...» Вот это да! Вот темная лошадка! Пап, ты знал об этом?

— Он не сказал ни слова. Я даже не представлял, что такое возможно. Наверное, я совсем отстал от жизни. — Он улыбнулся. — Я рад за него. Он вытащил счастливый билет.

Я уже не в первый раз заметила, что улыбка отца стала какой-то кривой, словно он уже не мог от всего сердца радоваться чему-либо.

— Вальдо! — В гостиную вошел Арчи, выглядевший поразительно в куртке из кротового меха с бархатными лацканами и манжетами. — Руперт поведал мне радостное известие! Я очень рад, что ты больше не узник. А волосы! — Он изучил голову отца со всех сторон и нахмурился: — Шикарно! Действительно посидел в одну ночь, как Мария-Антуанетта! Дорогой мой, это так романтично!

— Тебе не кажется, что я выгляжу из-за этого... старым? Я подумывал о том, чтобы их покрасить.

— Ни в коем случае! Это придает тебе этакий brutальный шарм. Женщины будут падать к твоим ногам. А мужчины... — Арчи поднял брови и втянул щеки.

Отец передернул плечами.

Откровенно говоря, я всегда считала, что Арчи и Руперт являются идеальной парой для восстановления чьего-либо спокойствия. Они представляли собой удивительное сочетание скрытой доброты и внешней насмешливой жесткости. Я вспомнила почти с сожалением, что это наш последний день в Пай-Плейс. Завтра мы возвращаемся в Лондон, чтобы налаживать жизнь по-новому. Я спрашивала себя: почему эта перспектива меня не слишком радует? Дорогой папа опять займет свое центральное место в семье. Это было так удивительно, что я не могла думать об этом без слез. Только ничего уже не будет таким же, как раньше. Все мы необратимо изменились.

— Смотри, Арчи! — Я протянула ему газету и показала на фото Руперта. Арчи взял ее и прочел.

— Вот это да! И ни слова не сказал! Этот парень — гений. Пойду поищу его.

Но в этот момент Руперт сам вошел в комнату с письмами в руках.

— Ave, Caesar, te salutamus, — проговорил Арчи, низко кланяясь.

— Поздравляю, Руперт. — Мой отец приложил платок к глазам. — Я так горд за тебя, будто ты мой сын.

— Это значит, ты будешь теперь всеми командовать? — спросила Корделия. — Они должны будут делать все, что ты скажешь?

Руперт коротко улыбнулся:

— Подозреваю, что они попытаются перечить мне при любой возможности. — Руперт положил передо мной письмо: — Это тебе.

— Это от Макса. — Корделия забыла, что не разговаривает со мной. — Я узнала почерк. Можно я прочту?

— Макс? Ты что, имеешь в виду Макса Фрэншема? — Отец выглядел удивленным.

— О папа, ты не знаешь! — ответила Корделия. — Макс был здесь и ужасно влюбился в Хэрриет. Возможно, он сделал ей предложение. Можно я открою и посмотрю?

— Не глупи. Ничего такого не было. — Я знала, что краснею.

— Прочитай же! — продолжала приставать ко мне Корделия.

— Не будь назойливой, дорогая. — Папа легонько стукнул младшую дочь газетой по макушке. — Скоро у тебя будут собственные поклонники. И тогда ты поймешь, что испытывает человек, когда к нему все время пристают.

— О, у меня уже было несколько, — самодовольно заявила Корделия. — На самом деле... — Она решила не продолжать.

— Я думаю, стоит поразмять ноги. — Отец встал. — Пойду пройдуся.

— Можно я с тобой? — тут же спросила Корделия.

— Не сейчас, дорогая. Я хочу немного побыть один.

Ни разу за двадцать два года своей жизни я не слышала, чтобы мой отец предпочел одиночество любой компании. Обычно он заявлял, что чувствует себя некомфортно, если в доме нет хотя бы полудюжины людей. Но, возможно, вынужденное сосуществование в течение недель с малосимпатичными чужаками так отразилось на нем. Я посмотрела на него полным любви взглядом, но он повернулся и вышел в холл.

— Папа! О мой дорогой, любимый папочка! — слышался голос Порции.

Корделия окинула меня полным ненависти взглядом.

Глава 33

— «...Затмил я солнце, Мятежный ветер подчинил себе, В лазурь небес взметнул зеленый вал И разбудил грохочущие грома. Стрелой Юпитера я расщепил Его же гордый дуб!..» — Папа резко опустил руку, словно метнув молнию.

Последовали восторженные аплодисменты. Даже сэр Освальд проснулся настолько, чтобы ударить в ладоши, произведя хлопок, похожий на пистолетный выстрел.

— Это было чудесно! — Глаза Мэгги сияли за стеклами очков. Она оделась и спустилась вниз к ланчу, уверяя, что чувствует себя абсолютно здоровой. Мисс Типпл великодушно уступила ей свое кресло у огня. На улице шел снег, поэтому все оставались дома и попросили отца немного развлечь нас. — Все как в жизни! Я прямо видела бурю, о которой вы говорили, мистер Бинг!

— Пожалуйста, зовите меня просто Вальдо, — грациозно поклонился отец.

— Восхитительно! — Арчи прижал к глазам платок. — Совершенно восхитительно...

— Браво! — воскликнула мисс Типпл, в восторге тряся всеми своими подбородками.

Порция, Корделия и я дружно хлопали и кричали, а Джонно свистел и затопал ногами.

Отец поблагодарил каждого из нас, а затем повернулся к Руперту. Я не могла понять выражения лица того, хотя оно вполне обычным. Наконец он кивнул:

— Великолепно, Вальдо! — Папа продолжал смотреть на него вопросительно. И выглядел при этом как-то беспомощно, что вызвало у меня острое сочувствие. — Никто из ныне живущих актеров не может достичь таких эмоциональных высот.

— Бис! — вскричал Джонно, на протяжении всего ланча обнимавшийся на диване с Порцией.

Отец скромно покачал головой и сел рядом со мной. Я взяла его за руку. Она была холодной и слегка задрожала, когда я легонько сжала ее.

— Корделия! — воскликнул он, пытаясь выглядеть прежним Вальдо. — Спой для папы. Одну из песен Ариэля.

Корделия встала у камина между спящими собаками и запела звонким сопрано. Сэр Освальд совсем проснулся и не сводил с нее глаз.

— Я не видела Аннабель весь день, — шепотом сказала Мэгги Руперту. — С тех пор как она обиделась и убежала.

Все шло хорошо до тех пор, пока Сьюк не призвала Аннабель помнить о голодающих детях Индии и не оставлять на тарелке приготовленные ею тушеные куриные ножки со свеклой. Аннабель заявила, что они отвратительны — и это было правдой, поскольку у них была не только пупырчатая кожа, но и страшные чешуйчатые лапы, — и в любом случае она не позволит командовать собой женщине, похожей на Телли Саваласа. Руперт тут же отчитал ее, и она убежала из комнаты, пообещав нам, мы еще пожалеем... Мы услышали, как хлопнула входная дверь.

И сейчас, когда Мэгги напомнила, что Аннабель отсутствует уже несколько часов, мы стали беспокоиться. Корделия пошла поискать ее по дому.

— Этот ребенок совершенно невыносим, — пробурчал Руперт, когда она вернулась с известием, что Аннабель нигде нет. — А что касается этой тупой девицы, которая лезет не в свои дела, то именно ее надо послать в снега на поиски.

Дирк спал у камина, подергивая во сне лапами. Глядя на него, я предложила:

— Надо дать ему какую-нибудь вещь Аннабель, чтобы он взял след.

Дирк не желал просыпаться, но мы бесцеремонно потащили его к входной двери, ткнули носом в ботинки Аннабель и стали всячески подбадривать. Но стоило мне только взяться за поводок, как Дирк тут же встряхнулся и почти сразу развил гоночную скорость.

Мы натянули пальто и ботинки и побежали за ним. Руперт вновь напустился на Сьюк, так что я не могла поручиться за ее благополучие, если мы не найдем Аннабель в течение часа. Снег залетал за шиворот, что было чрезвычайно неприятно.

Время от времени я звала Дирка, и один раз мы услышали в ответ далекий лай. Мы сориентировались по нему и взяли курс на два холма. Небо и земля сливались, горизонт терялся в оттенках серого. Мы спешили, так что вскоре я окончательно взмокла. Руперт шел немного впереди, бормоча проклятья, словно рассерженный друид.

— Дурацкая история. Наверняка этот проклятый ребенок прячется где-нибудь, в душе насмехаясь над нами. Я вообще не понимаю, почему должен носиться по пересеченной местности в кошмарную погоду в поисках этой девицы, в то время как ее отец и братец развлекаются дома с твоими сестрами.

— Снег кончается. — Позови эту чертову собаку.

Я в очередной раз подумала, что стоило придумать для Дирка другое имя. Он отозвался возбужденным тьяканьем.

— Пес что-то нашел. Я узнаю эти самодовольные нотки.

Когда мы влезли на откос, то обнаружили моего отца, сидящего на камне, а рядом прыгал Дирк.

— Заберите это животное, — сказал отец, когда мы подошли ближе. — Вокруг не одна квадратная миля пустого пространства, где можно вдоволь порезвиться. Не понимаю, почему он должен делать это именно рядом со мной. Я никогда не любил собак.

Он сердито посмотрел на Дирка, который воспринял это как команду гавкнуть.

— Прости, папа. Он действительно не очень хорошо воспитан. Мы ищем Аннабель. Ты не видел ее? Мне показалось, что я слышала крик.

— Слушайте! Вот опять!

Ветер донес слабый крик.

— Да, я слышу, — сказал Руперт и направился в ту сторону.

Я пристегнула поводок к ошейнику Дирка, но он все крутился возле отцовских карманов. Пришлось просить папу расстаться с одним заварным пирожным. Взяв его, я заставила Дирка двинуться вперед. В нескольких сотнях ярдов, в глубокой расщелине, лежала Аннабель, наполовину засыпанная снегом. Руперт пробирался к ней. Я съехала вниз. Он раскидал снег и обнаружил капкан, в который попала нога девочки.

— Расстрелять надо ублюдка, который сделал это! Все

хорошо, Аннабель, успокойся. — Он поднялся и скинул пальто. — Укутай ее.

Я накинула пальто на Аннабель. Она продолжала время от времени вскрикивать. Я представила, как долго она пролежала здесь, отчаиваясь, что никто не найдет ее. Я обняла Аннабель и нашептывала все успокаивающие слова, которые могла придумать. Дирк лег рядом и лизнул ее в лицо. Она повернулась к нему и положила руку на его огромную голову.

Руперт изучал капкан. После первого взрыва эмоций он вновь сделался хладнокровен. Когда ему не удалось разжать зубья руками, он встал и уперся в них каблуком. Аннабель перестала кричать и потеряла сознание, но капкан открылся.

— Нужно остановить кровотечение. На тебе есть нижняя юбка или что-нибудь в этом роде?

Так как я никогда не носила ничего подобного, пришлось оторвать подол платья. Руперт перевязал ногу Аннабель, завернул ее в пальто и поднял на руки.

— Беги вперед и звони в больницу.

Я побежала, спотыкаясь о прячущиеся в снегу камни и подворачивая ноги в ямах. Я заметила вдалеке силуэт моего отца — он по-прежнему сидел на холме. Я помахала ему на бегу, но он не видел меня. Когда я поднялась к подъездной дороге, Мэгги выбежала мне навстречу. Я с трудом могла говорить. Пока она звонила в больницу, я плюхнулась в кресло в холле.

Когда Руперт добрался до дома, он тоже не мог произнести ни слова. Он был высоким, но не слишком-то мускулистым, а Аннабель весила, должно быть, пять или шесть стоунов. Он положил ее на импровизированную кровать, которую Мэгги соорудила на полу, и подошел ко мне, жестом попросив уступить ему кресло.

— Мэгги! — Аннабель открыла глаза. — Я хочу видеть Мэгги.

— Я здесь. — Мэгги опустилась на колени рядом с ней. — Девочка моя, ты так нас напугала. Если бы что-то случилось... — У нее перехватило дыхание. — Ну, теперь все будет хорошо.

— Я так страдаю... — причитала Аннабель.

— Ты сильная девочка. Я горжусь тобой.

— Это я, Мэгги, — проговорила Аннабель между стонами, — нашла капкан. В конюшне. Я пошла посмотреть, не попался ли в него кто-нибудь, но не смогла найти. Его занесло снегом — и я сама в него попала.

— Зачем ты это сделала?

— Я хотела вас всех напугать.

— Тебе это удалось. Я так переживала. Но кого ты собиралась поймать?

— Я хотела положить что-нибудь в буфет, чтобы воняло. Я взяла мясо, которое нашла на выгоне, чтобы все подумали, что это призрак Фанни Кост.

— Мясо, милая? Какое мясо?

— Вероятно, курицу и котлеты, которые были в холодильнике. Еще там был кусок говядины.

Мэгги смотрела на меня в большом удивлении.

— С тех пор как за кухню взялся Арчи, мы не едим мяса. Оно начало пахнуть, и я бросила его за конюшней для лисиц.

— Но, радость моя, — повернулась Мэгги к Аннабель, — зачем же ты хотела нас напугать?

— Чтобы показать вам всем. Я хотела, чтобы вы все по-настоящему испугались, а потом я бы все рассказала и смеялась бы, что вы оказались такими болванами.. И портрет старины Гэлли в шкаф засунула тоже я.

Мэгги всплеснула руками.

— Не знаю, о каком портрете ты говоришь. Никто не говорил мне об этом. Может, тебе приснилось?

«Вот маленькая дрянь!» — подумала я. Она не только выставила меня дурачком, но из-за нее... Нет, не было вины Аннабель в том, что произошло между мной и Максом. Но зато ей удалось испортить очередную великолепную историю для «Призрачной зоны». Придется опять призывать на помощь воображение.

— Я знаю, что она имеет в виду, — сказала я. — Но это не важно. Аннабель, должна признать, это была на редкость удачная шутка. — Я изобразила улыбку, хотя, не будь поврежденной ноги, я бы с удовольствием ее отшлепала.

Аннабель сжала руку Мэгги:

— Пожалуйста, поедem со мной в больницу.

— Я поеду, не беспокойся. Старушка Мэгги не оставит тебя. — Она наклонилась, чтобы поцеловать девочку в лоб. — Котенок мой, котенок. — Я почувствовала, как у меня сжалось что-то в груди от звука голоса Мэгги, в котором сейчас слышалась ничем не прикрытая любовь.

Мэгги прислушалась:

— А вот и вертолет. Я пойду соберу вещи.

— Руперт! — Аннабель повернулась к нему: — Возьми меня за руку. Пожалуйста.

Руперт наклонился к ней и взял ее запачканные пальцы в свои. Она прижала их к щеке. Его рука казалась очень большой и темной на фоне ее белого лица. Ее глаза потеплели. Корделя выгнула брови и послала мне заговорщицкий взгляд.

— Мэгги, — сэр Освальд простер руки в беспомощном жесте, — а как же я?

— Я нужна девочке, Освальд, — ответила Мэгги. — Ты должен это понимать.

— Не переживайте, леди Пай. — Из библиотеки вышла Сьюк. — Поезжайте с Аннабель. Я присмотрю за всем, пока вас не будет. Вам не нужно ни о чем беспокоиться.

— Благослови тебя Господь, девочка.

Верхняя губа Сэра Освальда задрожала, когда он встретился взглядом со Сьюк.

Глава 34

Так как Мэгги уехала в больницу с Аннабель, а миссис Уэйл еще не вернулась из Бантона, разбираться с призраком Фанни Кост пришлось нам со Сьюк. Старый дымоход, ведущий из кухни в гостиную и, возможно, в некоторые спальни, был заделан, но низкая дверца, раньше, вероятно, служившая для прочистки, сохранилась.

Мы нашли в одном из кухонных ящиков факел, намочили дезинфектантом носовые платки и, зажав ими носы, пробрались в дверцу. Это было странное место, все в паутине, но там можно было выпрямиться в полный рост. Заплаты более новой кладки показывали, как в течение долгих лет перестраивались комнаты.

— Посмотри! — Сьюк подняла факел, и я увидела крохотные лучики света, пробивающиеся из-под самого потолка. — Вентиляционные кирпичи. Вот как запах проникал в коридор. — Она повела факелом вокруг. — А здесь — очаг. Кухня, наверное, была перенесена отсюда уже в этом столетии.

Я всегда любила уроки истории, но сейчас ужасный запах, против которого платок помогал слабо, отбивал у меня всякое желание предпринимать какие-либо изыскания. Было нетрудно обнаружить полку, на которой лежало гниющее мясо. Мы принесли с собой ведро и совок, убрали тухлятину и вымыли полку дезинфицирующим раствором.

— Да, — сказала Сьюк, когда мы шли, радостно вдыхая морозный воздух, к выгону, чтобы выбросить содержимое ведра, — могу поспорить, эта кухня видала кое-что на своем веку. Если бы только камни умели говорить!

— Как чудесно было бы хоть на несколько часов попасть в прошлое. — Я была рада тому, что наконец-то у нас со Сьюк нашлось что-то общее. — Только представь себе разговоры за чашечкой чая, которые велись у этого очага, — секреты, шутки, споры, любовные встречи, может быть, даже клятвы...

— У них не было времени на все это, каждая минута была занята приготовлением пищи для хозяев. Что касается чая — он был слишком дорог, и хозяйка дома хранила его в закрытой чайнице для своего личного пользования. Слуги довольствовались разбавленным пивом.

— Да, конечно, ты права. Я не подумала.

— Работа была тяжелой, и время тянулось медленно. — Сьюк вернулась к своему обычному лекторскому тону. — Девочки с двенадцати лет в промерзшей моечной оттирали песком посуду, пока не стирали в кровь пальцы, и плакали от усталости. А мальчиков посылали чистить дымоход, и бывало, что они застревали и погибали там.

— О дорогая! Как это все печально! Но ведь сейчас все по-другому.

— Хэрриет! Я удивляюсь иногда, неужели ты совсем ничего не понимаешь?!

— Что? Я... — И обнаружила вдруг, что Сьюк рядом нет, — она быстро удалялась.

К счастью, остальные шутки Аннабель не имели тяжелых последствий.

Громкое прибытие вертолета заставило несколько встрепанных Джонно и Порцию покинуть свое любовное гнездышко и спуститься вниз. Я объяснила им, что произошло, и несколько позже мы втроем отправились выяснять, как Аннабель сумела проделать трюк с портретом. В соседней с нашей комнате, где раньше помещался епископ, мы обнаружили стенку, идентичную задней стенке нашего шкафа.

— Ха! — Джонно приподнял плоскую деревяшку, висевшую на стене, и повернул ее. На обратной стороне было зеркало — наше зеркало. Оно прикрывало отверстие в панели. — Теперь понятно, как моя гадкая маленькая сестренка сделала это. Это шкаф для напудривания. В те времена, когда люди носили напудренные парики, они просовывали головы через эту дырку, и горничные или камердинеры посыпали их чем-нибудь вроде толченого фиалкового корня или мускатного ореха — так, чтобы одежда оставалась чистой. Своеобразная вещь, не правда ли?

— Должно быть, Мэгги закрыла дыру зеркалом, чтобы не вводить епископа в искушение подглядывать за вами, — предположила Порция.

Я с трудом могла поверить, что меня так легко провели.

— Значит, Аннабель заменила зеркало портретом старины Гэлли, а затем поскреблась в панель, чтобы привлечь внимание Корделии. К сожалению, не знала, что Корделия спит как сурок. Да, но на нем была кровь.

Когда мы изучили портрет в галерее при свете факела, то нашли капли красной краски, прилипшие к раме около воротника.

— Надо отдать должное Аннабель. Она очень изобретательна, — заметила Порция. — В этой семье каждый чем-то замечателен.

Неожиданно обнаружив, что я здесь лишняя, я ретировалась в свою комнату, прежде чем они продолжили обсуждение данного вопроса.

Несмотря на нытье Корделии, я не открывала письма Макса до тех пор, пока она не легла спать. Убедившись, что она заснула, я устроилась в кресле у камина и вскрыла конверт. «Моя любимая Хэрриет», — так начиналось письмо.

Я бросила письмо в огонь. Все кончено. Макс был моим третьим любовником за четыре года. Но только с Доджем у нас было что-то, что можно назвать настоящим чувством, слиянием не только телесным, но и духовным. Кроме того, что у него несчастная жена, я ничего не знала о Максе. Он очаровал меня, одновременно бесстыдно и утонченно, и мое естество не устояло перед таким напором. Как-то не везет мне с мужчинами. Может, во мне самой что-то не так?

Огонь постепенно гас, а я так и не пришла ни к какому заключению. Я взяла косметичку и полотенце и решила попытаться счастья в ванной. Вдруг там никого нет? Когда я шла по длинной галерее, все еще поглощенная мыслями о странностях сексуального влечения, то заметила краем глаза, что опять что-то не так. Я обернулась. Цепь лежала рядом с витриной. Рука старины Гэлли опять пропала.

— О черт! — произнесла я громко, чтобы приободрить себя. — Кто-то опять играет в эти глупые игры.

Я прошлась туда-сюда по галерее. Свет казался дрожащим и тусклым. Возможно, с генератором опять проблемы. Ветер стих, и можно было расслышать шум водопада. Я отправилась в ванную. Мне почудилось какое-то движение слева. Я опять повернулась, но это был всего лишь гобелен, шевельнувшийся на сквозняке. Я улыбнулась. Не поддамся больше ни на чьи глупые шутки. Дверь ванной была уже близко, и я ускорила шаги.

И тут я увидела это. Из складок штор появилась рука старины Гэлли. За секунду перед тем, как свет погас окончательно, его последняя вспышка блеснула на металлическом пальце, указывающем точно мне в сердце.

Я не собиралась кричать, но сделала это прежде, чем успела что-либо подумать. Собственный крик напугал меня еще больше. Забыв о здравом смысле, я бросилась к ванной с одной мыслью — забаррикадироваться там. Но когда схватилась за ручку двери, она оказалась заперта. Я забарабанила в дверь,

вопя от страха, и дверь сразу отворилась. В тот же момент зажегся свет.

— Как вы, женщины, нетерпеливы. — В дверях стоял Руперт в халате. — В доме, где такая напряженка с ванными, нужно дожидаться своей очереди.

Я схватила его за руку:

— Он там! За занавеской!

— Кто?

— Старина Гэлли!

— Ерунда. Пойдем. — Он стряхнул мою руку. — Ты пережала мне все сосуды.

Я отпустила руку, но продолжала держаться за рукав. Когда мы дошли до эркера, я остановилась позади Руперта, не решаясь поглядеть туда. Рука дернулась. Палец медленно повернулся в нашу сторону.

— Хэрриет, если ты еще раз заорешь мне в ухо, я выйду из себя. У меня был тяжелый день, и дурацкое поведение некоторых девушек не способствует успокоению. — Руперт подошел к окну и отдернул шторы. Рука продолжала висеть в воздухе, но тело, которому она принадлежала, оставалось невидимым. Я зажала рот рукой, чтобы не заорать вновь.

— Так я и думал. Подойди сюда и посмотри. — Руперт схватился за руку и потянул. — Черная ткань. Приколота к занавескам.

Руперт рассмеялся.

— Рука лишилась указательного пальца. Выглядит по-дурацки, не правда ли?

Я еще раз рассмотрела руку, удивляясь, как могла бояться этой ржавой помятой железки.

— Кто подвесил ее тут, как ты думаешь?

— Это же очевидно. Кто так завидовал Мэгги, что хотел ее напугать? Кто слышал, как я собрался позвонить в полицию, и тут же положил руку на место?

Я попыталась вспомнить, кто был в гостиной в тот момент, но не смогла.

— Как же им удалось открыть замок, если ключ все время был у Мэгги?

— Мэгги часто засыпает. Любой мог взять их. — Это бы-

ло правдой. Я вспомнила, как обнаружила ее спящей в студии Фредди. — Когда рука вернулась на место, я попросил Мэгги отдать ключ мне. Я брал его с собой, когда ездил в Лондон. Шутнику оставался только палец. Я отдал ключ Мэгги, когда вернулся. А ты оставила связку в холле.

— Но зачем было устраивать все это, если Мэгги нет дома? Все же об этом знали. Кроме, конечно... О, но это невозможно!

Тихий скрип заставил меня обернуться.

— Миссис Уэйл, можете выходить, — сказал Руперт, не повышая голоса. В ответ — тишина. — Либо вы выйдете сами, либо я звоню в полицию. — Долго еще было тихо, потом дверь комнаты напротив эркера, которая раньше была комнатой Макса, отворилась, и Джанет Уэйл вышла к нам.

С ней произошла разительная перемена. На ней был цветастый шейный платок поверх красного платья, массивные позолоченные сережки и яркий макияж.

— Думаете, вы самые умные, да? Мэгги никогда не поверит ни одному слову, сказанному против меня. Мы знакомы всю жизнь. Мы — старые друзья. — Последнее слово прозвучало саркастически.

— Но почему? — Я была поражена. — Почему вы хотели причинить вред Мэгги? Напугать ее? Она так добра к вам!

— Подожди, пока окажешься в положении, когда кто-то будет к тебе добр, и тогда посмотрим, как тебе это понравится. — Миссис Уэйл почти шипела. — Ее обычная мягкость сменилась неприкрытым вызовом. — Почему ей досталось все — муж, деньги, этот дом, место в обществе? Леди Пай. — Она с презрительной гримасой на лице изобразила реверанс.

— Но Мэгги так любит вас, — сказала я. — И она так же, как вы, много работает. Вы поступили очень жестоко.

— Мне нравилось смотреть, как она переживает, как это не дает ей покоя. Я смеялась. Почему бы и ей не узнать, каково быть несчастной? В этом есть хоть какая-то справедливость.

— Мэгги уехала с Аннабель в больницу, — сказал Руперт. — С ребенком случилось несчастье. Поэтому сегодня вечером вы напрасно теряли время. Лучшее, что вам остается, — утром собрать вещи и покинуть дом.

— Почему я должна уезжать? Мэгги никогда не поверит, что именно я сделала это.

Руперт вздохнул:

— Мэгги рассказала мне вашу историю. По крайней мере, ту ложь, которую вы придумали, чтобы разжалобить ее. Вы же не убивали своего мужа, не так ли? Я навел справки в полиции. Вы действительно побывали в тюрьме, но за убийство старика, за которым вы с вашим мужем ухаживали. Вы мечтали о его деньгах и не могли больше ждать. Ваш муж до сих пор отбывает наказание.

— Мне не стоило выходить замуж за этого глупца. Ему никогда не везло. Я получила двенадцать лет за то, что помогала ему. Все, что я сделала, — купила бутылочку с гербицидом, а потом помыла чашку. Меня даже не было в комнате, когда он подносил ее старому скряге. — В ее голосе слышалась горечь. — Вы не знаете, что такое тюрьма. Тебя числят среди отбросов общества, и ты сам начинаешь себя так чувствовать. Заключение — хуже смерти. Я пыталась повеситься, но меня спасли. Тогда я обратилась к религии, и меня досрочно освободили. Но в этом мире нет места таким вещам, как прощение и забвение.

Руперт вздохнул.

— Так что вы думаете об отъезде?

— Куда мне идти? У меня нет никаких рекомендаций. Если даже я найду работу, люди все равно узнают, кто я такая. Газеты позаботятся об этом. От них никуда не денешься. Люди будут бояться, что я их отравлю.

— Я — пария.

Я почувствовала, что ко мне возвращается сочувствие.

— Мэгги говорила, что вы работали в театре. Это правда?

— Да. Мне вообще не стоило оттуда уходить. Но он все время вертелся, хныча, вокруг меня, и я сделала большую глупость, опять поверив ему.

— Один мой друг собрал новую театральную труппу в Бирмингеме, — сказал Руперт. — Им нужна костюмерша. Он возьмет вас, если я его попрошу. Сначала жалование будет скудным, но, хорошо работая, вы сможете чего-то добиться. Вы способны начать заново?

— Вы сделаете это для меня?

— Я сделаю это для Мэгги.

У нее перехватило дыхание, глаза загорелись:

— Да, я согласна.

— Прекрасно, — кивнул Руперт. — Но вы должны покинуть дом завтра же. Вам не придется никому ничего объяснять. Я сам все объясню хозяевам. Вы можете отправляться прямо в Бирмингем. Я дам вам адреса нескольких театральных берлог. И немного денег на первое время.

— Мне, должно быть, не следует вас благодарить, поскольку вы делаете это не ради меня. — Она удалилась.

Я была рассержена, но едва ли не сильнее было чувство разочарования.

— Как странно... — удивленно произнесла я. — Я абсолютно доверяла ей. Что заставило тебя ее подозревать?

— Я действовал методом исключения. И к тому же в ней было уж слишком много демонстративного смирения. По-настоящему набожные люди не выставляют его напоказ. Назовем это интуицией.

— Выходит, миссис Уэйл мучила Мэгги просто назло. И это после всего, что она для нее сделала! Но мне все же ее жаль. О, смотри! Мокрые пятна! Этого не может быть... Леди Рва?

— Я был в ванной, когда ты начала орать, — напомнил Руперт. — С меня до сих пор капает.

— Я разочарована. Объяснения всегда оказываются самыми простыми. Черная ткань! В моей работе пропадает все очарование! Слава Богу, я закончила статью о руке старины Гэлли, пока еще почти верила в него. Но мне придется приукрашивать историю о Фанни Кост и о том, как я увидела старину Гэлли в шкафу. Знаешь, я бы никогда не подумала, что шутников было двое.

— Но ты же не верила на самом деле в существование потусторонних сил?

— Ночью, в одиночестве, вещи кажутся совсем не такими, как при свете.

— Знаешь, даже если призраки существуют, это не означает бессмертия души. Может быть, это просто спектральные явления, отпечатки прошлого, своего рода психическая пыль. А если бы мы доказали, что существует жизнь после смерти, это перечеркнуло бы остальные философские концепции.

Пока мы ни в чем не уверены, у нас есть свобода верить в то, во что хотим. Мне это больше нравится. Ладно, я иду спать. Если тебе еще захочется покричать, постарайся воздержаться до утра. Спокойной ночи...

Глава 35

— Мне не хочется уезжать.

Было похоже, что Корделия говорит не только за себя.

Конечно, Корделия прекрасно знала, что по возвращении домой она уже не отвертится от посещения школы, и это было основной причиной ее огорчений. Однако она, как и все мы, с удовольствием говорила о времени, проведенном здесь. Атмосфера тайны, окутывающая дом, будила воображение и помогала отрешиться от житейских проблем. Пребывание вдали от цивилизованного мира заставляло вести себя иначе, более естественно. Я впервые провела так много времени вне семьи и особенно почувствовала, насколько много значат для меня мои близкие.

— Что дал тебе сэр Освальд? — прервала мои размышления Корделия. — Я видела, как он что-то сунул тебе в перчатку, когда вы прощались.

— Я не посмотрела. — Я вертела в руках маленькую зеленую коробочку.

— Ну, так что это?

Я открыла коробочку. Там оказалась маленькая брошка в виде серебряной желудевой шапочки, прикрепленной к дубовому листку. Вместо желудя была жемчужина. Я была тронута:

— Какая красивая! Нужно написать ему, когда приедем, и поблагодарить.

— Да, ничего особенного, — отмахнулась Корделия. — Подожди, сейчас увидишь, что он подарил мне. — Она начала рыться в кармане пальто, ударив меня в глаз и заставив Дирку упереться когтями мне в ногу. — Вот, оцени!

Она достала ожерелье из двух нитей великолепных сверкающих жемчужин. На застежке мерцали изумруды и бриллианты.

— Корделия! О небо! Оно же стоит тысячи! Арчи, останови машину! Мы должны вернуться! Мы не можем принять такую дорогую вещь!

— Мы? — возмутилась Корделия. — Он подарил его мне! А я хочу оставить его у себя. Вообще-то оно не очень-то мне нравится, но возвращать его назад я определенно не собираюсь.

— Папа, объясни ей, что она должна, — настаивала я. — Может, это семейная драгоценность? Она должна принадлежать Аннабель. Было бы несправедливо оставить эту вещь у себя.

— У Аннабель и так огромное наследство, — сказала Корделия, прежде чем отец успел ответить. — Я видела, что было в шкапулке, когда сэр Освальд доставал это. Куча всего. И потом, он откажется взять его обратно. Это плата за мое молчание.

— Корделия! Что ты имеешь в виду?

— Я поклялась молчать. — Корделию явно радовал мой испуг.

— Что он сделал с тобой? — требовала я ответа.

— О, не то, что ты думаешь.

— Корделия! Скажи сейчас же, не то папа заставит тебя!

— Ну, хорошо. Это было, когда вы с Рупертом ушли искать Аннабель. Сэр Освальд попросил меня подняться к нему в спальню.

— Корделия! Ты никогда не должна ходить одна в спальню к мужчине! Пообещай мне, что это не повторится!

— Не будь дурушкой. Мой муж будет крайне удивлен, когда я заявлю ему в первую брачную ночь, что не пойду одна с ним в спальню, потому что пообещала сестре. Или ты пойдешь с нами? — Корделия умела быть невероятно саркастичной.

— Попала в точку! — рассмеялся отец.

— Это серьезно! Что он заставил тебя сделать?

— Ничего особенного. Положил меня на свою кровать. А потом начал опять говорить, что я ангел и все такое, что он хочет показать мне, как оказаться вместе с ним на небесах. Это было ужасно нудно, и я начала подниматься. Тогда он расстегнул штаны и достал свою штуку.

— Почему ты ничего мне не сказала? Я же отвечаю за тебя!

— Ерунда! Ну, в общем, я сказала ему: «Уберите. Это ужасно. Я не хочу на это смотреть. Если вы этого не сделаете, я закричу, и вас арестуют, потому что я несовершеннолетняя, и это называется пидо... что-то там...» Сэр Освальд заплакал и сказал, что извиняется и знает, что не должен был делать этого, но он так любит меня, что ничего не может с собой поделать.

— Я должен сказать, Корделия, ты с честью справились с ситуацией, — заявил отец.

Я взглянула на него с осуждением.

— А если бы сэр Освальд оказался не таким сговорчивым? В конце концов, есть и другие такие же...

— Если кто-нибудь попытается что-то со мной сделать, — тут жеотреагировала Корделия, — я ударю его в самое больное место. И он никогда больше не сможет заниматься сексом. Я это знаю.

— Ожерелье надо вернуть, — повторила я.

В Лондон мы прибыли к концу дня. Выпитое шампанское и огромное количество съеденной пищи способствовали тому, что все мы, за исключением, к счастью, Арчи, проспали оставшуюся дорогу. Проснувшись, я обнаружила, что мы уже в нескольких ярдах от нашего дома. На пороге сидел Марк-Антоний, о котором я так часто вспоминала, с двух сторон от него, прислонившись к колоннам, сучали два фотографа. Увидев нас, они пришли в неописуемый восторг.

— Добрый вечер, джентльмены, — приветствовал их отец, пригладив брови.

— Сэр! Мистер Бинг! Сэр! — Затрещали вспышки. — Великолепно! Изумительно! Как вы чувствуете себя на свободе?

Пока я открывала дверь, услышала телефонный звонок. Я пробежала по горе писем, лежащих на коврике, и сняла трубку. Это была Дилис Дреленкурт, агент моего отца. Ее голос звучал восторженно. Увести отца от камер оказалось непросто.

— Здравствуй, Дил, дорогая, как дела... Все прекрасно... Что?.. Подожди секунду, повтори еще раз... Нет! Ты врешь!..

Правда?.. О Господи, как чудесно! Абсолютно, черт побери! — Отец хлопнул себя по лбу и принялся ходить взад-вперед, насколько позволяла длина провода. Его глаза сияли. Я ждала его в холле, горя желанием узнать, что за новости ему сообщили, и зная, что ему тут же захочется с кем-то поделиться.

— Хорошо, хорошо... Да, верно... Перезвони им сейчас же и соглашайся... Молодчина, Дил! Мы им покажем! Ха! Ха!..

Наконец он положил трубку, обнял меня и закружил по холлу:

— Хэрриет! Дорогая! Они запускают новую постановку «Отелло»! Великолепный подбор актеров! Родерик Риппл — Яго, Линда Лейвер — Дездемона. И, — его губы дрогнули и глаза наполнились слезами, — угадай, кто будет Отелло?

— О папа, папа! Мой талантливый драгоценный папа! — Я осыпала его поцелуями. — Я так горжусь тобой!

— Я думал, что никому уже не нужен, но Дилис сказала, что аудитория будет сочувствовать мне, я буду дополнительной приманкой. Она получила и другие предложения. Как видишь, пользу можно извлечь и из несчастья. — Он вновь схватился за телефон. — Нужно позвонить Флер.

— А маме? Ты не хочешь сначала обрадовать ее?

Папа остановился. Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула легкая тень раскаяния.

— Да, конечно. Дай мне номер, пожалуйста. Здравствуй-те! Могу я поговорить с миссис Бинг?.. Вальдо Бинг... Да, конечно... Спасибо, спасибо... Да, да... Вы очень добры... Спасибо... Да, я понимаю... Нет, все в порядке. Я позвоню позже. Просто скажите ей, что я звонил. Спасибо. До свидания. — Он положил трубку. — Они с Ронни ушли гулять. — Он вздохнул, глядя в стол. — Хэрриет, я не могу придумать, как помягче сказать тебе... Но все равно ты должна узнать. Прости меня, дорогая. Я понимаю, что тебя это заденет больше, чем других. Полагаю, они не будут против. Я надеюсь. Ты понимаешь, все, что случилось — мой арест, я имею в виду, — в какой-то степени помогло мне понять... Мы уже давно разошлись в жизни, но все эти годы нам было лень что-либо предпринять. Нам было удобно. Но пока я был в тюрьме, у меня появилось время подумать. И у твоей матери тоже... И я люблю Флер. Ты тоже ее полюбишь, я уверен, когда узнаешь. —

Он впервые взглянул мне в глаза. — Во всяком случае... Ладно, Хэрриет. Твоя мама согласилась на развод.

Я сознавала, что нужно что-то сказать, но не могла придумать — что. Мне казалось, что все мышцы моего лица свело, так что я не могла даже придать ему соответствующее выражение.

Вошли Арчи и Корделия. Отец рассказал им хорошие новости, и последовали дальнейшие поздравления. Тут Корделия увидела на лестнице Марка-Антония и побежала за ним.

— Если что, можешь на нас рассчитывать... — Голос Руперта странно звучал у меня в голове, будто он находился где-то далеко.

Дверь закрылась за ними тремя. Было слышно, как Корделия наверху открывает двери, зовя Марка-Антония. Я подошла к окну и посмотрела на улицу.

Колени вдруг затряслись, словно от страха. Я опустилась на подоконник. То, чего я боялась всю жизнь, — случилось. Мои родители разводятся.

Хотелось плакать, но из горла вырывались только сухие рыдания. Я слышала, как отец вошел в комнату. Я знала, что эгоистично показывать ему, как я расстроена, но не могла ничего поделать. Ужасные хриплые звуки раздались из перехваченного петлей горла. И тут мне на голову легла рука. Голос — не папин — произнес:

— Бедная Хэрри...

И шаги удалились.

Глава 36

— Простите, что опоздала. Пробки. Автобус сильно задержался.

Инспектор Фой стоял на сцене театра Феба, которая освещалась единственным лучом прожектора, бившим точно в центр.

— Ничего страшного. Для театрала большая удача — побродить по такому месту. Я до сих пор удивляюсь, почему не стал актером. В полицейской жизни слишком много реальности!

Я обнаружила, что мне приятно видеть его. Его присутствие, как и прежде, успокаивало меня.

— Я рад видеть тебя, Хэрриет. Еще никогда я не был так доволен, подписывая бумаги об освобождении.

— Так чудесно, что отец снова дома. Хотя, по правде сказать, мы не часто его видим. Телефон просто разрывается от звонков. Все клянутся ему в вечной дружбе, приглашают играть в их пьесах, крестить их детей и кататься на их яхтах.

Действительно, с тех пор как два дня назад мы вернулись домой, отец почти все время отсутствовал. Когда он приходил, то выглядел таким виноватым, что я старалась не выказывать любопытства. Я предполагала, что он проводит время с Флер. Мы общались крайне вежливо, не говоря ничего лишнего и избегая смотреть друг другу в глаза.

Я заставила себя прислушаться к словам инспектора:

— Я хочу показать тебе, как все произошло. Мы не будем никого больше ждать?

— Папа встречается со своим агентом, — объяснила я. — И к тому же он не любит говорить о том, что произошло. Брон и Офелия еще не вернулись. Порция — в Манчестере. Корделия дома, шьет себе велосипедные штаны.

— Ну, хорошо. Ты потом всем расскажешь. Итак, — он одернул манжеты и развел руки жестом фокусника, — позволь мне приоткрыть завесу тайны. На сцене сейчас все почти так, как было тогда.

Я огляделась.

— Тело сэра Бэзила было найдено здесь. — Он указал в центр сцены. В луче света было видно темное пятно. Я никогда не любила Бэзила, но любому было бы жаль человека, которого постигла столь жестокая участь. — Ты знаешь, что такое *deus ex machina*?

— Буквально — бог из машины. Некий посторонний механизм, который обеспечивает развязку в пьесе.

— Верно. Зевс, или персонификация некой абстрактной идеи Мира или Справедливости, спускается на сцену на троне или в колеснице и вершит суд. Этим очень увлекались греки и римляне, а в семнадцатом веке этот прием вновь стал популярен. — Я заинтересованно кивнула. — Ты помнишь, что

в «Короле Лире» в конце второго акта и на протяжении третьего происходит страшная буря? Это должна была быть постановка в стиле барокко. Режиссер планировал изобразить бурю, опуская парусиновые тучи и производя соответствующие вспышки и грохот. Сверху помещалось воплощение Природы, одетое в траур и держащее в руках амфору с сухим льдом. Встань здесь на минуту и не двигайся с места. Держись подальше от центра сцены. Обещаешь?

Я пообещала. Инспектор скрылся за кулисами. Через некоторое время послышалось негромкое жужжание, а затем я заметила, что сверху что-то движется. Оно медленно опускалось, а когда попало в луч света, я увидела прикрепленную к аляповато раскрашенным черным, малиновым и серым облакам железку. Она была изогнута в виде молнии, а ее наконечник опасно заострен. Неожиданно занавес набрал скорость и буквально пролетел последние десять футов, зависнув, дрожа, футах в трех над полом. Молния, словно указующий перст, была направлена в круг света.

Появился инспектор, на лице его было выражение сдержанного триумфа.

— Очень просто, не правда ли? Конструкция управляется с помощью веревок и противовесов. Твой отец рассказал, что на репетиции за несколько дней до смерти сэра Бэзила она спустилась слишком быстро, потому что один из рабочих по ошибке уменьшил массу противовеса. К счастью, в тот момент никто под ней не стоял. Убийце был подсказан способ.

— Как изобретательно! — поразила я. — И как вы только догадались! Вы очень умны.

— Я понял потом, что, скорее всего, мысль о невинности твоего отца пришла мне в голову уже тогда, когда он рассказал о единственном пятне света на сцене. Если бы убийцей был он, то не стал бы привлекать к этому внимания.

— Я поняла. Кто бы это ни сделал, потом он мог просто прибежать на сцену вместе с остальными, когда отец закричал. И это мог быть любой из них — за исключением отца и трех женщин. Но Руперт говорил, что это могла быть случайность.

Инспектор уныло посмотрел на меня:

— Да. Я несколько не сомневаюсь, что это не так, однако

будет очень трудно доказать убийство, если, конечно, преступник не сознается сам. Конечно, есть вероятность, что она случайно упала на сэра Бэзила. А потом кто-то без задней мысли поднял ее обратно, не подозревая, что случилось. Но пятно света, которое, к сожалению, запомнил только твой отец, кажется мне очень важным моментом.

— Вы хотите еще раз допросить всех?

— Попытаюсь. Но половина подозреваемых уже рассеялась по всему миру. Я не могу сказать, что удовлетворен сложившимся положением.

— Вы думаете, что не сможете поймать убийцу?

— Да, похоже на то. Мы будем продолжать попытки, конечно. Постараемся еще раз все проанализировать и установить мотивы.

— Кому досталось наследство сэра Бэзила?

— Его терьерам и собачьему приюту в Баттерси. Думаю, их можно исключить. Кое-что он оставил некоторым друзьям, но ничего такого, за что стоило бы убивать.

— Мне сложно представить, чтобы кто-то убил его из ревности.

— По словам его прислуги, сэр Бэзил большую часть времени вне театра проводил у себя дома со своими собаками. К нему практически никогда не приходили дамы. Это очень сложная задача. Разве что...

— Что?

— Разве что предположить, что намеченной жертвой был не он. Что «Х» ждал кого-то другого. Если его не видели ни костюмерша, ни дублерши, значит, что и у него, скорее всего, был не очень хороший обзор. Ты, наверное, уже заметила, что здесь очень контрастное освещение. Он увидел человека в нужном месте и решил, что это тот самый человек. Он опускает облака — бам!.. И видит лежащего мертвым сэра Бэзила — что-либо изменить невозможно.

Я задумалась. И вдруг мне стало плохо от неожиданной догадки.

— Вы имеете в виду... Вы имеете в виду... папу? — почти прошептала я.

— Твой отец сам сказал нам, что у него есть привычка про-

хаживаться по сцене в ожидании начала репетиции. Вероятно, в театре все об этом знали.

— У него нет сбережений. Он всегда тратит все, что получает. Наш дом заложен. Наша единственная машина принадлежит Брону, и он до сих пор за нее не расплатился. Все украшения моей матери — фальшивые. — Инспектор не удивился. Я поняла, что он уже давно в курсе нашего финансового положения. — Значит, — мне не хотелось этого говорить, — если причина есть, то это... возможно... любовь.

Я смотрела на ботинки инспектора. Они были черными, блестящими, с двойными шнурками. Список увлечений моего отца был обширен. Вне всякого сомнения, я еще не обо всех знала.

— Я не прошу тебя выдавать его, — мягко произнес инспектор. Я просто хочу спросить у тебя: можешь ли ты предположить, что кто-то ненавидел твоего отца так сильно, что мог убить его?

— Не думаю, что у них что-то было с Мариной Марлоу. Она просто делала себе рекламу.

— Да, он так и сказал.

— Еще была Пэтси Паунсбокс в прошлом году. Но она уехала в Новую Зеландию.

— Она могла вернуться.

— Она не похожа на потенциального убийцу. Нервная, но добрая. Вечно в слезах. Ее невозможно было не любить.

— Муж?

— Нет. В этом-то и проблема. Она надеялась, что папа... — Я замолчала. Я хотела сказать, что она надеялась, что отец разведется с матерью, но тут же вспомнила, что именно это он сейчас и собирается сделать. Поэтому заготовленная фраза показалась мне неуместной. — До этого была некая Фенелла Фэншоу.

— Твой отец ее не упоминал. Может быть, здесь что-то кроется?

— Не думаю. Подозреваю, что он просто о ней забыл. Она быстро вышла замуж, после того как они расстались. А теперь еще есть Флер Киркпатрик.

— Насколько я знаю, они познакомились с твоим отцом уже после его ареста.

— Да, конечно. — Как глупо было об этом забыть! Я чувствовала себя подавленной и уставшей.

— Он сказал мне, что они хотят пожениться. Это, должно быть, тяжело для тебя?

Инспектор выглядел разочарованным.

— Большое спасибо за то, что пришла. Прости, я задержал тебя.

— Почему бы вам завтра не прийти к нам на ужин? — неожиданно для себя самой выпалила я, но удивилась еще больше, когда он ответил:

— Спасибо. Буду рад.

Глава 37

В моей жизни наступил период, когда работа действительно стала для меня спасением. Когда я появилась в офисе, то сразу поняла, что Мюриэл и Элин читают газеты. Они едва не расшаркивались передо мной. Мистер Поудмор, увидев меня, хрюкнул и протянул руку за статьей. Я заметила, что его костюм еще больше залоснился. Его карандаш безжалостно расправлялся с моим творением, переворачивая все с ног на голову. Он переписал изрядный кусок, после чего коротко взглянул на меня.

— Странно. Дебютантку привлекают призрачные феномены. Ты не кажешься психически неустойчивой.

— Но в конце концов они оказались вовсе не призрачными... Однако мне не хотелось портить впечатление...

— Не все так плохо, Хилари. Но слишком много прилагательных.

— Хэрриет, — сказала я ему в спину, потому что он уже отвернулся и зарылся в кипу бумаг.

Мистер Поудмор уже захлопнул дверь. Из-за нее потянуло дымом, и Элин деликатно закашлялась, прикрыв рот ладонью. Обычно Мюриэл отправляла на такие скучные задания меня, но на этот раз она надела пальто, замотала шарф вокруг подбородка и, бормоча проклятия, отправилась на Бейкерс-роу.

Мистер Поудмор поручил мне провести опрос для серии статей об исчезновении общинного духа. На этой неделе это

была «Проблема беспокойных соседей». К счастью, так как день был холодный и сырой, большую часть работы можно было разрешено сделать по телефону. Я взяла справочник и начала обзванивать людей.

Определенно у этих людей была крайне насыщенная жизнь. Напившись — или употребив чего похуже — до бесчувствия, они целыми днями воровали, совокуплялись и устраивали оргии, а по ночам занимались тем же самым, но еще к тому же поклонялись дьяволу. По дороге домой на автобусе я напрасно разглядывала освещенные окна, пытаясь найти хотя бы одно, за которым обитатели не сидели бы неподвижно перед телевизором с тарелками чипсов на коленях. Зато, пока не подъехала к дому, я ни разу не вспомнила о разводе и на целый день была избавлена от удручающей тоски. Корделия встречала меня на пороге:

— Поздновато ты. Эта швейная машинка — самое дурацкое в мире изобретение. Ты должна мне помочь.

— А ты должна помочь мне. На ужин придет инспектор Фой.

Корделия просияла:

— О, замечательно! Он довольно забавный. И не гей. — Она задумалась. — Жаль, что мои брюки еще не готовы. Ну ладно, есть же твое черное платье.

Я достала купленные по дороге продукты. Корделия тут же схватила виноград, который я хотела подать к сыру. К моему ужасу, она передернулась и выплюнула его.

— Кислый, как маринованный лук!

— Черт возьми! Правда? — Я расстроилась. Мы положили виноград на подоконник для птиц. Тут же на него слетел черный дрозд, клюнул ягоду и возмущенно улетел прочь. Пока Корделия чистила картошку, я сражалась со швейной машинкой, которая делала с изнанки ткани загадочные петли. Вскоре я была вынуждена признать свое поражение, но Корделия все равно находилась в прекрасном настроении из-за предстоящего визита инспектора. Когда он пришел, она встретила его на пороге, проводила в гостиную, где предложила ему напитки, и начала развлекать приятной беседой. Торопясь вверх по лестнице и снимая на ходу фартук, я слышала обрывки их разговора.

— Извините. Вы же знаете, что такое кухня, — всегда не хватает последней минутки.

На самом деле я искала по лабиринту Марка-Антония, который улизнул с семгой, от которой я беспечно отвела взгляд на секунду. Когда я их обнаружила, рыба выглядела уже не слишком хорошо, не только потому, что осталась без головы, но и из-за многочисленных следов зубов на серебристых боках и вмятин, полученных от ударов о стволы тисов. Я хорошенько помыла ее перед тем, как положить в кастрюлю, и напонила себе через три минуты вернуться и убавить огонь.

— Я рассказала Чарли, как прекрасно мы провели время у сэра Освальда и леди Пай. — Корделия критически оглядела меня. — У тебя чешуя на щеке.

— Корделия рассказала мне о блестящем дербиширском обществе. — Мне показалось, что инспектор удивлен. Но он был слишком добр и не показал ей, что не принимает ее всерьез. — Лорды, епископы, баронеты. Кинозвезды и иностранные князья. Танцы каждый вечер. Звучит просто великолепно.

Корделия быстро взглянула на меня и слегка покраснела.

— О, да, — сказала я. — Все так и было. И Корделия никогда не была свободна — ее приглашали на каждый танец.

Зазвонил телефон.

— Извини, что не позвонила раньше. — Это была Порция. Голос ее звучал очень радостно. — Мы были так заняты поисками жилья. Нашли чудесный маленький коттедж совсем недалеко от Манчестера. Рядом ручей и поле с великолепными коровами. Очень дешево! Как ты?

— Хорошо.

— Прекрасно. Ты не представляешь, как мы чудно провели время. Завтра Джонно поедет встречаться со своим руководителем в университете и начнет работать, а я собираюсь помогать фермеру — хозяину коттеджа — доить коров и все такое. Если ты думаешь, что сейчас все это механизировано, то ошибаешься. По-моему, фунт в час — это не так плохо. Фермер еще хочет научить меня стричь овец. В ручье плавают утки, и я хочу их приручить. Почему ты молчишь?

— Я слушаю тебя. Как Джонно?

— Я без ума от него. На самом деле. Это настоящая любовь! Если мы не в постели, то все время смеемся. Он не только любовник, но и настоящий друг.

— Да, он на самом деле очень мне нравится, — ответила я на вопрос Порции, — но, послушай меня, пожалуйста. Мне нужно кое-что тебе сказать. Только не пугайся, дорогая, это несколько шокирующая новость. Но я думаю, что все будет в порядке. Мама и папа... Они решили, что уже не могут быть счастливы друг с другом, как раньше, и решили немного пожить раздельно.

— Ты хочешь сказать, они расходятся? Подали на развод?

— Да. Прости, что говорю тебе об этом, но я подумала, это лучше, чем если бы ты узнала обо всем из газет. Корреспонденты уже пристают с расспросами.

— У папы появился кто-то?

— Да. Адвокатша по имени Флер. Он говорит, что это серьезно.

— А мама остается с Ронни?

— Кажется, они вполне счастливы. Покупают небольшой отель в Корнуолле.

— Не такая уж это неожиданность. Ведь фактически они уже очень давно живут врозь. Телесно, не духовно. Хочу сказать тебе одну вещь, Хэрриет. Я не собираюсь изменять Джонно. И не собираюсь позволять ему этого. Если такое происходит, ты становишься либо бесчувственным, либо, наоборот, слишком уязвимым.

Серьезный тон Порции произвел на меня впечатление.

— Надеюсь, у тебя все получится. Я уверена, что ты права.

— М-м... Я надеюсь, эта Флер — терпеливое создание.

— Я с ней не встречалась.

— Да, все это не очень приятно. Я рада, что не присутствую при этом. — Она помолчала. — Извини. Наверное, я просто эгоистка. Не расстраивайся.

— Я пытаюсь. Стараюсь уйти в работу с головой. Все будет хорошо.

После того как мы попрощались, я вспомнила, что так ничего и не сказала Порции об убийстве — если это было убийство. Она обещала звонить не реже раза в неделю. Я поймала

себя на мысли, что хотела бы, чтобы она была поближе. Звук поворачивающегося в замке ключа нарушил ход моих мыслей.

— Привет, Хэрриет. Помоги мне внести сумки, пожалуйста. Таксист ужасно невежлив. Я не дам ему чаевых.

Офелия поставила сумку и скинула пальто. Она выглядела очень элегантно и явно была довольна. Она подставила мне щеку для поцелуя.

— Как там Сассекс?

Офелия закатила глаза:

— Я извлекла из этой поездки некоторую пользу. Не считая моего гонорара, конечно. Я теперь буду куда терпимее относиться к нашему дому и его неубранности. Дорогая моя, ты не представляешь, какие они там чистенькие и правильные! Какая-то религиозная секта, нечто среднее между мормонами и плимутскими братьями. И у них просто невероятное количество денег!

— Бедная Офелия! И никакого шампанского? А у нас сегодня есть кое-что приятное к ужину. Здесь инспектор Фой.

— А, знаменитый детектив! Когда папа мне позвонил, мне показалось, что он готов собирать деньги на прижизненный памятник ему. Конечно, я рада, что папа выбрался из этой ужасной дыры, но ты знаешь, у меня плохо развито чувство благодарности.

— Могу я помочь вам с багажом, мисс Бинг?

Инспектор появился в холле. Он наверняка слышал ее слова, но при этом продолжал благостно улыбаться.

— О, спасибо, — Офелия казалась обескураженной. — Там еще два чемодана в машине. Если вам не трудно.

Она высокомерно повернулась к нему спиной, но, проходя мимо меня, подмигнула. Через несколько минут бедный Чарлз приволок чемоданы:

— Мне необходимо в них заглянуть. Наверняка в каждом лежит по мертвому телу.

— Лучше пойдете еще выпьем. О Боже — семга!

Разговор с Порцией и прибытие Офелии так отвлекли меня, что я совсем забыла уменьшить газ. Вода выкипела, и рыба пристала ко дну кастрюли.

— Могу я помочь? — Инспектор вошел на кухню. — Ты же знаешь, я не люблю церемоний. — Он заглянул в кастрю-

лю. — М-м... Ну-ка дай мне. — Он мастерски отправил рыбу на блюдо, а кастрюлю — в мойку. — Я думаю, можно снять пригоревшую корочку, а остальное будет чудесно.

— Это выглядит не так, как я себе представляла.

— Потуши ее с ломтиками огурца. Должно получиться хорошо. Ну, что мне еще сделать?

— Черт! В дверь звонят. Должно быть, папа забыл ключи. Корделия, ты не могла бы открыть?

— Меня тошнит. Я съела еще все хлебные палочки и оливки.

Она и вправду выглядела несколько зеленой. Я сама побежала к дверям. На пороге стояли Руперт и Арчи.

— О, как здорово! — Мне хотелось обнять и расцеловать их обоих, как после долгой разлуки, хотя мы не виделись всего несколько дней, но я ограничилась простыми приветственными поцелуями.

— Вальдо позвонил нам вчера и пригласил на ужин, — сказал Арчи. — Какой интересный запах. Рыба. Слегка пригорела.

— Как опрометчиво с его стороны — ничего мне не сказать! Заходите. Это семга. Я забыла уменьшить газ. Выпейте чего-нибудь сами, пока я еще раз попробую сделать соус.

— Речь, способная повергнуть гостей в отчаяние. — Арчи направился к лестнице. — Лучше я сам посмотрю.

Когда все наконец оказалось более-менее под контролем, я отослала всех в гостиную к Руперту. Папа до сих пор не появился, и я решила подождать еще минут пять. Еще до того как заняться приготовлением блюд, я накрыла стол в столовой, а сейчас добавила еще два прибора и зажгла свечи. Выглядело все вполне мило.

Обед начался без папы. Гости оживленно беседовали. Я чувствовала удовлетворение как хозяйка, чья вечеринка удалась. Офелия рассказывала о своей поездке, потом Чарлз познакомил тех, кто был еще не в курсе, с обстоятельствами убийства сэра Бэзила. Они были поражены.

— Так как вы оцениваете шансы поймать убийцу? — спросил Руперт, когда я отослала Корделию вниз за семгой.

— Надо признать, они невелики. — Чарлз встал, чтобы помочь мне собрать грязные тарелки, будто был здесь своим уже многие годы. Наш единственный шанс — разгадать мотив, арестовать «Х» и добиться признания. Но так как пытки в наши дни запрещены, убийца, имея достаточно хладнокровия и хорошего адвоката, может выйти сухим из воды.

— Здравствуйте все! — послышался папин голос. — Извините, мы припозднились.

Я выглянула из-за подноса с посудой и увидела входящую в столовую темноволосую женщину. Она была одета в элегантный красный костюм и туфли на очень высоких каблуках.

— Флер, это Хэрриет, моя вторая дочь. — Папа начал с меня, поскольку я стояла ближе. Он явно нервничал.

— Как я рада познакомиться с девочками Вальдо. — У Флер был довольно резкий голос, не громкий, но какой-то пронзительный, с явным заокеанским акцентом. — Ты, должно быть, журналист?

— Что-то вроде. — Я постаралась как можно шире ей улыбнуться.

— А это Офелия.

— Хай, Офелия! — Флер направилась через комнату к ней, стуча каблуками и распространяя запах духов. — Я восхищена. Вальдо так много обо всех вас рассказывал. Сейчас я угадаю — это ты делаешь всякие умные вещи с диванными подушками и хлебницами. Хотя я не понимаю, зачем вам работать. Делать карьеру и оттачивать мозги — занятие подходящее больше старым девам вроде меня.

— Дорогая, не говори глупостей. — Отец поцеловал Флер руку. — Ты же знаешь, что ты самая великолепная женщина в Лондоне.

— Вальдо, какой ты милый! Я — самая счастливая женщина в мире.

Пока отец представлял остальных, я занялась посудой, что помогло мне собраться с мыслями. Я должна была дать Флер шанс. Ради папы надо постараться полюбить ее.

— Нет, спасибо, — услышала я ответ Флер на предложение Офелии попробовать то, что осталось от первых двух

блюд. — Мы с Вальдо съели просто огромный ланч. Нам надо следить за нашими фигурами.

Из кухни появилась Корделия.

— Здравствуйте, — вежливо сказала она. — Я — Корделия, младшая дочь Вальдо и Клариссы.

— О! Какой милый ребенок, Вальдо! — Она оглядела платье Корделии — мое черное платье. — И такая обаятельная! Дорогой, ты должен был предупредить меня, что у вас собирается такая пышная вечеринка! Твои девочки совершенно меня затмевают. — Отец издал протестующий возглас. — Значит, ты здесь младшая, — опять повернулась Флер к Корделии. — Но, я вижу, ты уже вполне взрослая. Сколько тебе лет?

— Четырнадцать, — не моргнув глазом, ответила Корделия.

— А что, все четырнадцатилетние девочки в Англии носят платья от Живанши? В Америке подростки обычно одеваются в джинсы и тапочки.

— Это не всем подходит. — Корделию явно начало тяготить такое внимание к ее возрасту.

— Да... Однако ваш папа должен просто дьявольски много работать, чтобы одевать вас *haute couture*.

Корделия мрачно взглянула на Флер. Некоторое время она молчала, а потом сказала:

— Очень смело с вашей стороны — одеваться в красное.

Я принесла Флер пудинг. Она набила полный рот, но тут же положила ложку.

— Чудесно. Но слегка жирновато. У вас не найдется немного фруктов?

— Я принесу вам виноград, — вскочила Корделия и, прежде чем я успела ее остановить, убежала вниз.

Глава 38

Никто и не ждал, что мы сразу примем Флер с распростертыми объятьями, но по прошествии недель мы все же начали кое-как к ней привыкать. Надо признать, немногие женщины, метящие в невесты, были бы рады наличию у жениха пятерых

детей. Я не думала, что она так уж сильно недовольна, однако всячески пыталась показать нам, что отец принадлежит ей. Папа чувствовал себя более уверенно в ее присутствии. По крайней мере это должно было меня утешать.

Флер ни на минуту не оставляла его в покое — пощипывала за щеки, приглаживала волосы, поправляла воротничок, — из-за чего мы чувствовали себя лишними.

У них произошло несколько стычек с Офелией по поводу того, кто в доме главный, и в итоге Офелия выиграла, откровенно нагрубив Флер. Та испугалась и с тех пор старалась держаться от Офелии подальше. Попытки командовать Корделией Флер оставила довольно быстро, но вместо этого, видя, что отец обожает младшую дочь, решила к ней подольститься. Корделия за эту неприкрытую лесть за глаза прозвала ее Кошачьей Лапкой, но общалась с ней разумно-вежливо. Отношение Флер ко мне, напротив, стало более холодным, но, вероятно, я сама это спровоцировала. Я так старалась скрывать свои чувства, что всегда была очень уступчивой в ее присутствии, и это было расценено ею как слабость. Возможно, она права.

К счастью, папа и Флер так много работали (он начал репетировать через две недели после нашего возвращения), что оставшиеся немногие часы свободного времени предпочитали проводить вдвоем в ее квартире.

Как-то в конце марта, когда мы с папой, Флер и Чарлзом болтали в гостиной, а Офелия и Корделия затаились наверху в ожидании ухода Кошачьей Лапки, раздалось громкое тараканье на улице. Я обрадовалась, решив, что это Руперт и Арчи, но, выглянув в окно, увидела незнакомый красный спортивный автомобиль.

Со стороны пассажирского места появились две ножки, не толще соломинок для коктейля, за ними последовала черно-желтая шуба, увенчанная копной малиновых волос. Лица было не видно за огромными черными очками. Мое внимание отвлек появившийся с другой стороны шофер.

— Брон! — воскликнула я. — О папа, это Брон!

Он звонил после Рождества всего один раз, сказал, что все в порядке, но он не может приехать в Англию даже ненадолго, что он читал в итальянских газетах об освобождении отца

и надеется, что у нас все хорошо. Я сказала ему о разводе, а он сказал: «Хорошо, хорошо» — будто речь шла о погоде. Я осталась недовольна разговором.

Я побежала к двери.

— Не помни мой костюм, милая девочка! — Брон чмокнул меня и разгладил воображаемые складки на безупречном костюме. — Хэт, ты великолепно выглядишь! Какая перемена!

— Я совсем забыла, что, когда мы виделись в последний раз, я носила анархистскую униформу.

— А это Летиция.

Он протянул руку, чтобы обнять тонюсенькую талию женщины, которая поспешно взбиралась по лестнице. Я вспомнила, что Летиция — божество в мире моды и работодатель Брона. Вблизи было видно, что все ее лицо — по крайней мере, та часть, что не была закрыта очками, — изборозжено морщинами.

— Ciao, cara. — Летиция чмокнула воздух. Тут она заметила вешалку Анубиса. — Это нам нужно. Для съемок. — Она ринулась за мной в дом. — Да, подойдет для пляжной коллекции. Заплати, сколько они попросят.

Брон достал бумажник.

— Что скажешь, Хэт? Пять сотен? — Он вытащил пачку купюр.

— Что? За вешалку для шляп? Но, Брон, она же не моя! И потом, я так ее люблю.

Брон добавил еще несколько купюр и шлепнул ими об стол:

— Тысяча. То, что Летиция хочет, Летиция получает.

— А вот и папа! Ciao! — Летиция заключила в объятия моего отца. — Теперь я вижу, в кого мой мальчик такой красивый. Она ущипнула отца за щеку. Он выглядел ошеломленным. — Ах, я помню, знаменитый актер! Тот, которого убили! Мы в Италии понимаем такие вещи, но здесь, в Англии — пфуй!..

— А это мама. — Она энергично расцеловала Флер. — Я хочу поблагодарить вас за то, что вы дали миру прекрасного Брона, который сделал меня такой счастливой. Я имею перед вами большой... Слово, cara! — Она щелкнула пальцами перед Броном.

— М-м, долг? — предположил Брон, снова доставая бумажник.

— Я — не мать этого человека, — начала Флер, которая, естественно, обиделась, будучи старше Брона всего на десять лет, а то и меньше. — Я вижу его сегодня впервые в жизни!

— А, вы американка! Тогда это, — она показала на элегантное, сшитое на заказ платье Флер, — понятно. У вас, американцев, нет истории. Бедняжки! Волосы — ничего. А вот закладки — это лишнее. А вот ты, — она развернулась ко мне, — гораздо лучше. У тебя есть стиль. О, какой диван! Perfetto для меховой коллекции. Я делаю вам предложение. — Она опять повернулась к Флер: — Пятнадцать тысяч за всю обстановку. У вас есть вкус в оформлении. Что скажете?

Флер посмотрела на папу.

— Сладость моя... — начала она жутким голосом.

— Нет, дорогая мисс Летиция, — прервал ее отец. — Хотя мы очень рады познакомиться с вами, но у нас нет намерения продавать нашу мебель абсолютно чужим людям.

— Но, tesoro mio, я не чужая! Я ваша... Слово, caro... — Она опять щелкнула пальцами.

— Невестка, — отозвался Брон. — Мы поженились в Риме на прошлой неделе.

— Но, Брон, — сказала я позже, когда Летиция отправилась принимать ванну, — не кажется ли тебе, что она немножко... стара для тебя?

— Ей пятьдесят восемь. Я недавно подсмотрел в ее паспорте. Но до этого не предполагал...

— Тридцать два года!

— Ну и что? В постели она энергична, как шестнадцатилетняя. Ей нравится доминировать. Мне вообще не нужно ничего делать, только изредка переворачиваться. Это как раз то, что я люблю.

— Но ведь это не причина, чтобы жениться.

— У нее куча бабок. И талант увеличивать их количество. И ей больше всего на свете нравится тратить их на старину Брона.

— А как же все остальное, что так важно в браке?

Брон выглядел удивленным:

— Например?

— Ну, сотрудничество, похожие вкусы, м-м... принципы? — Мне было трудно взглянуть на вещи с точки зрения Брона. — Дети! Вы же не сможете их иметь.

— И слава Богу! Зачем они мне?

Да, если говорить честно, Брона трудно представить отцом.

— А как насчет того, что она состарится, когда ты будешь еще относительно молодым человеком? А если у нее будут проблемы со здоровьем?

— Я найму хорошенькую молоденькую сиделку.

Я отступилась. Возможно, для Брона это действительно лучший вариант. Он и впрямь выглядел счастливым. А когда Летиция вышла из ванны и пришла к нам на кухню, я с удивлением осознала, что, как ни странно, они подходят друг другу.

— Дорогие мои, что вы делаете? — Она проинспектировала кастрюли. — Макароны? Хорошо, я сделаю это для вас! Ты, Брон, садись сюда, чтобы я могла видеть твое прекрасное лицо. А ты, Хэрриет, — она развернула меня, развязала на мне фартук и надела его на себя, сопроводив эти действия легким тычком в бок, — садись рядом со своим братом и радуйся, пока он здесь. Завтра мы улетаем в Париж, и это будет для тебя горе. Брон рассказывал, как ты его любишь. У меня большая семья, но я редко с ними вижусь. Где кладовая? — Она бросилась туда и вышла с несколькими пакетами. — Я люблю готовить, но у меня нет времени. Замечательные *pasta asciutta*. А также *ceci*, *peperoncini* и *polenta*. Вы любите итальянскую кухню?

Я рассказала ей про Марию-Альбу.

— Бедняжка! *Va bene*, такова жизнь. — Летиция посочувствовала ровно полторы секунды, после чего набросилась на продукты. Она резала, жарила, скребла, бланшировала, парила и взбивала с космической скоростью. Я взирала на нее с удивлением, а Брон тихо напивался. Время от времени она подскакивала к нему и целовала его взасос, а он даже слегка вытягивал губы в ответ.

За время, меньшее, чем ушло бы у меня на приготовление простых спагетти с помидорами, Летиция умудрилась изгото-

вить пять блюд, не переставая болтать о тенденциях моды, проблемах с закройщиками, своем детстве, журналистике, киноиндустрии, политике и космических путешествиях. При этом она еще успевала тормозить Брона. Почему-то, несмотря на все это, я не чувствовала себя лишней.

— Какой он плохой, правда? — засмеялась Летиция. — Это первый мужчина в моей жизни, у которого совсем нет совести! Мне это нравится. Я могу читать его мысли. Если он посмотрит на другую женщину, я перестану давать ему деньги, а он их любит чуть-чуть больше, чем секс. Поэтому мы прекрасно ладим.

Так как за знакомство Брона и Летиции был в ответе Руперт, я решила пригласить их с Арчи на обед. Накрыла стол на десятерых — папа убедил Флер, что их присутствие необходимо.

Через минуту прибыли Руперт и Арчи, и я, как всегда, сдержанно приветствовала их. Чего нельзя сказать о Летиции — она просто-таки накинулась на них.

— *Ruperto*, как я рада видеть тебя! — Она смачно его поцеловала. — А Арчи, *tesoro mio*, как чудесно ты выглядишь! Особенно это розовое пальто, совсем как костюм английских охотников.

— Поздравляю тебя, Летиция! — Руперт преподнес ей шикарный букет из роз и гиацинтов. — Я надеюсь, вы оба счастливы. Мои поздравления, Брон.

— Брон, мальчик мой, я хочу тебе кое-что сказать. — Летиция взяла Руперта под руку. — Я долгие годы была влюблена в *Ruperto*, но он никогда не... Слово, *caro*! — Она щелкнула пальцами.

— Не трахал тебя? — предположил Брон.

Летиция расхохоталась:

— Вот видите, какой он противный, просто ангел! Нет, нет, это что-то вроде игры. Руперт любит командовать. Мы не смогли бы с ним долго ужиться. — Она дернула его за рукав. Руперт не отвечал ничего, только смотрел на нее сверху вниз с загадочной улыбкой. — Предупреждаю, *caro*, если я когда-нибудь тебя брошу, то только ради этого мужчины.

— Договорились, — кивнул Брон.

— Сказать по правде, Летиция, — Руперт освободился от ее руки, — хотя я очень ценю тебя и твои таланты, но не выношу производимого тобой шума.

Летиция схватилась за бока от смеха. Я поймала себя на том, что она нравится мне все больше и больше.

Все шло своим чередом на протяжении следующего месяца. Я много работала. Офелии поручили оформить дом банкира в Мэйфере, и она была очень этим довольна. Она стала более дружелюбной и иногда даже интересовалась моей работой. Однажды, застав меня за письмом к Марин-Альбе, она попросила передать ей несколько теплых слов от себя. Как-то я услышала, как она поет на кухне, что тоже было ей совершенно не свойственно. Я спросила ее, чему она так радуется.

— Не знаю. Может, весне, может, тому, что я сама зарабатываю деньги.

— Да, это здорово. Я теперь знаю: даже если стану когда-нибудь очень богатой — что вряд ли, конечно, — у меня все равно останется желание работать. В этом есть что-то весьма притягательное. И работа придает особый вкус всему остальному.

— Я раньше думала, что буду счастлива, только если выйду замуж за богача. Не сказать, что теперь думаю совсем иначе, но я поняла: на этом свет клином не сошелся. — Я смотрела на нее, с трудом веря своим ушам. — Не хочу, чтоб меня покупали. Я хочу быть более значимой, чем автомобиль, дом или акции гольф-клуба. Я поняла, что красивое лицо и тело — это еще не вся я. Желаю чувствовать себя равной своему спутнику. С Креспеном и ему подобными покончено. Я могу унаследовать дело Фэй. Она уже сдает и потеряла хватку. — Она взглянула на часы. — Надо бежать. Нужно выбрать несколько цветочных ваз для моего банкира. У меня такое впечатление, что он теперь не купит и ножа для чистки картошки, не посоветовавшись со мной.

Через несколько минут она вышла из дома, что-то весело напевая.

Я нашла школу, которая согласилась с осени принять Кор-

делию. Очень жаль, что ей пришлось пропустить два семестра, но тут уж ничего не поделаешь. Я договорилась об уроках итальянского для нее в местной политехнической школе. Благодаря Марии-Альбе она уже немного знала язык. Большую часть свободного времени она сейчас проводила с Лавди, изготавливая лоскутные занавески для своей комнаты. Велосипедные штаны были заброшены.

Иногда звонила Порция. Она была вполне довольна своей новой жизнью, они с Джонно подумывали о том, чтобы пожениться. Я сдуру посоветовала ей не торопиться, но она так рассердилась, что после этого я только слушала и соглашалась. Мама тоже звонила нечасто. Они с Ронни помешались на отделке дома. Четверо из нашей семьи покинули дом и были вполне счастливы. Без них в доме было пусто. Я перестала убираться в их пустующих спальнях.

Чарлз спросил, не грустно ли мне. Мы сидели в креслах посреди небольшого газона, еще не включенного в лабиринт. Щелканье ножниц Лавди создавало фон для нашего разговора. Вечернее солнце садилось в пухлые облака, и тисы отбрасывали резкие тени. Мы были одни, Офелия еще не вернулась из Мэйфера, а Корделия шила свои занавески на кухне.

— Пожалуй, нет, — ответила я. — Просто вспомнила дрозда, который каждый год прилетал и пел под окном моей комнаты. Надеюсь, с ним ничего не случилось.

— О милая, бедная Хэрриет. Еще один покинул тебя.

— Как дела с допросом подозреваемых? Мотивы так и не прояснились?

— Хэрриет, есть одна вещь, о которой я хочу с тобой поговорить, — услышала я слова Чарлза. Он выбил трубку и похоронил пепел носком ботинка. — Я все откладывал это, как последний трус.

Я взглянула на него с удивлением. В его голосе появились какие-то незнакомые нотки. Закончив ковыряться в земле, он некоторое время напевал, как всегда, когда обдумывал нечто важное. Я вдруг испугалась.

— Что случилось? Надеюсь, это не с отцом?

— Нет, нет. Уверяю тебя, твой папа в порядке. Могу тебе поклясться — ты можешь больше не волноваться за него. Дело совсем в другом. Я... Я... О черт, это не так легко выговорить. Ты — умная девушка. Ты должна была догадаться, что мои частые визиты к вам вызваны не только служебным долгом.

— Я думала, мы друзья.

— Ну да. Конечно. И я очень высоко ценю эту дружбу. Я вхожу в ваши двери почти как к себе домой, всегда в приподнятом настроении, каким бы тяжелым ни был день. Я полюбил вас всех, даже Дирка. Но есть разные уровни любви и хорошего отношения. И сейчас я чувствую себя на самом пике любви.

Мое сердце заколотилось.

— Я пытался с этим бороться. Я говорил себе, что никогда не добьюсь здесь успеха, что слишком многое нас разделяет. — Он попытался усмехнуться. — Дело не только в возрасте. Я слишком предан своей работе. Как я могу надеяться, что найдется женщина, способная понять это. Но все же... — Он замолчал, но, прежде чем я успела вставить слово, продолжил: — Я подумал... Я понадеялся... Господи, должно быть, я сошел с ума. Я совсем не так хотел сказать.

— О, как мило! Я не помешаю? — Офелия, чьи шаги заглушила трава, подошла к нам и, не дожидаясь ответа, упала в третье кресло. — Меня трясет. Мне нужно выпить.

Я вскочила:

— Сейчас принесу. Нет-нет, — остановила я начавшего вставать Чарлза, — мне все равно нужно заняться ужином. Поговорите с Офелией. В меню только гороховый рисотто и бекон, но, если хотите, оставайтесь.

— Только при условии, что ты разрешишь мне помочь тебе.

— Ладно.

Я взяла стакан для Офелии и дала Чарлзу еще одну охлажденную бутылку просекко и штопор, а сама пошла наверх переодеться, потому что вечер становился прохладным. Как только я закрыла за собой дверь спальни, то схватила за голову и застонала. Я была просто убита. Что мне теперь делать? Что сказать? Кто бы мог помыслить о таком? Господи, что же делают с нашей жизнью чувства!

— Хэт? — Корделия повернула ручку двери и, убедив-

шись, что она заперта, начала трясти ее изо всех сил. — Эта проклятая швейная машинка опять делает петли! Это конец, я ее ненавижу! Помоги мне.

— Хорошо. Подожди минуту. А пока пойди почисти пару луковиц, ладно?

Я услышала удаляющиеся шаги Корделии, сопровождающиеся ворчанием. Мне необходимо было еще подумать. Я была уверена, что, хотя тепло отношусь к Чарлзу, не люблю его. У меня никогда не было дядюшек, но, если бы были, Чарльз наверняка был бы любимым. Ох, о чем же я думаю! Какие дядюшки?! Нужно успокоиться. Я должна быть с ним помягче и дать понять, что могу и передумать. Я не хотела причинять ему боль. В конце концов он же нравится мне! Масса людей во все времена спят с теми, кого не любят. Скорей всего, я даже научусь со временем его любить.

— Хэрриет! — сказала я вслух. — Ты совершеннейшая идиотка!

— С кем ты разговариваешь? — Корделия опять начала ломиться в дверь. — Я не могу найти лук. Ты должна помочь мне, иначе я отправлюсь к Марии-Альбе в монастырь.

Я отперла дверь.

— Можешь войти. Я просто переодеваюсь.

— Какая-то ты красная. Что случилось?

— Ничего. Как твои занавески? Ты нашла, что еще порезать на лоскутки?

— Так как Порция, очевидно, уже не вернется, я порезала ее зеленое платье — ну, ты знаешь, бархатное.

Я влезла в джинсы.

— Не думаю, что это разумно. Это было ее любимое платье.

— Из остатков я собираюсь сделать плащ для маскарада. Возможно, с русским колпаком.

Уверенность Корделии меня восхищала. Мы спустились вниз. Я попыталась сама разобраться с машинкой. В окно мне были видны Чарлз и Офелия. Я надеялась, что они не ссорятся. Пока я разбиралась с луком, беконом и сыром, все пыталась и никак не могла привести мысли в порядок. К счастью, Чарлз, похоже, забыл о своем желании помочь.

Корделия продолжала болтать, но я едва ли слышала ее. В конце концов, он же не предложил мне прямо сейчас выйти за него замуж. Может, я не то себе вообразила? Но он же говорил о любви... О, Хэрриет, держи себя в руках!

Через полчаса рисотто был готов. Я поставила блюда на поднос и отправилась наверх. В столовой открыла окно, чтобы позвать из сада Чарлза и Офелию, и едва не упала в обморок от удивления. Они больше не сидели в креслах. Они стояли посередине лабиринта. И целовались...

— Эй вы, двое, ужин на столе! — крикнула я.

Чарлз испуганно взглянул наверх.

— Господи! — услышала я слова Офелии. — Так я и знала. В этом доме уединиться невозможно.

Чарлз помахал мне. Он выглядел совершенно довольным. Я помахала в ответ.

Ужин проходил в странной обстановке. Чарлз и Офелия явно витали в облаках, куда нам, простым смертным, было не добраться. Каждый раз, когда их взгляды встречались, они вновь начинали любовное воркование. Мы с Корделией были предоставлены сами себе. Стоило мне подумать, какой душой я чуть было не выставила себя, приходилось закусывать губу, чтобы не расхохотаться. Я была глубоко тронута тем, что Чарлз настолько уважительно относился ко мне, что решил сначала поговорить со мной о своей любви.

— Никто меня не слушает! — возмутилась Корделия. — Вы собираетесь пожениться?

Офелия молчала, опустив голову.

— Надеюсь, — ответил Чарлз. — Но, вероятно, не сейчас.

— Чем быстрее, тем лучше, — возразила Корделия. — У вас есть какие-нибудь молодые родственницы, которые претендуют на роль подружек невесты?

— М-м... Да, две племянницы.

— И как они выглядят?

— Дай-ка вспомнить... Рыжие и со скобками на зубах.

Корделия просияла:

— Бедняжки...

— Я не узнаю собственную дочь, — через несколько дней сказал об Офелии отец. — Она стала еще красивее, но при этом какой-то смиренной. Я не уверен, что мне это нравится.

Отец продолжал заходить к нам вместе с Флер на коктейль, считая это своим долгом перед нами с Корделией. Чарлз и Офелия забежали на минутку — взять кое-что из одежды. На прощание Офелия расцеловала всех, даже Флер, а меня заключила в объятия и пригласила на следующей неделе поужинать у Чарлза.

— Она счастлива, — сказала я. — По-моему, это прекрасно.

— Но почему он? — спросила Флер. — Он, конечно, видный мужчина, но — полицейский!

— Он главный инспектор, а не бобби на велосипеде, — возразила я, может быть, слегка раздраженно. — Он очень, очень умен, прекрасно образован и на редкость порядочный...

— Ну, ну, хватит, — примиряюще проговорил отец. — Я уверен, что все довольны друг другом.

Во время последнего визита Офелия говорила со мной о Чарлзе:

— Он единственный мужчина, который не поверил, что я — хладнокровная стерва, — сказала она. — И я действительно перестала ею быть. Удивительно, как мы пытаемся соответствовать мнению других о нас. Чарлз был со мной таким жестким, и я не могла не влюбиться в него. Хотя очень сопротивлялась. Он сказал, что влюбился в меня с первого взгляда — в мою внешность, конечно. А потом полюбил за тот вызов, который я бросила ему. — Она снова покраснела. — Он сказал, что я пугала его больше, чем самые закоренелые бандиты, с которыми ему приходилось иметь дело.

— А это на самом деле было так? Я имею в виду — ты и вправду его ненавидела?

— Думаю, что нет. — Офелия рассмеялась. — Я без ума от него. Но не хочу этого показывать.

Я заключила, что по ней все равно видно больше, чем она хочет показать.

— Но мы немного переживаем за вас с Корделией, что вы остались тут одни. У вас действительно все в порядке?

— Совершенно. Нам неплохо вдвоем. Корделия каждый день ходит на уроки итальянского. По-моему, у нее уже есть успехи. Я тоже пытаюсь добиться успехов в работе. Мистер Поудмор сказал недавно, что ему кажется — у меня есть задатки настоящего журналиста.

— О, тогда все в порядке. Я же знаю, какая ты домашняя девочка и как много значит для тебя этот дом. — Она огляделась. — Мне пришло в голову, что сейчас он стал выглядеть гораздо лучше, чем прежде.

— Я научилась управляться с домашним хозяйством в Дербишире.

— Да? Странные, должно быть, у вас были каникулы.

— Мы тут подумали с Флер, — начал отец, пригладив волосы — уже изрядно отросшие, но все такие же белоснежные, — и нам показалось неразумным, что вы, две девочки, живете одни в таком громадном доме. — Он посмотрел на свои руки. — Агент по недвижимости — конечно, это был только предварительный разговор — сказал, что мы можем выручить неплохую сумму, сдав его в аренду. Это было бы весьма кстати. Мы с Флер присмотрели дом в Хемпстед. Он очень мил, но недешев. И я хочу оставить немного денег Клариссе.

Он с надеждой посмотрел на меня. Я старалась не выглядеть несчастной.

— А как же мы? — Корделия отложила вязание.

— Да, конечно, мы подумали о вас. — Папа натянуто улыбнулся. — Вы можете переехать с нами в Хемпстед. Дом чудесен, и там есть две свободные спальни.

Корделия с сомнением посмотрела на Флер.

— Это было бы чудесно, — сказала та, — для нас всех. Но, сладость моя, ты забываешь, что Хэрриет работает в Брикстоне. А новая школа Корделии, кажется, в Фулхеме? Мы не можем заставлять девочек совершать такие длительные поездки. И потом, там очень маленький двор. Им придется куда-то пристраивать кота и собаку.

— Пойду принесу еще бутылку, — сказала я.

Я сбежала в кухню. Марк-Антоний растянулся на столе в луче света. Рядом с ним лежал изрядно облизанный кусок масла.

— Ах ты нехороший! — Я поцеловала его в лоб и потрепала за ухо. — Вот не возьму тебя с собой!

Марк-Антоний потряс головой и спрыгнул со стола. Он не терпел, когда ему мешали спать. Я нашла штопор и некоторое время сражалась с пробкой, которая в результате разломилась пополам. Когда мне все же удалось ее извлечь, я уже не могла справиться со слезами. Я вытирала глаза тряпкой, размазывая тушь и бранясь, когда услышала звонок в дверь, а затем — голос Арчи. Я взяла еще два стакана.

— Хэрриет, дорогая моя! — Арчи был таким загорелым, что белки его глаз в полумраке холла сияли, как две лампочки. — Ты выглядишь великолепно! Поцелуй дядю Арчи сюда. — Он указал на свою щеку.

— Ты тоже прекрасно выглядишь. Цветом в точности как наш обеденный стол.

— О, это стоило мне многих трудов. Нужно было постоянно вертеться, чтобы не обгореть. Очень утомительно. Но это того стоило. — Он довольно оглядел себя в зеркале. — Как тебе мой пиджак Неру? Я подумываю о тюрбане. Со здоровенным алмазом вот здесь. — Он ткнул указательным пальцем меж бровей.

— Здравствуй, Руперт, — сказала я. — Как Италия? — Он загорел совсем немного, но выглядел отдохнувшим.

— Нормально. — Он внимательно оглядел меня. — Что случилось?

— Папа с Флер здесь.

Я провела вновь прибывших в гостиную.

— Что это? — Арчи поднял вязание Корделии — быстро удлиняющийся красно-белый предмет.

— Это для ребенка Офелии.

— У Офелии будет ребенок?

На лицах мужчин отразилось крайнее изумление. Я рассказала о переменах в нашей семье за время их отсутствия. Они вначале сомневались, что я говорю серьезно.

— Они еще на первом этапе отношений. Корделия просто совершенствует свои умения. Ни о каких детях пока речи нет.

— Очень скоро будет, — уверила Корделия. — От них просто исходит сексуальная энергия.

Арчи изучил вязание:

— Но у него же четыре ноги!

— Глупый! Две из них — руки!

— Если тебе интересно мое мнение, то здесь что-то не так с выкройкой.

После вежливых расспросов о здоровье и поездке папа сказал:

— Руперт, хотелось бы знать и твое мнение. Я только что говорил с Хэрриет о том, что хочу продать право на аренду этого дома.

— А!.. — непередаваемым тоном произнес Руперт.

— Ты же понимаешь, что разумнее подыскать Хэрриет и Корделии какое-нибудь жилье. Может, они смогут пожить у Чарлза и Офелии?

Корделия неожиданно фыркнула.

— ...Или смогут снять маленькую квартиру и жить самостоятельно.

— О, это прекрасная идея, — воодушевилась Флер. — Или пару комнат в пансионе.

Корделия сжала зубы и воткнула спицу в клубок.

— Я думаю, — уверенно произнес Руперт, — им лучше пожить у нас.

Глава 39

Руперт счел своим долгом не разлучать нас с Дирком и Марком-Антонием — при условии, что животных не будут допускать до его рабочего кабинета. Лавди решили оставить при доме, потому что, по словам Руперта, он будет необходим новым владельцам и к тому же зачахнет вдали от своего шедевра.

Я постаралась донести до него эту новость как можно мягче.

Упаковать вещи без слез оказалось невозможно, хотя одновременно я испытывала радость в преддверии совместной жизни с Рупертом и Арчи. Мама заявила, что они слишком за-

няты и не могут приехать в Лондон, к тому же судьба старой мебели ее не волнует. Поэтому папа позволил Летиции скушать имущество. Это значительно облегчило переезд. Но когда я, закрывая дверь, в последний раз взглянула на Анубиса, то почувствовала себя абсолютно незащищенной перед миром.

Я не была в доме 10, Зеленый Рог, Ричмонд — в доме Руперта — со времени той вечеринки, шесть месяцев назад, когда пришла просить у него помощи. Теперь, без толпы людей, я могла в полной мере оценить его красоту. Это был единственный в округе дом с двойным фасадом. Построенный из розовато-красного кирпича, с одинаковыми серыми дверями и окнами, он выглядел весьма элегантно.

На машине можно было подъехать только к конюшне за домом, поэтому нам пришлось тащить багаж через сад самим. Дирк носился по газонам и испугнул стаю голубей, мирно прогуливающихся вокруг беседки.

Руперт воспринял это на удивление спокойно, сказав только: — Я надеюсь, они привыкнут друг к другу.

В доме мы выпустили из корзинки Марка-Антония. Он на полусогнутых лапах, прижав уши, медленно двинулся по комнатам, обследуя каждый дюйм. Первые два дня он был беспокойным и недовольным, громким мяуканьем выражая протест, что его не выпускают из дома. В конце концов мы не смогли больше этого выносить и выпустили его. Он бросился к каналу и застыл над водной гладью, увидев маленькую рыбку. С этого момента он практически не уходил со своего поста, отвлекаясь только на еду и прочие жизненные надобности.

Когда Офелия нанесла нам первый визит, она несколько минут молча созерцала мою спальню, пораженная стильной обстановкой. Обои в ней были китайские, вручную расписанные цветами и бабочками, над кроватью балдахин из голубой тафты, вся мебель — из атласного дерева.

— Ты счастлива, Хэт? — Она впервые в жизни задала мне такой личный вопрос.

— Да.

— А как же мама и папа?

— Мне кажется, они довольны своей жизнью.

— Я имею в виду: что ты сама думаешь о разводе?

— О, ну... Это больше не мучает меня. Я думала, что это совершенно уничтожит меня, но обошлось. Я продолжаю работать, присматривать за Корделией, почти забывая временами об этом. Жить с Рупертом и Арчи и не чувствовать себя счастливой — невозможно.

— Ты всегда была безнадежно романтична. Я ни на секунду не поверю, что ты больше не маленькая девочка. Конечно, ты выглядишь старше, но это ничего не значит. Подожди, пока не встретишь кого-нибудь, с кем сможешь начать самостоятельную жизнь. Тогда ты перестанешь цепляться за прошлое. — Я была благодарна Офелии за то, что она снизошла до такого глубокого анализа моей жизни. Возможно, она права. — А где Корделия?

— Репетирует в школьном театре.

На следующий день после нашего прибытия за завтраком Руперт объявил, что договорился о месте для Корделии в общеобразовательной школе.

— Не пойду! — заявила она.

— Тогда отправляйся жить с Вальдо и Флер.

— Лучше я перережу себе горло.

— Если хочешь остаться жить здесь, ты должна ходить в школу. У тебя есть выбор — можешь жить с отцом, матерью или с любой из твоих сестер, если они согласятся. Ну, и с Броном, конечно.

Корделия встала из-за стола и направилась вверх в свою спальню, демонстративно хлопнув дверью.

— Мне очень жаль... — начала я.

Руперт коротко взглянул на меня:

— Не делай из этого драму, — и вновь углубился в газету.

Вечером Корделия избрала другую тактику. Она подождала, пока Руперт умоется, переоденется и нальет себе бокал спиртного.

— Ты так добр, что заботишься о моем образовании, Руперт... — начала она.

Руперт улыбнулся, вертя в руках бокал:

— Я бы не назвал это добротой. Скорее расчетом. Тебе трудно придется в сентябре, если потеряешь две трети учебного года, вот и все.

— Я согласна с тобой, но могу заниматься и дома, а мои одноклассницы, скорее всего, окажутся тупицами. Во всяком случае, я встретила на днях Друзиллу Пэпворт, и она сказала, что наша старая директриса, с которой поругалась Хэрриет, уволилась. Поэтому, возможно, я смогу вернуться в старую школу.

— Сестра Имельда? — поразились я. Невозможно было представить кого-то другого на ее месте.

— Друзилла сказала, что с ней случилось нервное расстройство вскоре после того, как меня исключили.

— Не думаю, что эти два события связаны друг с другом, — заметил Руперт.

Но я не была в этом так уверена, с раскаянием вспомнив свои жестокие намеки на ее отношения с сестрой Жюстиной.

— Твоя старая школа слишком далеко. — Руперт взял книгу, давая понять, что разговор окончен. — Считай, что все решено.

— Но я все равно не пойду в государственную школу!

— Это еще почему?

— Ну, я никогда в нее не ходила. Никто из нас...

— Тебе следует научиться приспосабливаться.

— Это нечестно! Хэрриет никогда не приходилось приспосабливаться! — Корделия была возмущена.

Руперт загадочно улыбнулся:

— Я ценю твоё стремление найти разумные аргументы, Корделия, но ты не заставишь меня передумать. Если хочешь жить здесь, завтра отправляйся в школу.

— Завтра! — Корделия расплакалась. — О нет! Руперт, пожалуйста, нет! Я не вынесу этого! Дай мне неделю или две на то, чтобы свыкнуться с этой мыслью! Это слишком жестоко!

— Корделия, — строго произнес Руперт, — это самопожертвование абсолютно неуместно. Я же не тиран-отец, которого нужно умиловить. К тому же у нас замечательная приходящая прислуга, и она будет недовольна вмешательством в ее дела. Все, что мне нужно, — чтобы ты перестала разыгрывать спектакль. Оставь свои способности для сцены.

Сама по себе такая впечатлительность неплоха, но не нужно изображать то, чего не чувствуешь.

— Наступит день, Руперт Вульвеспурджес, когда ты очень, очень пожалеешь, что поступил так со мной. Ты — самый вредный мужчина из всех, кого я встречала!

На следующее утро я проводила обиженно молчащую Корделию к неприглядному зданию из кирпича и стекла, которое и было общеобразовательной школой Артура Брокльбака. нас попросили прийти пораньше, чтобы Корделия могла получить книги и место и познакомиться со школой. Безлюдные помещения пахли дезинфекцией и линолеумом. Мисс Саваж, заместитель директора, была толстой лохматой теткой. Она выглядела усталой и недоброжелательной. Меня повелительно отослали прочь, словно дурную ученицу. В глазах Корделии читался упрек. Но когда я, внутренне дрожа, пришла встречать ее после занятий, то была крайне поражена, увидев, что она идет мне навстречу с улыбкой, помахивая сумкой и подпрыгивая.

— Ну и как?

— Интересно.

— Девочки хорошие?

— Да, я думаю.

Я попыталась начать еще раз:

— Как учителя?

— Обычное жалкое сборище. Довольно печально. Но учитель драмы неплох.

— О, замечательно! Ты сможешь участвовать в постановках.

— М-м...

Все это показалось мне недостаточным объяснением.

— Вам было о чем поговорить на переменах?

— О, да. Когда я смогла вернуть словечко. Они все хотели рассказать мне о себе. Те, которые не онемели от восторга...

— От восторга? Ты хочешь сказать, они знают, кто твой отец?

Корделия посмотрела на меня пренебрежительно:

— Конечно, нет. Ты же знаешь, я никогда не пользуюсь преимуществами своей фамилии. — Ничего такого мне известно не было. — Они просто были в восторге от меня. Джейсон сказал, что он никогда не видел такой сладкой пташки.

— Мне как-то не приходило в голову, что в школе могут оказаться мальчики. Мама была сторонницей раздельного обучения, поэтому ни у кого из нас не было такого опыта.

— А! Этот Джейсон — из твоего класса?

Корделия взглянула на меня снисходительно:

— Ты думаешь, я связываюсь с двенадцатилетними, ду-
рочка? Джейсон — старшеклассник.

— Выходит, ему восемнадцать?

— Ну, я не заглядывала в его паспорт, — саркастически протянула Корделия. — Но он бреется, и его голос уже изменился.

Я решила, что дружеское любопытство будет достаточно уместным:

— Он симпатичный?

— Ничего. Но в сравнении с Заком — ничто. — Она прикрыла глаза и глубоко вздохнула. — Он капитан спортивной команды, и все девочки влюблены в него. Он пригласил меня в кино в субботу.

— Ну и что мы будем делать? — спросила я Руперта вечером, после того как ответила по телефону четырем юношам, желающим поговорить с Корделией.

Мы сидели в беседке, пили шабли и ели чудесные ореховые пирожные, приготовленные Арчи.

— Что делать? Думаю, надо провести еще одну телефонную линию.

— Я имею в виду, что делать со всеми этими парнями?

— С ними не надо ничего делать. Такое происходит уже не одну тысячу лет.

— Но ей же всего двенадцать!

— Она получит бесценный опыт. Невозможно ничему научить человека, заперев его в четырех стенах.

— Опять звонят! Я подойду. Подозреваю, это опять Корделии.

— Алло?

— Кто это? — Голос был женским. Резким, почти обвиняющим.

— Хэрриет.

— Какая Хэрриет?

— Хэрриет Бинг.

Последовала короткая пауза.

— Я хочу поговорить с Рупертом.

— Я позову его. Как вас представить?

— Лея. Если, конечно, это ваше дело.

Я положила трубку на столик и пошла в сад:

— Это Лея.

Руперт вздохнул:

— Ты сказала, что я здесь?

— Я имела это в виду.

— Ладно, скажи, что я вышел.

Я вернулась к телефону:

— Боюсь, что он вышел.

— Я вам не верю. Я зайду.

Я услышала щелчок отбоя.

— Она мне не поверила. Она зайдет, — послушно повторила я, возвращаясь в сад.

Руперт едва слышно выругался:

— Я не желаю, категорически не желаю сцен. У меня был тяжелый день.

— Мы можем не пустить ее, — предложил Арчи. — Вон какой-то мрачный юнец слоняется вдоль канала — вероятно, один из воздыхателей Корделии. Они могут слоняться вместе.

Я задумалась: кто же такая эта Лея и что за срочное дело может заставить ее незваной явиться к дверям Руперта? Руперт взял томик стихов Рочестера и с мрачным видом читал их, пока не допил шабли.

Появилась Корделия и сообщила, что кто-то ломится в дверь, потом спросила, должна ли она открывать. Руперт сердито сказал:

— Впусти. Разберемся. — Он посмотрел на нас, подняв брови. — Я попросил бы вас удалиться отсюда ненадолго. Думаю, мне быстрее удастся избавиться от нее, если она не сможет присесть.

— Кто она такая? — спросила я у Арчи.

— Лея Уальдбор-Патер. Самая ужасная в мире женщина. Скульптор. Самка богомола!

— Ты так ее не любишь?

— Я говорил Руперту, что не стоит с ней связываться. Лучше иметь дело с Лилит, чем с мисс Уальдбор-Патер. Но разве кто-нибудь когда-нибудь прислушивается к добрым советам?

— Ты хочешь сказать, что у Руперта была связь с ней?

— Трудно представить, не правда ли? Ему, конечно, лучше знать, что там у них было. Я сразу понял, что эта девушка принесет нам кучу неприятностей.

— М-м... — Арчи смотрел на меня внимательно. — Я вижу, тебя шокировало открытие, что Руперт такой же мужчина, как все остальные. Возможно, ты путаешь ужас перед мелодрамой с отсутствием плотских желаний. Руперт провел большую часть своей жизни среди театрального люда и воспринял их образ жизни. Я представляю некоторое исключение — надеюсь, потому что не требую, чтобы мои представления принимали всерьез. К тому же я готовлю, вожу машину и организую наш повседневный быт, чем Руперт не любит заниматься сам. И при этом, — Арчи попытался изобразить скромность, — мне кажется, я могу сказать, что Руперт достаточно нежно ко мне относится.

— Я в этом не сомневаюсь, — заверила я.

Внезапный крик — испуга или гнева? — донесся снаружи. Арчи выразительно взглянул на меня:

— По-моему, там становится жарковато.

Он скользнул к окну и открыл его.

— ...можешь так относиться ко мне!

— Как? — Руперт старался говорить скупающим и немного раздраженным тоном.

— Ты думаешь, что меня можно подобрать, а потом бросить, как старую перчатку.

— Мне казалось, это ты меня подобрала.

— Свинья! Я не тащила тебя в постель!

— Согласен, я пошел сам.

— Ты такой же, как все мужчины. Тебя интересует только секс!

— Если ты хотела чего-то другого, надо было предупредить с самого начала.

— Вне всякого сомнения, мои взгляды нетипичны.

Послышался звук, похожий на шлепок.

— Если ты ударишь меня еще раз, то я ударю тебя — больно.

— О Руперт, прости меня! — Лея неожиданно разрыдалась. — Если бы ты только знал, как я страдаю! Я люблю тебя! Пожалуйста. Пожалей меня. — И затем тихо, дрожащим голосом: — Поцелуй меня.

— Если я тебе поверю, — уже мягче проговорил Руперт, — мне будет ужасно стыдно, что я сделал тебя несчастной. К счастью, я тебе не верю. Любовь не возникает после нескольких мимолетных встреч. Мы практически не знаем друг друга.

— Ты настоящий ублюдок! Я, должно быть, и вправду была душой, вообразив, что люблю тебя. Прощай, Руперт Вульвеспурджес! Надеюсь, что ты сгниешь в аду!..

Мы слышали, как она пробежала через дом, а затем — хлопок входной двери, от которого затряслись стены.

— Браво! — вскричал Арчи.

Лицо Руперта с розовеющим на щеке пятном появилось над живой изгородью.

— Как это неблагородно с вашей стороны — подслушивать нашу частную и болезненную беседу. Хэрриет, я был о тебе лучшего мнения.

— Извини. Но ты был великолепен. Хотя... бедная девушка. Мне ее ужасно жаль.

— Не стоит. — Он осторожно потрогал свое лицо. — Она чуть не сломала мне челюсть.

После этого некоторое время все шло более-менее спокойно. Руперт несколько раз заявлял, что уже раскаивается в том, что провел вторую телефонную линию, потому что теперь звонили по обеим. Тогда мы стали отключать телефоны после восьми, чтобы проводить вечера в покое. Корделия закончила вязать красно-белый предмет и приступила к радужно-полосатому одеяльцу.

С Рупертом тем не менее у них произошла очередная ссора. К моему большому удивлению, когда в нашем доме появился Зак, чтобы повести Корделию в кино, Руперт позвал его к себе в кабинет.

— Я просто спросил его, знает ли он, сколько Корделии лет, — объяснил потом Руперт. — Оказалось, она заявила, что ей шестнадцать. И объяснила, что оказалась в начальной шко-

ле потому, что провела несколько лет в туберкулезном санатории в Швейцарии, поэтому отстала от программы. Я намекнул Заку, что отношения с двенадцатилетней девочкой могут плохо повлиять на его имидж, и напомнил, как закон оценивает сексуальные контакты с несовершеннолетними. После этого он с большой готовностью удалился.

На следующий день, когда Корделия окончательно утомилась, то рыдая, то дуясь, Руперт поговорил и с ней. Из того, что она рассказала мне, я заключила, что Руперт подобрал на редкость верные слова. По-видимому, он объяснил ей, что заводить скоропалительный роман с человеком, у которого отсутствует опыт и осторожность, чревато неизбежным разочарованием.

Зак распространил сведения о ее возрасте среди своих ровесников, и звонки от старших мальчиков прекратились. Отношения с четвероклассниками не очень интересовали Корделию, и она начала постигать искусство кокетства. Арчи подарил ей книгу про гейш, и это увлекло ее на несколько недель. Потом она получила роль Виолы в школьной постановке «Двенадцатой ночи», и ей было чем занять себя.

Оглядываясь назад, я понимаю, что это были времена настоящего счастья, лишь изредка омрачаемого чем-либо незначительным, — например, однажды мистер Поудмор открыл дверь своего кабинета и крикнул: «Дебютантка исписалась и уволена!» Я уже начала паковать вещички, но Мюриэл объяснила мне, что не стоит обращать внимания. После этого Элин налила нам всем по чашечке чая и открыла новый пакет карамельных вафель, которыми мы насладились с чувством крепнущей солидарности, что на самом деле очень радовало меня. Часом позже мистер Поудмор как ни в чем не бывало отправил меня делать репортаж о выставке грызунов.

Письма от Макса приходили все реже. На последнем стоял штемпель Рио-де-Жанейро. Я, как всегда, выкинула его, не читая.

Письма Марии-Альбы становились все более разумными. В последнем она написала, что хочет принять послушничество, за что ей обещана полная власть на монастырской кухне, потому что сестру Марию-Жозефину совсем замучил артрит.

На следующей неделе я отправилась к ней. Монастырь представлял собой хмурое викторианское строение, но во

внутреннем дворе, вокруг статуи Девы Марии, был устроен чудесный цветник с настурциями и цинниями. Я сразу почувствовала, что это как раз то, что нравится Марии-Альбе. Меня проводили в приемную. Мария-Альба, теперь уже сестра Вероника-Джон, ждала меня с другой стороны решетки. Все это напомнило мне визиты к отцу в тюрьму.

Увидев друг друга, мы разрыдались. Мария-Альба так бескорыстно любила меня всю мою жизнь, и я испытывала к ней чувства большие, чем могла выразить словами. Но она заверила меня, что счастлива здесь. Ей очень шло простое серое одеяние. Я порадовалась, увидев на ее щеках румянец. Она знала все семейные новости из моих писем, поэтому нам фактически было не о чем говорить. Стены были увешаны распятиями и изображениями Христа и Девы Марии. В таком месте естественно было бы говорить о Боге и вечных истинах. Мне показалось, что, хотя видимся в последний раз, мы так любим и понимаем друг друга, что духовное единение — лучшее, чего можно желать.

Я проплакала всю обратную дорогу — не от горя, а потому, что была глубоко растрогана. Еще одна часть моего детства ушла навсегда.

Глава 40

Это был вечер премьеры «Отелло». Весь день я чувствовала себя отвратительно. У моего отца в день премьеры всегда возникала боязнь сцены. Каждый раз он объявлял за завтраком, что необходимо позвонить дублеру, потому что он не способен выйти на сцену сегодня. Он не актер, а бесталанный притворщик, которого зрители освистают, а критики порвут в клочки. Он никогда не страдал эпилепсией, но у него была фобия, что на сцене с ним может случиться припадок. Он не мог есть, только пил воду.

Сейчас к тому же папа еще не избавился от своих тюремных страхов. Он не мог ездить в лифте и даже на поезде, если на пути были тоннели. Он не запирался в туалете, а чтобы все знали, что он там, виртуозно насвистывал марш из «Аиды».

Мне очень хотелось знать, способна ли Кошачья Лапка его успокоить. Не лучше ли отправиться к ним и предложить свою помощь? Эта идея не слишком меня привлекала. Я была у них всего однажды, и мне это не понравилось. Как только я вошла в квартиру и почувствовала запах духов, которыми явно злоупотребляла Флер, мне стало так противно, что я была вынуждена навесить дурацкую улыбку и сохранять ее все время, чтобы они не увидели, как мне все здесь ненавистно. Кошачья Лапка очень гордилась своим домом. Она попросила меня снять туфли в холле, хотя я заметила, что они с папой были в обуви, причем не слишком чистой. А прежде, чем я села, она сдернула шелковый чехол с моего стула, будто я могла запачкать его. Она подложила подставку под мой стакан и поместила рядом со мной какое-то благовоние.

Конечно, папа не замечал всего этого. Он был слишком занят, изображая, как они мне рады. Но я понимала, что она смотрит на меня как на врага, вторгшегося на ее территорию.

Нет, решила я, туда больше не пойду. К счастью, мне нужно было отправляться на работу, и я была занята до пяти часов. Когда я открыла дверь Зеленого Рога, дом 10, мой нос уловил запах знакомых духов.

— А вот и она! — Из кресла поднялся Ронни, чей элегантный костюм подчеркивал его подтянутый живот. — Как поживаешь, дорогая моя? Ты прекрасно выглядишь, правда, Кларисса?

— Действительно. — Мама оглядела меня с ног до головы, прежде чем подставить щеку для поцелуя. — Я бы сказала, дорогая, заметное улучшение! Ну-ка повернись, чтобы я могла тебя рассмотреть.

— Как я рада видеть вас обоих, — сказала я, вертясь перед мамой. — Какой сюрприз!

— Дорогая, старые привычки отмирают с трудом. Я не могу в день премьеры оставить Вальдо без поддержки. Сегодня ночью мне приснился кошмар, что у него пропал голос, и утром Ронни сказал: «Если это так беспокоит тебя, то давай поедem в город и поддержим старину Вальдо». Как это мило с его стороны, не правда ли?

— Очень. — Я с благодарностью взглянула на Ронни, который просто расцвел от такой похвалы.

— Поэтому, — продолжала мама, — я позвонила Руперту, чтобы узнать, не может ли он достать нам билеты, а он пригласил нас сюда. Должна сказать, дом очень стильный! Конечно, геем не на кого тратить деньги, кроме как на самих себя.

— Здравствуй, Кларисса. Здравствуй, Ронни. — Руперт появился через французское окно. Интересно, слышал ли он? — Простите, что задержался. Встреча немного затянулась. — Он пожал руку Ронни и неопределенно посмотрел на мою мать. Она встала и, положив руку ему на плечо, с чувством расцеловала в обе щеки.

— Как великодушно с твоей стороны сразу же принять нас, Руперт. Благодаря Арчи мы почувствовали себя как дома. Я просто влюбилась в этот дом. Ты — очень умный парень. — Она одарила его самой соблазнительной улыбкой, но, как только он отвернулся, хитро мне подмигнула.

Корделия появилась через несколько минут после Руперта и пришла в восторг, увидев маму и Ронни. Арчи принес шампанское. В шесть мы начали собираться, а в семь поехали в театр Кембла, где договорились встретиться в баре с Чарлзом и Офелией. Вокруг мамы с Ронни в фойе собралась восхищенная толпа.

— Посмотри! — слышала я. — Это тот самый знаменитый Рональд. Как-его-там... который играл принца Чарли. Моя мама была влюблена в него долгие годы.

К тому времени, как появились Офелия с Чарлзом, стоявшие вокруг нас люди уже окончательно перестали делать вид, что говорят о своем. Мы заняли свои места в одном из первых рядов. Мои колени подгибались от страха за папу, который, я знала, дрожал сейчас за кулисами. Сзади послышалось: «Простите... Извините... Спасибо». Голос показался мне знакомым. Я обернулась и увидела Порцию и Джонно.

Занавес поднялся. Я совсем забыла, как длинна на самом деле первая сцена «Отелло», в которой Яго рассказывает о своей ненависти к хозяину и планирует заговор против него. Корделия производила такой шорох, теребя программку и складывая из нее веер, что сидящая впереди дама обернулась и многозначительно посмотрела на нас. В оставшееся до конца сце-

ны время Корделия осыпала обрывками бумаги ее пышный воротник. В конце концов мне пришлось отобрать у сестры программку. Я чувствовала, что аудитория взволнована. Все пришли взглянуть на человека, ошибочный арест которого сделал его объектом всеобщего внимания и сочувствия. Наконец сцена слегка повернулась, и задник поднялся, открывая декорации второй сцены. Это был момент первого выхода Отелло.

Зрители подались вперед в своих креслах. Свет прожекторов потускнел. По сцене пробежали слуги с горящими факелами, и тут из-за бокового занавеса появился папа, величественный, облаченный в серебро и пурпур. Вдох восхищения пролетел по залу.

— «И лучше так, как есть», — гулко прозвучал его голос. — «...Пусть вредит, как хочет».

Я смотрела на него и с трудом могла поверить, что это мой родной папа. И не только потому, что он был в гриме Отелло и блестел, как покрытый шоколадной глазурью торт, но и потому, что он казался сейчас воплощением воинственности и едва сдерживаемого неистовства. В реальной жизни папа совершенно не умел терпеть боль — ни свою, ни чужую. У дантиста он требовал полной анестезии даже при осмотре. Когда мать рожала, он убегал из дому.

Но в этой роли он производил впечатление человека, который, не задумываясь, бросит вас в канаву, если ему не понравится цвет вашей шляпы. А потом будет горько в этом рассказываться. Вся противоречивость натуры Отелло читалась в нем, как в открытой книге.

А как нежен он был с Дездемоной! Когда произносил: «Мне трудно говорить об этом счастье», — приложив руку к груди, то выглядел смиренным, покорным. Голос его дрожал, словно он вот-вот заплачет. Зрители, как и Дездемона, слушали его затаив дыхание.

Когда занавес опустился над тремя лежащими телами, можно было услышать пролетевшую муху. Потом раздались первые аплодисменты, тут же перешедшие в шквал оваций. Занавес долго не открывали вновь. Аудитория становилась все более шумной. Когда наконец он открылся, на сцене были все актеры, кроме папы. Мы с Офелией взволнованно пере-

глянулись. Что могло с ним случиться? Потом он объяснил, что, упав на тело Дездемоны, чтобы умереть в ее объятьях, он рассек голову о столбик кровати, и за сценой поднялась суматоха. Когда нашли пластырь и он смог выйти, аудитория взревела. Задержка оказалась ему на руку. Все зрители одновременно встали, приветствуя его, и начали свистеть, кидать на сцену цветы и выкрикивать слова восторга.

Когда отец поднял руку, призывая к тишине, шум утих далеко не сразу.

— Дорогие друзья, — начал он. — Я прошу позволения задержать вас ненадолго.

— Слушаем, слушаем! — Еще один взрыв аплодисментов.

Папа улыбнулся и подождал, пока они успокоятся.

— Ни для кого из вас, вероятно, не секрет, что некоторое время назад я был, к вящей славе Ее Величества, помещен в одно не слишком полезное для здоровья место под названием «Уинтон Шрабс». — Он произнес это слегка насмешливым тоном, что заставило некоторых зрителей несмело захихикать. — Я не хочу много говорить сейчас о своих несчастьях. Вы, должно быть, догадываетесь, что там я оказался в не очень-то привычной компании. Но когда вы находитесь с людьми постоянно вместе, какими бы неприятными и даже жуткими они не казались вам вначале, поневоле начинаешь с ними общаться. И я хочу рассказать вам как раз о том, что узнал там. Когда они рассказывали о своем детстве и юности, я понял, что мы с вами на самом деле и не подозреваем, каково это — быть бедным и несчастным. Меня бросало то в жар, то в холод от их рассказов. Жизнь безжалостно обходится с детьми, родившимися в нищете, в несчастных семьях, которые оказываются разбиты преступлениями, наркотиками, алкоголем. Она низводит чувства до животного уровня, наносит сокрушительный удар по разуму, разрушает все добрые стремления. Красоте и Истине там нет места. Пока вы не побываете в тюрьме, вам никогда не понять смысл выражения «живые мертвецы». Но подумайте сами, разве дети рождаются жестокими, скупыми, злобными? Я не поверю в это ни за что. Неудачи делают людей дурными, а тюрьма делает их еще хуже.

Он остановился и закашлялся, вытирая глаза рукавом сво-

его черно-золотого одеяния. Я вдруг обнаружила, что сжимаю зубами носовой платок.

— И что же происходит, когда срок окончен и ворота открыты? У многих бывших заключенных не остается ни семьи, ни друзей. И все возвращается на круги своя — та же бедность, то же одиночество, та же озлобленность. Красота и Истина все так же редки. И в довершение ко всему эти несчастные заклеены на всю жизнь — их считают отбросами, мусором, позором для общества. Единственные, кто способен их понять, — такие же бывшие заключенные. Так что же удивительного в том, что они становятся рецидивистами? Конечно, это их вина. Но задумайтесь: а где бы оказались вы, если бы судьба не была к вам так благосклонна? Без добрых родителей, умных учителей, денег, достаточных для того, чтобы обеспечить простые жизненные удовольствия и избежать убого существования. Говоря о себе, я должен признаться, что стал бы самым последним негодяем, если бы мне пришлось испытать на себе то, что испытали эти люди. — На этом месте его голос надломился, и он откровенно заплакал. Зал рыдал вместе с ним. — Поэтому я надеюсь, вы не осудите меня, если я скажу вам, что по решению всех актеров и управляющего персонала театра весь сбор от сегодняшнего представления пойдет в Центр бывших заключенных Вальдо Бинга.

Секунду стояла тишина, а потом аплодисменты вспыхнули с удвоенной силой, с громким топотом и свистом, и всеобщий энтузиазм был таким, что я могла поклясться: в зале не осталось ни одного мужчины и ни одной женщины, которые возмутились бы, когда, вернувшись домой, они обнаружили у съедаемого камина бывшего жулика в их собственных домашних тапочках, попивающего их собственный виски.

— Божественно, Вальдо! Ты просто всех уничтожил! Меня пробрало до костей! — Мама протиснулась к нему в гримерную, и все, кто там находился, почтительно столпились у стен. Я всегда замечала, что моей маме требуется поразительно много места, — странно, для такого миниатюрного существа. Они с отцом страстно обнялись, как любовники после долгой разлуки. Но я знала, что это абсолютно ничего не значит.

Когда поток комплиментов иссяк, они еще раз обнялись, и мама величественно удалилась. Я стояла в дверях и, едва сделала шаг к папе, как почувствовала — что-то держит меня сзади. Я оглянулась и увидела Каролину Фрэншем, вцепившуюся в мое платье.

— Хэрриет! Мне нужно поговорить с тобой!

Жена Макса так долго преследовала меня в моих мыслях, что, встретившись с ней лицом к лицу, я почувствовала себя обескураженной. Но толпа в коридоре была такой плотной, что бегство не представлялось возможным. К тому же Каролина выглядела несчастной. Я была виновата перед ней, и пришло время расплаты.

Мы вместе пробрались сквозь толпу и нашли более-менее спокойное место.

— Каролина, — начала я, — поверь мне, я очень сожалею. Это была ужасная ошибка... — Но она не слушала меня.

— Хэрриет! Я в отчаянии! В совершенном отчаянии! — Она вцепилась в пуговицу пальто, которое я держала перекинутым через руку, словно боясь, что я улечу от нее. — Я должна увидеть его! Я не могу так больше! — Она начала плакать.

— Но — честное слово — я не знаю, где он. Я думаю, где-нибудь в Южной Америке, но у меня нет с ним связи.

— Что? О, ты имеешь в виду Макса! Он в Бразилии. Но я не о нем говорю. Мне нужно увидеть Вальдо! О, черт, Хэрриет, ты уже взрослая девочка. Ты и твоя мать все понимаете — я уверена, вы все знаете об этом. — Я неопределенно кивнула, однако Каролина не обратила на это ни малейшего внимания, продолжая быстро говорить, почти захлебываясь: — Да, у нас с Вальдо была связь. Я знаю, он не хотел разрушать наш брак, но я все равно решила развестись с Максом. Он никогда не был верен мне — никогда не упускал возможности кого-нибудь трахнуть. Когда я влюбилась в Вальдо, то поняла, какой дурой я была, проведя столько лет с этим подонком. В Вальдо было все, что я всегда мечтала найти в мужчине, — нежность, искренность, самопожертвование.

— Хэрриет! — Каролина заглядывала мне в глаза. — Ты должна мне помочь. Пока он был в тюрьме, я специально уехала к сестре, чтобы не давать повода для лишних слухов,

которые могли бы принести ему вред. Но сейчас он на свободе, и я не знаю, что в этом плохого. Когда я звоню, он все время просит подождать еще немного, пока не уляжется шумиха.

— Это продолжается уже почти полгода! Я так одинока без него! — Она расплакалась еще сильнее, вытирая покрасневший нос тыльной стороной ладони. — Но когда я позвонила ему вчера, мне ответила женщина. Она объяснила мне, что звонить не имеет смысла, что я не нужна Вальдо. — Каролина нервно рассмеялась. — Ну, мне лучше знать! Я села в самолет и сразу же прилетела. Мне надо знать, кто эта женщина. Ведь это не Кларисса! Мне показалось, что она янки. Эти парни у дверей не пустили меня за сцену перед спектаклем. А теперь они не дают мне даже поговорить с ним! Я сойду с ума!..

Она и впрямь выглядела сумасшедшей. Ее взгляд блуждал, а в уголках рта появились пузырьки пены. Я заметила, что ее пальто застегнуто неправильно, а волосы висят грязными сосульками, руки трясутся. Я не знала, что делать.

— Каролина, почему бы вам не пойти домой? Я обещаю, что заставлю его позвонить вам. Вы, должно быть, очень устали, если только что прилетели. Не лучше ли немного поспать, прежде чем встречаться с ним? Вы действительно выглядите неважно.

— О, да! — Она оглядела себя в некотором замешательстве, и я почувствовала себя скотиной, поступая с ней так же, как отец. — Да, я действительно растрепана. Возможно, мне и впрямь стоит отправиться домой и отдохнуть немного. — Она провела рукой по волосам. — И сделаю прическу. Я хочу, чтобы он увидел меня в лучшем состоянии. Хорошая идея, Хэрриет.

Я смотрела, как она плетется по коридору, и меня охватило чувство жалости и страха за нее. Я должна сейчас же поговорить с отцом и убедить его, что ему надо как можно мягче и осторожнее объяснить ей, что между ними все кончено. Но когда я пробилась через толпу, папа схватил меня за руку.

— Хэрриет, слава Богу! Выпроводи всех отсюда, пожалуйста! — В его глазах был ужас. — Мне кажется, я схожу с ума! Я хочу домой!..

Глава 41

Рецензии на «Отелло» были одинаково восторженными. Папину игру называли «глубокой», «элегической», «пылкой» и «впечатляющей». Он продемонстрировал «необыкновенный взгляд на зло и добро, который нечасто можно увидеть на английской сцене». Он был «притягательным и величественным». Его назвали даже «величайшим шекспировским актером двадцатого века». Его засыпали предложениями ролей. Появились даже слухи о присвоении ему рыцарского звания.

Отец внезапно оказался вне всякой критики. Даже его развод с матерью освещался в газетах с редкостным тактом. Часть славы досталась и маме — она была очень довольна тем, что ее называли «незабываемой Розалиндой». Они с Ронни на следующий день после премьеры поспешили обратно в Корнуолл, чтобы проконтролировать работу штукатуров.

В прошедшие тяжелые времена я часто думала, что, если у моих родителей, сестер и брата все будет хорошо, мне не нужно ничего больше. Но, конечно, я не была совсем уж бескорыстной. Жизнь с Рупертом и Арчи была достаточно беззаботной и приятной, но где-то в глубине души у меня гнездилась неудовлетворенность. Я пыталась докопаться до ее причин, но каждый раз так пугалась, что оставляла эти попытки. Но одна вещь никак не давала мне покоя, и я все же решила окончательно с этим разобраться.

Чем ближе становилась премьера «Бала-маскарада», тем рассеяннее был Руперт. Порой нам приходилось повторять ему что-то по два или три раза. Он бродил вокруг, бормотал что-то себе под нос и иногда даже отказывался от еды. Он выглядел бледным, его глаза, казалось, стали больше, а однажды, после телефонного звонка из театра, он на несколько часов заперся в своем кабинете, и даже Арчи не смог добиться от него ни слова.

— Это все оттого, что он слишком скрытный, — сказал Арчи, когда мы сидели вдвоем в беседке. Корделия на кухне шила себе кимоно. — Если бы только он мог выплеснуть свое раздражение, ему бы стало легче. Мог бы наконец переспать

с кем-нибудь. Мы должны быть очень внимательны и не при-
ставать к Руперту, пока не пройдет премьеры. Поговори на эту
тему с Корделией.

Я удалилась в дом, чтобы заняться статьей, которую вы-
нашивала последнюю неделю. Это была рецензия на папи-
ного «Отелло». Я набросала черновик практически в одноча-
сье. Писать об абстрактных вещах — любви, чести, смелос-
ти, ревности — оказалось куда легче, чем о сверхъестествен-
ных событиях. На протяжении двух последующих вечеров я
шлифовала статью, а потом распечатала ее и вместе с выпу-
сками «Призрачной зоны» разослала в несколько провинци-
альных газет.

Дело было в том, что бремя моего долга перед Рупертом
становилось совершенно невыносимым. Конечно, я продол-
жала отдавать ему три четверти своего заработка в «Брик-
стон Меркьюри», но понимала, что эта сумма гораздо меньше
той, что он тратил на меня, Корделию, Дирка и Марка-Анто-
ния. Одна моя одежда обходилась в кругленькую сумму. Я
пыталась экономить, но у меня никогда не складывались от-
ношения с деньгами.

Провинциальные газеты все медлили с ответом, но через
три недели я все же получила письмо из «Манчестерского стра-
жа», в котором меня приглашали на собеседование. Я взяла от-
гул и села на манчестерский поезд, никому не сказав, куда я еду.
Я ужасно нервничала, но трое сотрудников «Стража», с кото-
рыми мне довелось разговаривать, приняли меня очень сердеч-
но и с увлечением говорили о моем отце. Я поняла, что положение
дочери наиболее популярного на данный момент актера
Англии — моя самая выигрышная карта, и мне надо постарать-
ся извлечь из этого всю возможную выгоду. По прошествии не-
дели я получила еще одно письмо, в котором мне предлагали
место помощника заместителя редактора по искусству, с жало-
ванием, вдвое превышающим то, что я получала в «Брикстон
Меркьюри». Я была очень довольна. Все сомнения и страхи,
связанные с тем, что придется покинуть Лондон и начать новую
жизнь, я старалась отбросить сразу, как они появлялись.

К тому же я не собиралась жить одна. Я решила взять Кор-
делию с собой. Конечно, ей будет трудно опять менять школу,

но это в любом случае было лучше, чем оставлять ее с Кошачьей Лапкой, которой она определенно не нужна, или с Офелией, которой, возможно, будет трудно содержать ее. Кошачья Лапка постоянно жаловалась, что дом в Хемпстеде требует больших затрат, видимо желая предотвратить наши возможные просьбы о материальной помощи. Но я считала, что папа должен содержать Корделию, пока она не закончит учиться.

Конечно, я не собиралась просить ничего для себя. В сентябре мне исполнилось двадцать три, и я уже давно должна была самостоятельно зарабатывать на жизнь. Теперь я не могла понять, как существовала все эти годы — в мире фантазий, без цели и ответственности. С моей теперешней зарплатой я, вероятно, смогу снять комнату на двоих не слишком далеко от редакции. Со временем, если буду много работать, возможно, нам хватит и на квартиру.

Однако Корделия, когда я сообщила ей о своих планах, восприняла их без энтузиазма.

— Манчестер! Ты с ума сошла! Мы проходили в школе «Север и Юг». Там сплошной дым, забастовки, и люди умирают от рака легких. Я не поеду.

Я перечислила ей альтернативы.

— Я не буду жить с Офелией. У них всего одна спальня, и я буду круглые сутки слушать, как они занимаются любовью. Я сойду с ума. А с Кошачьей Лапкой не проживу и недели, а потом брошусь под поезд, как Анна... Как-ее-там? И если ты вспомнишь, как рыдала в кино над этой сценой, то подумай, насколько хуже тебе придется, если на ее месте окажется твоя сестра.

— Прекрасно. Тогда остается Манчестер.

— Но почему мы не можем остаться здесь?

Тот же вопрос задал мне и Арчи, когда мы с ним готовили ужин на кухне.

— Потому что я не могу больше паразитировать.

— Хорошо. — Арчи аккуратно выложил из формы томатно-анчоусовую пасту. Я была обескуражена тем, что он не стал со мной спорить, а ведь я целый день придумывала оправдания. — Смотри! Я думаю, мы начнем с холодного супа, возможно, из гороха и салата, а на десерт я задумал персики и Chateau-Lafite.

— Я буду скучать по твоим чудесным ужинам. И по настроению, которое царило здесь. И по тебе. — Я поняла, что готова расплакаться.

Арчи нахмурился:

— О чем ты говоришь? Думаю, Руперт разберется с этим небольшим помешательством. Только помни — его нельзя нервировать. Ему сейчас так тяжело.

— Нет, я говорю серьезно. Я действительно хочу уехать.

Я отправилась наверх переодеваться. Когда вернулась, Руперт уже сидел за столом, он выглядел совершенно измученным. Мы ужинали в саду, и постепенно теплый воздух, запахи цветов и пение птиц начали возвращать его к жизни. На его лицо вернулись краски, и он заговорил о постановке. Сегодня у них была большая репетиция, в костюмах и с декорациями, и обнаружилось, что женщина, которая играет прорицательницу Ульрику, слишком толста и не может протиснуться в двери своей лачуги. Она разрыдалась и заперлась в гримерной. А когда Руперт через дверь начал умолять ее вернуться на сцену, она впустила его и разделась перед ним, дабы доказать, что она не толстая, а широкая в кости. Пока они отсутствовали, плотник сострогал дюйм или два с дверного проема, и Ульрика смогла пройти в лачугу.

Я была уверена, что Руперт прекрасно сознает свою значимость. Он так много сил вложил в эту постановку, что в последнее время не интересовался больше ничем. Могла вспыхнуть мировая война, все население Англии обратиться в конфуцианство, а монархия свергнута, а он даже не узнал бы об этом. Но в этот вечер он казался счастливым, возбужденным и даже довольным.

— Я нашла новую работу, — сообщила я, подумав, что сейчас наилучший момент для разговора. — Помощником заместителя редактора по искусству в «Манчестерском страже». Со следующего месяца.

Руперт медленно перевел взгляд на меня и посмотрел так, как будто я заявила, что собираюсь зарабатывать на жизнь, играя на расческе посреди Оксфорд-стрит.

— О чем ты говоришь?

— О своей новой работе. В Манчестере. Мне обещают платить достаточно, чтобы хватило на жилье и еду, а папа, на-

деюсь, будет помогать Корделии. Я постараюсь снять комнату на первом этаже, чтобы Марк-Антоний...

— Хэрриет, ты перегрелась на солнышке? — К сожалению, юмор Руперта быстро улетучился. Он смотрел на меня холодно, почти сердито. — По-моему, ты бредишь. Не пойти ли тебе прилечь?

— Со мной все в порядке. Вы удивительно добры к нам, но я понимаю, что это не может продолжаться вечно. Мы любили этот дом. Я не могу найти слов, чтобы вы поняли, как я вам благодарна...

— Пожалуйста... — Руперт поднял руку, словно желая заткнуть мне рот. — Ты знаешь, что я не терплю подобных вещей. Я устал и не желаю ни о чем думать. Не могла бы ты не приставать ко мне с подобными глупостями, по крайней мере пока я не разберусь с постановкой? Будь благоразумной.

— Я весьма благоразумна! — Я почувствовала, что меня бросает в жар. — Это не должно тебя волновать. Мы с Корделией уедем тихо и несколько тебя не потревожим. Я думаю, ты будешь рад, что Дирк больше не будет жевать все подряд, а Марк-Антоний — рыть ямы в саду. Не говоря уже о телефонных звонках и треске швейной машинки дни напролет.

— Я не желаю больше это выслушивать! — Руперт внезапно поднялся, швырнул сигару в розовый куст. Он повернулся ко мне, его лицо было искажено гневом. — Иди, куда хочешь! Иди к черту — чем скорее, тем лучше, — только оставь меня в покое! — И удалился в дом.

Арчи полез в кусты за окурком.

— Не принимай это близко к сердцу, девочка моя. Он плохо спит и к тому же постоянно вынужден решать чужие проблемы. Как только все закончится, он опять станет самым собой и пожалеет о том, что не сдержался.

— Я сама виновата. Вывела его из себя.

— Ничего, до премьеры осталось всего две с половиной недели. Увидишь, если отзывы не будут слишком уж плохими, он вернется к нормальной жизни. И у меня появился замечательный план! Мы устроим вечеринку, чтобы отпраздновать это событие. Это приведет его в чувство. Что-то вроде катарсиса. Пьянка, танцы и разврат!..

— А какой будет эта вечеринка?

— Шум! Грохот!! Дай-ка подумать. Прекрати, мерзкое животное! — Он бросил персиковой косточкой в Марка-Антония, который пристроился копать яму среди королевских лилий. — Спектакль закончится где-то в половине одиннадцатого. Им потребуется несколько минут, чтобы отдышаться. Нужно будет организовать транспорт. Я думаю, шарабаны подойдут. А потом они все напьются от восторга! Мы будем танцевать до восхода! У нас будет свой бал-маскарад!

Глава 42

Бессонной ночью я все представляла: а вдруг Руперт тоже не спит и вдруг хоть иногда, отвлекаясь от проблем с постановкой, думает обо мне? И тут же твердила себе, что это маловероятно, что думать так — самый настоящий эгоизм. Когда я спустилась к завтраку, то застала на кухне только Арчи в великолепном шелковом халате, расшитом перьями. Руперта не было, а к моей чашке была прислонена записка.

— Что-то ты не очень хорошо выглядишь, — заметил Арчи, подавая мне тарелку с яичницей. — Поссорилась с подушкой?

Я кивнула, разворачивая записку:

«Прости меня за эту вспышку раздражения. Спиртное в больших количествах плохо сочетается с тяжелым днем. Конечно, ты можешь ехать, и если потребуется какая-нибудь помощь, пожалуйста, обращайся. Поздравляю с новой работой. Р.»

— Трубка мира? — спросил Арчи, разрезая на дольки грушу.

— Он написал, что я могу ехать. Тогда все в порядке. — Я попыталась как можно шире улыбнуться. Видимо, получилось не очень. Арчи отложил ножичек с перламутровой ручкой, сложил руки на груди и посмотрел на меня поверх своих очков-полумесяцев. — Арчи... — Я замолчала.

— Что, Хэрриет?

— Как ты относишься к тому, что Руперт спит с женщиной? Я имею в виду, неужели тебя нисколько не беспокоит, что

какая-нибудь из них понравится ему настолько... что он захочет... — Я опять замолчала.

— Ты имеешь в виду, что Руперт может захотеть сделать маленьких Вульвеспурджиков с какой-нибудь златовласой Брунгильдой? Конечно, такую возможность нельзя исключать. Точно так же, как я могу захотеть открыть антикварный магазин с каким-нибудь Зигфридом. Понимаешь, ведь мы с Рупертом — не любовники. Насколько я знаю, у него вообще никогда не было сексуальных отношений с мужчинами.

Я обдумывала его слова. Руперт и Арчи — не любовники. Руперт — вообще не гей. Я не знала, радоваться мне или огорчаться. Потом я кое-что вспомнила.

— Подожди. В Пай-Плейс я однажды открыла дверь в комнату Руперта и услышала... Ну, слова, которые ясно давали понять, что ты и он... — Я покраснела. — Я имею в виду, вы занимались любовью. Я слышала тебя.

— А, я понял! — Арчи рассмеялся. — На самом деле мы с Рупертом поменялись комнатами. В моей были жуткие сквозняки. Мое горло очень к этому чувствительно, а Руперту все равно. Ты, должно быть, слышала нас с Эмилио — не та победа, которой стоит гордиться, но в нем был определенный испанский шик. И он сам этого захотел. Я надеюсь, ты не шокирована?

— Да... нет... — Я продолжала осмысливать новую интерпретацию событий. Арчи и Эмилио. Я могла бы сама догадаться. Мне стало так жаль Джорджию, что я тут же простила ей связь с Максом. Конечно, я понимала, что это вообще не ее вина, а только Макса, но все мы люди. — Арчи...

— Хэрриет?

— Ты довольно жесток с женщинами, не так ли? «Драматические сцены и сентиментальные клятвы» — но ведь не все из нас живут фальшивыми эмоциями!

— Я только объяснил тебе точку зрения Руперта. Мне нравится женское общество. По мне, жизнь была бы ужасно скучной без мелодрам и театральности. Но я-то редко бываю серьезным. А Руперт невероятно впечатлительный. Бедняга, он просто безумно боится отдаться любви и утонуть в ней.

— Я могу его понять. — Я положила подбородок на ру-

ки. — Очень страшно сознавать, что вся твоя жизнь завязана на какого-то человека.

— О Хэрриет! Хэрриет! Моя бедная девочка, с тобой не все ладно!

— Арчи, ты самый добрый и милый человек на свете! Ты не будешь против, если я тебя поцелую?

— Я буду в полном восторге. Только не свали меня со стула.

Днем Арчи помчался в типографию, чтобы отпечатать придуманные им приглашения — черные карточки с информацией о вечеринке, набранной серебряными буквами, — а потом, пока он надписывал конверты, мы с Корделией весь вечер вырезали карточки в форме масок. Это было не такой уж трудоемкой работой, потому что мы могли вырезать по нескольку штук за раз. Но против вырезания отверстий для глаз мы воспротивились, потому что это было значительно труднее, и сошлись на том, чтобы наклеивать вместо них ромбы из фольги — так смотрелось весьма привлекательно, и делать это было гораздо легче и веселее.

Арчи пригласил на бал всех соседей. Он планировал устроить танцплощадку на газоне около канала, а шатер со столами для выпивки и закусок поставить в тупике в конце улицы. Таким образом, всем должно было хватить места для танцев, еды и питья, а обстановка дома номер десять не подвергалась угрозе. Где должен был происходить разврат, заявленный Арчи как изюминка предстоящего бала, я не могла себе представить. Но решила на всякий случай запереть дверь своей спальни.

Арчи трудился без устали, чтобы обеспечить успех предприятия. Самые большие проблемы возникли с музыкой. Менуэты, паваны и тому подобные танцы казались соответствующими характеру праздника, но никто не умел их танцевать. А музыка диско, наоборот, не соответствовала поводу. Танцевать деревенские танцы было бы весело, но они могли не понравиться наиболее дородным гостям. В конце концов Арчи остановился на джаз-банде в духе тридцатых годов. А после этого мы задумались над самым важным, по общему мнению, вопросом — во что одеваться.

— Я хочу что-нибудь облегающее из черной кожи, — заявила Корделия, чьи вкусы претерпели заметное изменение под влиянием общеобразовательной школы Артура Брокльбака.

— Ты должна быть в белом, — категорически возразил Арчи. — Это будет напоминать наиболее несознательным гос-тям, что ты девственница. Нам придется охранять тебя всеми возможными средствами.

— Я не совсем уверена, что тебе вообще стоит... — начала я, и тут же мне пришлось заткнуть уши, потому что Корделия начала вопить.

— ...а если ты меня непустишь, я отправлюсь в постель с каким-нибудь мальчиком из школы и тут же забеременею, — услышала я, когда отняла руки от ушей. — Или лучше с руководителем школьного театра. Он без ума от меня и по крайней мере будет в состоянии купить коляску. Я надеюсь, его не посадят в тюрьму. Это будет не слишком хорошо для нашего ребенка, не так ли? Я расскажу ему, как только он окажется достаточно взрослым, чтобы понять, о злой тете Хэрриет, которая не разрешала мне...

— О, ладно, — прервала я. — Но ты не должна ничего пить — спиртного, я имею в виду, — и отправиться в постель после двенадцати.

— Хорошо, — просияла Корделия. — Все, что ты захочешь, милая сестрица.

Я ни на секунду ей не поверила. И поклялась себе, что не спущу с нее глаз. Это, конечно, помешает мне самой веселиться, но идея делить комнату в Манчестере с Корделией, Дирком, Марком-Антонием и ребенком в придачу меня не привлекала.

— Что-нибудь в стиле ампир для Корделии, — размышлял вслух Арчи. — С высокой талией, из прозрачного муслина, с маленькими пышными рукавами и низким вырезом. Не слишком низким, — добавил он, поймав мой взгляд. — Зеленый кушак с цветами и серебристая маска с хрустальными бусинками. Никаких украшений. Мы предполагаем что-то весеннее, цветущее. Флора и природная зелень. Боттичеллиевская Primavera.

Взгляд Корделии сделался мечтательным:

— Звучит неплохо.

— А Хэрриет должна быть в золотой парче. Юная Елизавета, которая еще не знает, что ей придется выбирать между тронem и плахой. И маска тоже золотая — все золотое, кроме нижней юбки, которая будет пурпурной. Вспышка темно-красного в танце, предполагающая скрытое внутреннее пламя.

— Звучит великолепно. — Я глубоко вздохнула. — Но где мы найдем такие платья?

— Их сделает миссис Уэпшотт. Это престарелая вдова, которая живет за углом. Она когда-то шила для Бальмэйна. И уже начала шить костюм для меня.

Арчи отказался сообщить, что он задумал для себя. Вместо этого он отправился по магазинам за тканями, кружевами и лентами для нас, а миссис Уэпшотт взялась за работу.

Найти квартирную хозяйку, согласную приютить Дирка и Марка-Антония, действительно оказалось непросто. Я позвонила по всем объявлениям из раздела «Сдается» в «Манчестерском страже». По оскорбленному тону на другом конце провода можно было подумать, что я прошу принять меня со стаяй чумных крыс, с блохами в придачу. Я взяла еще один отгул и сама поехала в Манчестер. Мне удалось найти дом в абсолютно неподходящем районе, в нескольких милях от редакции. И когда хозяйка открыла дверь, я сразу почувствовала запах кошек. Она была похожа на ведьму — с длинными седыми космами и крючковатым носом, беззубая и кудахчущая. Комната тоже была ужасна — воняющая кошачьей мочой, темная, плохо обставленная, с окном, выходящим на помойку. На обратном пути в Лондон я раздумывала, как сделать ее более приемлемой для жизни. Но в качестве временного пристанища, пока не удастся найти что-нибудь поприличней, она могла сгодиться.

Когда я сказала мистеру Поудмору, что собираюсь уволиться, то была поражена его реакцией. Он отложил карандаш, снял синие очки и откинулся в кресле со сцепленными за головой руками.

— Хорошо. Сколько?

— Что — сколько?

Его маленькие желтые глазки цинично уставились на меня:

— Хватит играть в игрушки. Сколько ты хочешь?

— Вы имеете в виду деньги?

— Конечно, не постельные игры.

Я вдруг подумала, что мистер Поудмор — один из самых неприятных людей, встречавшихся мне.

— Спасибо, мне не нужны деньги. По крайней мере, больше тех, что мне предложили. Я получила работу в «Манчестерском страже».

— Правда? Дебютантка променяла светскую жизнь на дымовые трубы. Сколько они тебе предложили?

Я считала, что это не его дело, но все равно сказала, чтобы вырасти в его глазах.

— Я плачу вдвое.

Я уставилась на него, думая, что ослышалась.

— Ну? — Он прочистил ухо кончиком карандаша. — Что скажешь? — Затем, видя, что я продолжаю молчать, он добавил: — Я переселю Тремблбаса к старым змеям, и ты сможешь занять его кабинет. И буду платить тебе... гм, двадцать фунтов в месяц. Теперь тебе все понятно?

— Вы имеете в виду... Вы правда хотите, чтобы я осталась?

— Похоже на то, разве нет?

— Но почему?

— Хорошо, Хилари. Ты хочешь, чтобы я открыл карты. Так вот, ты оказалась более крепким орешком, чем я думал.

— Хэрриет. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Мистер Поудмор махнул рукой в сторону груды бумаг на столе:

— Письма читателей. Все — о «Призрачной зоне». Хотят узнать подробности о доме с поддельной рукой, судьбу всех, на кого указал палец, имя любимой охотничьей собаки сэра Галахада, размер груди Леди Рва. В какой передник была одета служанка, когда ее замуровали в стену. По-моему, все общества, исследующие психические феномены в стране, прочитали твои статьи и жаждут подробностей. Все нервные старые девы и впечатлительные школьники не представляют уик-энда без номера «Брикстон Меркьюри». Тираж возрос до не-

скольких тысяч за последние недели. Не говори мне, что ты не в курсе, потому что я тебе не поверю...

Приготовления к балу были приятным поводом отвлечься от мыслей о предстоящих лишениях. Визиты к портнихе, приведение в порядок сада и вечные споры с Корделией и Арчи, нужны ли нам фейерверки, акробаты и танцующие свиньи, оставляли мало времени для мрачных мыслей.

Пригласить настоящую прорицательницу — моя идея. Я нашла номер телефона мадам Ксантэ — хиромантки, астролога, гадательницы по кристаллу и картам Таро — в маленьком объявлении в «Брикстон Меркьюри». Ее скромная резиденция помещалась на Ниппер-Лейн, в Кенсал Грин. Я решила, что она из тех людей, для которых материальные блага ничего не значат.

И вот день настал. Руперт за завтраком пытался вести себя как обычно, закрывшись от всех газетой, но я заметила, что он ни разу не перевернул страницу.

Наконец он опустил газету.

— Ну что ж, — проговорил он, ни к кому конкретно не обращаясь, — теперь все в руках Божьих. Я запретил актерам сегодня даже думать о премьере и сам собираюсь последовать этому совету.

— Прекрасно, — ответил Арчи. — Можешь помочь нам с огнями и цветами. Ах, о чем я! Ты же не сумеешь составить даже пучок лютиков. Но, по крайней мере, ты сможешь принести ведра с водой, которые слишком тяжелы для девочек.

Но Руперт отправился в свой кабинет. Когда же я часом позже заглянула туда, то обнаружила, что он занят моделями декораций и листочками с диалогами. Когда я спросила его, подавать ли ланч, он взглянул на меня невидящими глазами и произнес:

— Великолепно, благодарю. Но лучше я поеду минут на пятнадцать пораньше, чтобы поговорить с хором.

Мы планировали поехать в театр с Корделией и Арчи, а по окончании представления тут же рвануть обратно в Ричмонд, чтобы проверить, все ли готово, и переодеться. Руперт, кото-

рый собирался уезжать из дома раньше на такси, должен был вернуться в карете вместе с певцами и музыкантами. Он заявил, что как хозяин имеет право не переодеваться.

Шатер и настил для танцплощадки привезли утром, перегородив грузовиками проезд к конюшням, но так как соседи с нетерпением ожидали предстоящего праздника, восприняли неудобство спокойно. Мы с Корделией, под руководством Арчи, носились туда-сюда с букетами.

— Нам нужно изобразить Аркадию — утонченную языческую пастораль, — объяснял Арчи. — К счастью, у меня есть друзья с прекрасными загородными садами. Цветочные магазины предлагают одни банальности. Вы должны более-менее равномерно распределить манжетки, кошачью мяту и лаванду по вазам. Розы оставьте мне. Помните, все должно быть просто, но изысканно.

Он очень придирчиво оценивал наши успехи.

— Нет, нет, нет! Не густо. Не симметрично! Все должно быть изящно, но натурально! Будто вы просто набрали букет из чего попало и засунули в вазу.

— Но мы как раз это и делаем, — запротестовала Корделия.

Нам пришлось изрядно потрудиться, пока Арчи наконец остался доволен. Шатер в симпатичную бело-зеленую полоску, когда Арчи закончил его украшать, стал похож лесную беседку из «Сна в летнюю ночь», а от запаха бледно-розовых и темно-красных роз кружилась голова. Пчелы и бабочки покинули амброзию и крапиву и вились под тентом, радуясь необычному угощению. Мы расставили столы и стулья, расстелили скатерти, принесли стаканы и ведерки для бутылок и остались довольны собой.

Когда мы вошли в ложу, оркестр настраивался. По дороге в театр я почти забыла о предстоящем празднике — думала только о Руперте и его страданиях, которые могла хотя бы отчасти понять. В зале сразу бросались в глаза папа и Кошачья Лапка, окруженные поклонниками. На балконе я заметила Офелию и Чарлза. Они увлеченно беседовали. Кресло Руперта между мной и Корделией пустовало.

Арчи выглядел озабоченным.

— Надеюсь, он не упал в обморок в туалете, — сказала Корделия.

Такое однажды случилось с папой, когда он играл Петруччио в «Укрощении строптивой». Начало спектакля пришлось задержать почти на час, пока его искали, а рабочие сцены грозились устроить забастовку, ссылаясь на профсоюзный закон о сверхурочной работе. Актеры были в отчаянии, а зрителей убедили остаться, пообещав вернуть половину стоимости билетов. Но когда наконец папу нашли, привели в чувство и вытолкнули на сцену, спектакль оказался триумфальным.

Как только погас свет, Руперт появился в ложе.

Первые звуки увертюры заставили меня замереть. Я впервые была на настоящем оперном представлении. Когда занавес поднялся, я была поражена громадностью сцены и эффективностью декораций. Неземная красота вокальных партий захватила меня. Хоть Руперт и говорил, что это не лучшая опера Верди, я была просто очарована музыкой.

К счастью, в дверях лачуги прорицательницы никто не застрял.

Во время антракта Руперт убежал за сцену, и мы не смогли даже спросить у него, что он думает. В конце последнего акта, когда обманутые любовники исполняли свой прощальный дуэт, мне показалось, что они поют о несчастьях всех влюбленных на земле. Я взглянула на Руперта. Он оперся на край ложи, подперев подбородок руками, и безотрывно смотрел на сцену. Глаза его сияли.

Глава 43

— Хэрриет, позвольте пригласить вас на этот танец? — Человек в темно-зеленом фраке, бриджах цвета слоновой кости и черной маске склонился передо мной и предложил мне руку. — Вы выглядите просто потрясающе.

— Привет, Чарлз. Вылитый Красавчик Бруммель. Но как ты меня узнал?

— Это моя работа. Чернильное пятно на указательном пальце правой руки, слегка потертые манжеты, крошки от

марципана — да нет, конечно, я шучу. На самом деле я спросил у Руперта. — Ты в этом платье похожа на инфанту испанскую. А это ожерелье — действительно стоящая вещь.

Арчи настоял, чтобы я надела рождественский подарок Макса. Я считала, что должна анонимно отослать его Каролине Фрэншем, но Арчи был непреклонен. Он заявил, что, если я так хочу, могу завтра же отправить его, но сегодня я должна, должна, должна надеть его в первый и последний раз, чтобы довести до совершенства придуманный им образ. Мне пришлось уступить, потому что гости были уже у дверей. Ожерелье оказалось тяжелым и холодным.

— Ему пять тысяч лет, и, вероятно, оно было украдено из гробницы месопотамской принцессы. Я очень надеюсь, что на нем не лежит никакого проклятия... Офелия чудесно выглядит.

— О, да. — Чарлз обернулся, ища ее взглядом. — Но она выглядит прекрасно даже с полотенцем на голове и в моем старом свитере, стоя на стремянке с кистью в руках.

Мне было сложно представить себе Офелию в такой ситуации.

— Как тебе нравится освещение?

Мы поместили лампочки в бумажные фонарики. В сумерках они походили на розовые и зеленые луны, плывущие среди ветвей деревьев вдоль канала.

— Очень. Я слышал, вы уезжаете? Мне сказал Руперт. Он рассказал, что ты нашла новую работу. Поздравляю.

— Спасибо.

— Кажется, ты не слишком счастлива?

— О, нет. Все замечательно. Но я буду скучать по Лондону — и по всем.

— Мы тоже будем скучать по тебе. Но ты приедешь на нашу свадьбу?

— О Чарлз, как я рада! А когда она состоится?

— В ноябре. В это время в моей работе обычно затишье. Негодяи набираются сил перед Рождеством. Господи, Хэрриет, как же мне повезло!

— Ну да, но Офелии повезло тоже.

Мы сделали круг или два в танце, и тут Чарлз сказал:

— Я так доволен всем, что чуть не забыл, о чем хотел по-

говорить с тобой. Вчера мои коллеги арестовали мадам Эвсапию и ее помощницу, мисс Джуд. Я случайно увидел рапорт.

— Нет! Почему?

— Несколько человек подали на них жалобы. Поэтому переодетый офицер проник на сеанс, чтобы разобраться. Он поймал мисс Джуд, которая кралась вокруг комнаты, вся в черном и в перчатках с флюоресцентным рисунком. В светильнике над столом был спрятан динамик, а к крышке стола снизу приделан магнитофон. С внутренней стороны платья мадам Эвсапии были прикреплены длинные муслиновые ленты, а у канарейки в клетке нашлась целая куча свистков, звонков и поддельной паутины.

— Черт возьми! Какая досада! Как прозаичен все-таки этот мир! Неужели всему должно находиться рациональное объяснение? Какая-то часть моего рассудка действительно ей поверила!

— На самом деле представление было совершенно банальным. Старушки не придумали ничего оригинального.

— Подожди, но это же не объясняет всего! Допустим, она знала, кто я такая. Не важно, сказал ли ей мистер Поудмор или она угадала сама по имени. О нас тогда писали все газеты. Она начитала на магнитофон Шекспира или даже раздобыла записи самого сэра Бэзила. Я думаю, что бородатый мужчина тоже был с ними заодно, ведь они с сэром Бэзилом — в смысле мадам Эвсапией — вели разговор, скорее всего, спланированный заранее. Я думаю, она надеялась, что я расскажу о сеансе журналистам и сделаю ей рекламу. Но это не объясняет, откуда она узнала, что сэр Бэзил убит молнией.

— Это и меня удивляет.

— И ты нашел ответ?

— Я думаю, это совпадение. Она выбрала отрывки с бурей, потому что они наиболее драматичны. И попала в точку. Произошло маловероятное совпадение. Или...

Мы глядели друг на друга. Под маской глаза Чарльза казались особенно блестящими.

— Или?... — повторила я.

— Или у нее действительно есть какой-то дар, а хитрости она использует, чтобы придать таинственности свои сеансам.

— Мне бы хотелось, чтобы это было так.

— Не говори никому, но мне — тоже. Я иногда так устаю от фактов.

— У меня будет превосходный зять!

— О, роза мая! Добрая моя сестренка, — рассмеялся Чарлз. — Офелия почему-то все цитаты из Шекспира относит к «Гамлету». В данном случае она оказалась бы права. Чему ты улыбаешься?

— О, нет, ничего...

— Привет, дочь! К счастью, я узнал тебя, прежде чем прошел мимо.

— Здравствуй, пап. — Репортеры у ворот защелкали камерами при появлении папы в средневековых доспехах. — Неужели тебе в этом удобно?

— Я носил это в роли Генриха Пятого и очень надеялся, что мне еще представится возможность их надеть. Мне особенно нравится шлем. А забрало заменяет маску. На самом деле они алюминиевые, поэтому очень легкие.

— У Ко... Флер такое замечательное платье.

— Скажи это ей, пожалуйста. Она очень переживает. Думает, что ты не любишь ее.

Я поблагодарила маску за то, что она скрывает выражение моего лица. И изобразила улыбку.

— Скажу при первой же возможности. Ты не видел Корделию? Она только что была здесь.

— А это не она там, с мужчиной со слоновьей головой? Какая же она хорошенькая! На самом деле все мои дети на редкость красивы. Я всегда считал тебя гадким утенком, но и ты в конце концов превратилась в настоящего лебедя.

Я обернулась и увидела Корделию, удаляющуюся в сторону плохо освещенного пустыря.

— Пойду-ка я лучше за ней.

— Не переживай, дорогая. Что может с ней случиться?

— Я просто хочу, чтобы ее первый любовный опыт стал чудесным и запоминающимся, а не неприятным механическим совокуплением. К тому же она еще слишком юная.

— Конечно, она ребенок.

— Ей двенадцать лет, она прекрасно осведомлена во многих вопросах, и мужчины к ней так и липнут.

— Ну, тогда беги.

Путаясь в кустарнике, я отправилась за Корделией, но вместо нее наткнулась на странную парочку, которая безуспешно сражалась с застегками, лентами и корсетами своих костюмов, изнывая от вожделения. Я поспешила обратно к каналу, берега которого были заполнены гостями. Множество окружающих меня масок сбивало с толку. Глаза сквозь прорези обычно смотрели безразлично, но при желании можно было заподозрить в них насмешку или даже злобу. К счастью, все непринужденно болтали, и музыка была жизнерадостной, но мне все равно было не по себе.

По просьбе Арчи плотник сделал узкий мостик через канал, увитый зеленью и увешанный мерцающими фонариками. Переходя через него, я столкнулась с женщиной в красной кардинальской сутане и широкополой шляпе.

— Одну минуточку, *mam'zelle*, — произнес он с заметным французским акцентом. — Мое расписание зацепилось за вашу *coiffure*. — Мостик слегка прогнулся под нашей тяжестью. — Я думаю, нам лучше сойти на берег, чтобы расцепиться. — На твердой почве это не заняло много времени. — Тысяча извинений, я не хотел испортить вам прическу. Надеюсь, вы простите меня и потанцуете со мной?

Он был в красной маске, закрывающей лицо полностью, но голос казался дружелюбным.

— Я была бы рада, но сначала должна найти мою маленькую сестренку. Я недавно видела ее со «слоном».

— Они там. — Кардинал показал на группу людей на той стороне канала. С большим облегчением я увидела среди них Корделию и «слона», беседующих с Рупертом. — Вы хотите вернуться туда?

— О, нет. Я просто хотела... Ладно, не важно. — Оркестр заиграл «За голубым горизонтом». Я уже выпила пару бокалов шампанского и неожиданно почувствовала себя легко и свободно. — Давайте потанцуем.

Кружиться в танце под звездами было удивительно. Воздух был напоен ароматами благовоний, смешанных с запаха-

ми листвы и земли, а несмолкающий гул веселых голосов поднимал мне настроение.

— Вы прекрасно танцуете. Позвольте узнать ваше имя?

— Простите... — услышала я знакомый голос. — Если вы не против, следующий танец — мой. — Между нами просунулся слоновий хобот. — Привет, Хэрриет. Ты рада меня видеть?

— Джонно!

— Он самый.

— О, как здорово! А где Порция? Я думала, ты должен быть сейчас в университете.

Джонно провалил экзамены за второй курс, поскольку предпочитал находиться в постели с Порцией, а не в библиотеке.

— Порция там. — Он показал на стройную кошечку, которая, изящно перекинув хвост через руку, разговаривала с папой. — Я был в университете, но мы решили сегодня повеселиться и сбежали. Такая великолепная вечеринка!

— Это все Арчи придумал. Мы с Корделией только выполняли его указания. Правда, здорово? Мне будет так жаль... Ты знаешь, что мы переезжаем в Манчестер?

— Да, я очень рад. Ты — моя вторая любимая женщина. Ты так очаровательна, что, если бы не этот хобот, я бы обязательно тебя поцеловал. Но ты ужасно ошиблась с квартирой. Это очень плохой район, совершенно для вас неподходящий.

— Я объяснила, что заставило меня выбрать его.

— Хэт, дорогая! — Рыжая кошечка заключила меня в объятия. Было странно целоваться с пластиковой маской с торчащими, как прутья у метлы, усами. — Как здорово! Я уже напилась. Пойдемте, узнаем нашу судьбу.

— Идите первыми, — сказал Джонно. — Мне еще нужно кое-что сделать.

Внутри шатра прорицательницы было темно, тускло светился только хрустальный шар, вокруг которого носились обезумевшие ночные бабочки.

— Входите, юная леди. — Мадам Ксантэ была хрупкой и маленькой, а ее подбородок — всего на несколько дюймов выше крышки стола. Вокруг ее шеи обвилась целая лисья шку-

ра, держащая свой хвост в зубах — модернизированная версия моего ожерелья. Ее пуговичные глазки злобно смотрели на меня. — Садитесь, милая.

Утонувшие в морщинах глаза мадам Ксантэ внимательно изучали мое лицо. Она несколько раз провела руками над кристаллом.

— О! Удача в книгах! Никогда не видела ничего подобного... Ты очень необычная юная леди. — Я чувствовала себя польщенной. — Ты получила дар. Скажи мне, милая девушка, был ли у тебя некий странный опыт? Что-нибудь паранормальное, я имею в виду?

— Ну, знаете, и да, и нет. Сложно определить точно. Я хочу сказать, много странного происходит в жизни...

— Да, я вижу, у тебя было много испытаний и горестей. Тот, кто был для тебя всем, не вернется. Ты знаешь, кто это?

Я покачала головой.

— Это странно. Я ясно вижу. Старший мужчина. Возможно, родственник. — Я вежливо улыбнулась. — Но ты удачливая девушка! Я вижу совершенно ясно, что ты на пути к осуществлению своей мечты. Высокий, темный, красивый мужчина не устоит перед тобой.

— Правда? — Я понимала, что это глупость, но сердце все равно забилося сильнее.

Она показала на шар.

— Вот он! О, он такой умный, ему сопутствует успех. Вы будете жить вместе до глубокой старости, и у вас будет двое детей. Мальчик и девочка. — Она нахмурилась и вгляделась в шар. — И свинья.

— У меня будет свинья? — поразила я.

— Нет, милая... — слегка недовольно проговорила мадам Ксантэ. — Я вижу большое животное... Может быть, это осел... или большая собака.

— У меня уже есть сенбернар.

— А-а... Значит, это он и есть.

— Это все, что вы видите?

— Да, милая, это все. — Она еще раз вгляделась в шар. — Хорошее здоровье, и только мелкие жизненные неприятности. Будь осторожна с автомобилями. У вас будет красивый дом в

деревне, и мистер Икс — твой муженек — будет растить там картошку. Или это георгины?

— Но что буду делать я?

— Я не могу этого разглядеть, милая. Ты будешь заниматься детьми.

— Но я мечтаю стать писателем.

— Я не могу сказать. Боюсь, видение исчезает. Оно и так было не слишком ясным.

Я ждала снаружи, пока предсказывали судьбу Порции. Действительно ли я обладаю каким-то духовным даром? Я не могла представить жизнь с человеком, разводящим сортовые георгины. Но мадам Ксантэ видела Дирка в хрустальном шаре. Я была слегка расстроена тем, что она не обнаружила меня в кабинете с надписью «РЕДАКТОР» на двери. Но что же это за мужчина?

Из шатра вышла Порция.

— Ну? Что она сказала?

— Обычную чушь. Что-то о том, что я потеряла старшего мужчину, который был для меня всем. Я не представляю, кто бы это мог быть. Если только не папа. Она сказала, что у меня было много испытаний и несчастий. Ну, это можно сказать о каждом. И что меня соблазнит высокий темный красивый чужак. Я надеюсь, что это неправда. Джонно будет в гневе. А что она сказала тебе?

— То же самое. — Я была разочарована. — Где Корделия?

— Она танцевала с палачом. Посмотри, это не она заходит в шатер с напитками?

В шатре мы нашли Арчи, окруженного восторженной толпой.

— Хэрриет, заходи и позволь этим прекрасным людям полюбоваться тобой. А что это за лишайная кошка с тобой?

— Привет, Арчи. Я — Порция. Это единственный костюм, который мне удалось найти в последний момент. Я предпочитаю думать о себе как о кошке с богатым прошлым. Ты великолепен.

Арчи присобрал складки своих серебряных парчовых шаровар, расшитых на талии и коленях золотыми лентами.

— Я показал миссис Уэпшотт копию с портрета Людо-

вика Четырнадцатого. Это мой любимый монарх. Не очень-то удобная одежда, но королевское прошлое делает ее respectable.

Маска на нем была тоже серебряной, с единственной нарисованной алым слезой.

Арчи помахал унизированной перстнями рукой:

— Как это романтично — не знать точно, кто есть кто. Можно представить, что все они — прекрасные, умнейшие, чувственнейшие люди. Я боюсь утреннего разочарования. — Он наклонился к моему уху: — Я могу с чистой совестью сказать, *un succes foud*.

— Еда выглядит так великолепно, что ее даже жалко пробовать. — Порция повела «лапой» в сторону столов. Пламя свечей отбрасывало золотые отблески на ледяные скульптуры. Здесь были огромная водяная лилия, китайская пагода и дракон с длиннющим хвостом. Они достались нам по дешевке, так как молодой финский художник, делающий их, не устоял перед чарами Арчи.

— Ты знаешь, я чувствую себя снова двадцатилетним, — довольно вздохнул Арчи.

Я внимательно разглядывала толпу:

— Что-то не видно Корделии.

— Какая же ты беспокойная, Хэрриет. — Арчи уцепил меня за щеку. — Она только что направилась к гадалке вместе с кардиналом. Я не думаю, что он попытается соблазнить ее в присутствии этой сивиллы из Кенсал Грин. Тебе нужно поесть, чтобы уморить этого червячка внутри себя.

Он был прав. Я чересчур дергаюсь. Я положила себе на тарелку несколько артишоков, но, едва собралась открыть соусницу, мимо меня протянулась сухонькая ручка и заграбастала поднос. Я обернулась и увидела мадам Ксантэ. Я оставила тарелку и бросилась к ней в шатер. Корделия и кардинал сидели за столом и увлеченно резались в карты Таро.

— А, вот и твоя большая сестра пришла. — Кардинал раскинул руки. — Никаких трюков! С малышкой все в порядке.

— А могло бы и не быть, — сказала Корделия. — Этот болван в костюме палача распускал руки. Вот вам! — Она триумфально шлепнула по столу картой Повешенного.

— Я увидел это и пригрозил ему его же собственным топором.

— Простите, что прерываю вашу игру, но уже почти час, а ты обещала, что будешь в постели в двенадцать.

— О, Хэрриет, пожалуйста! Мне так весело.

Кардинал погрозил Корделии пальцем:

— Я налагаю на тебя епитимью. Ты станцуешь со мной один танец, а потом отправишься спать. Мамзель Хэрриет, я обещаю вам, что буду охранять ее.

— Вы очень добры. Хорошо, пусть будет так.

Вечеринка продолжалась. Я видела танцующих вместе папу и Кошачью Лапку, крепко обнимающую его закованную в броню шею. Порция и Джонно кружились по танцплощадке, его хобот развевался, а ее хвост был обернут вокруг талии. Офелия и Чарлз медленно двигались среди танцующих, пристально глядя друг другу в глаза. Руперт — единственное живое, человеческое лицо — вяло прогуливался под руку с пышной высокой блондинкой в платье с глубоким декольте.

У меня вдруг опять возникло ощущение абсурдности происходящего, будто за веселым фасадом скрывалось что-то зловещее. Стало почти страшно. Казалось, что ожерелье душист меня. Раздался взрыв смеха, когда палач, явно напившийся, поскользнулся на берегу и свалился в канал. Когда он вылез обратно, улыбаясь, несмотря на свисающие с ушей водоросли, и снял маску, я увидела, что это Хьюго Данз.

Я огляделась. Корделии нигде не было видно. Я направилась, раздвигая толпу, к дому. Внутри было тихо. Казалось, что здесь нет никого, но, вопреки обыкновению, дверь в кабинет Руперта была открыта. Я вошла. В комнате было темно, но света, проникающего с улицы, было достаточно, чтобы я разглядела кардинальскую сутану и шляпу, небрежно брошенные на стул у окна.

Проклятый ублюдок! Как я могла ему поверить?! Это ж надо, быть такой душой! Я была вне себя от гнева. Тут я услышала, как дверь за моей спиной тихо затворилась, а в замке повернулся ключ. Я стремительно обернулась. Несмотря на потемки, я узнала этого человека.

— Макс!..

— Привет, Хэрриет.

— Что ты здесь делаешь? Я думала, ты в Южной Америке.

— Есть такая вещь как самолет.

— Корделия...

— Чистит зубы, я полагаю. Не нужно беспокоиться. Маленькие девочки меня совершенно не интересуют.

Я продолжала в замешательстве тарашиться на него:

— Но как ты тут оказался?

— Некоторые из компании Губерта Хэта получили приглашения. Мне показалось, что вечеринка должна быть удачной. Я хотел бы, чтобы ты сняла наконец маску. Хочу рассмотреть тебя.

Я совершенно забыла, какой приятный голос у Макса. Его слова звучали убедительно. Я покорно распустила завязки.

— Вот так лучше. Подойди сюда.

Он подошел к окну. Я последовала за ним, но встала так, чтобы письменный стол Руперта оказался между нами. Макс улыбнулся.

— Ну-ну... Значит, ты не рада меня видеть. Скажи, почему ты не отвечала на мои письма? Я думал, когда мы прощались с тобой в Пай-Плейс... Ты была полна... страсти.

— Была. — Я медленно приходила в себя. — Но тогда я не знала о Джорджии.

— О Джорджии?

— Тебе хватило чувств на нас обоих, я полагаю.

— А!.. — Макс нахмурился и уставился в карандашницу на столе. Сейчас, когда мои глаза привыкли к освещению, я заметила, какого чудесного цвета у него волосы — словно березовые листья зимой. — Допустим, я скажу тебе, что это неправда.

— Я тебе не поверю.

— Ты всегда осуждаешь людей, не выслушав?

— Я не хочу больше ничего слышать об этом.

— Кто меня очернил?

— Арчи рассказал мне.

Макс рассмеялся:

— Значит, ты веришь этому сексуально озабоченному гермафродиту больше, чем мне. Подобным людям такие грязные слухи необходимы, как вода и пища.

— Арчи — один из моих лучших друзей. И я ему верю. Да и Джорджия подтвердила это.

— Она подтвердила? — Макс перестал улыбаться. — Хорошо, Хэрриет. Это правда. Не уходи! — Я развернулась, вдруг пожалев, что вообще стала с ним разговаривать. Но Макс через стол схватил меня за руку. — Подожди хотя бы минуту. Дай мне сказать. Пожалуйста. Я был так несчастен оттого, что ты не писала мне. Я пролетел тысячи миль только ради того, чтобы увидеть тебя. И ты не дашь мне даже шанса объясниться?

Я забыла, каким притягательным было его лицо.

— Отпусти меня. Я должна посмотреть, что там с Дирком.

Я закрыла его в кухне с полной миской костей, но сейчас, видимо почувствовав мое присутствие в доме, он начал лаять и скрестись в дверь.

— Только минуту! Я понимаю, почему ты сердишься. Это было просто глупостью с моей стороны — переспать с Джорджией. Тем более что я не слишком этого и хотел. Но мужчине трудно сказать «нет», когда женщина сама себя предлагает. В нашем обществе считается нормальным рассматривать всех привлекательных женщин как потенциальных сексуальных партнеров. И большинство женщин против этого не возражают. Но в последнюю ночь, когда она явилась ко мне, я сказал ей «нет». Я понял, что ты для меня важнее всего. Я смирился с перспективой печальной одинокой ночи, но тут так неожиданно появилась ты... — Он снова улыбнулся. — И я был вознагражден.

Он погладил меня по руке. Я вспомнила, как он утешал меня, когда папа был в тюрьме. Как добр он был к Корделии. Я понимала, что его объяснения вполне логичны, и я верила им.

— Давай по-честному, Хэрриет. Наверняка ты не знаешь ни одного мужчины, который поступил бы иначе.

Я призналась себе, что это действительно так. И Брон, и папа вряд ли в такой ситуации раздумывали бы долго. Я подумала о Руперте. Он определенно отдавал предпочтение корот-

ким, случайным и безличным отношениям с женщинами. Выходило, что Макс прав со всех сторон.

Но если только представить — хотя бы на мгновение, — что моя фантазия, мое предположение, которое обрело форму несколько недель назад и внесло такую сумятицу в мою голову, окажется правдой? Я могла простить Максу связь с Джорджией. Если бы дело было только в этом, мы могли бы остаться друзьями, потому что заниматься с ним любовью я точно больше не хотела. Руперт был прав, когда говорил, что я живу в мире фантазий. А Макс здесь, со мной, такой очаровательный, со своей притягательной улыбкой, голосом — в общем, я окончательно запуталась.

Макс обошел стол.

— Неужели ты не можешь понять, что я такой же, как все, — слабый, суетный, может быть, лживый. Но я безумно люблю тебя. Любимая, я так скучал по тебе. Когда я увидел на тебе это ожерелье, то я поверил, что ты хоть немного думаешь обо мне. — Он наклонился и прикоснулся губами к моему лбу. — Чертову платью. Как будто пытаешься обнять буфет.

Он притянул меня ближе, и кринолин под моей юбкой нелепо задрался сзади. При других обстоятельствах абсурдность ситуации могла бы заставить меня рассмеяться, но сейчас я была не в том настроении.

— Даже думать о ком-то другом — несусветная глупость. Я с ума схожу от тебя. Неужели ты не понимаешь, как счастливы мы могли бы быть, если бы ты выбросила из головы эту дурацкую историю с Джорджией.

— Возможно, — сказала я, отстраняясь, чтобы понять выражение его глаз. — Но проблема в том, что я не могу избавиться от навязчивой мысли: ты такой красивый, очаровательный мужчина и, очевидно, очень талантливый актер — ты еще... — я набрала побольше воздуха в легкие, — ...по всей видимости, убийца.

Макс замер, перестав, кажется, даже дышать.

— Это шутка? — Он рассмеялся, мгновенно взяв себя в руки. — Дорогая, ты никогда не была склонна к глупым шуткам.

Он попытался поцеловать меня, но я отвернулась.

— Я не шучу. Это ты — не так ли? — зажег прожектор над сценой, чтобы отметить место, где должен встать человек, чтобы его можно было убить молнией. Ты был на той репетиции, когда она случайно упала вниз, и придумал великолепный способ убийства. Конечно, ты не хотел убивать сэра Бэзила. Каролина хотела развестись с тобой, потому что влюбилась в моего отца. Тебе наплевать было на Каролину, но ты не хотел терять ее деньги. Самое смешное — если бы только это не принесло горя стольким людям, — что отец вообще не собирался жениться на Каролине. Она даже не особо ему нравилась, просто он боялся признаться ей в этом. Поэтому все твои ухищрения — в том числе и притворная любовь ко мне — были напрасны. А я была такой дурой, что поверила, будто это взаправду!

Я попыталась освободиться из его рук, но он держал меня крепко.

— Ты бредишь, моя дорогая. Ты слишком много выпила, и тебе необходим кто-то, кто может о тебе позаботиться. И я собираюсь начать с того, о чем мечтал все это время. Я хочу тебя.

Я была готова ударить его, но этому мешало несколько метров расшитой парчи и кринолин. Макс обхватил меня обеими руками за шею. Ожерелье врезалось мне в горло. Я не могла вдохнуть. Почувствовала страшное давление в ушах — лай Дирка и звуки музыки стали едва слышны. Я попыталась одной рукой схватить его за волосы и одновременно ударить другой, но ослабела из-за нехватки воздуха. Его язык был у меня во рту, и я не могла даже закричать. Комната закружилась. Какая же я дура, успела подумать я, пока в глазах не потемнело. Я слишком молода, чтобы умирать, и в мире еще так много всего, о чем я уже никогда не узнаю, и кто же будет присматривать за Корделией, Дирком, Марком-Анто... Внезапно Макс отпустил меня. Я услышала грохот падающей мебели и звон бьющегося фарфора.

...Я судорожно вдохнула. Через короткое время ко мне вернулось зрение, и я увидела, что Макс растянулся на полу среди осколков севрского сервиза и ножек столика XVIII века. Я схватилась одной рукой за шею, а второй — за голову.

— Ты как раз... вовремя, — хотела сказать я, но из моего горла вырвался только хрип.

— Ты подаешь чудный пример своей сестре, — сказал Руперт. — Оу-у! — Он схватился левой рукой за кисть правой. — Никогда больше не буду бить людей столами. В следующий раз, когда ты решишь поразвлекаться с мужчиной в запертой комнате, прошу тебя, подумай заранее, действительно ли тебе этого хочется. Тебе повезло, что у меня был запасной ключ.

— Я не знала... что это был Макс... Я хотела найти Корделию... — попыталась произнести я, но моя глотка словно горела огнем.

— Он сделал тебе больно?

— Он хотел... убить меня, — прохрипела я.

— Говори громче. Я не понимаю ни слова. — В голосе Руперта слышалось легкое недовольство. Я действительно ничего не могла выговорить внятно. — Тебе действительно плохо?

Он обнял меня за плечи. Я прижалась головой к его груди и заплакала бы, если б мне хватило дыхания.

— Ну же, Хэрриет. Ты в безопасности. Вряд ли он попытается тебя изнасиловать в моем присутствии. Кажется, я довольно сильно его ударил.

— Не... изнасиловать! — Я опять начала задыхаться.

— Ты хочешь сказать, что сама его хотела? Господи! Никогда не научусь понимать вас, женщин!

— Никто не видел Пинкки? — В дверях появился Арчи. — Я просил его подождать меня в саду, но... Ого! Наконец-то это случилось... Так, а что здесь делает Фрэншем? — Арчи подошел и остановился над лежащим Максом. — Надеюсь, он не мертв?

Руперт немного отодвинул меня и склонился над неподвижным телом Макса.

— Я тоже надеюсь. Принеси воды. Я расстегну ему воротник.

Мысль о том, что из-за меня Руперт может провести остаток своей жизни в Уинтон Шрабс, побудила меня к активным действиям. Я взяла вазу с душистым горошком и выплеснула воду — вместе с цветами — прямо на белое бесчувственное

лицо Макса. Так как я не заметила эффекта, за цветами последовало содержимое чайника — к счастью, холодного — и чернильницы.

— Хватит. Ты устроила жуткий беспорядок. Похоже, он приходит в себя.

— Что... О Господи! Хэрриет! Проклятье! Похоже, у меня сломана челюсть. — Макс открыл глаза и схватился за подбородок. — Что произошло?

— Я тебя ударил, — сказал Руперт. — Я ошибочно принял страсть за сопротивление. Прости. Ты можешь открыть и закрыть рот?

Макс попробовал проделать это и сморщился от боли.

— Я думаю, все в порядке. Что это? — Он поднял со своей груди цветок и удивленно посмотрел на него. — Я весь мокрый. Черт возьми! Это кровь!

— Это красные чернила. Хэрриет увлеклась. — Руперта, кажется, начало забавлять происходящее.

Макс с его помощью поднялся и, достав из кармана платок, чтобы вытереть лицо, взглянул в зеркало. Вид у него и впрямь был шокирующий. Мало того что волосы слиплись и торчали во все стороны, а одежда была в остатках цветов и чайных листьев, но вся правая половина лица была залита ярко-красными чернилами. Он застонал.

— Конечно, чернила стойкие?

Я изучила бутылочку.

— Боюсь, что да.

Макс взглянул на Руперта, а потом на меня. Я поняла, что он гадает, что я успела ему сказать.

— Хэрриет... Послушай, я действительно потерял голову. — Он безрадостно усмехнулся. — Ты не представляешь, какой властью обладает красивая женщина. Ты не должна позволять мужчинам заходить так далеко.

Я молчала. Мои мысли метались, и я была не в состоянии сосредоточиться.

Макс улыбнулся Руперту, будто говоря «мы-то, мужчины, все понимаем».

— Да, из-за меня вышел жуткий погром. Дайте нам с Хэрриет поговорить наедине, ладно?

Руперт посмотрел на меня. Я замотала головой.

— Не обращай на меня внимания. — Руперт сложил руки на груди и прислонился к столу.

— Я никому не скажу ни слова, — проговорил Арчи. — Разве что совсем чуть-чуть, самым верным друзьям.

Макс закусил губу:

— Хэрриет, пойдем отсюда. У тебя слишком много гувернанток.

— Уходи. — Ко мне наконец вернулся голос. — Искренне надеюсь больше никогда не видеть тебя.

Макс шагнул ко мне, но я придвинулась ближе к Руперту и схватила его за руку. Он ободряюще сжал мои пальцы.

— Значит, вот оно как. — Макс зловеще улыбнулся. — Мне давно следовало догадаться. — Он еще раз попытался засмеяться. — Ты в мое отсутствие устроилась с большим комфортом. Понимаю, режиссер всемирно известной оперы — более привлекательный вариант, чем скромный актер. Но я бы на твоем месте поостерегся. Он не из тех, кто женится.

Руперт крепче сжал мою руку, что я восприняла как знак молчать.

Арчи распахнул дверь:

— Макс, дорогуша, пора домой. Я бы на твоем месте приложил к челюсти пакет замороженного гороха. Ты становишься похож на Дэна Отчаянного.

Макс задержался на пороге. Он выглядел бледным и больным, и, вопреки всему, мне стало жаль его.

— Желаю удачи, Хэрриет. Тебе без нее не обойтись.

Через несколько минут входная дверь хлопнула.

— Никогда не мог понять, почему люди не умеют тихо закрывать двери, — вздохнул Руперт. — Это так вредно для замков.

— Это был Макс, да? — В комнату вбежала Корделия. — Мог бы и подождать. Можно, я догоню его?

— Он торопится на самолет, — сказал Руперт. — К тому же ты раздета.

Корделия была в пижаме.

— Ну и что, — запротестовала она. — Там полно таких. Вон мужчина без штанов пытается заняться любовью со статуей.

— Это мой Пинкки! — вскричал Арчи, выбегая прочь.

Я почти пришла в себя.

— Дорогая, сейчас же отправляйся в постель, — велела я Корделии. — И не смотри больше в окна. Руперт, ты не мог бы сказать что-нибудь Арчи? Может, им лучше зайти в дом?

— Благодарю покорно, на сегодня мой лимит рыцарских поступков исчерпан. Руку дергает просто ужасно. Иди и задерни занавески, если тебе так больше нравится. Нет, подожди. Я хочу с тобой поговорить. Спокойной ночи, Корделия, — вежливо добавил он, заметив, что она собирается подслушивать. — Так скажи мне, — продолжал он, когда мы наконец остались одни, — что все-таки произошло у вас с Максом? Я чего-то не понял?

— Все было хуже, чем ты подумал.

Когда я рассказала Руперту, что Макс, кажется, хотел убить меня, он с хохотом уселся на стол.

— Ты напился... — Меня обидело, что он так развеселился, когда я была на волосок от гибели.

— Верю. Вряд ли мне пришло бы в голову ударить человека столом, будь я трезвый. Я даже не смог бы себе такого вообразить. Припиши это и вдохновению, которое я испытываю из-за того, что премьера прошла. И удалась. И... Ладно, мне все равно, что ты думаешь. Так о чем мы?

— Макс хотел убить меня.

— Хэрриет, не дури. — Руперт попытался унять веселье. — Мужчины не душат девушек из-за того, что те отказываются переспать с ними. По крайней мере не посреди вечеринки, когда им могут в любой момент помешать.

— Он запер дверь, — напомнила я. — А ты-то почему здесь оказался?

— Хотел взять сигару. И кое-что записать. Меня неожиданно осенило: что-то не так со светом в последнем акте.

— Ну, можно считать, что мне повезло. Все были уверены, что Макс в Рио-де-Жанейро. Он бы спрятал мое тело за стол, надел свой костюм, запер дверь и спокойно удалился. Труп не должны были обнаружить до утра. К этому времени он бы уже летел в самолете над океаном. Никому бы и в голову не пришло связать его с убийством. Никаких мотивов. Он бы был в безопасности.

— У тебя навязчивая идея. Тебе всюду мерещатся убийства. Почему вообще Макс потребовалось тебя убивать? Я тоже порой бываю несдержан, но мне же не приходит в голову тебя душить.

— Я хочу, чтобы ты отнесся к этому серьезно. Он хотел убить меня, потому что я обвинила его в покушении на жизнь моего отца. — Я объяснила Руперту свою догадку. — Эта мысль пришла мне в голову, когда я встретила Каролину Фрэншем. Она рассказала мне, что безумно влюблена в папу. Чарлз все время говорил о мотивах. Понимаешь? Макс боялся потерять деньги. Мне, конечно, сложно это понять. Он вроде бы всегда боготворил папу. И надеялся, что я буду рассказывать ему обо всех действиях полиции, что я и делала исправно, потому что у него было железное алиби. Конечно, у меня нет доказательств. Но как ты считаешь, может, стоит рассказать все Чарлзу и не дать Макс улететь?

Руперт взял со стола дырокол и начал машинально продырявливать по краю подвернувшийся под руку лист бумаги. Маленькие бумажные кружочки летели вниз и опускались в лужу воды и чернил на полу.

— Нет, — наконец сказал он. — В первую очередь потому, что, как ты сказала, у нас нет ни малейших доказательств.

— Но когда я сказала это, то смотрела ему в глаза, и я знаю, я уверена, что это правда.

— Интуиция не может служить доказательством. Но если это правда, представь, что будет с Вальдо. Он — главный свидетель, одновременно предполагаемая жертва и любовник Каролины. Его опять возьмут в оборот. Вопросы, очные ставки, полицейские участки, законники... Мне кажется, он не способен вновь вынести все это.

— Я не подумала об этом. А вдруг Макс окончательно спятил и попытается убить кого-нибудь еще?

— Раскрывается всего одно убийство из десяти. Ой! — Руперт попал дыроколом по пальцу. — В мире полно убийц, о существовании которых мы даже не догадываемся. И нет уверенности, что Макс — один из них. И потом, — добавил он, видя, что я собираюсь возразить, — я не хочу быть мстителем

и отдавать преступников в руки правосудия. Конечно, я понимаю, что твои чувства задеты...

— Потому что он хотел убить моего отца! Мне плевать на Макса как такового.

— Правда? Но ты производила впечатление очень увлеченной.

— Нет! Я полагаю, меня тянуло к нему, потому что я думала, будто нравлюсь ему.

— Так оно и есть. Иначе зачем бы он прилетел? Гораздо безопаснее было бы остаться в Рио. Он прилетел из-за тебя.

— Но он хотел меня убить. По крайней мере, я так думаю. Вдруг эта идея показалась мне самой нелепой.

— Мужчины иногда убивают тех, кого любят. Как поклоннице «Отелло» тебе это должно быть известно.

Я подергала ожерелье:

— Пожалуйста, сними его с меня.

Руперт включил настольную лампу.

— Какой оригинальный механизм. И какое тяжелое! Неудивительно, что ты подумала... — Руперт внимательно осмотрел мою шею и легонько дотронулся до нее. Я пискнула. — Прости. Больно? Похоже, тут появятся несколько синяков.

Он продолжал, нахмурившись, разглядывать мою шею. Мне нравились его прямые брови, похожие на два мазка кисти черной краской.

— Хэрриет! А я-то думал, ты преувеличиваешь! Но это действительно... Хэрриет! — Он вновь и серьезно посмотрел на меня. — Ты чудовищно рисковала, войдя сюда с ним! А что, если бы мне не захотелось покурить? А если бы у меня не оказалось второго ключа? Если ты знала, предполагала, по крайней мере, что он опасен, то было попросту безрассудно...

— Конечно, я не собиралась оставаться с ним наедине в запертой комнате. Я и представить себе не могла, что кардинал окажется Максом. Я волновалась за Корделию.

— Не уезжай в Манчестер, — произнес Руперт не своим голосом. — Я согласен с Максом — ты не осознаешь, насколько притягательна для мужчин. — Он вздохнул. —

Твое упорное нежелание признавать собственную красоту делает тебя очень уязвимой. Послушай, если дело только в деньгах, ты можешь найти лучшую работу в Лондоне и вносить большую долю в расходы. Хотя, видит Бог, это совершенно не важно. — Увидев, что я не хочу это обсуждать, он почти закричал: — Что заставляет тебя бежать отсюда? Что, кроме гордыни?

Гордыня! О чем он говорит? Я была готова кинуться ему на шею и никогда больше не отпускать.

— Так что же? — продолжал допытываться он. — Я знаю, что между вами с Арчи существует самая нежная дружба, да и Корделия уже пристроена. Но ведь мы с тобой тоже всегда были друзьями. С самого детства. Помнишь, как ты прибегала ко мне с разбитой коленкой, а я грозился, что отрежу тебе ногу?

Еще бы я не помнила! Каждое воспоминание, связанное с Рупертом, было вписано огненными буквами в скрижали моего детства.

— Я рисовал пунктирную линию на твоей ноге и доставал перочинный ножик. А ты тут же прекращала плакать и начинала смеяться. Я любил всю вашу семью, но тебя — особенно. Ты была самая понятная из них, но при этом в тебе было больше ума и чувства, чем в них всех, вместе взятых. А сейчас ты стала самой красивой в семье.

— Не издевайся. Это неправда.

Руперт вздохнул:

— Как же тебя убедить? Кларисса — красивая женщина, и остальные девочки похожи на нее, но их красота, если можно так выразиться, общепринятая. А ты обладаешь куда большей притягательностью — полагаю, не только для меня, но и для многих других. Послушай, — продолжал он, — наверное, я не очень приятный тип. Но неужели мои недостатки настолько отвратительны? Что же я сделал такого, что ты хочешь покинуть мой дом? Я не хочу, чтобы ты сделалась несчастной. Мне нравится твое присутствие здесь. Когда ты сказала, что собираешься уезжать, я чуть было не устроил сцену. — Он усмехнулся. — Но уже тогда я был уверен... Я хотел... сказать тебе... — Внезапно его

взгляд опять стал жестким. — Я совершенно не умею о таком говорить. Наверное, поэтому и люблю театр — там я могу выражать свои эмоции, не изменяя себе. Но, — он достал сигару из ящичка, повертел ее в пальцах и положил обратно, — до этого момента у меня не было случая по-настоящему испытать себя. Были одни женщины, с которыми мне хотелось переспать, потому что они были красивы, и другие, с которыми мне хотелось поговорить, потому что они были умны. Я отчаялся найти гармоничное соединение этих качеств в одной. Но ведь любовь — это что-то другое. Ты... так бескорыстна, у тебя такое острое чувство вины, и ты невероятно искренна. Но и всего этого еще недостаточно. Наверное, один человек любит другого за красоту, которую тот приносит в его мир. Китс был прав: Красота и Истина. Они неразделимы. Кто-то сказал, что даже самая теплая дружба никогда не станет даже самой прохладной любовью. Ты согласна?

Я покачала головой. Я вынашивала свою любовь к Руперту с тех давних времен, когда еще могла свистеть в дырочку от выпавшего переднего зуба.

— Я надеюсь, что нет, — продолжал он, — потому что... Посмотри на меня. Мне очень нравится твоя макушка, но сейчас я хочу видеть твое лицо. — Он взял меня за подбородок. Я зажмурилась, но слишком поздно. По щеке скатилась предательская слеза. — Что случилось? Я сделал тебе больно?

Мужчина, которого я любила, был полным идиотом.

Я набралась смелости и открыла глаза. Моя любовь была так велика, так огромна, что на мгновение мне показалось, будто между нами ударила молния.

— Хэрри! — Он обнял меня и прижал к себе. — Любимая!..

Секундой позже раздался страшный удар грома. Это была гроза. Снаружи послышался визг и крики разбегающихся гостей, по стеклу забарабанил ливень.

Дверь отворилась.

— Пойдем сюда, — послышался голос Арчи. Я повернулась. — О, мы, кажется, не вовремя. — Он ретировался, уводя за собой своего спутника, но успел бросить через плечо: —

Желаю успеха. В таких условиях вы рискуете состариться, прежде чем доведете дело до конца.

Руперт рассмеялся и крепче обнял меня.

— Я не могу заснуть в грозу. — В кабинет вошла Корделия, прижимая к себе Марка-Антония. — Можно, я посижу... О, черт! Руперт! Почему ты обнимаешься с Хэрриет? — Она застонала. — Я этого не переживу! Вы будете такими же, как Офелия с Чарлзом! Сладкие улыбочки, глубокие вздохи и неспособность думать о чем-нибудь, кроме секса.

— Именно так, — подтвердил Руперт, отпуская меня. — По крайней мере, за себя я ручаюсь. — Он крепко взял Корделию за плечо и развернул к двери. — А сейчас, моя дорогая Корделия, я прошу тебя спуститься вниз и успокоить собаку. Мы поговорим с тобой завтра.

— Черт побери! Все-таки ты сдался!

— Да. А теперь будь хорошей девочкой и иди отсюда.

Корделия удалилась, уже явно раздумывая о том, какие выгоды ей удастся извлечь из создавшейся ситуации.

— А теперь... — Руперт осмотрел меня с интересом. — Очень замысловатая конструкция. Но если во времена Елизаветы с этим как-то справлялись, я думаю, и у меня получится.

Я вновь услышала звук поворачивающегося в замке ключа, но на этот раз мне уже не казалось, что меня обманом взяли в плен. Напротив, я всем сердцем желала честно отбыть свой срок.

Клейтон Виктория
ОБЛАКА СРЕДИ ЗВЕЗД
Роман

Редактор А. Печерская
Художественный редактор М. Кудрявцева
Технический редактор В. Нефедова
Корректор Т. Люборец
Компьютерная верстка С. Кунаева

Подписано в печать 21. 04. 2005.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 0505430.

«Мой Мир ГмбХ & Ко. КГ»,
Штайнерне Фурт 67, Д 86167 Аугсбург
Представительство в Москве:
105064, Москва, Фурманный пер., д. 10, стр. 1

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97

